

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

**Сборник научных статей по материалам
Первой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(20-22 сентября 2012 г.)**

**МОСКВА
2012**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН*

**УДК 8(045)
ББК 81**

Рецензенты:

доктор филол. наук, проф. В.З. Демьянков,
член-корр. РАН, доктор филол. наук, проф. А.В. Дыбо

Редколлегия:

к.ф.н. Е.М. Девяткина (отв. ред.), к.ф.н. Д.С. Ганенков,
к.ф.н. Д.В. Маховиков, к.ф.н. А.Б. Шлуинский

Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, 2012. – 380 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 20-22 сентября 2012 года в Институте языкознания РАН. Среди авторов – молодые ученые – представители российской и зарубежной лингвистики. Основные научные направления сборника: теоретическая лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, типология, психолингвистика, диалектология.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для ученых-лингвистов, а также преподавателей высших учебных заведений, студентов.

ISBN 978-5-91730-178-5

© Авторы, 2012
© Институт языкознания
Российской академии наук, 2012

Предисловие

20-22 сентября 2012 года в Институте языкознания РАН состоялась Первая международная конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».

Изначально конференция-школа задумывалась междисциплинарной. Основными направлениями работы являлись: теоретическая лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, описательная лингвистика, диалектология, типология, социолингвистика, психолингвистика.

Приятно отметить, что довольно обширной оказалась география участников конференции-школы. В ней приняли участие российские молодые ученые-лингвисты, представители институтов Российской академии наук и высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Челябинска, Уфы, Кемерово, Перми и других городов, а также молодые ученые из Минска, Праги. Помимо докладов молодых ученых на конференции-школе были прочитаны лекции лингвистами с мировым именем чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф. В.А. Виноградовым, чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф. А.В. Дыбо, д.ф.н. Анной А. Зализняк.

В настоящем сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Тематика статей охватывает различные аспекты лингвистики: от исследований, посвященных бимодальному билингвизму, до исследований, выделяющих иранские и кавказские черты в системе пространственных показателей осетинского языка. Работы, представленные в сборнике, основаны на материале различных языков мира: ведийский, санскрит, готский, древнегреческий, русский, эрзя-мордовский, осетинский, кабардинский, нанайский, болгарский, английский, французский, испанский, ирландский, кумаони, гбан, логба и др.

Мы благодарим всех участников за плодотворное сотрудничество и надеемся, что проведение междисциплинарных лингвистических конференций-школ молодых ученых станет доброй традицией.

Е.М. Девяткина

О.С. Аристархова
МПГУ, Москва

**Философский дневник как особый тип текста.
К проблеме назначения дневника**

В статье рассмотрены языковые особенности в дневниках русских философов на лексическом, грамматическом и текстовом уровне. Показана взаимосвязь между назначением, функцией дневника и его языковым выражением.

Ключевые слова: *дневниковый текст, русские философы*

The paper discusses linguistic features in the diaries of Russian philosophers on the lexical, grammatical, and textual levels. It demonstrates how the diary's purpose, function and its linguistic expression are related to each other.

Keywords: *the diary text, Russian philosophers*

Дневник, по мнению М.Ю. Михеева, это «документация своей идентичности, подтверждение непрерывности своего «я» [8, 16].

Русский философский дневник следует рассматривать как особый тип текста, который находится на стыке между дневниковым и собственно философским текстом. Язык философского дневника обладает особенностями, присущими как дневниковому тексту, так и набором типологических признаков, характерных для языка русских философских текстов.

Н.М. Азарова подчеркивает, что «язык философии можно понимать как отдельный (своеобразный) подязык, который обладает собственной нормой (нормой общефилософского национального языка), находящейся в постоянном динамическом взаимодействии с нормой общенационального литературного языка, ... и представляет собой сферу потенциальности для общенационального языка» [1, 211].

Философский дневник – эго-текст, который имеет жанровые признаки, характерные для дневникового текста: описание реальных фактов жизни; структура текста представляет собрание фрагментов, имеющих датировку, а описание делается с небольшого временного удаления от момента происходившего события, чаще всего в тот же день.

Языковое своеобразие русского философского дневника проявляется на всех уровнях: грамматическом, лексическом, уровне текста. Например, одним из главных вопросов грамматики философского дневника можно считать проблему функционирования личного местоимения я (структуры «я-текста»), которая реализуется иначе, чем в дневнике, написанном не философом.

Структуру «я-текста» в дневниках русских философов характеризует:

1. наличие я-конструкций, в которых выражен образ автора личным местоимением я в форме 1 л., ед.ч.

(1) *Освоил мир = внедрил в себя и обработал соображениями. И вот так чувствовать, что я – живу!* [4, 31]

(2) *Я не боюсь ни болезней, ни одиночества, ни горя.* [11, 31]

2. оперирование я как философским понятием. Проблема личного местоимения я как понятия является не только типологической чертой дневника философа, но и, прежде всего, грамматической особенностью философского текста. Грамматическими признаками я как понятия являются:

- несклоняемость

(3) *Погоня за анонимностью объекта есть поиск собственной анонимности, ее самообнаружение в искусственности любой системы, «я», языка, мира и т.д.* [5, 231]

(4) *Свобода от своих собственных несвободных, т.е. не исходящих от чистого внутреннего «я» побуждений – идеал прогресса морального.* [11, 61]

- сочетание со средним родом

(5) *Было мое «я», но теперь будет другое мое.* [6, 51]

(6) *Но если само «я» конституируется только в бегстве от мира, то кто же тот, кто от мира бежит?* [5, 118]

- использование дефисной модели «не-я»

(7) *Нет, это отделение, это объективирование себя – не-я, это только моя мысль.* [6, 233]

(8) *Фихте внес много верного в Канта: прежде всего, что всякое не-я рождается из я.* [11, 70]

3. совмещение я как понятия с реальным я говорящего. В совмещении понятия и реального я проявляется оппозиция несклоняемого я и склоняемого:

(9) *Я часто терял свое «я»*. [Там же, 33]

(10) *«Мое» есть всегда еще более чужое, нежели окружающее меня чужое*. [5, 218]

На формирование особенностей языка философского дневника, с одной стороны, влияет жанр дневникового текста, а, с другой стороны, типологические свойства русского философского текста – онтологичность и экзистенциальность. Например, экзистенциальность философского текста оказывает воздействие на ключевые признаки дневника философа: адресация текста и функционирование личного местоимения *я*.

Кроме того, философы рассматривают свой дневник не только как способ фиксации событий, связанных с частной жизнью, но и как возможность репрезентации философской мысли в ином тексте, поэтому в дневнике находят отражение размышления над различными терминами, проблемами философии, цитаты из других философских работ. Следовательно, можно говорить о различных причинах, которые послужили поводом для начала дневниковой деятельности.

Одной из причин, которая побуждает к началу ведения дневника, можно считать желание философа выговориться и возможность проведения внутреннего самоанализа. Эта черта характерна для любого дневникового текста, написанного как писателем, простым обывателем, так и философом. В дневнике философа эта причина маркируется глаголами ментальной сферы в форме 1 л., ед. ч. наст. вр. (*понимать, анализировать, регистрировать* (в знач. 'запоминать'), *познавать*); лексическими единицами, входящими в поле «психическая сфера человека», а также словосочетаниями *записывать мысли, фиксировать мысли*.

Приведем примеры из дневников:

(11) *В дневнике опознаешь себя, анализируешь свои поступки и чувства*. [7, 148]

(12) *В своем дневнике ... я ведь психологизирую, свожу все на субъективно-обусловленные процессы, чисто-психологические процессы*. [Там же, 129]

(13) *Ведь не для семинария же Щербины я пишу этот дневник. Если этот так, то вот именно 10 и 11 марта были отмечены особенно высоким повышением самонаблюдения*. [Там же, 108]

(14) *Ежедневно в этом дневнике вечером записывать те мысли, которые не излагаешь для печати сейчас почему-либо:*

так<им> обр<азом> будет отмечено, что успел сделать за день.
[11, 40]

Следует отметить, что по сравнению с другими дневниками философов наибольшая импликация личных переживаний характерна для текстов молодого А.Ф. Лосева и С.Л. Франка.

Личный дневник является способом отвлечения от основной работы, то есть выполняет «релаксационно-терапевтическую функцию ... для снятия эмоционального и нервного напряжения» [8, 16], а также ведется тогда, когда нечем заниматься. В дневниках философов маркируются как причины из-за которых не велся дневник некоторое время, так и причины, по которым ведется дневниковая деятельность. Если обозначить ведение дневника как «А», а отсутствие дневниковой деятельности как «В», то данная функция в дневниках философов представлена так: $\neg A \rightarrow B$ (если нет А, то есть В) $\vee A \rightarrow \neg B$ (если есть А, то нет В). В указанных конструкциях обязательно присутствует негативный компонент, который имплицирован семантически, либо грамматически с помощью частицы «не» при глаголе.

Приведем примеры:

1. модель $\neg A \rightarrow B$:

(15) *Вот уже более трех месяцев как заброшены мои дневниковые записи – верный признак того, что занята я каким-то объективным исследованием.* [10, 106]

2. модель $A \rightarrow \neg B$:

(16) *Потому-то и начал я этот дневник, что тяжелая тоска и лень не дает мне работать.* [11, 35]

Иногда философ ведет дневник с целью фиксации основных событий, происходящих в жизни, которые он хочет не забыть и через некоторое время вспомнить о них, прочитав в дневнике. Эта причина маркируется в тексте: конструкцией «фазисный глагол+inf с приставкой *пере-* в знач. ‘повторно, заново совершить действие, названное мотивирующим глаголом’», либо без фазисного глаголами, либо глаголами с семой ‘воздействие на объект’.

(17) *Я начал перечитывать все, что успел до сих пор написать сюда в дневник. И странное было какое-то ощущение:*

Как будто это было писано Бог знает когда, т.е. только воспоминания и только они одни. [7, 142]

(18) *Перечитал* свою запись от 19.03.86 – в частности, то место, где я пишу об отсутствии начала и о пребывании «я» и «мы» в этом отсутствии. [5, 69]

(19) *Переписываю и исправляю* последний предвоенный дневник. По этому поводу: во всем я вижу отдельные слои, состояния, части, их наложения, соединения. [6, 135]

Чаще всего дневник философа выполняет сразу несколько функций, и, прежде всего, совмещение в дневнике личных и профессиональных причин, послуживших поводом к началу дневниковой деятельности. Иногда данное назначение дневника указывается в тексте философом: «У меня большие планы: скорее бы закончить «Трактат о критерии», тогда перейду к «Принадлежностям» [название дневника, данное Я.С. Друскиным – О.А.]. Первый отдел: дневники-личное. Второй – дневники-мысли...» [Там же, 247].

Дневник используется философом как рабочая тетрадь, черновик для создания философского текста. В своих дневниках Г.Д. Гачев, А.Ф. Лосев, С.Г. Семенова, С.Л. Франк разрабатывают планы будущего философского текста. А.Ф. Лосев пишет наброски под следующими названиями: «Что такое философия?», «Жизнь в философии и философии в жизни», «Основные тезисы теории познания». С.Л. Франк в дневнике создает наброски к работе «Фридрих Ницше и этика «любви к дальнему».

С.Г. Семенова делает такую запись в дневнике:

(20) *Вчера переводила в компьютер рукописные дневники лета 1992 г. и зажглась былым своим проектом... написать книгу: «Три Вестника: Тейяр де Шарден, Шри Ауробиндо, Федоров – Запад, Восток, Россия». И вчера же на террасе часок занялась чтением собственных аналитических конспектов работ Тейяра.* [10, 95].

Кроме рабочей тетради, философский дневник для философов является совершенно особым способом философствования, не как дневник, а как специальный тип текста: «*писать философию*», а не дневник... для меня в дневнике важно только то, что записи датируются» [5, 5].

К.С. Пигров в предисловии к дневнику указывает: «Философствование многообразно и совершенно не сводится к

научнообразной форме «статей», «учебников» и «монографий». И в других формах можно выразить философское содержание» [9, 125].

Наличие интертекстуальных элементов, аддитивных вставок (планы философских работ) указывает на своеобразие философского дневника на текстовом уровне. Особенность дневника русского философа на лексическом уровне проявляется в сочетании в рамках одного текста общеупотребительной и специальной философской лексики и терминов (например, *метафизика, бытие, трансцендентальный; авторские термины - это и то* (Я.С. Друсник), *яйность* (С.Л. Франка) и др.). Однако подобное сочетание слов никак не снижает стилистики текста, а, наоборот, использование таких слов обусловлено не только влиянием жанра дневникового текста, для которого характерно употребление бытовой лексики, но и воздействием языка философского текста.

(21) *Итак, метафизику к черту.* [11, 37]

(22) *Всякое морализование и моральная логика – дичь, пустота, времяпрепровождение.* [Там же, 45]

(23) *Это ответное бормотание, которое является частью бормотания самого языка, но не самим этим бормотанием, слышимым в тишине и в молчании, и есть философская речь.* [2, 9].

Некоторые грамматические особенности русского философского дневника, например, дефисные конструкции, являются неконвенциональными и, с точки зрения общей языковой нормы, могут быть рассмотрены как окказиональные. Однако, с другой стороны, подобное дефисное образование является типологической чертой языка русских философских текстов, который обладает самостоятельным статусом.

Дефисные модели русского философского дневника:

1. не+я:

(24) *всякое не-я рождается из я* [11, 70];

2. не+притяжательное местоимение:

(25) *от нашего перейду в не-наше* [6, 199];

3. я+существительное:

(26) *мир мой или я – это я-мир* [Там же, 197];

4. философские термины с дефисным написанием: *вещь-в-себе, не-объект.*

Таким образом, по другому можно рассматривать работы Г.Д. Гачева, которые он писал в созданном им жанре «жизне-мысли»: «...выработал свой жанр. Обозначаю я его как «жизне-мысль», или «привлеченное мышление», а если по-научному, то это – «экзистенциальная культурология» [3, 6]. Практически каждая профессиональная работа ученого, каждый параграф текста, так же как и записи в дневнике имеют датировку, следовательно, философ не разграничивал профессиональный текст и дневник, а рассматривал в едином комплексе все созданные им тексты.

Кроме того, для идиостиля философа характерно особое написание слов через дефис, которое присутствует как в философских работах, так и в дневнике, например, «*плава-ется*», «*здоровье-болезни*», «*характер-нервы-психику*», «*материалы-породы-глины*» [4]; «*изучаю-вникаю*», «*описать-понять*» [3].

Подводя итоги, следует отметить, что проблема функционирования дневника философа требует дальнейшего исследования, а сам философский дневник как особый тип текста следует рассматривать как часть идиостиля философа.

Литература

1. Азарова Н.М. Язык философии. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. – М., 2010.
2. Биbihин В.В. Из дневников и писем // Дневник современного философа. – М., 2009.
3. Гачев Г.Д. Англия, интеллектуальное путешествие. – М., 2007.
4. Гачев Г.Д. Из жизненных мыслей последних лет (2005-2008) // Дневник современного философа. – М., 2009.
5. Гройс Б.Е. Дневник философа. – Париж, 1989.
6. Друскин Я.С. Дневники. – СПб., 1999.
7. Лосев А.Ф. Мне было 19 лет... Дневники. Письма. Проза Дневники. – М., 1997.
8. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст. – М., 2007.
9. Пигров К.С. Долгие прогулки с собакой (благо чтения и долг публикации) // Дневник современного философа. – М., 2009.
10. Семенова С.Г. Из дневника 2005-2008 // Дневник современного философа. – М., 2009.
11. Франк С.Л. Дневник // Саратовский текст. – Саратов, 2006.

Е.О. Борзенко
ПСТГУ, Москва

Образование сравнительных форм от существительных в русском языке XXI века (*центрее, жизнее* и др.)

Статья посвящена исследованию новых форм в языке – форм сравнительной степени, образованных от существительных. На основании различных работ автор делает вывод, что такие формы являются окказионализмами, употребляемыми ради большей выразительности, а также для того, чтобы обозначить большую интенсивность признака, содержащегося в семантике существительных, с одной стороны, или в связи с отсутствием прилагательного, от которого можно было бы образовать сравнительную форму – с другой.

Ключевые слова: *формы сравнительной степени; семантика прилагательных и существительных; языковая игра; окказионализм; неразличение частей речи, словообразование*

The article deals with the recently sprung comparative forms of nouns. On the basis of various works the author concludes that such forms are nonce words coined either for the sake of greater expressiveness – as well as in order to indicate a greater intensity of attribute concealed in the semantics of the nouns, – or in connection with the lack of an adjective, from which it was possible to form a comparative.

Keywords: *comparative forms; the semantics of adjectives and nouns; language play; nonce word; failure to distinguish parts of speech, word-formation*

Формы степеней сравнения, образованные от существительных – новые образования в языке. Употребляемые сейчас достаточно часто, такие формы никогда не были исследованы, существуют только краткие наблюдения о них в некоторых работах о степенях сравнения (самые ранние у А.М. Пешковского (1956) [10, 28] и О. Есперсена (1958) [3, 82, 88]) и о психолингвистике (работы И.Н.Горелова, К.Ф. Седова [2, 222]) и о детской речи (исследования С.Н. Цейтлин [12], [13]).

Как известно, нормативно сравнительные формы образуются от качественных прилагательных, которые выделяют определенное

единичное свойство. Ю.П. Князев [6, 4, 5] упоминает в качестве исследователя этого свойства семантики прилагательных Г. Пауля, который видел главное отличие существительных от прилагательных в том, что «прилагательное обозначает одно простое или же представленное в виде простого свойство предмета», тогда как «существительное включает в себя целый комплекс свойств» [9, 423] (например, для существительного *стул* – назначение, форма, размер и т.д.). О. Есперсен связывал именно с этим ограничением на образование степеней сравнения:

«Прилагательное обозначает и выделяет одно качество, одно характерное свойство, а существительное для всякого, кто его понимает, включает в себя много характерных черт. <...> Там, где мы встречаем употребление сравнительной и превосходной степени существительных, мы обнаруживаем, что и они выделяют лишь одно качество и, таким образом, передают то же понятие, как если бы они были образованы от настоящих прилагательных» [3, 82, 88].

Этой же точки зрения придерживаются и многие современные исследователи [11, 77-95; 16; 17].

По существу, о том же говорил и А. М. Пешковский, объясняя встретившийся ему пример употребления существительного *центр* в форме сравнительной степени сдвигом значения данного существительного «в сторону признака» [10, 28].

Образование сравнительных форм от имен существительных происходит при помощи суффикса *-ee/ -ей*, который в нормативном языке является формообразующим аффиксом и образует формы сравнительной степени имен прилагательных, наречий и слов категории состояния (И.О. Ковалевич [7, 366-367]).

Ю.П. Князев в работе «Степени сравнения» [6, 4] приводит следующие примеры форм сравнительной степени с нестандартной лексической базой, образованных от существительных:

(1) *Место службы – в центре. Москва, чего уж центрее* [пример А. М. Пешковского [10, 28];

(2) – *А кино разве не жизнь? – Неизвестно, что жи́знéе* [пример Е.А.Земской из опубликованных записей современной русской разговорной речи [4, 106-107]] ;

(3) – *Так она ведьма? – А эта еще ведьмéе* [там же];

(4) *Я думала, она более оратор* [там же];

(5) *Мне казалось, она более педагог* [там же];

(6) *Нельзя быть более роялистом, чем король* [перевод афоризма Штагбриана];

и от частиц:

(7) *Над каждым мелким халтурищиком есть халтурищик поболее, а над тем еще, а над еще – еще ещее*. [пример из основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ)].

По результатам исследования материала НКРЯ нами были обнаружены 2 подобные формы (*центрее* (3), *звездее* (1) в основном корпусе и *центрее* (2) в газетном), а по результатам «естественного корпуса» Яндекс – 48 форм, из которых 25 являются частотными (мы условно считаем частотными формы, употребленные чаще, чем 5 раз): *центрее* (13 000 форм), *звездее* (11000), *ведьмее* (829), *жизнее* (786), *травее* (587), *змее* (266), *докторее* (65), *углее* (56), *рыбее* (50), *ветрее* (45), *сахарее* (25), *пчелее* (23), *метрее* (21), *соснее* (20), *гуглее* (20), *дылде* (17), *журналистее* (17), *водее* (14), *небее* (13), *мымрее* (11), *землее* (10), *кремлее* (8), *орлее* (8), *гитлере* (8), *сухарее* (7).

Например:

❖ *звездее* (11 000 употреблений):

(8) *Оля: – Смотри, у меня как звездочка! Катя: – А у меня еще звездее!* [пример К. И. Чуковского из записей детской речи]

❖ *жизнее* (786):

(9) *Чем больше картин, тем "жизнее" Одесса* [пример с сайта kino-teatr.ru];

Остальные 24 формы редкие (*принцессее* (5), *швабрее* (5), *брежневее* (5), *побочее* (5), *хлебее* (4), *мерседесее* (4), *пылесосее* (3), *сентябрее* (3), *лунее* (3), *портнее* (3), *лесее* (3), *кэзбее* (2), *морее* (2), *озерее* (2), *сталинее* (2), *мавзолее* (2), *арбатее* (2), *декабрее* (2), *мясее* (2), *яндексее* (2), *ноябрее* (1), *солее* (1), *чаее* (1)):

❖ *брежневее* (5):

(10) *И вот тут, уже как ни крути, должен ему на помощь прийти Андропов и сказать, мол, что же ты, миша, так неосторожно, брежневее надо к себе относится, а то так можно свалиться, что полный хрущев случится* [пример с сайта clubmaskarad.3bb.ru];

❖ *сентябрее* (3):

(11) *Что Вам хотелось бы услышать?*

Тепло, участие, восторг?

А я брожу по мокрым крышам,

Где сентябрее каждый вздох! [пример с сайта inpearls.ru];

❖ *мавзолее* (2), *арбатее* (2):

(12) *Ты писала, что ты всех мавзолее и арбатее – прикольно!!*

[пример с сайта nevosoft.ru];

❖ *яндексее* (2)).

(13) *И яндекс в ваших руках яндексее, чем в моих!* [пример с сайта jpoisk.ru]

Для более детального анализа выбраны образования от *центр*, так как форма *центрее* самая частотная (13 000). От корня *центр*-современные носители языка образуют различные формы сравнительной и превосходной степени: *центрее* (13000), *поцентрее* (1063), *более центр* (1), *более центрее* (79), *менее центрее* (4), *центрейший* (63), *наиболее центр* (5), *центрее всего/всех* (34/77). Итак, наиболее частотны синтетические формы, образованные при помощи суффикса *-ее*.

Форма *центрее* так частотна, в частности, за счет вхождения в связанные фразеологизованные конструкции (*центрее некуда* (13% от всех случаев употребления *центрее*)) и используется ради выражения экспрессии.

Отличие сравнительной формы существительного от формы прилагательного того же корня со сходным значением (*центрее - центральнее*), во-первых, в семантике (разные наборы значений). Например, форма *центрее*, в отличие от *центральнее*, встречается в значении «как можно более нейтральная позиция в парламенте между левыми и правыми» (*Шансы на политическое будущее есть только у тех политиков, которые [...] становятся еще правее или еще левее, или еще «центрее»*) [пример с сайта <http://ava.md/politics/>], а у формы *центральнее* есть значение «главнее, важнее», которого нет у *центрее*. Другими словами, здесь можно увидеть проявление потребности языка обозначить большую интенсивность признака, содержащегося в семантике существительных, с одной стороны, и с отсутствием прилагательного, от которого можно было бы образовать сравнительную форму – с другой, ср. *метрее* от *метро* (в этом смысле наше метро существенно *метрее* других) [пример с сайта jpoisk.ru]).

И во-вторых, отличие *центрее* от *центральнойее* в факте языковой игры и в экспрессивной функции, возникающей за счет нестандартной базы (имя существительное) и статуса окказионализма.

Появление таких форм на рубеже XX – XXI веков обусловлено экстралингвистическими обстоятельствами: произошедшей демократизацией русского языка, в том числе языка СМИ. Появилась тенденция к использованию аграмматизмов и неологизмов для большей выразительности.

Языковая игра – «феномен речевого общения, содержанием которого выступает установка на форму речи, стремление добиться в высказывании эффектов, сходных с эффектами художественной словесности» [2, 180]. Языковая игра в целом (и словообразовательная в том числе) полифункциональна: к ее функциям относят языкотворческую, развлекательную, маскировочную [5, 217]. В данном случае она скорее выполняет развлекательную функцию:

(14) – *У меня жена – ведьма, а у него – еще ведьмее* [пример И.Н. Горелова, К.Ф. Седова];

(15) – *Ты, конечно, орел, да я орлее* [оттуда же].

Возникнув в речи в качестве окказионализма, подобные новообразования могут сразу же забыться и исчезнуть бесследно. Наиболее удачные из них могут войти в идиолек в какого-либо носителя языка или микросоциума. Самые яркие способны войти в широкое словоупотребление и даже могут быть зафиксированы в словаре общенародного языка. Поэтому здесь языковая игра выполняет также языкотворческую функцию. Это «явление, которое претендует на статус общеязыкового» [5, 217].

Особенно часто подобные формы могут проявляться в языке СМИ (публицистический стиль). Как пишут Э.П. Кадькалова, Ю.Г. Кадькалов, «словообразовательная игра, издавна присутствовавшая в таких функциональных разновидностях, как разговорная и художественная речь, в конце XX в. становится одним из показателей демократизации, либерализации, наконец, «карнавализации» (В. Г. Костомаров) языка СМИ». Но найденных нами примеров из СМИ не очень много по сравнению с количеством примеров из блогов, так как в СМИ употребляется более нормированный текст, ср.: (16) *Кто центрее* [заголовок из Ярославской областной газеты «Золотое кольцо»], или (17)

Трое молодых людей решили провести вечер в баре-дискотеке возле Барварки. Место – "центрее" не бывает. Кампания – двое азербайджанцев и один русский [пример из газетного корпуса НКРЯ].

Кроме того, в начале XXI в. «полем для словообразовательных экспериментов становится новая российская реклама, которая формирует свой собственный арсенал выразительных средств» [5, 217]. В группу подобных средств входит и образование сравнительной степени от относительных прилагательных и существительных. Так, нами найдены следующие примеры:

(18) *От собственника! Центрее не бывает, м."Советская", "красная линия", большие витрины под магазин-кафе, 100-210 кв.м* [пример с сайта vseplus.kharkov.ua];

(19) *Квартиры в центре Ирпня! Центрее не бывает!* [пример с сайта kievskaya.prostodom.ua]

Кроме публицистического стиля, языка рекламы это явление появляется в разговорной речи и стиле художественной литературы.

В разговорном стиле естественно употребление с целью экспрессии необычных, окказиональных слов, которые неправильны с точки зрения норм литературного языка. Ср.:

(20) *Вопрос банальный, скорее всего ранее уже обсуждавшийся, но все-таки: где остановиться в Питере на сутки, как можно центрее и приличнее?* [пример с сайта avtodom.ru]

В книжных стилях такое явление также служит приемом для создания наибольшей выразительности, привлечения внимания читателя. Ср.:

(21) *А вот западногерманские немцы, еще раз напомнив нам, что нет пророка в своем отечестве, выставили этого пророка у себя, в самом центре выставки футуристов в самом центре Берлина. Центрее нельзя. Успех был огромный* [пример из основного корпуса НКРЯ].

С точки зрения психолингвистики в этом явлении можно увидеть, во-первых, подтверждение мысли о присутствии в языковом сознании словообразовательных моделей, во-вторых, демонстрацию механизма использования языковых единиц в речи, особенности воздействия на языковое значение реального контекста и коммуникативной ситуации, в-третьих, — показ путей

развития языка и речи, причем из запасов и достаточно редких слов [2, 186].

Формы сравнительной степени от имён существительных, сконструированные по примеру общепринятых форм, встречаются в детской речи, но это не является фактом языковой игры, так как нет установки на творчество. Вот примеры из детской речи из книги И.Н. Горелова, К.Ф. Седова «Основы психолингвистики» [2, 222]:

(22) *А наш сад всё равно **соснее** (в нём больше сосен).*

(23) *А сегодня **ветрее**, чем вчера.*

(24) *Она стала еще **ведьмее**, чем была.*

(25) *В поле **ветрее**, чем здесь.*

(26) *Ой, мама, ты даже **дылнее**, чем папа.*

(27) *Я **принцессее**, чем ты.*

(28) – *У меня бабушка – портниха. – А у меня – еще **портнее**.*

Употребляя подобные формы, ребенок опирается на то, что слово с качественным значением должно иметь форму, указывающую на изменение качества. Принадлежность слова к определенной части речи становится как бы несущественной (по мнению Н.И. Горелова, К.Ф. Седова это обстоятельство можно рассматривать как косвенное подтверждение мысли Ю.Д. Апресяна относительно того, что на глубинном уровне разграничение частей речи может сниматься [1, 25]).

Е.В. Красильникова [8, 106] справедливо рассматривает подобные формы (*центрее, углее, ведьмее*) как проявление большей степени регулярности реализации форм, «опирающейся на единство в семантике лексем при большей, чем в КЛЯ, независимости от формально-грамматических различий» (как в речи взрослых, так и в речи детей [13]). Такие формы встречаются также в ряде других языков, например в финском [15, 36], а также распространены в русских диалектах и достаточно частотны в разговорной речи взрослых. Значит, возможность этих образований и тенденция к снятию ограничения на отнесенность производящего слова к определенной части речи потенциально заложены и в языковой системе русского языка [12] и, может быть, будут реализованы в будущем.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М. Изд-во иностр. лит., 1958.
4. Земская Е. А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
5. Кадькалова Э. П., Кадькалов Ю. Г. Словообразовательный анализ в освещении Н. М. Шанского с позиций современной дериватологии // Русский язык: исторические судьбы и современность. 2007. № 3.
6. Князев Ю.П. Степени сравнения. СПб, 2009.
7. Ковалевич И.О. Модели построения окказиональных отсубстантивных прилагательных в речи детей (Мозырь, Белорусь) // Язык и культура. 2009. № 11.
8. Красильникова Е.В. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
9. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
11. Тестелец Я. Г. Наблюдения над оппозицией «имя / глагол» и «существительное / прилагательное» (к постановке проблемы) // Части речи. М.: Наука, 1990.
12. Цейтлин С.Н. Лингвистика детской речи. Некоторые размышления. СПб: Международный благотворительный фонд имени Д.С. Лихачева, 2001.
13. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
14. Чуковский К.И. От двух до пяти. М., 1965.
15. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. М., 1968.
16. Givón T. Syntax: a functional-typological introduction. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1984. № 1.
17. Wierzbicka A. What's in a noun? (or: how do nouns differ in meaning from adjectives?) // Studies in language. 1986. № 2.

Е.Л. Вилинбахова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования?

Статья посвящена некоторым аспектам лингвистического изучения стереотипов. Получив краткие сведения о возникновении слова *стереотип* и его интеграции в научный обиход, читатель знакомится с семантической трактовкой стереотипа, которая позволяет применять понятие в качестве инструмента лингвистического анализа разных языковых явлений или, напротив, рассматривать стереотип как объект исследования на материале языковых данных.

Ключевые слова: *стереотип, теория значения, языковой коллектив, ассоциативная анафора, тавтологии.*

The paper examines two approaches to the stereotype in linguistics. Based on Putnam's theory of stereotypical meaning, the first approach uses the notion of stereotype as a tool to analyze particular linguistic phenomena: associative anaphors, tautologies, etc. Within the second one, the stereotype is regarded as an object of research and is investigated on various linguistic data.

Keywords: *stereotype, theory of meaning, linguistic community, associative anaphor, tautology.*

1. Введение

В настоящее время слово *стереотип* используется как в повседневной речи, так и в научной сфере, причем даже при его терминологической трактовке встречаются расхождения: «философский», «психологический», «социологический» и «лингвистический» стереотипы — каждый имеет свои особенности. Эта статья посвящена некоторым аспектам изучения стереотипов в лингвистике.

Само слово *стереотип* возникло в 1796 г., когда французский издатель Ф. Дидо ввел в типографскую практику свое изобретение, позволявшее уменьшить цену печати книг. Если раньше текст каждый раз набирали заново, то Дидо предложил сохранять уже набранные тексты в виде слепков, с которых потом

изготавливались металлические пластины. Дидо назвал свое изобретение *стереотип*, соединив два греческих слова: *στερεός* ‘твердый’ и *τύπος* ‘изображение’. Изобретение Дидо распространилось не только во Франции, но и за ее пределами, а слово *стереотип* из профессиональной сферы проникло в разговорную речь.

В 1922 г. понятие стереотип вводится в научный обиход американским публицистом В. Липпманом [7]. В книге «Общественное мнение» он пишет о невозможности постичь объективную реальность и необходимости ее упростить и объяснить: «мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого» [7, 46]. Для обозначения этих картин Липпман берет слово *стереотип* и в своей концепции, как отмечает С. А. Ромашко, «существенно обогащает семантику слова»: наряду с повторяемостью и неизменностью, появляются признаки упрощенность и оценочность [10, 223].

После выхода книги Липпмана стереотипы, прежде всего этнические, изучаются представителями социальных наук. Затем к стереотипам обращаются культурологи, философы, литературоведы, а с 1968 г., благодаря американскому философу Х. У. Патнэму, стереотип становится объектом исследования в лингвистике.

2. Стереотип в теории значения

Патнэм использует понятие стереотип для решения вопроса о соотношении значения и референции. Наряду с другими философами (в числе которых К. Доннелан, С. Крипке, Д. Каплан), он критикует «традиционный» подход к значению, прежде всего идеи Г. Фреге и Б. Рассела, а именно то положение, что значение слова определяет объекты внешнего мира, ср.:

«Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака [Bedeutung], но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака [Sinn]; смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком

<...> Имя выражает свой смысл и обозначает свой денотат» [11, 354–358].

Вместо терминов «смысл имени» и «денотат» Патнэм использует термины интенционал (множество характеристик объекта) и экстенционал (множество объектов внешнего мира). Таким образом, положение традиционной теории у Патнэма принимает следующий вид: «Значение термина (понятое как интенционал) определяет его экстенционал (в том смысле, что из тождества интенционалов вытекает тождество экстенционалов)» [8, 169].

Патнэм выступает против отождествления значения слова и его интенционала, подчеркивая важность социальной (а не референциальной) функции значения. По его мнению, грамотным носителям языка необязательно знать, чем отличается бук от вяза, или какова химическая формула алкоголя. Знание интенционала, т. е. научно подтвержденных, необходимых и достаточных условий, которым должен удовлетворять объект, чтобы называться конкретным словом, по словам Патнэма, необходимо только специалистам, а для среднего носителя языка достаточно знать ряд общекультурных сведений, которые позволяют правильно использовать слово в коммуникации. Для Патнэма значение слова — это инструкция для его правильного употребления в языковом коллективе, включающая как грамматические, так и семантические признаки.

Чтобы определить семантическую составляющую значения, Патнэм обращается к понятию стереотип. Патнэм отмечает, что «в обыденном употреблении слово “стереотип” выражает общепринятое (часто предумышленное) представление (которое может быть совершенно неточным) о том, на что похож, чем является и как ведет себя X» [8, 207], и далее говорит о своей трактовке стереотипа, которая включает некоторые черты обыденного употребления слова: «я не касаюсь предумышленных представлений (кроме тех случаев, когда сам язык таков), но меня интересуют общепринятые представления, которые могут быть неточными» [Там же].

Примерами стереотипных признаков могут быть черные полосы на рыжей шкуре тигра, желтый цвет и кислый вкус лимонов. Принципиально, что стереотипные признаки не

обязательно верны для всех без исключения тигров и лимонов; они характерны для нормальных, типичных представителей класса и подразумеваются по умолчанию.

Таким образом, благодаря Патнэму, понятие стереотип вошло в лингвистический обиход. В целом, его трактовку можно сформулировать следующим образом: стереотипы — это общепринятые представления о чем-либо, которые необходимо усвоить, чтобы считаться полноценным членом языкового коллектива. Стереотипы описывают нормальных, типичных представителей класса и определяют значения слов.

В дальнейшем понятие стереотип нашло применение во многих областях лингвистики; оно переосмысливалось и рассматривалось с разных сторон. Здесь я остановлюсь на двух подходах: в первом случае стереотип используется как инструмент исследования для объяснения различных языковых явлений, а во втором случае описание стереотипа становится целью исследования на материале языковых данных.

3. Стереотип как инструмент исследования

Применение понятия «стереотип» в качестве инструмента лингвистического анализа предполагает интерпретацию конкретных языковых фактов с учетом, во-первых, самого факта существования стереотипных представлений и их влияния на язык; а во-вторых, некоторых свойств стереотипов, проявляющихся в языке в той или иной степени. Первой работой, выполненной в данном русле, стала статья французского исследователя Б. Фрадена [13], который предлагает использовать понятие «стереотип» для объяснения механизма ассоциативной анафоры. Согласно Фрадону, одним из типов связи между двумя языковыми выражениями является вхождение референта одного в стереотип другого. Например, в стереотип дерева входит наличие ствола, поэтому в высказывании *Il s'abrita sous un vieux tilleul. Le tronc était tout craquelé* 'Он укрылся под старой липой. Ствол был весь покрыт трещинами' возможен определенный артикль *le* [13, 65]. Последователь Фрадона Ж. Клебер развивает «стереотипический» подход к ассоциативной анафоре, выделяя четыре типа смысловой связи: меронимическая (*дерево — ствол*), локативная (*деревня — церковь*), актантная (*резка хлеба — нож*) и функциональная (*машина — водитель*) [15, 44–46], из которых как минимум две

(локативная и актантная) основаны на стереотипных представлениях о мире. Можно представить деревню без церкви или хлеб, разрезанный пилой, однако при нормальном положении дел церковь есть в каждой (французской) деревне, а для резки хлеба используется нож, что и позволяет говорить о смысловой связи между соответствующими существительными.

К концепции Патнэма обращаются также Р. В. Гиббс и Н. МакКаррелл для анализа разных видов тавтологических конструкций. Рассуждая о факторах, которые позволяют интерпретировать в буквальном смысле неинформативные тавтологические высказывания, авторы подчеркивают важность общей стереотипной информации о людях, действиях и предметах: «Слушатели часто понимают <высказывание> *Мальчики есть мальчики* в значении ‘мальчики неуправляемы’ не только из-за контекста, но и потому, что предполагают наличие у говорящего такого же стереотипа мальчиков, как и у них самих» [14, 128]. Кроме того, Гиббс и МакКаррелл отмечают, что некоторые тавтологические конструкции интерпретируются лучше, чем другие: например, высказывание *Дети есть дети* трактуется слушателями с большей легкостью, чем *Морковь есть морковь*. Это объяснимо, если учитывать, что разные стереотипы содержат разное количество описательных и оценочных признаков или, иначе, могут быть «сильными», т. е. подробными и эмоционально окрашенными, и «слабыми». Обычно наиболее «сильными» оказываются стереотипы людей (включая социальные, гендерные, возрастные, профессиональные роли, а также национальную принадлежность: *мужчина, мать, старик, учитель* и т. д.), далее идут абстрактные понятия (*война, развод, бизнес*), и, наконец, стереотипы конкретных неодушевленных предметов (*чашка, морковь, изумруд*) чаще оказываются «слабыми» (ср. приводимое выше замечание Патнэма о слабой значимости в различии между букком и вязом).

Наконец, наиболее подробно описывают возможности использования стереотипа как инструмента исследования французский лингвист Ж.-К. Анскомбр [12] и, на западнославянском и русском материале, А. В. Головачева (стереотипы, в ее терминологии, обозначаются как СМС — стереотипные ментальные структуры) [3]. Их исследования, проделанные приблизительно в одно и то же время (середина

1990-х — начало 2000-х гг.), во многом идут параллельно и обнаруживают много общего. Основное положение, на которое опираются Анскомбр и Головачева, таково: поскольку знание стереотипа обязательно для членов языкового коллектива, ситуация, соответствующая стереотипу, воспринимается таковой по умолчанию и не требует оговорок; с другой стороны, ситуация, выходящая за рамки стереотипа, должна быть зафиксирована в речи. Оба автора, каждый на своем материале, показывают, как действует это правило на разных языковых уровнях. Здесь я привожу лишь несколько иллюстраций.

Так, в русском и в чешском языке существует словообразовательный суффикс *-am-* (*-at-*), который может иметь два значения: интенсивность признака (*носатый* ‘имеющий большой нос’, чеш. *nohaty* ‘имеющий длинные ноги’) и наличие признака (*бородатый* ‘имеющий бороду’, чеш. *rohaty* ‘имеющий рога’). Значение суффикса в каждом случае определяется тем, входит ли денотат мотивирующего слова в стереотип описываемого объекта. Наличие носа или ног являются обязательным стереотипным признаком человека или животного, в то время как борода или рога факультативны, поэтому в первом случае суффикс указывает на некий отличительный признак носа или ног (например, их величина), а во втором — маркирует само наличие необязательного элемента [3, 32].

В свою очередь, во французском языке существует продуктивная для неодушевленных существительных модель *N à N* (например, *patins à roulettes* ‘роликовые коньки’), где второе существительное с предлогом выступает как несогласованное определение к первому. Анскомбр рассматривает, в каких случаях образуются сочетания по этой модели, и приходит к выводу, что это допустимо, только когда речь идет об одном из возможных, но не однозначно обязательных стереотипных признаках денотата существительного. Так, в стереотип самолета входит обязательный признак ‘наличие крыльев’, поэтому сочетание *avion à ailes* ‘самолет с крыльями’ (а также *voiture à moteur* ‘машина с мотором’) невозможно. С другой стороны, плита может работать как на газе, так и на электричестве, поэтому существует *chaudière à gas* ‘газовая плита’, а также *bateau à voiles* ‘парусное судно’ (судно может быть и моторным), *moulin à vent / eau* ‘ветряная / водяная мельница’ и т. д. [12, 67–68]

Таким образом, обращение к понятию стереотип позволяет объяснять языковые факты на разных языковых уровнях и может быть признано эффективным инструментом лингвистического анализа.

4. Стереотип как объект исследования

Лингвистическое описание и анализ конкретных стереотипов подразумевает использование в качестве материала исследования данных языка. Стереотипы могут быть выражены как вербально, так и невербально, и если невербальных репрезентаций стереотипов не так уж много (например, карикатуры и пантомимы), то примеров вербального выражения стереотипов гораздо больше. Представления о действительности, истинные или ложные, могут получать выражение средствами разных компонентов (или, следуя традиции, уровней) языка: фонологического, морфологического, номинативного, синтаксического. К ним и обращаются лингвисты, чтобы реконструировать тот или иной конкретный стереотип.

Польский исследователь Е. Бартминский пишет, что показателями стереотипизации являются «повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, а также закрепление этой характеристики в языке» и предлагает список конкретных вербальных способов выражения стереотипов, среди которых: 1) способы номинации предметов: *немец* от *немой*; 2) переносные значения слов; 3) значения некоторых дериватов: *обезьянничать* ‘подражать’; 4) фразеологизмы; 5) пословицы; 6) семантическая структура сложных предложений: противительные и причинно-следственные [1, 170].

На русском материале наиболее полный список языковых способов выражения стереотипов предлагает Л.П. Крысин, который выделяет: 1) слова, в свернутой форме содержащие оценку свойств другого этноса, например: *выцыганить*; 2) случаи переносного употребления этнонимов: *негр* ‘человек, который тяжело и не имея никаких прав работает на другого’; 3) сравнительные обороты *молчалив, как финн*; 4) генетивные и атрибутивные сочетания: *Он добивался всего с упорством китайца и американская деловитость*; 5) кванторные слова *все, всегда, каждый, любой*; 6) модальные наречия типа *просто, прямо, прямо-таки, даже* и оценочные прилагательные *настоящий, истинный,*

подлинный; 7) имплицатуры: *Он русский, но не пьет* [6, 452–454].

Можно заметить, что представленные у Бартминьского и у Крысина списки частично совпадают, однако вербальные способы выражения стереотипов, описываемые Крысиным, не предполагают обязательной фиксации в словарях и могут встречаться в любых устных и письменных текстах. Со временем, впрочем, они могут получать формальное закрепление в языковой системе: метафорическое употребление слова ведет к появлению переносного значения; сравнительные обороты, генетивные и атрибутивные сочетания становятся фразеологизмами и т. д.

Таким образом, одни и те же способы выражения стереотипов могут использоваться в разных типах данных: для выявления наиболее закрепленных и автоматизированных стереотипных признаков подходят словари и фольклорные тексты, для получения большего разнообразия признаков — экспериментальные данные и корпуса текстов, как специально сбалансированные и отобранные, так и спонтанно выявленные через поисковые системы Интернета.

Говоря об исследованиях, посвященных конкретным стереотипам, можно отметить, что наиболее распространенным сюжетом являются этнические стереотипы [1; 4; 9], далее стереотипы других «человеческих ролей»: семейных, профессиональных и социальных [1] и стереотипы животных [2]. Существуют также специальные словари стереотипов: «Словарь народных стереотипов и символов» под ред. Е. Бартминьского (подробнее о нем см. в [1]), «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» [2], «Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов» [5] и др.

Наконец, следует подчеркнуть, что стереотипы, реконструированные по данным языка, не всегда совпадают со стереотипами по данным психологии, социологии, культурологии и т. д. На это есть несколько причин: во-первых, фразеологические обороты и пословицы, которые учитываются при воссоздании «языкового» стереотипа, могли сформироваться в другом историческом и культурном контексте, фиксируя стереотипы того (а не нашего!) времени: так, выражения *злой как собака* и *собачий холод* (пример из лекции Анны А. Зализняк 22.09.2012) отсылают к быту прошлого, когда собаки, как правило, жили на улице (ср. также пословицу *Баба и кошка в доме, мужик и собака во дворе*). Во-вторых, некоторые признаки «культурного» стереотипа могут

не получить фиксации в языке: В.А. Плулгян и Е.В. Рахилина отмечают, что пресловутая терпеливость русского народа никак не отражается в языке в отличие от английской сдержанности и немецкой педантичности [9, 342].

5. Заключение

Разумеется, каждый из рассмотренных в статье подходов к понятию стереотип преследует свои цели. Использование стереотипа как инструмента исследования позволяет интерпретировать языковые явления, устанавливать параллели между ними, находить общие закономерности. Выбор стереотипа как объекта исследования дает возможность дополнять (или опровергать) наши знания об объектах или ситуациях на материале языковых данных, ранжировать их признаки по степени значимости, а также описывать стереотипы, которые остались в прошлом. Остается выяснить, могут ли эти подходы взаимодействовать и дополнять друг друга? Интуитивно представляется, что это возможно: например, языковые явления, которые удобно интерпретировать, обращаясь к стереотипам, могут помочь при изучении конкретных стереотипных представлений, однако этот вопрос еще оставляет поле для дальнейшего исследования.

Литература

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [пер. с польского]. М., 2005.
2. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство : Лингвокультурный словарь. М., 2004. Вып. 1.
3. Головачева А. В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.
4. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3.
5. Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов: к 60-летию П. А. Клубкова / под ред. Ю. А. Веселова [и др.]. СПб. : Институт логики, 2009.
6. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом

- сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003.
7. Липпман У. *Общественное мнение*: [пер. с англ.]. М., 2004.
 8. Патнэм Х. *Значение «значения»*: [пер. с англ.] // *Философия сознания*. М., 1999.
 9. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. С чисто русской аккуратностью... (К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // *Московский лингвистический журнал*. 1996. № 2.
 10. Ромашко С.А. *Стереотип: к языковой и культурной археологии слова и понятия* // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре* : сб. статей. М., 2009.
 11. Фреге Г. *Смысл и денотат*: [пер. с нем.] // *Семиотика и информатика*. 1997. Вып. 35. Opera selecta.
 12. Anscombe J.-C. *Dénomination, sens et reference dans une théorie des stéréotypes nominaux* // *Cahiers de praxématique*. 2001. № 36.
 13. Fradin B. *Anaphorisation et stéréotypes nominaux* // *Lingua*. 1984. № 64
 14. Gibbs R. W. & N. S. McCarrell. *Why Boys Will Be Boys and Girls Will Be Girls: Understanding Colloquial Tautologies* // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1990. № 19.
 15. Kleiber G. *The possessive via associative anaphor* // *From NP to DP: The Expression of Possession in Noun Phrases*. (= *Linguistik Aktuell*, 56). Ed. by Martine Coene & Yves D'Hulst. Amsterdam, 2003. Vol. II.

А.А. Водяницкая
МГЛУ, Москва

Роль субъективного фактора при переводе оценочных значений с английского языка на русский

В статье рассматривается проблема субъективного фактора, влияющего на адекватную передачу оценочных значений с английского языка на русский. Художественные тексты характеризуются избытком оценочных значений, которые выполняют смыслоформирующую функцию. На этапе передачи оценочных значений на русский язык переводчик выступает как субъект оценки, что отражается на результате перевода. На материале англо-американских художественных произведений и их переводов на русский язык рассматриваются случаи отрицательного и положительного влияния субъективного фактора на результат перевода.

Ключевые слова: *оценочное значение, субъективный фактор, художественный перевод, субъективное и объективное*

The article centers on the problem of subjective factor in the translation of evaluative meanings. Literary texts are characterized by the abundance of evaluative meanings that construe their reality. The anthropological character of linguistic evaluation is reflected in the result of the translation. Based on the analysis of source and target texts, the paper demonstrates how a translator's personality influences style, denotative and connotative meanings of the source text.

Keywords: *evaluative meaning, subjective factor, literary translation, the subjective and the objective*

Исследование оценочных значений неразрывно связано с обращением к человеческому фактору в языке. Объясняется это с тем, что «оценка является наиболее ярким представителем прагматического значения, которое слово приобретает в речи» [1; 5]. Материалом нашего исследования служат англо-американские художественные произведения XX-XXI веков и их переводы на русский язык. Анализ примеров передачи оценочных значений показал, что субъективный фактор часто служит причиной искажения оценочных смыслов при переводе. Как справедливо

заметил Г.В. Колшанский, «философской базой, на которой строится утверждение о двух сторонах языкового содержания, - объективной и субъективной, - служит та предпосылка, что сам язык является, прежде всего, выражением некоего творчества субъекта, вследствие чего любому речепроизводству должен быть приписан тот субъективный фактор, в котором отражалось бы отношение субъекта к предмету своего высказывания» [86; 81]. Переводчик художественного произведения на начальном этапе передачи оценочных смыслов выступает в роли адресата оценки (воспринимает ее), затем, при соотнесении ее с контекстом произведения – в роли интерпретатора, а в процессе передачи на другой язык – в роли субъекта оценки. Несомненно, такая тройная роль переводчика не может не отражаться на результате перевода. Своеобразное «присвоение» текста как целого и отдельных его частей объясняется тем, что при осуществлении посреднической деятельности по обеспечению коммуникации между автором художественного произведения и его иноязычным читателем, переводчик воссоздает средствами родного языка замысел автора, сам становится творцом романа, рассказа или какого-либо иного литературного произведения. По словам В.К. Третьяковского, «переводчик от творца только именем разнится» [15; 601]. Возможно, этот факт отчасти объясняет случаи, когда переводческие решения не поддаются теоретическому объяснению. Что же касается непосредственно передачи оценочных значений, здесь следует обратить внимание на то, что оценочные смыслы пронизывают художественный текст и «в соответствии с общим психологическим принципом целенаправленности деятельности образуют в тексте оригинала систему» [4; 61]. Как отмечает Л.С. Макарова, «переводчик озабочен тем, чтобы обеспечить сопереживание читателя перевода, не уступающее по своей интенсивности переживанию, возникающему при восприятии оригинала. Часто это приводит к тому, что оценка гипертрофируется в переводе» [11; 98].

Субъективное в языке проявляется, в первую очередь, в том, что язык, будучи объективным по своей сути, предоставляет субъекту речевой деятельности возможность выбирать из своих неисчерпаемых богатств те средства, которые на данный момент соответствуют коммуникативным потребностям субъекта. И если автор оригинала выбирает те языковые средства, которые

обусловлены темой, контекстом, ценностными установками и т.д., то переводчик «связан, прежде всего, прагматическими отношениями с другими участниками коммуникативного акта» [19; 116]. Он постоянно стремится (в идеале) к наиболее полной передаче денотативных и коннотативных значений, а так же стилистического своеобразия оригинала. Возможность выразить то или иное оценочное значение средствами русского языка ограничивается контекстом, парой языков, в рамках которых осуществляется перевод, а так же рядом других факторов. И здесь проявляется своеобразная антиномия перевода как процесса: являясь, по сути, субъектом речевой деятельности, переводчик не волен выражать свое отношение к предмету деятельности. По слову В. Вилса, «... в современной теории перевода... становится преобладающей концепция, постулирующая положение о теснейшем взаимодействии между текстом, переводчиком и адресатом и имеющая своей целью достижение такого перевода, **который лишен всяческих субъективных моментов** – выделено нами – А.В.» [Цит. по: 86; 112]. Влияние субъективного фактора на качество перевода, как правило, выявляется при сопоставлении текстов оригинала и перевода, когда наблюдается явное искажение информации исходного текста. В случае с оценочными значениями, которые являются объектом нашего исследования, неточности могут выражаться в следующем:

а) замена положительной оценки отрицательной и наоборот;

б) передача лишь одной из частей сложной оценочной структуры;

в) несоблюдение стиля речи: «a system which he **so thoughtfully invented** – система у Стара **что надо**» (передача оценки, выраженной лексическими единицами, принадлежащими к нейтральному стилю, разговорным выражением);

г) игнорирование экстралингвистической информации, которая скрывается за оценкой;

д) гиперболизация оценочности, выражающаяся в использовании приемов добавления качественно-количественных наречий и других интенсификаторов: «it was **a good thing** that she did – она поступила **совершенно** правильно».

Рассмотрим примеры передачи оценок, более наглядно свидетельствующие о влиянии субъективного фактора на качество перевода:

В романе Ф.С. Фицджеральда «Последний магнат», один из героев, рассказывая о своем отношении к Голливуду, сравнивает его с шахтерским городом в стране лотосов.

(1) *It's a mining town in lotus land. It's a good place for toughies but I went there from Savannah, Georgia* [21].

Предложение *it's a good place for toughies*, содержащее прилагательное общей оценки *good*, логически следует из первого предложения, где упоминается о стране лотосов - стране забвения, где, согласно греческой мифологии, употребление в пищу лотосов способствовало тому, что жители и гости страны обо всем забывали. Это высказывание содержит элемент иронии, так как оно взято из беседы сценариста, приехавшего в Голливуд из штата Джорджия, и дочери одного из магнатов киноиндустрии. Сравнивая Голливуд со страной забвения, сценарист противопоставляет себя тем, кто, в погоне за славой и деньгами, забыли о родных местах и всеми силами стараются обосноваться в Голливуде. Сценарист подчеркивает, что он помнит о своей родине.

Рассмотрим, каким образом подошли переводчики к передаче этого высказывания:

(2) *Отчего же не любить. Золотой прииск в апельсиновом раю. Неплохое местечко для жестких и тертых, но я-то прибыл в Голливуд из Саванны, штат Джорджия* [18].

(3) *Старательский городок в земле лотофагов. Место что надо, если ты цепкий и крепкий* [17].

В переводе О. Сороки (пример №2) утрачена связь с греческой мифологией, следовательно, частично утрачен и элемент иронии. Положительную оценочность приобретают оба предложения. Голливуд становится раем, и хотя апельсины там, действительно, растут, утрачивается интертекстуальность высказывания и, как следствие, передается несколько настороженное отношение героя к Голливуду. Прилагательное общей оценки *good* передано прилагательным общей оценки *неплохое*. Примечательно, что в общем контексте высказывания, уменьшительно-ласкательный суффикс *-ечк* становится в устах героя, в какой-то степени, пейоративным.

В переводе И. Майгуровой (пример №3) сохраняется аллюзия на древнегреческую страну лотосов. Более того, Голливуд сравнивается со старательским городком времен «золотой

лихорадки». Прилагательное общей оценки передано с помощью разговорного словосочетания *что надо*. При анализе большого количества примеров передачи оценочной лексики мы отметили, что перевод И. Майгуровой характеризуется использованием лексики разговорного стиля там, где в тексте оригинала использован нейтральный стиль. Так, при переводе предложения *I don't understand the stuff* переводчик вкладывает в уста героя американского классического произведения выражение следующее выражение: *Я ни уха, ни рыла не смыслю в этих фильмах*. О том, что под многозначным словом *stuff* подразумеваются фильмы, ясно из контекста диалога между продюсером и писателем. Однако выражение *ни уха, ни рыла* в контексте деловой беседы и в общем контексте произведения звучит, на наш взгляд, неуместно. В Русско-английском фразеологическом словаре переводчика данное выражение сопровождается пометой *impolite* [10; 635]. В Национальном корпусе русского языка мы нашли двадцать документов, в которые входит данный фразеологизм. Это произведения художественной литературы XIX-XXI веков. В контексте русского рассказа, романа или фельетона подобная фраза звучит вполне естественно, однако в переводном произведении, в контексте беседы писателя с уважаемым всеми продюсером Старом Смитом, использование подобного фразеологизма недопустимо.

Неоправданность использования этого фразеологизма в переводе можно объяснить и тем, что в Новом большом русско-английском словаре под редакцией Д.И. Ермоловича [12] это выражение переводится как *not to know beans (about)*. К сожалению, несоблюдение стиля речи все чаще наблюдается в современных переводах классических произведений. А.А. Брагина подчеркивает, что «языковые особенности перевода определяют не только методом перевода, хронологической градацией, но и социально-историческими условиями» [3; 13]. На наш взгляд, в данном случае выбор языковых средств объясняется в большей степени именно хронологической градацией, так как перевод О.П. Сороки выполнен в 1994 году, а перевод И. Майгуровой – в 2011. Возможно, это связано и с тем, что на современном этапе наблюдается «повышение общезыкового статуса периферийных нелитературных слоев русской лексики, проникающих в общелексический фонд русского языка» [12; VI]. То есть

субъективный выбор переводчика обусловлен объективными процессами языкового развития.

Обратимся к следующему примеру.

Героиня рассказа М. Спарк «Портобелло Роуд» вспоминает день, когда она нашла иголку в стоге сена. Ее друзья решили запечатлеть это событие на фотографии. Выражения лиц героев, а так же их положение на фото выступают объектами положительной оценки:

(4) *Skinny, with his humorous expression, I secure in my difference from the rest. Kathleen with her head prettily perched on her hand* [22].
Картина, которую описывает героиня, не находит отражения в переводах:

(5) *Скелетик с ироническим видом, я – иначе, надежнее, чем остальные, а Кэтлин кокетливо подперлась локтем* [13].

В переводе В. Муравьева (пример №5) только описание Кэтлин частично совпадает с текстом оригинала. В то же время в Национальном корпусе русского языка мы нашли лишь один документ, в котором встречается выражение *подперлась локтем*. Возможно, связано это с тем, что подпереться локтем в техническом плане достаточно сложно. Выражение *иначе, надежнее, чем остальные* не передает смысл оценочного *secure in my difference from the rest*, так как переводчик неверно применил словарное значение слова *secure* (надежный, уверенный) как в микроконтексте, так и в контексте описываемой ситуации. В данном случае речь идет об уверенности героини в том, что она особенная, непохожая на других по ряду причин.

В переводе С. Трофимова использован прием смыслового развития:

(6) *Курносый Скинни с изумленным лицом; я, гордая своей удивительной находкой; и Кетлин, слегка откинувшая голову на левое плечо* [14].

Прием смыслового развития характеризуется тем, что переводчик, «вживаясь» в ситуацию, представляет, каким образом она будет развиваться дальше. С. Трофимов представил, как могли бы выглядеть люди, узнавшие о том, что найти иголку в стоге сена, все же, возможно. В его переводе наблюдается ряд добавлений: о том, курносым ли был Скинни, из контекста произведения неясно, кроме этого, на фотографии, которую описал С. Трофимов, Кэтлин откинула голову именно на левое плечо.

Субъективное при передаче оценочных значений может носить и положительный характер, когда произведение иностранного автора возрождается на языке перевода «силою и талантом переводчика» (Н. Любимов). Здесь речь может идти о тех случаях, когда переводчик обладает литературным даром, бережно относится к тексту оригинала, учитывает все параметры художественного текста, а так же учитывает целенаправленность «колебания семантических и структурных элементов текста» [5; 33]. В этой связи целесообразно привести отрывок из романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его перевод, выполненный членом «могучей кучки» переводчиков, Е.Д. Калашниковой:

(7) *For a moment the last sunshine fell with romantic affection upon her glowing face; her voice compelled me forward breathlessly as I listened—then the glow faded, each light deserting her with lingering regret, like children leaving a pleasant street at dusk* [20].

(8) *Заходящее солнце прощальной лаской коснулось порозовевшего лица Дэйзи; я прислушивался к ее шепоту, невольно сдерживая дыхание и вытянув шею, – но вот розовое сияние померкло, соскользнуло с ее лица, медленно, неохотно, как ребенок, которого наступивший вечер заставляет расстаться с весельем улицы и идти домой* [16].

В тексте оригинала положительной оценочностью обладают словосочетания *with romantic affection* и *a pleasant street at dusk*. Переводчик не использует словарные эквиваленты для передачи оценочности этого отрывка. Однако перед читателем текста перевода возникает картина уходящего дня, аналогичная, на наш взгляд, картине, которую «видит» читатель оригинала. Здесь наблюдается использование приема смыслового развития: *a pleasant street* – (дословно – приятная улица) передается как *веселье улицы*, так как для детей улица чаще всего ассоциируется с веселыми играми. Словосочетание *romantic affection* (дословно – романтическая привязанность) передается как *прощальная ласка*, что соответствует контексту отрывка. В русском языковом сознании солнце ассоциируется с понятием ласки, о чем свидетельствуют многочисленные произведения русской литературы, в которых встречается словосочетание *ласковое солнце*. В Национальном корпусе русского языка насчитывается двенадцать таких произведений. Переводы Е.Д. Калашниковой характеризуются бережным отношением к тексту оригинала и

учетом фактора адресата произведения. Именно об анализируемом нами отрывке Е.В. Бреус в предисловии к своей книге «Основы перевода с английского языка на русский» писал, что такие переводы обогащают русскую литературу.

Проанализированные нами примеры свидетельствуют о том, что субъективное при передаче оценочных значений проявляется в том, что оценка, будучи связанной с познавательной деятельностью человека, по-разному интерпретируется переводчиками. Н.А. Батулин, исследуя психологию оценивания, пишет о том, что существует «генетическое единство оценки с познанием некоторых видов отношений. Процесс оценивания – это процесс выявления отношений, а сама оценка (как результат оценивания) – специфическая форма выражения (отображения) выявленных отношений» [2; 42]. Данное положение имеет принципиальное значение для проблемы перевода оценочных значений. Если переводчик не «выявил отношения» между авторской оценкой и общим контекстом произведения, он не сумеет адекватно передать ее в переводе. А «неадекватность передачи информации в принципе снимает саму коммуникацию» [86; 158]. Оценка формирует художественную действительность произведения и переводчик, осуществляющий посредническую деятельность, призван сохранять все то множество смысловых связей, которое помогает автору воздействовать на читателя. «Правильность высказывания должна быть квалифицирована не только и не столько как правильность языковой формы, но как правильность отображения некоторого фрагмента действительности в высказывании» [там же, 159]. Проанализированные примеры показывают, что единицей передачи оценочного значения становится единица смысла. Передача оценочного значения лексической единицы во многих проанализированных нами примерах, которые не вошли в данную статью, чаще всего не сводится к поиску соответствующего словарного эквивалента. Различная «значимость» (термин Ф. де Соссюра) оценочных единиц исходного и переводящего языков зачастую ставит перед переводчиком задачу поиска решений с опорой на контекст, индивидуальные особенности стиля автора и т.д.

По слову основоположника теоретического языкознания Вильгельма фон Гумбольдта, «разные языки – это не различные

обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [6; 9]. Применительно к передаче оценочных значений мы можем сказать, что субъективное видение мотива той или иной оценки, ее функции в тексте оригинала приводит к тому, что смысловая структура исходного и переводного текстов не совпадает или передается с существенными модификациями.

Выводы.

1. На передачу оценочных значений с английского языка на русский существенное влияние оказывает субъективный фактор.

2. «Основная цель художественного произведения заключается в достижении определенного эстетического воздействия, в создании художественного образа» [9; 116]. Неточная или неадекватная передача художественных образов приводит к неполному пониманию замысла автора.

3. Сопоставление двух переводов одного художественного текста показало, что современные переводы классических произведений отличает снижение стиля при передаче оценочных значений, что негативным образом влияет на эстетику произведения.

4. Для того чтобы наиболее полно передавать замысел автора, переводчику необходимо учитывать как широкий, так и микроконтекст, тщательно изучать стилистические особенности оригинала, и, при переводе оценочных значений, выделять их в качестве отдельной единицы перевода.

5. Вместе с тем, сравнение переводов одного и того же произведения показывает, что часто переводческие решения способствуют верной передаче замысла автора исходного произведения. Все это свидетельствует о том при переводе оценочных значений, субъективные факторы накладываются на объективные, и одной из главных задач переводчика должно стать стремление избежать субъективности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988.
2. Батурич Н. А. Психология оценивания и оценки: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – ч. I.

3. Брагина А.А. Личность автора, личность переводчика, личность писателя – три перевода одного сонета. Сборник научных трудов МГЛУ Язык поэтика перевод. Выпуск №426. Москва, 1996. – С. 7-14.
4. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. / Под ред. проф. И.И. Убина. – М.: ВЦП, 2009.
5. Гальперин И.Р. Общие проблемы стилистики // Сб. науч. тр. /МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1973. Вып. 73.
6. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. Москва Прогресс, 1984.
7. а) Колшанский Г.В. Контекстная семантика. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005.
8. б) Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Изд. 2-е, стереотипное. – М., 2005.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2011.
10. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. – М., 2001.
11. Макарова Л.С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода: Дис. ...докт. филол. наук. – М., 2006.
12. Новый большой русско-английский словарь / Д.И. Ермолович, Т.М. Красавина; Под общим руководством Д.И. Ермоловича. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.
13. Спарк М. Избранное: сборник. Портобелло Роуд. / пер. с англ. В. Муравьева. – М.: Радуга, 1984. – 512 с.
14. Спарк М. Портобелло Роуд. / пер. С. Трофимова [Электронный ресурс] <http://tarranova.lib.ru/translat/s/raznoe/spark.htm>
15. Тредьяковский В.К. Сочинения. – Т. 3. – СПб., 1849.
16. Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. / пер. с англ. Е. Д. Калашниковой. – М.: Азбука, 2011.
17. Фицджеральд Ф.С. Последний магнат. / пер. с англи. И. Майгуровой. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
18. Фицджеральд Ф.С. Последний магнат. / пер. с англ. О. Сороки. Москва: Эксмо, 2010.
19. Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. – М.: Восточная книга, 2009.
20. Fitzgerald. F. S. The Great Gatsby. – Kiev: Dnipro Publishers, 1973.
21. Fitzgerald. F. S. The Last Tycoon. – Penguin books, 2004.

22. Spark M. Portobello Road. – Penguin books Ltd., 1995.

Е.М. Девяткина
ИЯз РАН, Москва

Некоторые фонетические особенности шиланского говора эрзянского языка¹

Статья посвящена некоторым фонетическим особенностям шиланского говора эрзянского языка. Материалом исследования послужили как собственные полевые записи автора, собранные в экспедициях в Самарскую область в 2011-2012 гг., так и архивные материалы филологического факультета МГУ им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, Республика Мордовия). В работе показан основной состав гласных фонем, специфика их употребления, установлены наиболее типичные фонетические закономерности в вокализме шиланского говора.

Ключевые слова: *мордовские языки, эрзянский язык, вокализм, фонетика*

The article deals with some phonetic features in the Shilan variety of the Erzya language. The research rests on the recorded data gathered by the author during the expeditions to Samara Oblast in 2011 and 2012 and archival materials of the Philological Faculty of Ogarev Mordovia State University (Saransk). The work represents the structure of vowel phonemes, the specificity of their usage in Shilan Erzya, and the most typical phonetic regularities in Shilan Erzya vocalism.

Keywords: *Mordvin languages, Erzya, vocalism, phonetics*

Мордовские языки (эрзянский и мокшанский) вместе с марийским относятся в финно-волжской ветви финно-угорских языков. Мордовские языки довольно близки между собой, хотя имеют ряд существенных различий на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Настоящее исследование посвящено описанию некоторых фонетических особенностей одного из неизученных эрзянских говоров - шиланского, распространенного на территории Красноярского района Самарской области.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-04-00269а.

Материалом исследования послужили как собственные полевые записи автора, собранные в экспедициях в Самарскую область в 2011-2012 гг., так и архивные материалы филологического факультета МГУ им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, Республика Мордовия).

В с. Шилан проживает немногим более 700 жителей различных национальностей, а именно: мордва-эрзя, русские, чуваша, киргизы и др.; из них 60 % составляет эрзянское население, 40 % составляют русские, чуваша, киргизы, армяне. Только 40 % жителей села владеет эрзянским языком, хотя изначально население села было мордовским. По воспоминаниям местных жителей еще 20 лет назад в селе было преимущественно мордовское население, «повсюду была слышна мордовская речь».

История возникновения села неразрывно связана с процессами, происходившими на территории Российского государства, начиная со второй половины XVI века. Присоединение к России территорий Среднего и Южного Поволжья и проникновение русских в Заволжье обусловило строительство на новых рубежах государства городов-крепостей, таких как Самара, Уфа и т.д. В первой половине XVIII века сооружение заволжских сторожевых линий и строительство новых крепостей смогли обеспечить более интенсивное освоение свободных территорий. «Старая Закамская Черта представлялась ненадежным оплотом для казанской области и потому правительство решило устроить новую укрепленную линию, к чему и было приступлено в 1732 году ... от Алексеевска до Кичуя построены были тогда фельдшанцы и крепости: Красный Яр, Кондурчинская, Черемшанская, Шешминская и Кичуйская» [Самарская губерния 1864, XXI]. Особенно активный приток населения в неосвоенные и безопасные земли происходил в первой половине XIX века (1816-1834 гг.).

Отсутствие каких-либо документов о появлении мордовского поселения на территории описываемого говора не позволяет уточнить дату заселения данной местности предками носителей шиланского говора. Вполне вероятно, что с. Шилан, находящееся в 23 км. от ныне районного центра Красный Яр, могло быть основано в этот период освоения Самарского региона (по нашим данным, ранее 1850 года).

Существует также версия, что село было основано в 1852 году крестьянами Симбирской губернии из мордовских сел Пылеево, Сайнеле, Трокшкучо, Радаевка [Брыков 2008, 353].

Безусловно, люди, переселявшиеся на новые места жительства, несли с собой свою культуру, свой язык. Зачастую в одном населенном пункте оказывались жители, переехавшие не только из различных деревень и являющиеся носителями различных диалектов своего родного языка, но и люди различных национальностей (мордва, чуваша, русские, татары). В связи с этим стали появляться новые говоры, сочетающие в своей структуре элементы, характеризующие диалектные объединения на территории их первоначального формирования, и заимствованные элементы из других языков.

Исследование шиланского говора, географически расположенного далеко от мест расселения основной массы мордовского народа, обнаруживает ряд своеобразных черт, присущих только данному говору, и даёт ценный материал для изучения мордовских языков. В настоящей работе нам бы хотелось остановиться на некоторых особенностях вокализма шиланского говора.

Вопрос о классификации диалектов эрзянского и мокшанского языков остается открытым и в настоящее время. Существуют различные точки зрения, сравните: [Черапкин 1930], [Цыганов 1959] и др.

Согласно наиболее актуальной классификации эрзянских диалектов, предложенной Д.В. Цыганкиным и дополненной Г.И. Ермушкиным [Цыганкин 1979; Ермушкин 1984], в составе языка выделяется пять основных диалектных типов: центральный, западный, северо-западный, юго-восточный и смешанный.²

1) По современному административному делению говоры **центрального** диалектного типа распространены в центре восточной части Республики Мордовия (Атяшевский район, частично Ичалковский и Чамзинский районы).

² Данная классификация учитывает фонетические и морфологические особенности диалектов.

Основными отличительными чертами вокализма центрального диалектного типа являются:

- употребление в первом слоге слова гласных *a, o, e, u, i* (*i*), в некоторых говорах употребляется фонема переднего ряда нижнего подъёма *ä*;

- употребление в не-первых слогах слова гласных *a, o, e*, в составе морфем употребляется также *i*.

2) Говоры **западного** диалектного типа, в свою очередь, подразделяются на две основные подгруппы: юго-западную и северо-западную. Юго-западные говоры расположены в бассейне р. Пырма (по административному делению они находятся в на территории Кочкуровского района Республики Мордовия), говоры северо-западной ветви распространены по нижнему течению р. Инсар и среднему течению р. Алатырь (по административному делению они расположены в западной части Ичалковского района Республики Мордовия).

Основными фонетическими особенностями вокализма говоров западного диалектного типа являются:

- употребление в первом слоге слова гласных *a, o, e, u, i*, в некоторых говорах употребляется фонема переднего ряда нижнего подъёма *ä*;

- употребление гласных в не-первых слогах слова обусловлено качеством гласного в первом слоге слова.

3) Говоры **северо-западного** диалектного типа занимают бассейны р. Меня и р. Пьяна, р. Алатырь (в нижнем течении). В административном отношении это Ардатовский и Большеигнатовский районы Республики Мордовия, Гагинский, Лукояновский, Пильненский, Сергачский, Шатковский районы Нижегородской области, Алатырский и Порецкий районы Республики Чувашия.

К особенностям вокализма данного диалектного типа относится употребление гласных *u* и *i* не-первого слога слова в зависимости не только от качества гласных первого слога слова, но и от гласного *a* последующего слога (регрессивно-ассимиляторный тип).

4) Говоры **юго-восточного** диалектного типа распространены на территории мордовского Присурья в междуречье притоков р. Сура (Дубёнский, Большеберезниковский и Кочкуровский (частично) районы Республики Мордовия, Инзенский и Сурский

районы Ульяновской области, Городищенский, Никольский, Сосновоборский и Шемышевский районы Пензенской области).

Особенностью вокализма говоров данного диалектного типа является наличие редуцированных гласных.

5) Говоры **смешанного** диалектного типа распространены в бассейне р. Шокша. В связи с этим смешанный диалектный тип также называют шокшинским. Административно данные говоры расположены 10 сёлах Теньгушевского р-на и 3 сёлах Торбеевского р-на Республики Мордовия.

Специфической особенностью вокализма шокшинского диалекта является переход $a > e$ перед палатализованными согласными.

Данная классификация диалектов эрзянского языка учитывает лишь говоры раннего периода формирования. Говоры, находящиеся на восточных территориях современного расселения мордвы (Поволжье, Заволжье и юг Приуралья) в неё не входят.

Шиланский говор относится к говорам позднего периода формирования и до настоящего времени не был включен в классификацию эрзянских диалектов. По предварительным данным мы его можем отнести ко 2 диалектному типу. Задачу настоящей статьи составляет установление состава фонем говора, выявление специфики в их употреблении, установление наиболее типичных фонетических закономерностей в шиланском говоре.

Основу вокализма составляют гласные фонемы: a, o, u, i, e . После непалатализованных согласных, а также в словах с гласными заднего ряда качестве аллофонов e, i выступают $[e], [i]$ ³.

Дифференцирование гласных обусловлено тремя признаками: рядом, подъёмом, лабиализацией:

- по месту образования различаются гласные переднего ряда e, i и заднего ряда a, o, u ;

- по степени подъема различаются гласные верхнего подъема i, u и гласные среднего подъема e, o , гласный нижнего подъема a ;

³ В работе мы пользовались общепринятой финно-угорской фонологической транскрипцией. В необходимых случаях применяются также транскрипционные знаки для аллофонов, выступающих как варианты фонем в определенных позициях.

- по положению губ различаются лабиализованные гласные *o*, *u* и нелабиализованные *a*, *i*, *e*.

Ряд	Непередний		
	Передний	Нелабиал.	Лабиал.
Подъём	Нелабиал.	Нелабиал.	Лабиал.
Верхний	<i>i</i>	[<i>i</i>]	<i>u</i>
Средний	<i>e</i>	[<i>e</i>]	<i>o</i>
Нижний		<i>a</i>	

i - верхнего подъёма, переднего ряда, нелабиализованная; встречается в анлауте как перед палатализованными, так и непалатализованными согласными *is'en* 'вчерашний', *ind'z'ej* 'малина'; в инлауте и ограниченно в ауслауте после палатализованных согласных: *s'il'če* 'бородавка', *pil'i* 'ухо', *piz'ol* 'рябина', *kr'inka* 'горшок', *kir'pec* 'кирпич', *pir'e* 'сад', *mir'd'e* 'супруг', *vir'zaraz* 'глухарь';

[*i*] - верхнего подъёма, задне-переднего ряда, нелабиализованная; в анлауте не встречается, в инлауте и ауслате встречается в позиции после твердых согласных: *s'ivel* 'мясо', *k'irgapar* 'шея', *t'in* 'вы', *nolgi* 'сопля', *šožd'in'e* 'лёгкий', *kop'ir* 'спина', *kom'ir* 'горсть', *mor'i* 'он поёт', *čokšni* 'вечер', *piz'im'i* 'дождь'.

В некоторых говорах эрзянского языка в первом слоге вместо *i* может употребляться редуцированный *ы*-образный гласный: шил., лит. *kir'ga* - арм., каб. *k'irga*. Д.В. Цыганкин объясняет появление редуцированного звука в подобных словах особенностями некогда существовавшего мокшанского типа ударения, когда гласный *i* первого слога оказывается в слабой позиции при наличии в слове *a*, перетягивающего ударение с первого слога на себя, подвергается редукции [Цыганкин 1979, 22].

e - среднего подъёма, переднего ряда, нелабиализованная; встречается в инлауте и ауслауте после мягких, непарных согласных: *s'el'me* 'глаз', *peke* 'живот', *ked'* 'рука', *kerč* 'левый', *t'ešt'e* 'звезда', *t'ejt'er* 'девушка, дочь', *l'em* 'имя', *pel'* 'облако', *vel'e* 'село', *r'evol'evks* 'ягненок';

[*e*] - среднего подъёма, задне-среднего ряда, нелабиализованная; встречается в анлауте, в инлауте и ауслауте после твердых парных переднеязычных согласных и всегда

твердых *š, č, ž*: *ejkaks* ‘ребенок’, *er’k* ‘бусы’, *er’amo* ‘жить’, *ej* ‘лёд’, *čevt’e* ‘мягкий’, *šter’e* ‘веретено’, *kše* ‘хлеб’, *s’il’če* ‘бородавка’, *piže* ‘гнездо’, *piže* ‘зеленый’.

В диалектах эрзянского языка употребление гласного *e* в первом слоге неоднородно, четко прослеживаются изоглоссы *e / ä / i* [см. подробнее Цыганов 1964, 3-18; Цыганкин 1979, 22-26; Ермушкин 1984, 32-36]. Здесь мы лишь отметим основные отличия исследуемого говора:

шиланский говор	1-3 типы	4 тип	5 тип	значение
<i>s’el’me</i>	<i>s’el’me</i>	<i>s’äl’mä</i>	<i>s’il’me</i>	глаз
<i>pejel’</i>	<i>pejel’</i>	<i>päjil’</i>	<i>pijil’</i>	нож

Как видно из таблицы, употребление *e* в первом слоге слова является характерной чертой говоров 1, 2 и 3 типов, в 4 типе говоров употребляется *ä*, в 5 типе *i*. Варьирование употребления в первом слоге *e / ä / i* обусловлено историческим развитием языка (*e / ä / i* являются рефлексам ПМД **i* (< ФУ **i*). Согласно диалектологическим данным, развитие ПМД **i* шло последовательно и в определенном направлении: «расширение гласного **i* проходило в направлении с запада на восток и юго-восток» [Ермушкин 1984, 32]. Ср. соответствия в финно-угорских языках: эрз. *šélme, šälmä, šilme*, мокш. *šélmä* ‘глаз’; фин., *silmä*, эст. *silm*, саам. *čäl’bme*, мар. *sənzä, šihća*, удм. *šin (šinm-), šiň (šiňm-), šim (šimm-)*, к. *šin (šinm-)*, хант. *sem*, манс. *šäm, sam*, венг. *szēm*, нен. *sew*, нган. *säime*, сельк. *sai, saj, hai* < ПУ **šilmä* ‘глаз’ [ОФУЯ 1974, 400].

В шиланском говоре нами выделена группа слов, где при употреблении в первом слоге гласного *e* в не-первом слоге употребляется гласный *i*: шил. *ver’iv* - лит. *ver’ev* ‘кровавый’, шил. *vel’i* - лит. *vel’e* ‘село’, шил. *vet’i* - лит. *vet’e* ‘пять’, шил. *t’el’i* - лит. *t’el’e* ‘зима’, шил. *pil’i* - лит. *pil’e* ‘ухо’, шил. *čokšni* - лит. *čokšne* ‘вечер’, шил. *pizimj* - лит. *pizime* ‘дождь’, шил. *s’ed’ij* - лит. *s’ed’ej* ‘сердце’.

Данное явление прослеживается во 2 диалектном типе, например, в старо-турдаковском диалекте эрзянского языка [ОМД 1961, 111].

СТ.-Т.	ШИЛ.	ЛИТ.	значение
<i>s'el'mi</i>	<i>s'el'me</i>	<i>s'el'me</i>	глаз
<i>kel'mi</i>	<i>kel'me</i>	<i>kel'me</i>	ХОЛОДНЫЙ, ХОЛОД
<i>vet'i</i>	<i>vet'i</i>	<i>vet'e</i>	пять
<i>vel'i</i>	<i>vel'i</i>	<i>vel'e</i>	село

Наличие *i* в непервых слогах при *e* в первом слоге слова обусловлено существованием фонемы ФУ **ä*, которая сохранилась в некоторых диалектах эрзянского языка и в мокшанском языке [Цыганов 1964, 3-18; Цыганкин 1979, 22-26; Ермушкин 1984, 32-36]. В рассматриваемом нами говоре **ä* совпала с **e* в первом слоге слова. Фонема **ä* исчезла в шиланском говоре в то время, когда процесс ассимиляции гласных срединных слогов уже закончился.

и - верхнего подъёма, переднего ряда, нелабиализованная; встречается в анлауте и инлауте: *ur'va* 'сноха', *uz'er'e* 'топор', *utok* 'давно', *uskjma* 'везти', *numolo* 'заяц', *čufton* 'деревянный', *guj* 'змея', *sur* 'палец', *muško* 'конопля', *čir'kun* 'кузнечик, сверчок'.

В анлауте перед твердыми согласными *и* употребляется во всех диалектных типах эрзянского языка, перед мягкими парными согласными употребляется в 1-4 типах, в 5 типе вместо *и* употребляется *i*:

шиланский говор	1-4 типы	5 тип	значение
<i>uz'er'e</i>	<i>uz'er'e</i>	<i>viz'ir'</i> [Ермушкин 1984, 31]	топор
<i>ul's'</i>	<i>ul's'</i>	<i>vil's'</i> [Ермушкин 1984, 31]	быть -I PAST.III.SG

В инлауте между твердыми согласными употребление *и* в большинстве диалектов не имеет различий. В 4 диалектном типе и в ряде говоров, расположенных за территорией республики Мордовия (на территории республики Башкортостан, Оренбургской области) помимо *и* может употребляться редуцированный *ы*-образный гласный в ряде примеров:

шиланский говор	1-5 типы	частично 4 тип, ряд говоров Башк., Оренб.	значение
<i>pirnato</i>	<i>pirnams</i>	<i>р̣ь̣́rnams</i> [Ермушкин 1984, 32]	собрать
<i>pultato</i>	<i>pultams</i>	<i>р̣ь̣́lʹtams</i> [Бибин 1964,33]	сжечь

Появление редуцированного звука вместо общеупотребительного *и* в подобных словах объясняется особенностями некогда существовавшего мокшанского типа ударения (см. выше). Хотя вполне вероятно влияние последующего сонорного согласного *r, lʹ*.

o - среднего подъёма, заднего ряда, лабиальная; употребляется вне зависимости от положения: *oz'az* 'воробей', *ovto* 'медведь', *od* 'новый', *kov* 'луна, месяц', *son* 'он', *čovar* 'ступа', *lovso* 'молоко', *toro* 'творог', *sodamo* 'зять', *kolmo* 'три'.

В первом слоге употребление *o* в эрзянских диалектах практически не варьируется, хотя в 4 и 5 диалектных типах в некоторых случаях может употребляться *и*:

шиланский говор	1, 2, 3 типы	4, 5 типы	значение
<i>sovato</i>	<i>sovams</i>	<i>suivams</i> [Ермушкин 1984, 31]	войти
<i>orta</i>	<i>orta</i>	<i>urta</i> [Ермушкин 1984, 31]	болезнь

Данное явление объясняется тем, что изоглосса гласного *o*, берущего начало от прамордовского **и* (< ФУ **и*) имеет различное распространение в эрзянских диалектах. «Не произошло перехода исторического **и* в *o* в эрзянских диалектах 4 и 5 типов (в отличие от 1-3 типов) по той причине, что в 4 и 5 типах наблюдается действие фонетического процесса - сужение гласного. Сущность данного явления заключается в том, что гласный *o* эрзянского языка перед губными согласными *v, f, m* переходит в *и*» [Ермушкин 1984, 31].

a - нижнего подъёма, задне-среднего ряда, нелабиальная; употребляется в анлауте, инлауте и ауслауте: *ava* ‘мать’, *ašo* ‘белый’, *at'avto* ‘деверь’, *vaz* ‘теленок’, *saraz* ‘курица’, *šarato* ‘кислый’, *kumaža* ‘колено’, *vadr'a* ‘хороший’, *var'a* ‘дыра, трещина’, *pac'a* ‘платок’.

Гласный *a* в анлауте, инлауте перед твердым согласным, между твердым и мягким согласным употребляется во всех диалектах эрзянского языка. В инлауте между мягкими переднеязычными согласными *a* имеет различные варианты: в 1, 3, 4 диалектных типах употребляется *a*, в 2, 5 и частично 4 диалектных типах употребляется *e*⁴:

шиланский говор	1, 3, 4 типы	2, 5, частично 4 типы	значение
<i>pr'as'</i>	<i>pr'as'</i>	<i>pr'es'</i>	голова- DD.SG.NOM
<i>tr'as'</i>	<i>tr'as'</i>	<i>tr'es'</i>	воспитывать- I PAST.III.SG

Итак, диалектные системы вокализма можно разделить на две основные группы: 1) с составом пяти фонем: *a, o, u, i, e*; 2) с составом шести фонем: *a, ä, o, u, i, e*.

Согласно приведенным выше данным вокализм шиланского говора можно отнести к системе 2 диалектного типа.

В первом и непервом слогах слова шиланского говора употребляются пять гласных фонем. Гласные первого слога слова являются довольно устойчивыми и меньше всего подвергшимися изменениям. Вокализм непервого слога слова шиланского говора характеризуется некоторыми закономерностями: гласный *a* не может употребляться между мягкими согласными; *e, o* употребляются независимо от фонетического положения; в непервом слоге исконных эрзянских слов редко встречается лабиализованный гласный *u*.

⁴ Необходимо отметить, что в данном случае в говорах наскавтымской эрзи и в поузских говорах будет употребляться ä: *pr'äs'* ‘голова та’, *tr'äs'* ‘воспитывал’ [Ермушкин 1984, 29].

Сокращения

I PAST – первое прошедшее время; III – 3 лицо, DD – указательное склонение; NOM – Номинатив; SG – единственное число; арм. – говор с. Армиево Пензенской области; Башк. – говоры эрзянского языка на территории республики Башкортостан; венг. – венгерский язык; драк. – дракинский диалект; к. – коми язык; каб. – говор с. Кабаево республики Мордовия; лит. – литературный; мар. – марийский язык; манс. – мансийский язык; мокш. – мокшанский язык; нган. – нганасанский язык; нен. – ненецкий язык; Оренб. – говоры эрзянского языка на территории Оренбургской области; ПМД – мордовский язык-основа; ПУ – уральский язык-основа; саам. – саамский язык; сельк. – селькупский язык; ст.-т. – старо-турдаковский диалект; удм. – удмуртский язык; фин. – финский язык; ФУ – финно-угорский язык-основа; шил. – шиланский говор; хант. – хантыйский язык; эст. – эстонский язык.

Литература

1. Брыков 2008 – *Брыков Ю.В., Максимова М.А.* Муниципальный район Красноярский Самарской области. История, события, экономика, культура. Красный Яр-Самара, 2008.
2. Бубрих 1953 – *Бубрих Д.В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.
3. Евсевьев 1931 – *Евсевьев М.Е.* Основы мордовской грамматики. Эрзянь грамматика. М., 1931.
4. Ермушкин 1984 – *Ермушкин Г.И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М., 1984.
5. Имайкина 2008 – *Имайкина М.Д.* Неень шкань эрзянь кельсь. Фонетика. Саранск, 2008.
6. ОМД 1961 – Очерки мордовских диалектов. Т. 1. Саранск, 1961.
7. ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
8. Самарская губерния 1864 - Самарская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб, 1864.
9. СМЯ 1992 – Современные мордовские языки. Фонетика. Сост. и общая ред.: Л.В. Бондарко, О.Е. Полякова. Саранск, 1992.

10. Феоктистов 1975 – *Феоктистов А.П.* Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийской-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.
11. Цыганкин 1979 – *Цыганкин Д.В.* Фонетика эрзянских диалектов. Саранск, 1979.
12. Цыганов 1959 – *Цыганов Н.Ф.* К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка // Собрание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. М., 1959.
13. Цыганов 1964 – *Цыганов Н.Ф.* Гласные первого слога слова в мордовских диалектах // Ученые записки МГУ. 1964. № 43.
14. Черепкин 1930 – *Черепкин И.Г.* Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1930. Т. 8. Вып. 3.

Д.В. Димитриев
ИЯз РАН, Москва

Некоторые аспекты финитной парадигмы и словообразования дезидеративов в ведийском и санскритском языках

Ведийские дезидеративные глаголы, благодаря своей способности образовывать все видо-временные формы за исключением имперфекта: настоящее время, простое будущее время (и описательное будущее время), прошедшие времена (описательный перфект, перфектное причастие, аорист), а также пассив, каузатив, отглагольные существительные и прилагательные, **сохраняются в санскрите** функционирующим наклонением, в отличие от субъюнктива и инъюнктива практически исчезнувших в санскрите, превосходя оптатив в возможности передачи соответствующей информации в системе времён санскрита.

Ключевые слова: *дезидеративы, дезидеративные глаголы, санскрит, ведийский язык.*

The paper deals with certain aspects of finite paradigm and formation of Sanskrit and Vedic Sanskrit desiderative verbs, which were able to have forms of the present tense, the future tense, the descriptive future tense, the descriptive perfect, the aorist, the passive voice, the passive participle, and the causative, as well as deverbal nouns and adjectives. Desiderative verbs had specific functions in Sanskrit not unlike those of the optative, but with some differences. The reason for retaining desiderative verbs in the language was derivation.

Keywords: *desideratives, desiderative verb, Sanskrit, Vedic Sanskrit*

1. **Дезидеративные глаголы (ДГ)** выражают желание или намерение говорящего совершить действие, обозначаемое корнем глагола. ДГ имеют грамматический способ выражения модальности суффиксом sa/ isa. Среди индоевропейских языков ДГ представлены в индоиранских языках, образуясь примерно от полутора сотен глагольных корней в ведийском языке и от любого глагольного корня в санскрите. Для примера возьмём ДГ от корня **jñā** «знать, понимать» и сравним с русским сослагательным наклонением.

Таблица 1

язык	местоимение	модальная форма	глагол
Русский	Я	хотел бы	знать
Ведийский Санскрит	<i>jijñāsāmi</i>		

Как видно из таблицы 1, в ведийском и санскрите (**ВС**) ДГ представлен синтетической формой для всех грамматических категорий: глагола, лица, числа, времени и модальности [7].

2.1 Образование основ ДГ происходит по следующей схеме в таблице 2:

Таблица 2

удвоительная часть	корень	суффикс sa	личное окончание
jī	jñā	sa	ā-mi

2.2. Удвоение корня имеет следующие особенности:

1) в удвоительной части (**УЧ**) при образовании основ ДГ выступает гласный **i**, кроме тех случаев, когда в глагольном корне находится гласный **u** (u, o, au) или корень начинается с гласного;

2) если в глагольном корне находится гласный **u** (u, o, au), то в удвоительном слове представлен гласный **u**: *hu* 'жертвовать' → *ju-hū-ṣa-ti*;

3) корни с начальной гласной при образовании ДГ удваиваются полностью, имея гласный удвоительного слога в средней (или сильной) ступени, а гласный корня измененным в **-i**: *iṣ* 'желать' → *eṣ-iṣ-iṣa-ti*;

4) у корней с начальными придыхательными согласными при удвоении придыхание утрачивается: *bhū* 'быть' → *bu-bhū-ṣa-ti*;

5) начальные согласные I ряда (варги) в большинстве случаев при удвоении изменяются в соответствующие согласные II ряда (варги): *kar* 'делать' → *ci-kīr-ṣa-ti*; однако в некоторых корнях начальные палатальные **c** и **j** восстанавливаются в соответствующие задненёбные согласные **k** и **g**: *cit* 'замечать' *ci-*

kit-sa-ti;

6) начальный согласный **h** изменяется в **j**: *hvā* 'звать' → *ju-hū-ṣa-ti*;

7) корни, начинающиеся с **s** + шумной глухой, при удвоении утрачивают **-s**: *stambh* 'поддерживать' → *tī-stambh-iṣa-ti*;

8) корни с долгими гласными имеют в удвоении эти гласные краткими: *śtī* 'лежать' → *śi-śayi-iṣa-te*;

9) корни, в которых за начальной согласной следует **-r-**, в удвоении **-r-** утрачивают: *śrī* 'прилипать, зависеть' → *śi-śray-iṣa-ti*;

10) корни, начинающиеся с **ya-** имеют в удвоении соответственно **-yi**: *yā* 'идти' → *iyuā-sa-ti*.

2.3 Ряд глагольных корней образуют ДГ без удвоения. Например, *āp* 'достигнуть' → *īp-sa-ti*, *labh* 'получать, добывать' → *lip-sa-te*, *dā* 'дать' → *dit-sa-ti*.

2.4.1 В большинстве корней **aniṭ** гласные стоят в слабой ступени. Например, *sidh* 'совершать' → *si-ṣit-sa-ti*, но в случае, если корень **aniṭ** оканчивается гласным **u** или **i**, то эти гласные в корне переходят в **ū** и **ī**. Например *su* 'выжимать' → *susū-ṣa-ti*; *ji* 'победить' → *ji-gī-ṣa-ti*.

2.4.2 В большинстве глагольных корней **seṭ** – в ступени **guṇa**. Например, *kram* 'ступать, шагать' → *ci-kram-iṣa-ti*.

2.5 ДГ спрягаются как глаголы первого главного спряжения, принимая первичные личные окончания в залогах *parasmaipada* и *atmanepada*:

kim na indra jighāṃsasi bhrātaro marutastava RV_01.170.02.

'Зачем ты нас, О! Индра хочешь убить? Братья – Маруты твои'.

3. ДГ в системе наклонений ВС.

Среди всех индоевропейских языков ведийский язык представлен самой богатой системой наклонений. В ведийском языке восемь наклонений, каждое из которых передаёт соответствующее отношение к действительности и соответствует определению наклонения [4].

Таблица 3

Наклонение	Пример
Индикатив (прям. наклон.) Констатация действия	<i>agnimīḷe purohitam</i> RV_01.001.01.1 'Агни я призываю'
Кондиционалис – нереальное действие, которое при определённых условиях могло бы произойти в прошлом	<i>yadi acintayiṣe tadaa āpsyas agram</i> 'Если бы ты думал, то достиг бы многого!'
Императив – приказ, побуждение, просьба	<i>asmākam astu kevalah</i> RV_01.70.10 'Да будет только нашим!'
*Инъюнктив – пожелание, намерение, призыв, запрет; Вневременной характер (воспоминание о действии богов и героев): может быть близок прошедшему, настоящему и будущему времени.	<i>juṣṣann in mrutah suṣtutim nah</i> 'Пусть возрадуются Маруты нашей прекрасной хвале!'
*Субъюнктив – возможность, вероятность, желательность, долженствование; С. находится в зависимости от других обстоятельств. В ведах futuṛum редок и С. употребляется вместо будущего времени.	<i>pra nu vocā suteṣu vām viryā</i> RV_06.59.01 'я сейчас у выжатых (сом) хочу рассказать о ваших героических деяниях'
Оптатив – желание, пожелание, совет, предписание, возможность, вероятность, сомнение	<i>ā no devah savitā jagamyat</i> RV_06.50.08 'Да прибудет к нам бог Савитар!'
Прекатив – (оптатив аориста)	<i>Devās rasam</i> 'Ты дал суть (религиозное чувство)'
Дезидератив	<i>kim na indra jighāṃsasi</i>

	V_01.170.02. 'Зачем ты нас, О! Индра хочешь убить? '
--	--

Санскрит сохраняет большинство наклонений ведийского языка за исключением субъюнктива, и инъюнктива. Функции инъюнктива сводятся к передаче запрета. Например, *mā gamah!* 'не иди!'

Одной из особенностей ВС является то, что большинство наклонений выражают желание, пожелание и намерение. В ведийском желание может быть выражено субъюнктивом, оптативом, дезидеративом, прекативом и инъюнктивом. В санскрите число наклонений, выражающих желание, уменьшается до трёх: оптатива, дезидератива и прекатива.

Субъюнктив в ведийском языке может выражать желание говорящего, соотнесённое с другими обстоятельствами. В отличие от субъюнктива, оптатив выражает действия более автономного характера. Дезидератив, в отличие от других наклонений, употребляется только для выражения намерения и желания.

4. ДГ в системе времён ВС

От основы дезидератива могут быть образованы:

4.1 Настоящее время первого главного спряжения, принимая первичные личные окончания в залогах *raḡasmaipada* и *atmanepada*: *jigīṣasi yuddhane* 'хочешь победить в битве?'

4.2 Простое будущее время и описательное будущее время *adhijigamīṣyāmi satyam* 'я захочу достичь истину'; *mumūrṣitāse* 'ты не захочешь умирать';

4.3 Описательный перфект *jijñāsām cakāra* 'он желал знать';

4.4 Аорист на *iṣ*: *ortṣos (uz rdh)* 'ты желаешь процветать'.

5. ДГ в системе субъектно-объектных отношений

5.1 Пассив. *īpsyate* 'он желает быть достигнутым';

5.2 Пассивное причастие прошедшего времени.

pahi roṣata uta ve jighaṃsato brhadbhano yaviṣṭhya RV_01.036.15.
'Защити от вредящего также или желающего убить, О ты с высоким лучом,
о самый юный!'

6. Образование каузативов. От основ ДГ могут быть образованы каузативы прибавлением соответствующего суффикса **ауа**: *gam* 'идти' → *ji-gam-iṣ-āu-a-ti*.

7. Образование прилагательных и существительных происходит по следующей схеме:

Таблица 4

Образование от основы ДГ прилагательного	основа ДГ без тематического гласного а : <i>ji</i> 'побеждать' → <i>ji-gīṣ</i>	суффикс прилагательного u :	<i>jigīṣ-u</i>
Образование от основы ДГ существительного		суффикс существительного ā :	<i>jigīṣī-ā</i>

8. Деизидеративы в диахроническом плане.

Кроме древнеиндийских языков **ВС**, ДГ встречаются в среднеиндийском языке буддийского Канона – **пали**. Образование ДГ в пали происходит также как и в **ВС** посредством удвоения корня и суффикса **sa**, однако есть и свои особенности, например

Таблица 5

	корень	УЧ	корень	суф. sa	л.о.
ВС	√ <i>bhuj</i> – есть	<i>bu</i>	<i>bhuj</i>	<i>sha</i>	<i>ti</i>
пали		<i>bu</i>	<i>Bhuj + sa</i> → <i>bhukkha</i>		<i>ti</i>
ВС	√ <i>pv</i> пить	<i>pi</i>	<i>pv</i>	<i>sa</i>	<i>ti</i>
пали		<i>pi</i>	<i>pv</i>	<i>sa</i>	<i>ti</i>

Сохранение ДГ в пали подчёркивает их естественный характер, так как, в отличие от упорядоченного и нормированного санскрита, пали являлся языком, с одной стороны, более поздним по отношению к **ВС**, а с другой стороны, он был более близок к живому языку в период своего существования.

Как долго сохранялись ДГ в праkritах – это вопрос, требующий дополнительных исследований. В новоиндийском языке хинди ДГ отсутствуют как грамматическая форма.

9. Среди других древних индо-иранских языков ДГ известны в языке Авесты, где образование ДГ происходит по модели **BC**: *si-sip-sa* 'захотел приняться, задумал' [9].

10. Таким образом, благодаря способности образовывать настоящее время, простое будущее время (и описательное будущее время), прошедшие времена (описательный перфект, перфектное причастие, аорист), пассив, каузатив, существительные, прилагательные, деизидеративы остаются в санскрите функционирующим наклонением в отличие от субъюнктива и инъюнктива практически исчезнувших в санскрите, превосходя опатив в возможности передачи соответствующей информации в системе времён санскрита.

Литература

1. Дюрозель Чарльз. Практическая грамматика языка пали 2005, стр. 132-133.
2. Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М, 1982, стр. 277-283, 374-376.
3. Зализняк А.А. Грамматический очерк санскрита // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. / М., 1987, стр. 866.
4. Красухин К.Г. Введение в индоевропейское языкознание. М., 2004, стр. 221-222.
5. Кочергина В.А. Санскрит. М., 2007, стр. 205.
6. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1987.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, стр. 321.
8. Миллер В.О., Кнауэр О.И. Руководство к изучению санскрита С.-Петербург 1891, стр. 122-124.
9. Основы иранского языкознания: древнеиранские языки. М., 1979, стр. 211.
10. Heen Francoin. Le désidératif en védique. Rodopi. Amsterdam - New-York, NY 2006.

11. Mahabharata: Aranyakaparvan Electronic text (C) Bhandarkar
Oriental Research Institute, Pune, India, 1999.
12. Ṛveda – Samhitā.

М.В. Есипова
МГУ, Москва

Вопросительные предложения в российском жестовом языке: в поисках синтаксической модели¹

Данная статья представляет собой обзор теоретических предпосылок к конструированию синтаксической модели, которая описывала бы формирование вопросительных предложений в российском жестовом языке (РЖЯ). В первой части кратко излагается классический подход к проблеме формирования вопросов в разных языках в рамках формальной лингвистической традиции. Во второй части описаны основные релевантные данные для американского жестового языка (ASL) и РЖЯ. В третьей части представлены три из имеющихся моделей для ASL с указанием на их недостатки. В четвертой части намечаются основные теоретические направления поиска подходящей модели для РЖЯ и предлагается ее черновой вариант, разрабатываемый с привлечением теории антисимметрии Кейна и картографического подхода Рицци.

Ключевые слова: *жестовые языки, российский жестовый язык, вопросительные предложения, теория антисимметрии, картографический подход*

This paper is an overview of theoretical premises for constructing a syntactic model that would account for forming interrogations in Russian Sign Language (RSL). The first part briefly describes the mainstream approach to dealing with interrogations across languages within the formal framework. In the second part we present the main relevant data for American Sign Language (ASL) and RSL. The third part lists three of the existing syntactic models for ASL pointing out their shortcomings. The fourth part contains an outline of major theoretical directions to take in search of a suitable model for RSL and

¹ Автор выражает благодарность за помощь и советы Центру образования глухих и жестового языка им. Г.Л. Зайцевой, Н. Семушиной, Д. Заварицкому, своим информантам, С. Йатридоу, Р. Бхатту. Никто из вышеперечисленных не несет ответственности за возможные теоретические, фактические или интерпретационные ошибки, допущенные в данной работе.

a concise sketch of a possible draft model in line with Kayne's antisymmetry theory and Rizzi's cartographic approach.

Keywords: *sign languages, Russian Sign Language, interrogation, Antisymmetry Theory, cartographic approach*

1. Классическая типология формирования вопросительных предложений в рамках формальной лингвистической традиции

В формальной лингвистической традиции проблема формирования вопросительных предложений рассматривается с привлечением операции синтаксического передвижения (movement). Под передвижением понимается перемещение элемента из позиции, где он получает семантическую интерпретацию, в какую-то другую позицию. В частности, с помощью передвижения вопросительных составляющих (wh-movement) образуются частные вопросы² в таких языках, как английский и русский. Рассмотрим пример:

(1) What did John buy? [англ.]

‘Что купил Джон?’

Предположительно, в (1) вопросительное слово *what* изначально занимало позицию прямого дополнения (объекта) глагола *buy*, где и получило семантическую интерпретацию, после чего переместилось влево (в позицию спецификатора CP — группы комплементаризера):

(1)' What did John buy <what>?

Разумеется, с помощью wh-передвижения образуются не только прямые, но и косвенные вопросы:

(2) I wonder what John bought <what>. [англ.]

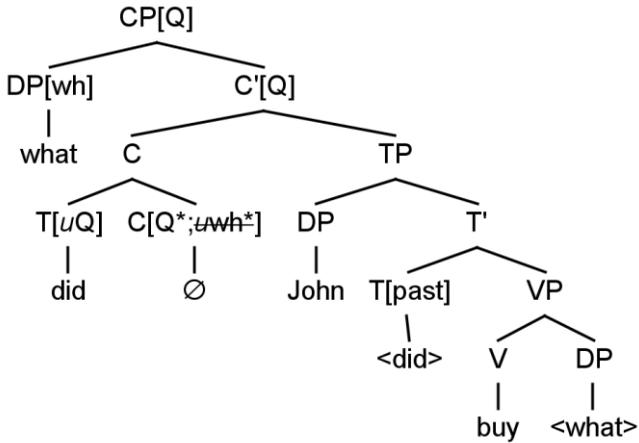
‘Мне интересно, что купил Джон.’

Графическая репрезентация данного феномена (1)' выглядит так³:

² В рамках данной работы рассматриваются исключительно частные вопросы, в дальнейшем мы не будем это эксплицитировать.

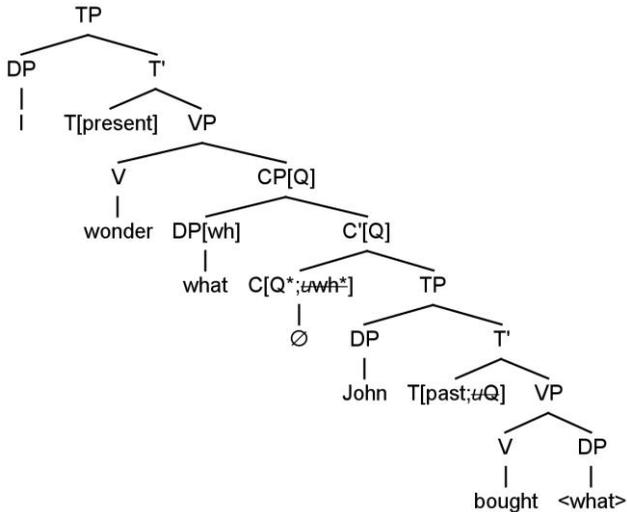
³ Данный вариант дерева взят из раздаточного материала к семинарам К. Хэйкок [7].

(1)''

В (2) вопросительное слово *what* перемещается из позиции прямого дополнения глагола *buy* в позицию спецификатора вложенной CP:

(2)'

Реализация передвижения вопросительных элементов является объектом типологического варьирования. В одних языках (как уже было показано на примере английского) наблюдается обязательное wh-передвижение⁴, в то время как в других (например, в китайском) вопросительные составляющие остаются в позиции аргумента, “in situ” (лат. «на месте») — поэтому их называют wh-in-situ языки. С.Т. Дж. Хуанг предположил, что на самом деле передвижение вопросительных составляющих в китайском языке осуществляется скрытно, после озвучивания — на уровне логической формы. Так, (4)' является логической репрезентацией (4):

(4) *nǐ xǐhuan shei?* [кит.]

you like who

‘Кого вы любите?’

(4)' [*shei_i [nǐ xǐhuan e_i]*]

who you like [8, (1), (2)]⁵

Существуют также языки (например, французский), в которых — с рядом ограничений — допускаются оба варианта:

(5) [фр.]

a. *Tu as embrassé qui?*

you have kissed who

‘Кого ты поцеловал?’

b. *Qui as-tu embrassé?* [2, (23)]

⁴ Отметим, однако, что в английском языке (впрочем, как и в русском) встречаются случаи формирования вопросов с вопросительными составляющими in situ; это могут быть т. н. эхо-вопросы (echo questions), вопросы викторин (quiz questions):

(3) [англ.]

a. *John bought what?*

‘Джон купил что?’

b. *Noam Chomsky invented what theory?*

‘Ноам Хомский изобрел какую теорию?’

⁵ В рамках данной работы мы по возможности сохраняем нотационные особенности авторских примеров, однако снабжаем их русскоязычным переводом (или заменяем им англоязычный перевод). Свои примеры мы снабжаем обозначением для немануального маркера только в случаях, когда эти маркеры для нас очевидны. При этом, на данном этапе мы никак не учитываем немануальное вопросительное маркирование в своем исследовании.

Однако Л.Л.Ш. Ченг в своей диссертации по типологии вопросительных предложений [4] утверждает, что не существует языков с опциональным передвижением и что если язык допускает появление вопросительной составляющей в вопросительном предложении⁶ в позиции аргумента (*in situ*), то его следует считать *wh-in-situ* языком. При этом выдвижение вперед вопросительных элементов в таких языках не является результатом синтаксического передвижения, а представляет собой формирование клефтингового оборота (т. е. вопросительный элемент является субъектом клефтинговой конструкции, и, по сути, никакого передвижения не происходит). Ченг признает, впрочем, что французский предоставляет контрпримеры для данного тезиса, не являясь *wh-in-situ* языком, но позволяя вопросительным элементам оставаться *in situ* в (прямых) вопросах — но не дает никакого объяснения данному феномену.

2. Данные из ЖЯ

Данные из жестовых языков (далее ЖЯ) представляют проблему для классического представления о типах формирования вопросительных предложений, поскольку в по меньшей мере некоторых исследованных ЖЯ⁷ вопросительные элементы регулярно оказываются в конце предложения:

- (6) $\frac{\text{wh}}{\text{JOHN SEE YESTERDAY WHO [ASL]}}$
 ‘Кого Джон видел вчера?’ [11, (17)]
- (7) $\frac{\text{wh}}{\text{ДЕВУШКА ЛЮБИТЬ КТО [РЖЯ]}}$
 ‘Кого любит девушка?’
- (8) $\frac{\text{wh}}{t_i \text{ HATE JOHN WHO}_i \text{ [ASL]}}$
 ‘Кто ненавидит Джона?’ [11, (20)]

⁶ Ченг эксплицитно исключает из данного анализа эхо-вопросы и вопросительные слова в позиции аргумента при множественных вопросах, когда одна из составляющих уже выдвинулась в позицию спецификатора CP.

⁷ Это справедливо как минимум для ASL, РЖЯ и бразильского жестового языка (LSB).

(9) _____ wh
ТОЧНО СКАЗАТЬ МОЧЬ КТО [РЖЯ]

‘Кто может дать точный ответ?’

(10) LEAVE MY SHOES WHERE? [ASL]

‘Где я оставил свою обувь?’ [6, (3)]

(11) _____ wh
МАМА ПАПА ГДЕ [РЖЯ]

‘Где [твои] родители?’

Согласно многочисленным наблюдениям, ASL также позволяет опционально оставлять вопросительные элементы *in situ*:

(12) _____ wh
JOHN SEE WHO YESTERDAY

‘Кого Джон видел вчера?’ [11, (16)]

(13) _____ wh
[WHO HATE JOHN]_{IP}

‘Кто ненавидит Джона?’ [11, (15)]

Согласно нашим первичным наблюдениям, в РЖЯ оставление вопросительных элементов *in situ* не очень распространено. Однако один из наших информантов выказал предпочтение предложениям, в которых вопросительный субъект остается *in situ*:

(14)

a. _____ wh
КТО ЛЮБИТЬ ДЕВУШКА [РЖЯ]⁸
‘Кто любит девушку?’

b. _____ wh
??ЛЮБИТЬ ДЕВУШКА КТО [РЖЯ]
‘Кто любит девушку?’

Дальнейшие исследования должны будут показать, являются ли подобные предпочтения маргинальными и какие факторы могут инициировать выбор варианта с оставлением вопросительного элемента *in situ* в РЖЯ.

Также в ASL и в РЖЯ широко распространены т. н. «двойные» конструкции, в которых вопросительный элемент дублируется в начале и конце предложения:

⁸ Поверхностный порядок слов в (14а), равно как и в (13), не исключает возможности интерпретации данных предложений как случаев передвижения вопросительной конструкции влево.

(15) _____ wh
 “WHAT” JOHN BUY “WHAT”⁹ [ASL]

‘Что, что купил Джон?’ [11, (28)]

(16) _____ wh
 КТО УБИТЬ ЖЕНЩИНА КТО [РЖЯ]

‘Кто, кто убил женщину?’

Кроме того, вопросы в ЖЯ, в т. ч. «двойные», могут сосуществовать с топиками на левой периферии:

(17) ПРИВАТИЗАЦИЯ КВАРТИРЫ ДОКУМЕНТ КОГДА ТЫ
 УЛАДИТЬ КОГДА

‘Когда ты оформил документы на приватизацию квартиры?’ [1, (26)]

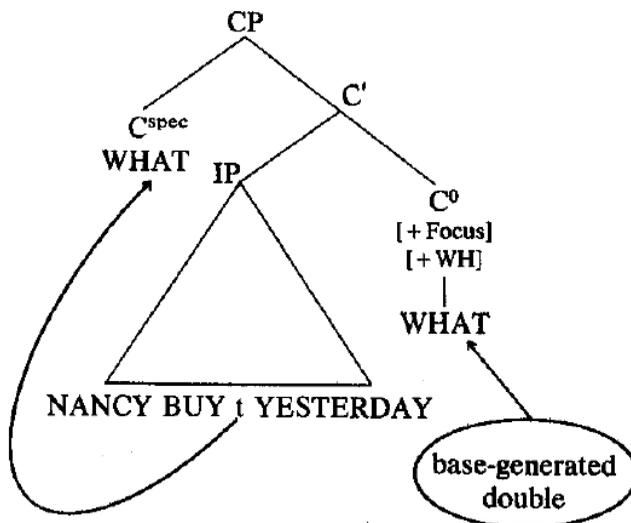
Сходство данных из ASL и РЖЯ позволяет нам предполагать, что синтаксическая модель, корректно описывающая и предсказывающая данные для одного языка, подойдет (возможно, при должной «настройке») для другого.

3. Синтаксические модели для ASL

3.1. Петронио и Лилло-Мартин: левое *wh*-передвижение в ASL

К. Петронио и Д. Лилло-Мартин (P&L) выдвинули гипотезу, что в ASL происходит (опциональное) передвижение вопросительной группы в позицию спецификатора CP, расположенную на левой периферии синтаксического дерева [12]. Поверхностный порядок слов в «двойных» конструкциях объясняется следующим образом: вопросительный элемент-«двойник» (*double*) занимает позицию вершины C, которая расположена на правой периферии предложения, и имеет фокусное прочтение. При этом, левая копия-«близнец» (*twin*) может не озвучиваться — это объясняет конструкции, в которых вопросительный элемент присутствует только в конце предложения. Представление об архитектуре дерева и механизме порождения вопросительных предложений в модели P&L можно получить из следующей графической репрезентации:

⁹ В нотации «Бостонской» группы “WHAT” в кавычках используется для обозначения универсального (*generic*) вопросительного жеста, который как утверждается в [11], способен заменять частные вопросительные жесты подобно местоимению.

(18) [12, (20a)]

Очевидно, что данный анализ не предсказывает предложений, где на правой периферии оказывается не одна только вершина, а целая вопросительная группа. P&L говорят о неграмматичности подобных примеров, однако, это заявление оспаривается «Бостонской» группой исследователей:

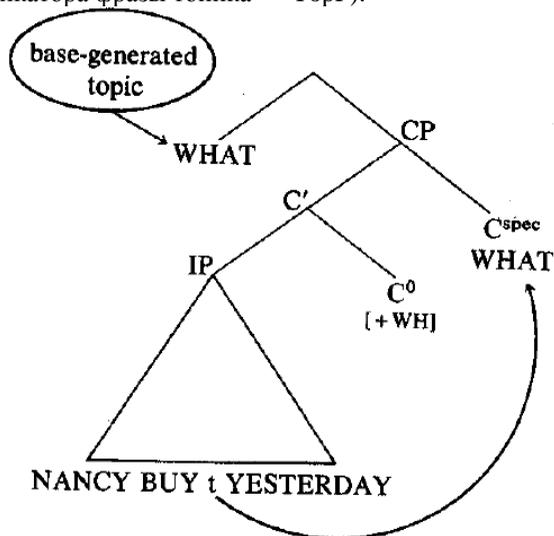
(19) $\frac{\text{wh}}{[\text{JOHN BUY } t_i \text{ YESTERDAY}]_{\text{IP}} [\text{WHICH COMPUTER}]_i}$
 ‘Какой компьютер купил Джон вчера?’ [11, (36)]

Согласно нашим наблюдениям, РЖЯ также допускает появление на правой периферии целых wh-групп. Таким образом, модель P&L не может быть применена к РЖЯ в неизменном виде.

3.2. NMLBK: правое wh-передвижение в ASL

Коллектив авторов из Бостона — К. Найдл, Д. Маклафлин, Р. Ли, Б. Бахан, Дж. Кегл («Бостонская» группа, NMLBK) — предложил модель с правым передвижением вопросительных конструкций в позицию спецификатора CP (расположенную, соответственно, на правой периферии синтаксического дерева). Согласно их гипотезе, в «двойных» конструкциях левопериферийный элемент представляет собой топик, зародившийся в позиции, расположенной выше CP (у NMLBK она

никак не помечена, предположительно, это позиция спецификатора фразы топика — TopP).

(20) [12, (20b)]

В качестве одного из доказательств NMLBK приводят примеры предложений ASL, в которых wh-топики свободно чередуются с другими базово-порожденными топиками:

- (21)
- a. $\frac{\text{wh}}{\text{WHO VEGETABLE PREFER POTATO WHO}}$
 'Кто из овощей, кто предпочитает картошку?'
- b. $\frac{\text{tm2}}{\text{VEGETABLE WHO PREFER POTATO WHO}}$
 'Из овощей кто, кто предпочитает картошку?'

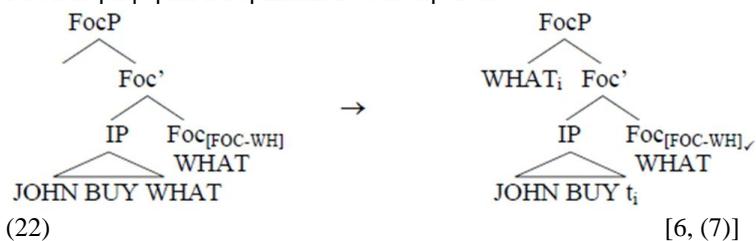
[11, (29), (30)]

Анализ, предлагаемый «Бостонской» группой, кажется нам малоубедительным в части представления левопериферийных вопросительных элементов как топиков. Вслед за рядом исследователей (например, [3]) мы склонны считать идею о возможности топикализации вопросительных элементов контринтуитивной: в самом деле, топикализированный материал должен содержаться в пресуппозиции — как может содержаться в пресуппозиции вопросительный элемент, для нас неочевидно.

Кроме того, помимо нестандартной (типологически необычной) архитектуры дерева, сама идея правого *wh*-передвижения в ASL сталкивается с проблемой эмпирического рода. В своем исследовании Д. Лилло-Мартин и Р.М. де Квадрос показывают, что при усвоении ASL и LSB глухие дети сначала начинают употреблять конструкции с вопросительными элементами на левой периферии или *in situ*, а вопросы с правопериферийными вопросительными элементами и «двойные» конструкции возникают в их речи значительно позже [10]. При попытке объяснить эти данные «правосторонний» анализ определенно столкнется с трудностями.

3.3. Денхам: отсутствие *wh*-передвижения в ASL

Анализ, предлагаемый К. Денхам, постулирует отсутствие собственно *wh*-передвижения в классическом понимании в ASL (за исключением случаев, когда его инициирует матричный глагол в косвенных вопросах). «Двойные» конструкции Денхам анализирует как фокусные — причем она предлагает единообразный подход для любого удвоения (вопросительных, модальных, отрицательных и др. элементов), однако, только вопросительные элементы входят в деривацию, будучи маркированы как фокус, т. е. содержат признак FOC-WH, и именно поэтому они поднимаются в левопериферийную позицию спецификатора FocP. Архитектура дерева Денхам напоминает таковую из модели P&L — с расположением спецификатора FocP на левой периферии и вершины Foc на правой:

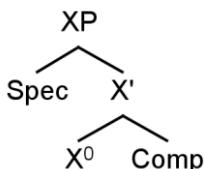
Предложения, которые содержат вопросительный элемент только на правой периферии, Денхам никак не анализирует — предположительно, здесь подразумевается та же идея неозвучивания левой копии, что и у P&L. В любом случае, проблема объяснения возникновения на правой периферии целых

групп, а не только вершин, которую мы отметили для модели R&L, сохраняется и для этого анализа.

4. В поисках альтернативной модели

Ни одна из представленных выше моделей не является совместимой с теорией антисимметрии Р. Кейна [9]. Кейн постулирует универсальную и простую архитектуру синтаксического дерева для всех языков — спецификатор–вершина–комплемент:

(23)

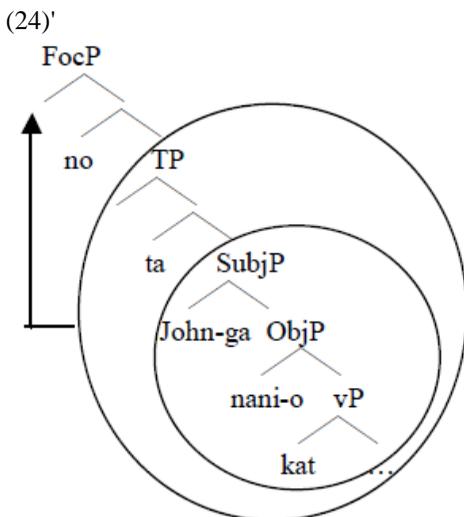
Любые отклонения от данной схемы в поверхностном порядке слов получаются в результате передвижения. Так, например, порядок слов в вопросительных предложениях японского языка с вопросительными частицами *ka/no* на правой периферии реинтерпретируется в рамках теории антисимметрии как результат передвижения всего комплемента вопросительной частицы (т. е. группы предложения — TP) левее этой частицы. Механизм этого передвижения представлен в (24)¹⁰: вопросительная частица *no* находится в позиции вершины Foc, а TP передвигается в позицию спецификатора FocP и оказывается, таким образом, левее *no*¹⁰.

(24) John-ga nani-o katta no? [яп.]

John-Nom what-Acc bought Q

‘Что купил Джон?’ [14, (5)]

¹⁰ Для простоты я опускаю здесь операции передвижения, которые привели к поверхностному порядку слов в самой TP.

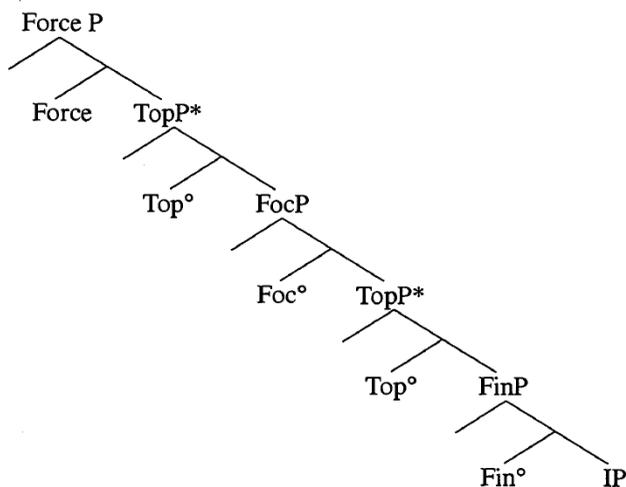
[14, (6)]

В своей курсовой работе по вопросительности в РЖЯ П. Кебец приводит анализ данного примера из японского, предполагая, что некое подобие данного механизма можно применить к материалу РЖЯ. Однако, вывод, который он делает, кажется нам несколько странным (или неточно сформулированным). Кебец пишет: «Получается, что фактически нет никакого выноса. Wh-группа всегда находится *in situ*. И предложение либо переносится в спецификатор фокуса вопроса (тогда вопросительное слово оказывается на правой периферии предложения), либо остается на месте (тогда все предложение интерпретируется в линейной последовательности)» [1]. Полной аналогии с примером (24) в случае с вопросами в РЖЯ быть не может — частица *no* является вершиной, изначально расположенной за пределами TP, а не группой в составе TP, в то время как нас интересует объяснение поведения wh-групп. Если wh-группа, как предполагает Кебец, остается *in situ*, она неизбежно должна будет переехать вместе с TP, в которой находится, и ни на какой правой периферии она не окажется. Соответственно, чтобы избежать передвижения вместе с TP, wh-группа должна сначала выдвинуться за пределы TP в какую-нибудь подходящую позицию, после чего остаток TP должен будет переехать еще левее. Такой набор операций даст нам

поверхностный порядок в простых нейтральных частных вопросах РЖЯ с вопросительной группой на правой периферии.

Построение подобной модели с неоднократным передвижением влево требует весьма подробной детализации структуры левой периферии синтаксического дерева в духе (хотя бы умеренного) картографического подхода. Обратимся к классической работе Л. Рицци [13], в которой он предпринимает попытку «дробления» зоны комплементаризера — участка между IP^{11} и CP . Он «расщепляет» проекцию C на две функциональные проекции исходя из функций комплементаризера как «посредника» между пропозициональным содержанием (содержащимся в IP) и структурой высшего уровня (например, главным предложением): $Force$ (тип предложения) и Fin (финитность). Между $FinP$ и $ForceP$ Рицци помещает систему проекций топика и фокуса (Top и Foc , соответственно). Таким образом, левая периферия синтаксического дерева приобретает следующий вид:

(25)

[13, (41)]

Под топиком Рицци понимает некий элемент, выражающий контекстуально очевидную информацию, содержащуюся в

¹¹ Для группы предложения мы используем обозначение TP , Рицци — IP . В рамках данной работы разница остается чисто терминологической.

пресуппозиции. К топикам прилагается комментарий, содержащий новую информацию. Понятие фокуса в каком-то смысле противоположно понятию топика: фокус содержит новую информацию, на которой делается акцент, а к нему прилагается контекстуально очевидная, содержащаяся в пресуппозиции информация.

В рамках поиска подходящих позиций для передвижения *wh*-элемента и остатка ТР в РЖЯ, мы могли бы допустить, что *wh*-элемент¹² перемещается в позицию фокуса (в этом смысле мы солидарны с К. Денхам и ее интерпретацией вопросительных элементов как тесно связанных с фокусом и, вероятно, «врожденно» маркированных как фокусные). Остаток ТР, в свою очередь, перемещается левее, в позицию спецификатора *TopP*, т. е. топикализуется — в самом деле, в частных вопросах вся информация, кроме, собственно, недостающей, той, о которой спрашивают, по всей видимости, тривиально находится в пресуппозиции.

Такая последовательность передвижений даст нам поверхностный порядок в предложениях с одним вопросительным элементом (вершиной или группой) на правой периферии. Не составит проблем объяснить и аналогичные предложения с последующей топикализацией аргументов из уже вынесенной в топик ТР:

(26) ЖЕНЩИНА УБИТЬ КТО [РЖЯ]

‘Женщину кто убил?’

Множественная топикализация вообще типична для ЖЯ (по крайней мере, для ASL и РЖЯ), а механизм, предложенный Рицци, предполагает рекурсивность проекции *Top*. В самом деле, определение топика не накладывает ограничений на содержание комментария — последний также может содержать информацию, находящуюся в пресуппозиции, — поэтому *TopP* вполне может иметь в качестве компонента другую *TopP*.

Однако в наши задачи входит также объяснение «двойных» конструкций, равно как и двойных конструкций с топиками (типа

¹² То есть. группа или вершина. Логично предположить, что если передвигается вся группа, то она оказывается в позиции спецификатора *FocP*, а если передвигается только вершина, то она и занимает позицию вершины.

(17)). В такой ситуации нам необходимо будет постулировать дальнейшее передвижение еще одной копии¹³ вопросительного элемента. В системе Рицци проекция фокуса, в отличие от проекции топики, нерекурсивна — фокус может присоединять в качестве комплемента только подразумеваемую информацию, т. е. никак не другой фокус. Именно поэтому, как утверждает Рицци, предложение не может содержать два фокализованных элемента. Тем не менее, в данном ограничении речь идет о двух разных фокализованных элементах, а не о двух реализациях одного и того же фокализованного элемента. Возможно, мы могли бы предположить наличие еще одной фокусной позиции, предположительно, обладающей некоторым интерпретативным отличием (например, эмфатический фокус — EFoсP), между TopP и FocсP.

Альтернативным вариантом было бы предположение, что РЖЯ позволяет копии вопросительного элемента в конечном итоге все-таки передвинуться в позицию спецификатора FocсP (все той же CP в классической терминологии). Более того, вслед за Денхам, мы готовы допустить, что это может быть даже обязательным в случаях, когда того требуют некоторые матричные предикаты в косвенных вопросах. В таком случае наличие еще одного топики (топиков) левее «двойной» конструкции предполагает, что они расположены выше FocсP (CP) и, по всей видимости, являются базово-порожденными (ср. представление «Бостонской» группы о месте зарождения топиков (20)). Если это действительно так, подобные конструкции, как нам представляется, должны будут иметь ограничение на встраивание в качестве придаточных. В самом деле, матричный предикат «ищет» себе предложение, исходя из его коммуникативного типа, а не из наличия/отсутствия в нем топикализованных элементов. Необходима тщательная эмпирическая проверка реальности данного ограничения — именно в этом мы видим одну из своих основных задач на ближайшее время.

¹³ В рамках данной работы мы принимаем свойственную минимализму «теорию копий» — представление об операции передвижения как о перемещении фонетических копий элемента без удаления «оригинала» [5].

Литература

1. Кебец П. Вопросительность в русском жестовом языке. Курсовая работа 3 курса, МГУ, 2011.
2. Bošković Ž. Wh-Phrases and Wh-Movement in Slavic. Manuscript, University of Connecticut, 1998.
3. Bresnan J., Mchombo S. Topic, pronoun and agreement in Chichewa // *Language* 63(4), pp. 741 – 782, 1987.
4. Cheng L.L.C. On the typology of wh-questions. Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology, 1991.
5. Chomsky N. The Minimalist Program. MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 1995.
6. Denham K. Is There Really *WH*-movement in American Sign Language? Selection and Projection of C. Draft, 1999.
7. Heycock C. How to do things with clauses? Handout, NYI, Saint-Petersburg, 2011.
8. Huang C-T.J. Move *wh* in a language without *wh*-movement // *Linguistic Review* 82(1), pp. 369–416, 1981.
9. Kayne R. The Antisymmetry of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
10. Lillo-Martin D., Quadros R.M.d. The position of early WH-elements in American Sign Language and Brazilian Sign Language // Deen K.u., Nomura J., Schulz B., Schwartz B.D. (eds.). *The Proceedings of the Inaugural Conference on Generative Approaches to Language Acquisition*. North America, Honolulu, HI, pp. 195–203, 2006.
11. Neidle C., MacLaughlin D., Lee R.G., Bahan B., Kegl J. The rightward analysis of WH-movement in ASL: A reply to Petronio and Lillo-Martin // *Language* 74, pp. 819–831, 1998.
12. Petronio K., Lillo-Martin D. Wh-Movement and the position of Spec-CP: Evidence from American Sign Language // *Language* 73, pp. 18–57, 1997.
13. Rizzi L. The Fine Structure of the Left Periphery // Haegeman L. (ed.). *Elements of Grammar. A Handbook in Generative Syntax*. Kluwer, Dordrecht, etc., pp. 281–337, 1997.
14. Soare G. A Cross-linguistic Typology of Question Formation and the Antisymmetry Hypothesis // Ellison-Campbell G., Soare G. (eds.). *Generative Grammar in Geneva* 5, pp. 107–133, 2007.

Н.А. Зевахина
НИУ ВШЭ, Москва

**Экспериментальные исследования
в области прагматических импликатур
(как одно из направлений лингвистической прагматики)**

Данная работа посвящена ряду экспериментальных исследований в области скалярных импликатур, изучаемых в соответствующем направлении современной лингвистической прагматики. В работе последовательно излагаются результаты серии экспериментов, показывающих внутрискалярную и межскалярную разнородность скалярных импликатур. Приводится дополнительный аргумент в пользу относительно невысокого коэффициента порождения скалярных импликатур у прилагательных.

Ключевые слова: *лингвистическая прагматика, экспериментальная лингвистика, прилагательные, скалярные импликатуры*

The paper discusses a series of experimental studies of scalar inferences studied in the dedicated area of pragmatics. The Experimental evidence for heterogeneity of scalar inferences within and between scales is presented. Besides, the article argues for relatively low rates of adjectival scalar inferences.

Keywords: *linguistic pragmatics, experimental linguistics, adjectives, scalar implicatures*

1. Введение

Настоящая работа посвящена ряду экспериментальных исследований в области прагматических импликатур, изучаемых в соответствующем направлении современной лингвистической прагматики.

Работа состоит из трех разделов.

Во введении кратко излагаются теория импликатур П. Грайса и теория скалярных импликатур Л. Хорна (см. 1.1), а также перечисляются описанные в литературе факторы, влияющие на порождение импликатур (см. 1.2).

В следующем разделе описываются наши собственные экспериментальные исследования, которые выявляют еще два

фактора, влияющие на порождение импликатур, – «доступность» скалярных альтернатив и семантическое расстояние между ними (см. 2.1 и 2.2). Эти два фактора объясняют разнородность скалярных импликатур внутри и между шкал, соответственно. Кроме того, эти исследования обнаруживают относительно низкий коэффициент порождения скалярных импликатур у класса прилагательных (см. 2.3).

Раздел 3 завершает настоящую работу.

1.1 Понятие импликатуры

Понятие **импликатура** было предложено англо-американским философом Гербертом Полом Грайсом в его книге [10]: «То, что говорящий имел в виду, намеревался сказать, отличается от того, что он сказал» («Whatever a speaker implied, suggested, meant, is distinct from what she said»). Например, произнося (1), Говорящий может иметь в виду (2), хотя логически из (1) не следует (2).

(1) *Если ты вымоешь посуду, я погуляю с собакой.*

(2) *Если ты не вымоешь посуду, я не погуляю с собакой.*

Понятие **импликатура** выводится из Принципа кооперации (участие Говорящего в коммуникации должно соответствовать его цели) и следующих четырех максим:

1. Максима истинности: (i) Не говори то, что считаешь ложным; (ii) Не говори то, в чем сомневаешься.

2. Максима информативности: (i) Говори настолько информативно, насколько это требуется; (ii) Не говори более информативно, чем требуется.

3. Максима релевантности: Будь релевантным (говори к месту).

1. Максима ясности: (i) Избегай неясности; (ii) Избегай двусмысленности; (iii) Будь краток (избегай излишнего многословия); (iv) Будь аккуратен (систематичен).

В данной работе мы подробно рассмотрим только одну разновидность импликатур – **скалярные импликатуры**, предложенные Лоренсом Хорном в его диссертации [9]. Скалярные импликатуры выводятся из Принципа кооперации и первой подмаксимы максимы информативности (Говори настолько информативно, насколько это требуется).

Порождение скалярных импликатур основывается на априори существующих шкалах, состоящих из множества слов или выражений, ранжированных от менее информативных к более

информативным. Например, в английском имеются следующие шкалы: <*some, all*>, <*might, have to*>, <*warm, hot*> и др. Так, если Говорящий произнес (3), Слушающий может сделать умозаключение, что Говорящий полагает, что имеет место (4).

(3) *It is warm today* 'Сегодня тепло'.

(4) *It is not hot today* 'Сегодня не жарко'.

1.2 Факторы, влияющие на порождение импликатур

Теория импликатур П. Грайса и теория скалярных импликатур Л. Хорна получили широкое признание в лингвистической науке. Развивающееся сегодня направление прагматики **неограйсианство** одной из своих задач видит исследование факторов, влияющих на порождение импликатур. Эти факторы выявляются, прежде всего, экспериментальным путем, и область прагматики, занимающуюся ими (а также многими другими прагматическими явлениями), называют **экспериментальной прагматикой**. Мы остановимся на скалярных импликатурах, поскольку именно они находятся в центре внимания настоящей работы.

К факторам, влияющим на порождение скалярных импликатур, относятся порядок слов, тип экспериментального задания, фокус, партитивы, темо-рематическая структура предложения и др. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Наиболее известная работа, исследующая **порядок слов** как фактор, влияющий на порождение скалярных импликатур, является [4]. Авторы данной статьи, измеряя скорость реакции испытуемых, исследовали вопрос, в какой синтаксической позиции – позиции подлежащего или прямого дополнения – импликатура порождается «быстрее». Приведем пример стимульного предложения.

(5) *Some of the consultants had a meeting with the director. The rest did not manage to attend.* 'Некоторые консультанты встретились с директором. Остальные не смогли присутствовать.' (букв.)

(6) *The director had a meeting with some of the consultants. The rest did not manage to attend.* 'Директор встретился с некоторыми консультантами. Остальные не смогли присутствовать.' (букв.)

В результате эксперимента была обнаружена статистически значимая асимметрия между позицией подлежащего и позицией прямого дополнения для *some* (613 vs. 628 мс). Это

свидетельствует о том, что в позиции подлежащего импликатуры порождаются «быстрее», чем в позиции прямого дополнения.

Авторы работы [8] обнаружили, что в зависимости от типа задания коэффициент порождения импликатур меняется. Так, наиболее распространенные опосредованные («off-line») методики – методика оценки суждений (inference task) и методика проверки соответствия (verification task) – показали, что коэффициент порождения импликатур значительно выше в случае использования первой методики (62%), чем второй (34%). Методика оценки суждений состояла в том, что испытуемым предлагалось ответить на вопрос «да» или «нет» о заданном утверждении (например, *Some of the B's are in the box to the left. Does this imply that not all of the B's are in the box to the left?* 'Некоторые В находятся в левой коробке. Следует ли из этого, что все В находятся в левой коробке?'). Методика проверки соответствия заключалась в том, что испытуемые должны были оценить с точки зрения истинности утверждения вида *Some of the B's are in the box to the left* 'Некоторые В находятся в левой коробке' согласно следующей картинке:

(7)

BBBAAA

CCC

Как было продемонстрировано в работе [3] на примере дизъюнкции *или*, фокус также является одним из факторов, влияющих на порождение импликатур.

В работе [7] было высказано предположение, что «партитивы» вида (8б) благоприятствуют возникновению скалярной импликатуры, в отличие от (8а).

(8) а. *The fridge contains some oranges.* 'В холодильнике есть апельсины.'

б. *The fridge contains some of the oranges.* 'В холодильнике есть некоторые апельсины.' (букв.)

Наконец, автор диссертации [19] показал, что теморематическая структура дискурса влияет (однако незначительно) на порождение импликатур. Испытуемым предлагалось прочитать текст и определить, истинен или ложен ответ, не содержащий импликатуры, на вопрос по тексту, содержащему импликацию. Если испытуемые выбирали «ответ истинен», это значило, что они

не порождали импликацию. Если же они выбирали «ответ ложен», это означало, что они порождали импликацию.

2. Другие факторы, влияющие на порождение импликаций

В настоящем разделе мы покажем, что имеются два других фактора, влияющих на порождение импликаций, – «доступность» скалярных альтернатив и семантическое расстояние между ними. Эти два фактора, как мы полагаем, объясняют разнородность импликаций одной шкалы и разнородность импликаций разных шкал, соответственно.

В дополнение к этому, мы покажем, что, будучи открытым классом, прилагательные существенно отличаются от закрытых классов (кванторов, модальных предикатов и др.) с точки зрения скалярных импликаций.

2.1 Однородность импликаций?

Из Таблицы 1, приведенной ниже из работы [7], видно, что коэффициенты импликаций для различных языковых выражений существенно варьируются: минимальным является коэффициент для шкалы <*or, and*> (25%), максимальным – коэффициент для шкалы <*might, must*> (65%). Это наталкивает на мысль о потенциальной разнородности скалярных импликаций различных шкал.

Таблица 1

Источник	Скалярная импликация	Коэффициент скалярной импликации (%)
[14]	<i>or/not and</i>	25
[3], эксп. 1	<i>or/not and</i>	25
[15]	<i>or/not and</i>	54
[14]	<i>either...or/not and</i>	32
[5], эксп. 2	<i>either...or/not and</i>	33
[2], эксп. 3	<i>either...or/not and</i>	41
[13], эксп. 3	<i>some/not all</i>	59
[1], эксп. 3	<i>some/not all</i>	59
[6], эксп. 1	<i>some/not all</i>	65
[8], эксп. 2	<i>some/not all</i>	34
[13], эксп. 1	<i>might/not must</i>	65

Подтверждением этой гипотезы служит работа [11], в которой изучались языковые выражения различных шкал. Испытуемым предлагалось оценить ответ (см. (9б)) на вопрос (нейтральный, контрастный с одним элементом или контрастный с двумя элементами, см. (9а)) с точки зрения истинности/ ложности, принимая во внимание заданный факт (см. (9в)).

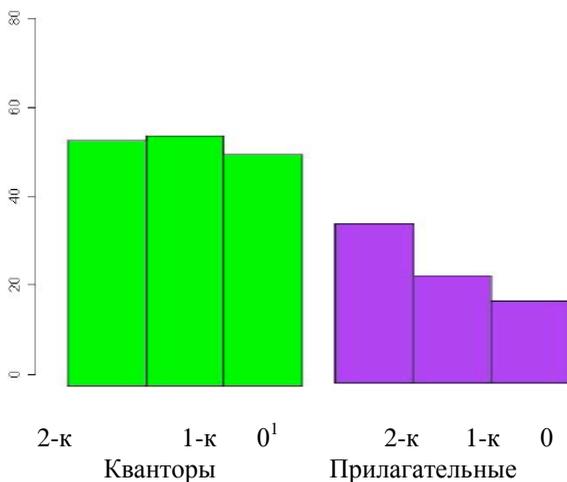
(9) а. *Irene: How attractive is Kate?; Is Kate gorgeous?; b. Is Kate average-looking, pretty, or gorgeous?* ‘Ирина: Насколько Катя привлекательна?; Катя сногшибательная?; Катя ничем не выделяется, симпатичная или сногшибательная?’ (букв.)

б. *Sam: She's pretty.* ‘Сэм: Она симпатичная.’

в. *Fact: Kate was voted “World’s Most Beautiful Woman” this year.* ‘Катя победила в конкурсе «Самая красивая женщина в мире» в этом году.’

Результаты серии экспериментов в данной работе показали, что класс прилагательных существенно отличается от класса кванторов, что проиллюстрировано на рисунке 1. Этот результат свидетельствует о неоднородности скалярных импликатур.

Рисунок 1

¹ 2-к – контрастный вопрос с двумя элементами, 1-к – контрастный вопрос с одним элементом, 0 – нейтральный вопрос.

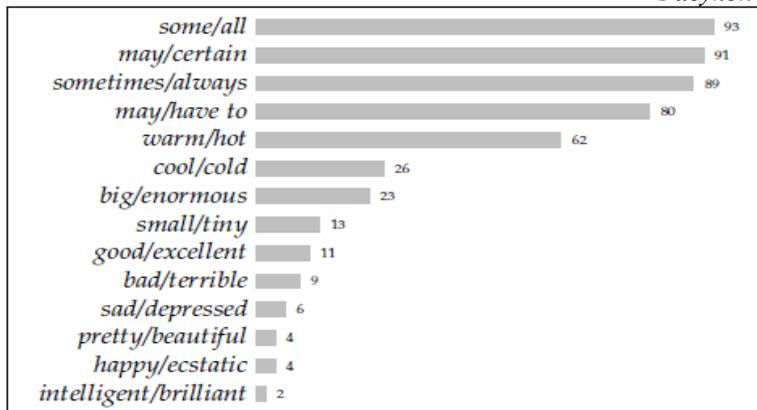
Дополнительным свидетельством в пользу неоднородности скалярных импликатур как класса является работа [17]. Стимульным материалом для **эксперимента 1** послужили прилагательные, кванторы и модальные предикаты (см. рис. 2). Испытуемые должны были выбрать ответ «да» или «нет» на вопрос о заданном предложении (см. (10)). Таким образом, использовалась методика оценки суждений.

(10) *John says: The sand is warm. Would you infer from this that, according to John, the sand is not hot?* ‘Джон говорит: Песок теплый. Сделаете ли Вы отсюда вывод, что, согласно Джону, песок не горячий?’

Если испытуемые выбирали ответ «да», это означало, что они порождали импликатуру.

Результаты эксперимента 1 представлены на рисунке 2. Поскольку была обнаружена статистически значимая вариативность между скалярными выражениями разных шкал, можно говорить о том, что импликатуры разных шкал **неоднородны**. Принимая во внимание результаты работы [11], можно с уверенностью утверждать, что импликатуры разных шкал **разнородны**.

Рисунок 2

Мы предположили, что правдоподобным объяснением полученных данных является **доступность** (availability) скалярных

выражений, которая понимается как извлечение скалярных выражений из ментального лексикона. Другими словами, наша гипотеза состояла в том, что скалярные выражения разных шкал обладают разной степенью доступности, которая, по всей видимости, может варьироваться от контекста к контексту (одни контексты ее повышают, другие понижают). Однако при этом существует «средняя» степень доступности для каждой шкалы, которая складывается как среднее всех возможных контекстов. У одних шкал «средняя» степень доступности выше, чем у других. Так, «средняя» степень доступности шкалы <*some, all*> выше, чем «средняя» степень доступности шкалы <*pretty, beautiful*>.

Для проверки этой гипотезы был проведен **эксперимент 2**, в котором с помощью методики порождения альтернатив был протестирован тот же стимульный материал, что и в первом эксперименте. Испытуемым предъявлялись высказывания вида *The sand is warm*, и они должны были предложить три альтернативы для стимульных единиц (в данном случае для прилагательного *warm*). Ожидалось, что среди альтернатив испытуемые упомянут более информативные скалярные выражения.

Статистически значимая положительная корреляция между экспериментами 1 и 2 подтверждает тот факт, что доступность скалярных выражений является значимым фактором, влияющим на порождение импликатур.

В работе [7] была высказана точка зрения, что все виды импликатур можно разделить на Q_c - и Q_o -импликатуры (т.е. на открытые и закрытые классы импликатур). В этой теории скалярные импликатуры относятся к закрытым классам. Однако в работе [18] было показано, что скалярные импликатуры можно отнести и к закрытым, и к открытым классам. Так, модальные предикаты и кванторы представляют собой закрытый класс, а следовательно, являются относительно доступными скалярными выражениями. Прилагательные относятся к открытым классам, поскольку в них отсутствует строго детерминированное множество альтернативных скалярных выражений.

Таким образом, рассмотренные два эксперимента показали, что существует еще один фактор порождения импликатур – доступность скалярных выражений. Мы считаем, что этот фактор является прямым следствием релевантности скалярных выражений определенной теме дискурса, интересам слушающего или общим

интересам говорящего и слушающего (см. подробнее работу [7]) и, кроме того, этот фактор зависит от частоты употребления скалярных выражений, их регистра и т.д.

2.2 Разнородность скалярных выражений одной шкалы

Рассмотрев разнородность скалярных выражений разных шкал, мы можем предположить, что возможна разнородность скалярных выражений одной шкалы. Например, когда мы произносим (11а) или (12а), наши слушатели скорее могут принять во внимание более информативные альтернативы (11в) и (12в), соответственно, нежели менее информативные альтернативы (11б) и (12б), соответственно.

(11) а. *Some of the guests have come.* ‘Некоторые гости пришли.’ (букв.)

б. *Not most of the guests have come.* ‘Большинство гостей не пришло.’ (букв.)

в. *Not all of the guests have come.* ‘Не все гости пришли.’ (букв.)

(12) а. *The restaurant food was palatable.* ‘Еда в ресторане была приятной на вкус.’ (букв.)

б. *The restaurant food was not tasty.* ‘Еда в ресторане не была вкусной.’ (букв.)

в. *The restaurant food was not delicious.* ‘Еда в ресторане не была очень вкусной.’ (букв.)

В [18] была выдвинута гипотеза расстояния об информативности, которая состоит в следующем:

При наличии шкалы языковых выражений $\langle \phi, \chi, \psi \rangle$ (где ϕ асимметрически влечет χ , χ асимметрически влечет ψ и ϕ асимметрически влечет ψ) и шкалы альтернативных утверждений $\sigma[\phi]$, $\sigma[\chi]$, $\sigma[\psi]$, которые говорящий мог бы произнести, если говорящий делает утверждение $\sigma[\phi]$, слушающий скорее сделает вывод о том, что говорящий не считает, что $\sigma[\psi]$ соответствует реальному положению дел, нежели сделает вывод о том, что говорящий не считает, что $\sigma[\chi]$ соответствует реальному положению дел.

Кроме того, была выдвинута **гипотеза о специфичности максимума шкалы** (или наиболее информативной скалярной альтернативы):

При наличии $\langle \phi, \chi, \psi \rangle$, где ψ соответствует максимуму шкалы (является наиболее информативным скалярным выражением), если говорящий сделал утверждение $\sigma [\phi]$, то слушающий может с высокой вероятностью заключить, что говорящий полагает, что утверждение $\sigma [\psi]$ (с наиболее информативной альтернативой) не имеет места.

Обе гипотезы были проверены экспериментально в работе [18]. Стимульный материал **эксперимента 3** (см. рис. 3) включал в себя прилагательные (6), существительные (1), глаголы (2), кванторы (3), эпистемические модальные предикаты (2). Испытуемым предлагалось выбрать ответ (на десятибалльной шкале, ранжируемой от *definitely not* ‘определенно нет’ до *definitely* ‘определенно да’) на вопрос о заданном утверждении. Например,

(13) *John says: The water in the lake is cool. Would you infer from this that, according to John, the water in the lake is not cold?* ‘Джон говорит: Вода в озере прохладная. Сделаете ли Вы из этого вывод, что, согласно Джону, вода в озере не холодная?’

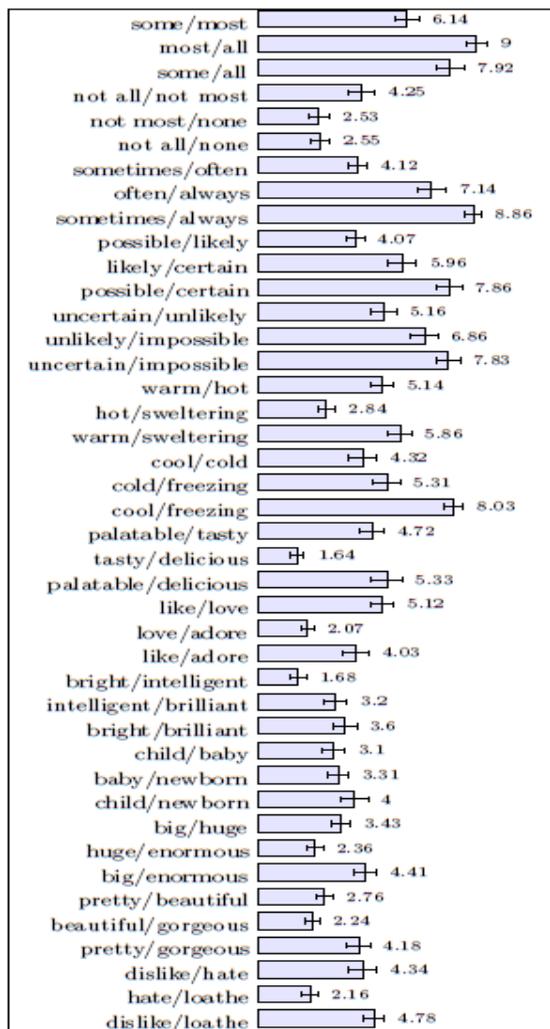
Таким образом, мы использовали методику оценки суждений, как в эксперименте 1. Результаты эксперимента представлены на рисунке 3.

Результаты эксперимента 3 подтвердили гипотезу о специфичности максимума шкалы для кванторов и модальных предикатов. Шкалы остальных стимульных единиц не имеют конечной точки, поэтому гипотеза для них не работает.

Что касается гипотезы о расстоянии по информативности, для ряда предикатов (прилагательные температуры и вкуса; глаголы $\langle \textit{like, love, adore} \rangle$) она была подтверждена. Для остальных предикатов эта гипотеза не была верна.

На основании экспериментов 1–3, можно заключить, что фактор доступности играет свою роль: только единицы доступных шкал позволяют учитывать расстояние по информативности.

Рисунок 3

Однако гипотезу о расстоянии по информативности необходимо дополнительно проверить. В связи с этим была

выдвинута **гипотеза семантической схожести**, которая состоит в следующем:

Слушающий принимает во внимание семантическую схожесть значений скалярных выражений. Если они достаточно близки, существует малая вероятность, что импликатура порождается. Если они достаточно далеки, вероятность, что импликатура порождается, увеличивается.

Если эта гипотеза подтвердится, то можно утверждать, что только единицы доступных шкал позволяют учитывать семантическую схожесть, а следовательно, и расстояние по информативности.

Эта гипотеза была проверена в **эксперименте 4** на том же стимульном материале, который использовался в эксперименте 3. От испытуемых требовалось выбрать ответ (на десятибалльной шкале, ранжируемой от *very dissimilar* ‘очень непохожи’ до *very similar* ‘очень похожи’), насколько два предъявляемых слова (семантически) схожи между собой.

(14) *love, adore* ‘любить, обожать’

В результате эксперимента были выявлены три класса, аналогичные классам в эксперименте 3. В силу статистически значимой отрицательной корреляции между экспериментами 3 и 4, мы можем заключить, что гипотеза семантической схожести верна и объясняет расстояние по информативности.

2.3 Детализация: импликатура или следствие?

Согласно Д. Льюису [12], если мы скажем, что в Нидерландах ровный ландшафт, имея в виду крупный уровень детализации, то мы можем продолжить, сказав, что на самом деле ландшафт немного неровный, переключаясь на более мелкий уровень детализации и принимая во внимание ранее не замеченные неровности. Однако если мы скажем, что в Нидерландах неровный ландшафт, мы не можем продолжить, сказав, что на самом деле он ровный, игнорируя неровности, которые мы прежде считали релевантными. Таким образом, переход от крупного уровня детализации к мелкому приемлем, однако переход от мелкого уровня детализации к крупному неприемлем.

Эта гипотеза была проверена нами в работе [16]. Стимульными материалами **эксперимента 5** послужили комбинации ряда

качественных прилагательных с наречными модификаторами *completely/ perfectly* ‘совершенно’, *entirely* ‘полностью’ и их антонимов с наречными модификаторами *slightly* ‘слегка’, *a bit* ‘немного’, *somewhat* ‘отчасти’. Испытуемые должны были ответить на вопросы о суждениях Ника и его мамы, выбрав ответ на пятибалльной шкале, ранжированной от *definitely not* «определенно нет» до *definitely* «определенно да». Примеры приведены в (15) и (16).

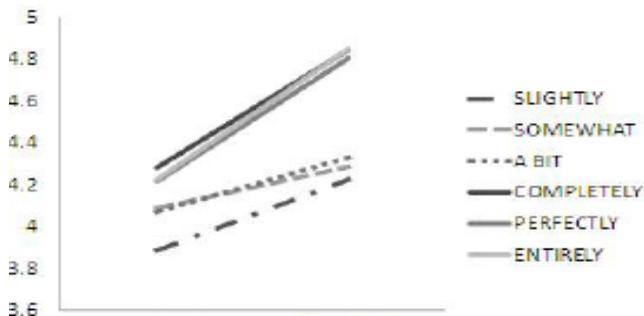
(15) *Nick says that the table is clean. Nick's mother thinks that it's completely clean. Would Nick agree that it's completely clean?* ‘Ник говорит, что стол чистый. Мама Ника считает, что он совершенно чистый. Согласится ли Ник с тем, что стол совершенно чистый?’

(16) *Nick says that the room is slightly dirty. Nick's mother thinks that it's dirty. Would Nick agree that it's dirty?* ‘Ник говорит, что комната слегка грязная. Мама Ника считает, что она грязная. Согласится ли Ник с тем, что комната грязная?’

Один из вопросов, релевантный для настоящей работы, состоял в следующем: интерпретируется ли *slightly dirty* как ‘по крайней мере слегка грязный и возможно грязный’ или ‘только слегка грязный’; интерпретируется ли *clean* как ‘по крайней мере чистый и возможно абсолютно чистый’ или ‘только абсолютно чистый’? Если испытуемые чаще выбирали бы вторые интерпретации, это бы означало, что они порождали импликатуры.

Результаты эксперимента, представленные на рисунке 4, показали, что все импликатуры относительно редко порождаются, поскольку средние значения ответов были выше значения 3.5, т.е. находятся на «положительной» половине шкалы.

Рисунок 4

3. Заключение

Подводя итоги, можно утверждать следующее.

Во-первых, существует множество факторов, влияющих на порождение импликатур (в том числе доступность шкалы и семантическая схожесть скалярных единиц внутри шкалы, что было выявлено в настоящей работе).

Во-вторых, прилагательные (и ряд других предикатов) представляют собой открытый класс альтернатив, вследствие чего импликатуры относительно редки. Кванторы и модальные предикаты образуют закрытый класс альтернатив поэтому импликатуры достаточно часто порождаются.

В-третьих, в силу того, что импликатуры для класса прилагательных относительно редки, причина приемлемого перехода от крупного уровня детализации к мелкому (но не обратно) для этого класса является семантической, а не прагматической.

Литература

1. Bott, L. and I. A. Noveck. Some utterances are underinformative: the onset and time course of scalar inferences // *Journal of memory and language*. 2004. №51. P. 437–457.
2. Braine, M. D. and B. Romain. Development of comprehension of “or”: evidence for a sequence of competencies // *Journal of experimental child psychology*. 1981. №31. P. 46–70.
3. Chevallier, C., I. A. Noveck, T. Nazir, L. Bott, V. Lanzetti, and D. Sperber. Making disjunctions exclusive // *The quarterly journal of experimental psychology*. 2008. №61. P. 1741–1760.
4. Breheny, R., N. Katsos, and J. Williams (2006). Are generalised scalar implicatures generated by default? An on-line investigation into the role of context in generating pragmatic inferences. *Cognition* 100: 434–463.
5. Evans, J. S. and S. E. Newstead. A study of disjunctive reasoning // *Psychological research*. 1980. №41. P. 373–388.
6. Feeney, A., S. Craffton, A. Duckworth, and S. J. Handley. The story of “some”: everyday pragmatic inference by children and adults //

- Canadian journal of experimental psychology. 2004. №58. P. 121–132.
7. Geurts, B. Quantity implicatures. Cambridge University Press. 2010.
 8. Geurts, B. and N. Pouscoulous. Embedded implicatures?!? // *Semantics and pragmatics*. 2009. № 2(4). P. 1–34.
 9. Horn, L. R. On the semantic properties of the logical operators in English. PhD thesis, University of California at Los Angeles. 1972.
 10. Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole and J. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics 3: Speech acts*, pp. 41–58. New York: Academic Press.
 11. Reprinted in and cited from Grice (1989: 22-40).
 12. Larson, M., R. Doran, Y. McNabb, R. E. Baker, M. Berends, A. Djalali, and G. Ward. Distinguishing the said from the implicated using a novel experimental paradigm // U. Sauerland and K. Yatsushiro (eds.), *Semantics and pragmatics: From experiment to theory*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
 13. Lewis, D. Scorekeeping in a language game // *Journal of Philosophical Logic*. 1979. №8(1). P. 339–359.
 14. Noveck, I. When children are more logical than adults: experimental investigations of scalar implicature // *Cognition*. 1979. №78. P. 165–188.
 15. Paris, S. G. Comprehension of language connectives and propositional logical relationships // *Journal of experimental child psychology*. 1973. №16. P. 278–291.
 16. Pijnacker, J., P. Hagoort, J. Buitelaar, J.-P. Teunisse, and B. Geurts. Pragmatic inferences in high-functioning adults with autism and Asperger syndrome // *Journal of autism and developmental disorders*. 2009. №39. P. 607–618.
 17. Sassoon, G. and N. Zevakhina. Granularity shifting: Experimental evidence from degree modifiers // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory 22 (SALT 22)*. В печати.
 18. Zevakhina, N. and B. Geurts. 2011. Scalar diversity. Unpublished MS. Radboud University in Nijmegen.
 19. Zevakhina, N. Granularity shifting: Experimental evidence from degree Modifiers // Aguilar, A., Chernilovskaya A. and R. Nouwen (eds). *Proceedings of Sinn und Bedeutung 16 (SuB 16)*. MA: MIT Working Papers in Linguistics. 2012. P. 647–658.

20. Zondervan, A. Scalar implicatures or focus: an experimental approach. PhD thesis, University of Utrecht. 2010.

О.В. Каменева
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**Некоторые замечания о семантической структуре
гот. *aþþan* для передачи др.-греч. коннектора *δέ***

В статье рассматриваются случаи, когда гот. *aþþan*, *ip* и *-(u)h-þan* передают др.-греч. *δέ*. Различия в употреблении указанных единиц основаны на разной степени совместимости последующего сообщения с предтекстом: несовместимость пропозиций для адверсативного союза *ip*, спонтанное сопряжение событий в контекстах с союзом *aþþan* и логически обусловленная взаимосвязь между информационными объектами для комплекса *-(u)h-þan*.

Ключевые слова: готский язык, адверсативный союз, проклитика, энклитический комплекс, дистрибутив, топикализация.

The article considers the use of Goth. conjunctions *ip* and *aþþan* and the enclitic *-(u)h-þan* to translate Gr. *δέ*. While *ip* behaves as a proper adversative conjunction, *aþþan* demonstrates a variety of meanings denoting spontaneous co-occurrence of events, the latter bearing stronger indicative force. Enclitic *-(u)h-þan* functions to express distributive text structure.

Keywords: Gothic, adversative conjunction, proclitic, enclitic sequence, distributive, topicalization.

Готский язык – единственный из древнейших германских языков, известных нам по крупным письменным памятникам, в котором сохраняются индоевропейские комплексы частиц. Вяч. Вс. Иванов в статье 1999 г. [8, 102–120] показал, что порядок следования готских энклитик подчиняется действию закона Вакернагеля и соответствует комплексам фразовых частиц в санскрите, хеттском, древнегреческом. Для большей части готских частиц в составе комплексов существуют надежные этимологии, однако функциональные характеристики описаны явно недостаточно. Между тем, в отечественном языкознании появился ряд монографий, посвященных проблемам синтаксиса частиц (или так называемых клитик) [1; 2; 3; 4; 5]. Даже на этом фоне остается много вопросов, касающихся семантики той или иной частицы

(или их комбинаций), во всяком случае, на материале готского языка [7]. В особенности это касается случаев, когда в тексте оригинала нескольким разным частицам соответствует один и тот же элемент.

В предлагаемой статье рассматриваются случаи, когда гот. *afþan*, *ip* и *-(u)h-þan* передают др.-греч. *δέ* в функции коннектора, сочетающего в себе противительное и соединительное значения [6, 162–183].

Остановимся на паре гот. *ip* и *afþan*. Согласно описанию В. Штрайтберга, оба союза функционируют в качестве адверсативных проклитик в абсолютном начале клаузы [9, 13, 70].

Очевидность противительной семантики союза *ip* явствует из антонимии, устанавливаемой между левым и правым контекстом:

- (1) *frabi leikis dauþus, ip frabi ahmins libains tō γάρ φρόνημα τῆς σαρκὸς θάνατος, τὸ δὲ φρόνημα τοῦ πνεύματος ζωή* (Rom. 8:6).
‘Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь’.

Возможно совмещение противительного и разделительного значений в тех случаях, когда союз *ip* указывает на сопоставление двух самостоятельных ситуаций:

- (2) *gastop þan Mariam miþ izai swe menops þrins jah gawandida sik du garda seinamma. ip Aileisabaiþ usfullnoda mel du bairan jah gabar sunu — ἔμεινεν δὲ μαριὰμ σὺν αὐτῇ ὡς μῆνας τρεῖς, καὶ ὑπέστρεψεν εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς. τῇ δὲ ἐλισάβητ ἐπλήσθη ὁ χρόνος τοῦ τεκεῖν αὐτήν, καὶ ἐγέννησεν υἱόν* (Lc. 1:56–57).
‘Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой. Елисавете же настало время родить, и она родила сына’.

В отношении гот. *afþan* предложенное В. Штрайтбергом сближение действительно объясняет некоторые контексты, содержащие антонимическое противопоставление, ср. тождественные фрагменты Лс.9:24 и Мс. 8:35, где в одном случае *ip*, в другом *afþan*. Однако для значительного числа случаев толкование союза *afþan* как адверсативного затруднительно, ср.: Мс. 4:14–15.

Рассмотрим несколько эпизодов из завершающей части Нагорной проповеди Христа, в которой речь идет об ошибочных толкованиях Закона фарисеями и книжниками, обращая внимание чередование союзов *ip* и *afþan*:

- (3) *hausidedub patei qipan ist haim airizam: ni maurbrjais... aḥḥan ik qiba izwis patei hvazuh modags broḥr seinamma sware, skula wairḥiḥ stauai... — ἠκούσατε ὅτι ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις, οὐ φονεύσεις... ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ ὀργιζόμενος τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ ἔνοχος ἔσται τῇ κρίσει... (Mt. 5:21 – 22). ‘Вы слышали, что сказано древним: «не убивай...». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду...’.*

Объясняется шестая заповедь, запрещающая убийство. Толкование иудейских учителей ограничивалось комментарием: «Кто убьет, подлежит суду». Таким образом, запрещался только греховный акт, но не греховное помышление.

Употребление *aḥḥan* проясняется при сближении контекста Mt.5:22 со следующими фрагментами, посвященными толкованию седьмой заповеди о прелюбодеянии:

- (4) *hausidedub patei qipan ist: ni horinos. aḥḥan ik qiba izwis, patei hvazuh saei saihviḥ qinon du luston izos, ju gahorinoda... — ἠκούσατε ὅτι ἐρρέθη, οὐ μοιχεύσεις. ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ βλέπων γυναῖκα πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι αὐτήν ἤδη ἐμοίχευσεν αὐτήν... (Mt. 5:27-28). ‘Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею...’.*

Господь не отрицает справедливость запрета *ni horinos* ‘не прелюбодействуй’. Его комментарий расширяет само понятие прелюбодеяния: запрещается не только акт прелюбодеяния, но и прелюбодейство в мыслях.

Сходное уточняющее значение *aḥḥan* можно наблюдать в финальной части Нагорной проповеди, где объясняется третья заповедь, запрещающая жесвидетельство и пустословные клятвы (Mt.5:33–34). Очевидно, что употребление *aḥḥan* охватывает те контексты, где Иисус не отрицает сказанное древним, но существенно уточняет исходную формулировку.

Напротив, в случае, когда речь идет о запрете того, что иудеи считают дозволенным в рамках Закона, др.-греч. *δέ* передается адверсативным союзом *ip*:

- (5) *qipanuh ḥan ist patei hvazuh saei afletai qen, gibai izai afstassais bokos. ip ik qiba izwis patei hvazuh saei afletiḥ qen seinā, inuh fairina kalkinassaus, taujiḥ ḥo horinon; jah sa ize afsatida liugaiḥ, horinob.— ἐρρέθη δέ, ὅς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, δότω αὐτῇ*

ἀποστάσιον. ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ ἀπολύων τὴν γυναῖκα αὐτοῦ παρεκτός λόγου πορνείας ποιεῖ αὐτὴν μοιχευθῆναι, καὶ ὅς ἐάν ἀπολελυμένην γαμήσῃ μοιχᾶται (Mt. 5:31 – 32). ‘Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует’.

Для иудеев развод считался обычной законной практикой. Иисус настаивает на том, что в обществе верующих развод мужей с женами недопустим, так как это служит одним из источников разврата. Союз *ip* поддерживает заданное контекстом противопоставление лояльных представлений иудеев и непримиримой позиции Христа, проповедовавшего запрет на расторжение брачного союза.

Таким образом, оба союза имеют общий семантический признак делимитативности, однако, в отличие от адверсативного *ip*, *aphan* индуцирует семантику совместимости сопоставленных пропозиций. Сформулированный принцип объясняет распределение союзов в комментарии Христа по поводу закона о возмещении (Mt.5:38–39) и закона о братолюбии (Mt.5:43–44).

В тексте Готской Библии отмечается несколько пар сходных контекстов, указывающих на необходимость отличать *aphan* от энклитического комплекса *-(u)h-pan*. Далее приводится фрагмент из Первого послания Апостола Павла к Фессалоникийцам:

(6) *aphan bidjam izwis, brobrjus, kunnan þans arbaidjandans in izwis jah faurstassjans izwarans in frauin... bidjamuþ-þan izwis, brobrjus, talzjaiþ þans ungatassans, þrafstjaiþ þans grindafraþjans... — ἐρωτῶμεν δὲ ὑμᾶς, ἀδελφοί, εἰδέναι τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν καὶ προϊσταμένους ὑμῶν ἐν κυρίῳ καὶ νουθετοῦντας ὑμᾶς... παρακαλοῦμεν δὲ ὑμᾶς, ἀδελφοί, νουθετεῖτε τοὺς ἀτάκτους, παραμυθεῖσθε τοὺς ὀλιγοψύχους... (1 Thess. 5:12–14).* ‘Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоителей ваших в Господе, и вразумляющих вас... Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных...’.

Закончив проповедь о проблеме времени и срока страшного суда (ст. 5:1–11), Апостол Павел обращается к концепции церкви как семьи Божией (ст. 5:12). В данном случае прагматическую

функцию союза *arban* можно определить как поворот повествования, поскольку отсутствует мотивация между соположенными сообщениями. Союз сигнализирует о том, что прерывается сюжетная линия первой части пятой главы, связанная с земной жизнью верующих и ожидающим их возмездием.

Во второй части пятой главы Апостол Павел затрагивает тему пасторства и проблему отношений между священниками и мирянами; затем он пишет об общении в поместной церкви и перечисляет обязанности ее членов, связанные с различными проявлениями заботы друг о друге. При повторном упоминании глагола *bidjan* ‘умолять’, имеющего коммуникативный статус темы, комплекс частиц в энклизе разделяет ряды однородных сказуемых и служит дополнительным средством топикализации. Существенно, что речь не идет о смене линии повествования.

Таким образом, различие между союзом *arban* и комплексом *-(u)h-ban* заключается в том, что энклитики не обладают столь сильным возмущающим эффектом и маркируют продолжение основной линии повествования, тогда как союз *arban* соотносится с усилением индикативности вследствие нарушения логической последовательности в развертывании сюжета.

Семантическая специфика комплекса *-(u)h-ban* особенно рельефно проявляется в комментариях, предваряющих прямую речь. В подобных контекстах глагол *qifan* ‘говорить’ в сочетании с комплексом энклитик указывает на продолжение слов предшествующего оратора:

(7) *qarub ban jah gajukon du im, batei... — ἔλεγεν δὲ καὶ παραβολὴν πρὸς αὐτοὺς ὅτι...* (Лс. 5:36). ‘При сем сказал им притчу...’

Показательно, что в сходных контекстах союз *ip* маркирует переключение от одного участника диалога к другому:

(8) *...qerun du imma... ip is qar im... ...λέγουσιν αὐτῶ... ὁ δὲ εἶπεν αὐτοῖς...* (Лс. 17:37). ‘[ученики] сказали Ему [Иисусу]... Он же им сказал...’

При оформлении предложных групп с обстоятельственным значением упомянутый энклитический комплекс реализует текстоорганизующую функцию, указывая на новый этап развития описываемой ситуации:

(9) *afaruh ban bans dagans inkilbo warb Aileisabaiḅ gens is jah galaugnida sik menoḅs fimf, qibandei — μετὰ δὲ ταύτας τὰς ἡμέρας συνέλαβεν ἐλισάβετ ἡ γυνὴ αὐτοῦ: καὶ περιέκρυβεν ἑαυτὴν*

μῆνας πέντε, λέγουσα (Лс. 1:24). ‘После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев и говорила...’.

Важно отметить, что последующая динамика сюжета обнаруживает причинно-следственную связь с исходным повествованием: снизошедшая на Елисавету благодать подготовлена явлением ангела Захарии и пророчеством о скором рождении на свет Иоанна-Крестителя.

Напротив, при употреблении союза *if* акцент ставится на противопоставлении разных этапов развития ситуации по наличию / отсутствию признака или, как в рассматриваемом далее фрагменте, по оправданности или бессмысленности осуществления действия:

(10) *jah andhaffjands Seimon qap du imma: talzjand, alla naht fairharbaidjandans waiht ni nemum; if afar waurda þeinamma wairgam natja* — *καὶ ἀποκριθεὶς σίμων εἶπεν, ἐπιστάτα, δι' ὅλης νυκτὸς κοπιᾶσαντες οὐδὲν ἐλάβομεν, ἐπὶ δὲ τῷ ῥήματί σου χαλάσω τὰ δίκτυα* (Лс. 5:5). ‘Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть’.

Представленный обзор позволяет сформулировать следующие выводы относительно особенностей употребления готских частиц *if*, *arþan* и *-(u)h-þan* при передаче др.-греч. *δέ*:

1. семантика адверсативности инвариантна для союза *if*;
2. энклитический комплекс *-(u)h-þan* функционирует в качестве показателя дистрибутива и разделяет логически взаимосвязанные фрагменты ситуации. В качестве дополнительной нагрузки может являться средством топикализации;
3. союз *arþan* не обладает собственно адверсативным значением и выполняет метатекстовую функцию маркера спонтанного поворота повествования, заранее не предусмотренного говорящим. Присуший *arþan* возмущающий эффект объясняет тот факт, что в тексте Евангелий данный союз встречается в прямой речи и ни разу не употребляется в нарративной части. Закономерным образом частотность его употреблений в Апостольских посланиях возрастает в пять раз по сравнению с Евангелиями. Прежде данное обстоятельство не было замечено и не имело объяснения.

В целом, в готском языке сохраняется исходная семантическая диффузность, присущая комплексам клитик и партикул [2, 201–211]. Все три рассматриваемые единицы обеспечивают новое вхождение в текст. Различия в употреблении основаны на разной степени совместимости последующего сообщения с предтекстом: несовместимость пропозиций для адверсативного союза *if*, спонтанное сопряжение событий в контекстах с союзом *afþan* и логически обусловленная взаимосвязь между информационными объектами для комплекса *-(u)h-þan*.

Литература

1. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
2. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
3. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
4. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
5. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
6. Denniston J.D. The Greek Particles, 2nd ed. Oxford, 1966.
7. Ferraresi G. Word Order and Phrase Structure in Gothic. *Orbis Supplementa* T.25. Peeters, 2005.
8. Ivanov V.V. Indo-European Syntactic Rules and Gothic Morphology // *UCLA Indo-European Studies*. Vol. 1. P. 103–120.
9. Streitberg W. *Die Gotische Bibel*. Heidelberg, 1950.

Е.М.Князева
ИЯз РАН, Москва

Динамизация глагольных форм в звучащем стихотворном тексте¹

В статье рассматривается один из процессов, происходящих при актуализации ритмики в звучащем стихотворном тексте – динамизация глагольных форм. На материале авторского исполнения русской силлабо-тонической поэзии XX-XXI вв. доказываем, что наиболее активными в этом процессе являются префиксальные глагольные компоненты. Дополнительно акцентуруемые при исполнении они часто передают дополнительную семантику глагола, дополняя и уточняя общее значение действия, выражаемого глаголом.

Ключевые слова: *звучащий стихотворный текст, актуализация ритма, дополнительная акцентуация, динамизация глагольных форм*

The article is devoted to one of the processes occurring during rhythm actualization in a recited poetic text, namely the dynamization of verbal forms. Authors' own recitation of Russian accentual-syllabic poetry of XX–XXI centuries proves that it is prefix components of verbs that are most active in this process. Additionally accentuated during recitation, they often convey additional meanings and shades thereof, complementing and specifying a general meaning of an action expressed by a verb.

Keywords: *recited poetic text, rhythm actualization, additional accentuation, dynamization of verbal forms*

Звучащий стихотворный текст является неотъемлемым компонентом акта устной поэтической коммуникации, поэтому выделяется в качестве самостоятельного объекта лингвистического исследования. При этом под **звучащим стихотворным текстом** следует понимать *любой стихотворный текст, прочитанный или произнесенный вслух, в противоположность незвучащему*

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 8009 "Языковые параметры современной цивилизации".

(печатному, написанному, представленному в письменном виде). Одним из малоизученных аспектов звучащего стихотворного текста является ритмика, а именно – языковые **факторы** ее актуализации и языковые **процессы**, происходящие при этом.

В результате сравнительного анализа ритмики более чем 160 стихотворных текстов силлабо-тонической системы стихосложения в авторском исполнении поэтов XX-XXI вв. удалось выявить, что основными факторами актуализации ритма в звучащем стихотворном тексте в сравнении с текстом печатным являются акцентуация и паузация. Детальный анализ случаев акцентных трансформаций позволил выделить четыре основных типа акцентных транспозиций²: (1) сверхсхемная акцентуация (ССА); (2) схемная акцентуация безударного икта (САБИ); (3) снятие акцентуации ударного икта (СнАУИ) и (4) авторский орфоэпический выбор (АОВ). Эти четыре типа акцентных транспозиций обуславливают языковые процессы, происходящие при актуализации ритмики в звучащем стихотворном тексте. Одним из таких процессов, имеющих место при озвучивании текста автором, – **динамизация глагольных форм**.

Стоит отметить, что особенности и активные процессы, характерные для языка поэзии³, можно наблюдать и в звучащем стихотворном тексте, т.е. в тексте исполненном. Описывая процессы, происходящие в поэзии конца XX-начала XXI века, Н.А.Фатеева отмечает, что эти процессы связаны с установкой на эксперимент, а также со стремлением достичь семантической многомерности [Фатеева 2006, 860]. Очевидно, процессы,

² Под акцентными транспозициями в нашем исследовании мы понимаем акцентные изменения, обусловленные появлением или снятием акцента в определенной позиции в строке.

³ Об активных процессах, происходящих в поэзии конца XX-начала XXI века см.: Фатеева Н.А. Что происходит в языке и за языком: активные процессы в поэзии конца XX-начала XXI века//Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С.Степанов, Н.А.Фатеева, Н.А.Сироткин. Под общ. ред. Ю.С.Степанова. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – С.860-878; а также Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., Новое литературное обозрение, 2000. – 432с.; Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: Монография. – М.: ИТДГЛ «Гнозис», 2009. – 336с.

происходящие в звучащих стихотворных текстах, связаны с потребностью автора расширить границы семантического объема исполняемого текста, с необходимостью размывания семантических границ слова, что достигается благодаря явлению полисемии. Это явление некоторые исследователи [Плунгян, Рахилина 1996, 6] считают «основным механизмом, обеспечивающим возможность употребить конечное число единиц в бесконечных контекстах». В поэтическом языке функциональной особенностью полисемии является то, что в одном контексте одна языковая единица может принимать на себя сразу несколько значений одновременно. Это можно наблюдать в том числе и при динамизации глагольных форм в звучащем стихотворном тексте.

Динамизация форм является активным процессом языка современной поэзии. Как утверждает Н.А.Фатеева, еще в начале XX века поэты понимали, что только в динамике форма может стать осязаемой и видимой. В связи с этим актуальным стало понятие «сдвига», что «в широком понимании можно рассматривать как стремление преодолеть единообразие и статичность визуальной, звуковой и ритмико-синтаксической формы стихового ряда и этим достичь многомерности» [Фатеева 2002, 6]. Эта тенденция наблюдается и при рассмотрении ритмического уровня звучащего стихотворного текста в авторском исполнении. При этом «сдвиг», как своего рода прием «преодоления единообразия», выражается в звучащем стихотворном тексте посредством появления/снятия акцентуации в той или иной позиции строки как ритмической единицы. Это явление наблюдается не только в исполнении современных поэтов, но и у представителей более ранних периодов развития поэзии. Нельзя, однако, не отметить, что количество случаев различного рода акцентных «сдвигов» в звучащем стихотворном тексте увеличивается, чем ближе поэт к современной эпохе.

Активным процессом в авторском исполнении стихотворных текстов является динамизация глагольных форм. Еще Ю.Н.Тынянов считал динамизацию речевого материала объективным признаком ритма [Тынянов 2010, 161] и отмечал, что «динамизация речи в стихе сказывается, таким образом, в семантической области — выделением слов и повышением семантического в них момента» [Там же, 94]. М.Л.Гаспаров понимал тыняновскую «динамизацию речевого материала» как

«усиление, подчеркнутость, то, что В.Шкловский предпочитал называть «ощутимостью»» [Гаспаров 2004]. В звучащем стихотворном тексте динамизация речевого материала на ритмико-интонационном уровне происходит посредством акцентуации, которая усиливает, придает «семантический вес» тому компоненту словоформы, на который она приходится, способствуя распознаванию неявных значений.

Частотность появления дополнительной акцентуации на глагольных формах позволяет выделить динамизацию глагольных форм в качестве одного из процессов, характерных для звучащего стихотворного текста. При динамизации глагольных форм в звучащем стихотворном тексте *автор выводит на поверхность текста его глубинное содержание, придавая этому содержанию подчеркнутый звуковой облик посредством дополнительной акцентуации*. При этом на семантическом уровне это выражается в том, что *динамизируемый языковой компонент может принимать на себя сразу несколько языковых значений*. Наиболее активными в этом процессе становятся *префиксальные глагольные компоненты*, поскольку именно они чаще всего передают дополнительную семантику глагола, дополняя и уточняя общее значение действия, выражаемое глаголом (намеренность, процессуальность (длительность), моментальность, результативность, совершенность/несовершенство, напряженность/ослабленность и т.д.). Тем самым происходит выделение определенного аспекта динамизации. Очевидно, именно поэтому дополнительная глагольная акцентуация чаще всего приходится на префиксальные компоненты. В.В.Виноградов отмечал, что в глаголе префиксы играют большую роль, чем суффиксы [Виноградов 2001, 351]. Именно с многообразием «живых значений приставок» ученый связывал усиление многозначности глагола, тесно сопряженное с внутриглагольным префиксальным словообразованием.

Приведем пример проявления процесса динамизации глагольных форм в звучащих стихотворных текстах. Так, при исполнении *А.Вознесенским «Похороны Гоголя Николая Васильевича»* автором акцентируются безударные префиксы в глаголах *погружается, заколачивает, пробудитесь, помоги*. Наряду с приставочными глаголами дополнительная акцентуация появляется и на бесприставочных глаголах, имеющих в префиксальной позиции омонимичный приставочному звуковой

комплекс, например: *поминают, забывая, подымите*. Поскольку в данном тексте сосредоточены примеры на описываемые случаи, уместно привести данный фрагмент целиком:

(1) Пр.: Вознесенский «Похороны Гоголя Николая Васильевича»

Вы вокруг меня встали в кольцо,

наблюдая, с какою кручиной

погружается нос мой в лицо

точно лезвие в нож перочинный.

Разве я некрофил? Это вы!

Любят похороны в России,

поминают, когда вы мертвы,

забывая, пока вы живые.

Плоть худую и грешный мой дух

под прощальные плачи волшебные

заколачивает в сундук,

отправляя назад, до востребования».

Летаргическая Нева,

летаргическая немота -

позабить, как звучат слова...

«Поднимите мне веки

соотечественники мои,

в летаргическом веке

пробудитесь от галималы.

Подымите мне веки!

Разбуди меня, люд молодой,

мои книги читавший под партой,

потрудитесь понять, что со мной.

...

Помоги мне подняться, Господь,

чтоб упасть пред тобой на колени.

В рассматриваемом примере из А.Вознесенского глагольные приставки (или, в некоторых случаях, омонимичные предлогам звуковые комплексы) описывают различные модусы действия во время поминального или похоронного события (*погружать, помянуть, забывать, заколачивать, пробуждать, подымать, помогать, потрудиться* и т.д.). В работе, посвященной приставкам и глаголам [Кронгауз 1998], развивается идея о том, что «все грамматические явления в языке (и морфологические, и синтаксические) обусловлены, или мотивированы, семантикой»

[Кронгауз 1998, 203]. Как показывает анализ звучащих стихотворных текстов, семантически обусловленными оказываются и появляющиеся при авторском исполнении дополнительные акценты на приставочных компонентах. Так, дополнительный акцент на приставке *по-* (или на омонимичном ей звуковом комплексе) актуализирует разные аспекты действия: *совершение действия в течение некоторого непродолжительного времени* (ср.: *потрудиться, поминать*), *усиление действием какого-либо признака, качества, состояния* (ср.: *помогать, подымать*), *начало движения* (ср.: *погружаться*) и т.д. Тем самым динамизируется ключевое слово стихотворного текста – *похороны* (как действие). Акцентуация приставки *по-* (или омонимичного ей звукового комплекса) как бы уточняет аспекты этого действия.

В связи с глагольными приставками нельзя не упомянуть, что в поэтическом тексте именно они часто являются способом образования глагольных неологизмов. Это становится тем более актуальным при анализе вышеприведенного примера из стихотворения, посвященного Гоголю. В работе «Мастерство Гоголя» А.Белый пытается показать «до чего... «глаголен» Гоголь», описывая частотность и приемы использования им глаголов. Белый упоминает об употреблении Гоголем глагольных приставок для передачи «повышения энергии действия», в результате чего нередко рождаются неологизмы (ср. примеры, приводимые А.Белым: *примеркать, причаровать, ухлопотаться*) [Белый 1934, 203]. При этом приставки в стихотворном тексте имеют значения, сходные со значением омонимичных предлогов. Они нередко совмещают в себе несколько значений одновременно⁴, что является одной из особенностей языка поэзии. Появление дополнительного акцента на глагольных префиксах

⁴ Как известно, предлоги полифункциональны и при их описании пользуются понятием «семантическая сеть», заимствованным из терминологии когнитивной лингвистики. Семантическая сеть предлога была впервые описана в работе [Lakoff, Brugman 1988]. См. примеры описания также в [Плунгян 2004: 319-332]. При дополнительной акцентуации на префиксальном компоненте глагола во время авторского исполнения текста может происходить актуализация сразу нескольких значений из «семантической сети», что в целом характерно для языка поэзии как подсистемы языка.

связано с явлением размывания границы слова и явлением пересегментации в поэтическом тексте. По мнению Н.А.Фатеевой, «трансформации одних языковых элементов в другие нейтрализуют семантические и формальные границы между морфемой, словом, словосочетанием и целостной предикативной единицей» [Фатеева 2004, 79-80].

Как отмечают исследователи, философы и поэты часто «основываются не только на ощущении приставки как единой морфемы независимо от количества выделяемых лингвистами значений, но и на ощущении «омонимичных» префикса и предлога как единого слова-морфемы» [Азарова 2010 б, 59]. Анализ случаев появления дополнительной акцентуации на префиксальных компонентах глагольных форм в авторском исполнении стихотворных текстов подтверждает, что многие поэты наделяют омонимичные формы префикса и предлога целостным семантическим объемом. Нельзя не отметить в этой связи, что взаимодействие значения глагольной приставки с более широким контекстом выделяется М.А.Кронгаузом в качестве одного из типов взаимодействия значений в префиксальном словообразовании [Кронгауз 1998, 110].

Л.В.Зубова отмечает, что изначально предлог и приставка были единой языковой единицей. Еще для древнерусского синтаксиса были типичны конструкции, в которых приставочные глаголы требовали после себя предлога, повторяющего приставку (ср. пример, приводимый Л.В.Зубовой: *всадил в костер*) [Зубова 2000]. В современном русском языке также можно встретить случаи предложно-приставочного изоморфизма (ср.: *войти в библиотеку, пойти по пути и т.п.*). О семантической интерференции между значением приставки и значением глагола-основы упоминает А.А.Зализняк [Зализняк 1995, 144]. При этом, как считает исследователь, знание «значения приставки» часто используется говорящим отдельно от значения глагола, в который она входит [Там же, 144].

Проиллюстрируем процесс динамизации глагольной формы в звучащем стихотворном тексте посредством дополнительного акцента на префиксальной части глаголов еще одним примером. В авторском исполнении *Б.Кенжеевым «Должно быть я был от*

рождения лох...» дополнительно акцентируются префиксальные компоненты глаголов *ушла* и *отсвистела*:

(2) Пр.: Б.Кенжеев «*Должно быть я был от рождения лох...»*

Да что, если честно, накоплено впрок
и вашим покорным? Ушла, отсвистела.

Один неусвоенный в детстве урок,
губная гармошка, да грешное тело.

Как будто и цель дорогая близка –
но сталь проржавела, и в мраморе трещина:

Что делать, учитель? Твои облака
куда тяжелее, чем было обещано...

Вероятно, появление дополнительной акцентуации на префиксах глаголов *ушла* и *отсвистела* связано с совмещением значений префикса и омонимичного ему предлога и размытанием границ слова. Известно, что в поэтическом тексте может происходить процесс концептуализации тех предлогов, которые совпадают с префиксами. Такие предлоги получили название предлогов-префиксов [Schooneveld 1978, Азарова 2010]. К подобным предлогам-префиксам относятся *у-* и *от-*. В рассматриваемом примере мы не наблюдаем концептуализации предлогов, однако, можно предположить, что акцентуация префикса *от-* в *отсвистела* актуализирует, помимо основных приставочных значений, таких как ‘удаление, отдаление, завершение или прекращение действия’, также и значения предлога *от* (например, значение ‘обозначение явления, которое устраняется или от которого устраняются’). Посредством этого, очевидно, достигается многозначность, свойственная языку поэзии.

Стоит заметить, что А.А.Зализняк, поднимая проблему полисемии или моносемии приставки, считает, что каждая приставка обладает «интуитивно ощущаемой общностью значения», что позволяет говорить о возможности существования некоего «семантического инварианта», который находит свою реализацию в значении конкретных глаголов с данной приставкой [Зализняк 1995, 145]. Пока попытки выявить подобные «семантические инварианты» немногочисленны (см., например, [Добрушина 2001], [Баранова 2008]). Но даже если бы удалось целостно описать «семантические инварианты» приставок, то в поэтических текстах эти «семантические инварианты», вероятно,

чаще, чем в других типах текста будут обнаруживать одновременно несколько реализаций инварианта в более частных значениях в одном контексте.

Что касается префикса *у-* в рассматриваемом выше примере, то здесь динамизация глагола связана непосредственно с основным приставочным значением *у-*: '*направленности движения в сторону*'. В данном случае не происходит наложения предложных значений на основное префиксальное значение. Скорее, можно было бы отметить возможное соотнесение данного акцентного выделения на глагольном префиксе со значением междометия *у*, служащего для выражения '*укоризны*' (ср. *У, безобразница!*).

Нельзя не упомянуть также, что префиксальная глагольная акцентуация в рассматриваемых примерах (*ушла* и *отсвистела*) выполняет, помимо прочих функций, еще и функцию *выдвижения в сильную позицию значения завершенности действия*, т.е. категории совершенного вида, маркерами которого будут являться в том числе и выделенные авторским голосом префиксы *у-* и *от-*.

А.А.Зализняк также упоминает о функции приставок как способа передачи совершенного вида (см. работу, посвященную семантике приставочных глаголов [Зализняк 1995, 145]). При этом автор полагает, что при образовании совершенного вида ряда глаголов «приставка дублирует некоторую сему, уже присутствующую в значении бесприставочного глагола (и поэтому является «семантически пустой» - в том смысле, что она не вносит в значение бесприставочного глагола ничего нового, кроме смысла “произвести действие” – так сказать, значения сов.вида)» [Зализняк 1995, 145].

Приведем еще один пример того, как посредством дополнительной акцентуации происходит динамизация глагольных форм. Как и в ранее описанных примерах, в стихотворении современного поэта *А.Наймана* «*Увы, дряхлеет Рим*» дополнительная акцентуация появляется на префиксальных морфемах приставочных глаголов, достраивая регулярную метрическую структуру стиха:

(3) Пр.: Найман «*Увы, дряхлеет Рим*»

Увы, дряхлеет Рим,
как пишет имярек,
истаивает дым
и истекает снег

*и **иссыхает** грязь*

*и **истлевет** пыль*

и океан гноясь

смердит на сотни миль.

В данном примере появление дополнительной акцентуации наблюдается в структуре анафорического повтора особого вида. Каждая строка открывается повторяющимся союзом и префиксальным компонентом одной и той же части речи (союз *и* и префиксальный глагольный компонент *ис-* (*и ис-*: ***и истекает*** – ***и иссыхает*** – ***и истлевет***). Такого рода повтор (*и ис-*) можно обозначить как лексико-морфологический. Динамизация происходит в данном случае, во-первых, за счет повторяемости акцентуации глагольной формы в составе анафорического повтора, а, во-вторых, за счет усиления аспектов действия, выражаемых префиксом *ис-*, на который приходится дополнительное ударение.

Появляющийся в авторском исполнении акцент на *ис-* в каждом случае актуализирует семантику этого лексико-морфологического повтора, который, в свою очередь, входит в состав лексико-синтаксического параллелизма (*и истекает снег// и иссыхает грязь// и истлевет пыль*). Соединительный союз *и*, открывающий анафорический повтор, в данном случае полифункционален, т.к. может выполнять как функцию соединения, так и функцию перечисления (даже несмотря на то, что в тексте отсутствуют традиционные пунктуационные маркеры перечисления однородных членов – запятые). Таким образом, здесь имеет место морфолого-синтаксическая амбивалентность, возникшая в связи с используемым автором полифункциональным приемом анафорического повтора.

Стоит отметить, что анафорический повтор в рассматриваемом примере в лингвистике текста выделяется в качестве одной из характеристик горизонтальной модели порождения текста, связанных с грамматикой текста и линейными связями в нем. Они, в свою очередь, относятся к поверхностной структуре художественного текста [Тураева 2009, 58-59]. Однако при появлении дополнительной акцентуации на префиксе *ис-*, входящем в состав анафорического повтора, высвечиваются и вертикальные связи, имеющие отношение к глубинной структуре

текста. Поскольку одной глубинной структуре может соответствовать только одна поверхностная структура [там же], то случаи актуализации ритма в звучащем стихотворном тексте посредством акцентуации является ярким примером того, как поверхностная структура (в нашем случае - акцентуация) актуализирует глубинную структуру. В рассматриваемом примере это отразилось на динамизации глагольных форм через появление дополнительного акцента на префиксе *ис-*, что актуализирует следующие значения глубинной структуры текста: *‘исходящее и распространяющееся в определенном направлении действие (или воздействие)’*, а также *‘приближение к пределу’*.

Следует упомянуть в связи с обозначенным выше, что в терминах лингвистики текста ритмическая структура стихотворного текста представляет собой явление поверхностной структуры⁵ и отражает внутреннюю структуру текста. Динамизация глагольных форм при актуализации ритма в звучащем стихотворном тексте является, таким образом, одним из процессов, происходящих на уровне поверхностной структуры текста и актуализирующих его глубинную структуру⁶.

Дополнительная акцентуация при озвучивании текста автором может являться средством актуализации индивидуальных значений, которые автор вкладывает каждый раз при интерпретации исполняемого текста. Очевидно, это может быть объяснено механизмом асимметричного дуализма языкового знака. Эта закономерность, впервые сформулированная С.Карцевским [см. в Звегинцев 1965, 85-93], проявляется в том, что обозначающее языкового знака (иначе говоря, форма) стремится выступить в новых функциях, а обозначаемое (то есть содержание) стремится выразить себя в новой форме. Доказано, что асимметричный дуализм лингвистического знака наиболее ярко

⁵ О других явлениях поверхностной структуры текста, а также о понятиях глубинной и внутренней структуры см.: Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. Изд.2-е., доп. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 56-61.

⁶ См. работы по генеративной поэтике [Жолковский, Щеглов 1996], [Жолковский 2011] и др.

проявляется именно в поэтическом языке⁷. Дополнительная акцентуация при авторском исполнении как раз является тем механизмом, посредством которого означаемое стремится выразить себя посредством новой формы (в данном случае – посредством дополнительного акцента).

В связи с актуализацией индивидуальных значений в префиксальной части глаголов, нередко омонимичной предлогам, нельзя не отметить, что некоторые исследователи связывают статистические отклонения при употреблении предлогов с понятием авторской индивидуальности [см., например, Плуноян 2004, 319-320]. Стоит также упомянуть, что О.Г.Ревзина видит в асимметричном дуализме истоки создания «выразительных языковых знаков» в поэтической речи, поскольку в нем содержится дополнительная информация: «Сдвинутый» языковой знак является выразительным потому, что в нем, по определению, содержится дополнительная информация: первичное значение выступает как внутренняя форма по отношению к вторичному значению, что и создает двуплановость семантики» [Ревзина 1989, 138]. Поскольку в звучащем стихотворном тексте механизмом, посредством которого проявляется ассиметричный дуализм, является дополнительная акцентуация, именно она обеспечивает «выразительность языковых знаков» и раскрытие как первичного, так вторичного значений в поэтической речи.

Интересен случай появления дополнительного акцента на префиксальных глагольных формах с графически оформленными маркерами акцентуации. Так, в примере из *А.Наймана «Пульс звезды полярной...»* с помощью дефисов маркируются условные паузы, а вместе с тем и акценты на отдельных частях слова, обозначенных дефисами и представляющими собой поморфемный способ графической дифференциации. Дополнительная акцентуация, маркированная автором графически, появляется на префиксальном глаголе, что можно наблюдать в авторском

⁷ Об асимметричном дуализме в языке поэзии см.: Ковтунова И.И. Асимметричный дуализм языкового знака в поэтической речи//Проблемы структурной лингвистики. М., 1983. – С.87-108; а также в: Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С. 134—151.

исполнении данного стихотворения, при этом очевидной становится динамика пульсирования:

(4) Пр.: Найман «Пульс звезды полярной...»
(Пульс звезды Полярной, пульсы прочих тыщ,
пульс Москвы-товарной, Лося и Мытищ
*Кровью капиллярной **воз-враща-ются***
снова в пульс Полярной, Рака и Стрельца.)

Улица Вишневого, Институт зерна,
Отделение связи – вот моя страна;
Батарей зарядка и Заточка бритв –
все ложится в строчку, был бы только ритм.

В рассматриваемом примере дополнительный акцент на префиксальной части глагола, сохраняя метрическую стройность строки, служит семантическому достраиванию образа *равномерного пульсирования*, что отражается и на регулярности метрического уровня организации стихотворного текста. Далее в тексте автор делает метаописание, давая ключ к пониманию как регулярно выдержанной метрической структуре, так и соотносимого с ней «пульсирующего» авторского чтения, связанного с концептом «ритм»: *Батарей зарядка и Заточка бритв - // все ложится в строчку, был бы только ритм.* Неслучайным кажется факт анафорического повтора в первых двух строках, которые открывают это небольшое стихотворение словом *пульс*, являющемся одним из ключевых слов в этом тексте. Динамизация глагольной формы в данном случае выражается, главным образом, в семантизации приставки *воз-*, приобретающей в этом контексте значение ‘*совершения действия вновь, заново*’, т.е. значение ‘*повторяемости действия*’. При этом как на графическом, так и на акцентном уровнях концептуализируется идея *пульсирования, вращения*. Происходит наложение значений обращения вокруг звезды и обращения крови, а также значение мельтешения людей (ср.: *пульсы прочих тыщ*).

Нельзя не отметить, что дополнительную акцентуацию на префиксальных компонентах глагольных форм можно встретить не только в силлабо-тоническом стихе, но и в тоническом. Так, в исполнении *В.Маяковского «Гимн судье»* имеет место

дополнительная акцентуация на префиксальном компоненте деепричастия **выгребая**:

(5) Пр.: Маяковский «Гимн судье»

По Красному морю плывут каторжане,

трудом **выгребая** галеру,

рыком покрыв кандальное ржанье,

орут о родине Перу.

Семантика и функционирование так называемых *вы*-глаголов в русском языке описаны в работе Е.Р.Добрушиной [Добрушина 2001]. Согласно подходу Е.Р.Добрушиной, приставка, как и предлог, является «релятором (R), то есть задает отношения между двумя элементами (X R Y) и имеет собственную семантическую формальную схему» [Добрушина 2001, 28]. Основываясь на данном подходе, автор выводит общее значение префикса *вы*- у *вы*-глаголов, которое означает следующее: «Получилось именно то, о чем мы думали, хотя могло бы и не получиться» [Добрушина 2001, 66]. В рассматриваемом примере данное значение оказывается довольно общим. Дополнительная акцентуация на префиксальном компоненте **выгребая** связана с динамизацией глагольной формы и актуализирует семантику 'направленности действия изнутри наружу', а также 'процесса преодоления'.

В связи с акцентным выделением приставочного глагольного компонента у Маяковского стоит отметить, что образование неологизмов из глаголов с помощью приставок являлось у Маяковского одним из самых излюбленных приемов (ср., например: *въямься*, *выцеловать*, *расперсониться*, *рассвистывать*, *раззвеерился* (хвостиче) и др.). В работе, посвященной языковому строю Маяковского и принципам его словотворчества [Тренин 1978], приставка *из*- выделяется как одна из любимых приставок, участвующих в образовании неологизмов у Маяковского, особенно в значении усиленного проявления действия. Приставка *вы*- у него также встречается при образовании неологизмов. Это связано с тем, что эта приставка вносит в значение основы те же признаки 'движения изнутри наружу или исчерпанности процесса', что и префикс *из*- (ср. у Маяковского: **Вы**золачивайтесь в солнце, цветы и травы!).

Таким образом, динамизация глагольных форм как активный процесс, проявляющийся при актуализации ритмики в звучащем стихотворном тексте посредством дополнительной акцентуации, выявляется, главным образом, на приставочных компонентах глагольных форм. Как показал анализ звучащих стихотворных текстов в авторском исполнении, именно приставочные компоненты являются теми активными зонами, которые передают дополнительную семантику глаголов. Они либо выявляют общее значение (*намеренность, процессуальность (длительность), моментальность, результативность, совершенность/несовершенство, напряженность/ослабленность* и т.п.), либо уточняют частное значение действия, выражаемое глаголом (*исходящее и распространяющееся в определенном направлении действие (или воздействие), повторяемость действия, направленность действия изнутри наружу, и т.п.*). Степень динамизации глагольной формы передается посредством дополнительной акцентуации на приставочном компоненте глагола. При этом могут актуализироваться индивидуальные смыслы, которые автор привносит каждый раз при интерпретации исполняемого текста. Это связано с механизмом асимметричного дуализма, проявляющегося в том, что обозначающее языкового знака может приобретать новые функции, а обозначаемое – выражаться в новой форме. Дополнительная акцентуация в звучащем стихотворном тексте при авторском исполнении как раз и представляет собой тот механизм, посредством которого означаемое стремится выразить себя посредством новой формы (в данном случае – посредством дополнительной акцентуации). Это нередко сопровождается динамизацией глагольных форм – процессом, когда на поверхность текста выводится его глубинное содержание, и актуализируются сразу несколько языковых значений.

Литература

1. Азарова Н.М. (б) Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст): Монография. М., 2010.
2. Баранова И.В., Баранов Д.М. Русский язык. Периодическая система элементов русской речи. 4-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008.

3. Гаспаров М.Л. Теснота «стихового ряда». Семантика и синтаксис//Analysieren als Deuten Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg, 2004.
4. Добрушина Е.Р. и др. Русские приставки. Многозначность и семантическое единство. М., 2001.
5. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. / Предисл. М.Л.Гаспарова. – М., 1996.
6. Жолковский А.К. О темных местах текста. К проблеме реального комментирования//Новый мир. 2011. №3.
7. Зализняк А.А. Принципы описания приставочных глаголов в русском языке (на примере глаголов с приставкой ЗА)//Problemi di morfosintassi delle lingue slave. 1994. № 4.
8. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. Ч.2. М., 1965.
9. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
10. Ковтунова И.И. Асимметричный дуализм языкового знака в поэтической речи//Проблемы структурной лингвистики. М., 1983.
11. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
12. Плунгян В.А. , Рахилина Е.В. Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь// Русистика сегодня. 1996. №3.
13. Плунгян В.А. Предлоги как ключ к поэтическому миру: над и под у Ахматовой//Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей. М., 2004.
14. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1989.
15. Тренин В.В. В мастерской стиха Маяковского. М., 1978.
16. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. Изд.2-е., доп. – М., 2009.
17. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Изд.5-е. - М., 2010.
18. Фатеева Н.А. Динамизация формы: поиски в области смысла или эксперимент?//Язык и искусство. Динамический авангард наших дней. М., 2002.

19. Фатеева Н.А. Директории «По», «От» и ... «До», или Poetical Language in Progress// Поэтика исканий или поиск поэтики: Матер.междунар.конф.-фестив. «Поэтический язык рубежа XX-XXI веков и современные литературные стратегии». М., 2004.
20. Фатеева Н.А. Что происходит в языке и за языком: активные процессы с поэзии конца XX-начала XXI века//Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С.Степанов, Н.А.Фатеева, Н.А.Сироткин. Под общ. ред. Ю.С.Степанова. – М., 2006.
21. Lakoff G., Brugman C. Cognitive topology and lexical networks// G. W. Cottrell et al. (eds.). Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (CA);, 1988.
22. Schooneveld C.H. Semantic transmutations: Prolegomena to a calculus of meaning. Vol.1. The cardinal semantic structure of prepositions, cases, and paratactic conjunctions in contemporary standard Russian. Bloomington, 1978.

М.Ю. Лебедева

Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва

Метафора детства и ее активизация в современном политическом дискурсе

Представленное в статье исследование проведено в рамках работы, посвященной изучению концептуального поля «Детство» в русском языке. Объектом исследования является метафора детства в современном политическом дискурсе. Рассматривается прагматика метафоры и особенности ее использования в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *концепт, метафора, политический дискурс*

The article presents a study carried out as a part of a larger project on the analysis of the conceptual field 'Childhood' in Russian. The study in question is focused on the childhood metaphor in modern political discourse. The object of the analysis is the pragmatics of this metaphor and peculiarities of its use in political discourse.

Keywords: *concept, metaphor, political discourse*

I. Метафорический потенциал концепта «Детство»

Исследователи концептов, применяющие метод метафорического анализа, чаще всего говорят о случаях метафорической репрезентации концепта, то есть таких, когда концепт объективируется через проекцию на другие концептуальные области (например, 'Детство' — 'Дом', 'Ценность', 'Растение' и т. д.). Используя терминологию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, преимущественно рассматриваются случаи, когда исследуемый концепт является областью-целью [1].

Нам, однако, представляется важным изучить также случаи, когда знаки концептуального поля (например, «Детство») обозначают смыслы других концептуальных областей, то есть используются в метафорической функции. В теории когнитивной метафоры в таких случаях принято говорить об области-источнике (source domain), или области-доноре. Анализ таких метафорических выражений позволяет эксплицировать содержательные признаки концепта «Детство» и выявить, какие признаки актуализируются, высвечиваются, а какие —

затемняются. Исследователю, таким образом, следует ответить на вопрос: «Что осмысляется через Р в языке?».

Так как нас интересуют «донорские» метафорические возможности концепта «Детство», к анализу мы привлекаем различные языковые единицы, в первую очередь, составляющие его ядерную зону (и, соответственно, ядерную зону лексико-фразеологического поля «Детство»). Это лексемы *детство*, *ребенок*, *дитя*, *детский*, *по-детски*, *детскость*, *ребячиться*, *ребяческий*, *ребячество*, *ребячливый*. Все эти единицы способны менять свою денотативную соотнесенность в результате переосмысления, то есть становиться знаками для выражения смыслов других областей. При этом некоторые моносемичные лексемы, такие как *ребячиться*, *ребячливый*, *ребячливость* и *детскость* (образованная от второго значения *детский*) имеют метафорическую словообразовательную мотивацию, то есть метафоричны изначально.

Развитие значения перечисленных лексем частично фиксируется в словарях. Тезаурусная структура Русского семантического словаря (РСС) [3] наглядно показывает, какие концептуальные области описываются вторичными метафорическими значениями этих единиц (в РСС представлены только 5 интересующих нас единиц):

Детство (2 значение, перен.) — начальный период бытия, существования чего-н. (область ‘Начало жизни, существования’).

Ребенок (2 значение, перен.) — наивный и доверчивый человек (область ‘Смирение, скромность, простота, наивность’).

Ребячество (2 значение, перен.) — несерьезное поведение, несерьезные поступки взрослого человека (область ‘Веселость, беззаботность, лукавство, бойкость, энергичность’).

Ребячиться — вести себя не по-взрослому (область ‘Неумное, легкомысленное, несерьезное поведение’).

Ребячливость — склонность к шаловливому, по-детски несерьезному поведению (область ‘Веселость, беззаботность, лукавство, бойкость, энергичность’).

Нетрудно заметить, что значения последних четырех единиц и выражаемые ими смыслы описаны достаточно приблизительно, отмечается диффузность семантики. Все они относятся к группам РСС «Характеристика по чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими чертами» или «Разные черты

характера, склада личности, душевные свойства, их проявляющие поступки, поведение, которое может быть охарактеризовано по таким чертам, свойствам», и предлагаемый набор таких черт характера и поведения обширен. Так, во втором значении слово *ребенок* включает семы 'наивность' и 'доверчивость', идиома *большой ребенок* — 'наивность' и 'непосредственность', *ребячество* — 'несерьезность', *ребячливость* — 'несерьезность' и 'шаловливость'.

При этом точность некоторых дефиниций можно подвергнуть сомнению, если обратиться к контекстуальным употреблением лексем. Так, по данным РСС, лексема *ребенок* в метафорическом значении описывает наивного и доверчивого человека. Однако в предложении (1) назвать взрослого человека ребенком позволяют его ранимость и впечатлительность, а не наивность. А в примере (2) основанием является обидчивость, также характерная, видимо, скорее для ребенка, чем для взрослого.

(1) *Душой он совсем ребенок — всё принимает близко к сердцу* (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь)

(2) *Ну вот и обиделся. Какой ты еще ребенок!* (А. Битов. Сад)

Описание семантики глагола *ребячиться* ('вести себя не по-взрослому'), данное через отрицание, представляется некорректным и недостаточным: неясно, что значит 'вести себя по-взрослому', каковы критерии взрослого и невзрослого поведения и т. д. Кроме того, словарь не фиксирует некоторые единицы (*детскость, по-детски, детский*) и некоторые значения других единиц.

Исследование метафорического потенциала концепта «Детство» должно проводиться с помощью анализа метафорических контекстов и экспериментально.

Когнитивная модель метафоры детства может быть представлена как «X — РЕБЕНОК», где X — взрослый человек. Наиболее частотные конвенциональные реализации: X <просто> / <совсем> *ребенок*; X <сущий> *младенец*; X *делает что-л. по-детски; то, что X делает/говорит/думает, — детство; то, что X говорит, — детский лепет; то, что X делает, — детский сад; для X характерно что-л. детское (взгляды, обиды)* и др.

Часть отобранных из корпуса [2] примеров не содержат конкретизации и могут быть интерпретированы интуитивно и приблизительно (см. (3-5)).

(3) *Когда он особенно возмущен, то восклицает: «Это какое-то детство!»* (А. Алексин. Действующие лица и исполнители) = (?) ‘это несерьезно’, (?) ‘это глупо’, (?) ‘это смешно’, (?) ‘это наивно’...

(4) *Какой же ты писатель? Ты ребенок. Ты суций ребенок, Бурнашов, а не писатель, — вздохнула жена, любовно озирая мужа.* (В. Личутин. Любостай) = (?) ‘ты беззащитный’, (?) ‘ты наивный’, (?) ‘ты нуждается в опеке’...

(5) *Люди — это те же дети, им только кажется, что детство кончилось.* (Н. Дежнев. В концертном исполнении) = (?) ‘люди беззаботны’, (?) ‘люди невинны’, (?) ‘люди способны фантазировать/играть’...

Однако в ряде случаев метафорическое выражение интерпретируется за счет контекста. Подобные примеры, в которых эксплицированы коннотации концепта «Детство», были нами отобраны и расклассифицированы на основании значения метафорического выражения ‘X — ребенок’. Ниже представлен результат классификации, семантические признаки ранжированы по степени частотности в отобранном нами корпусе примеров (вполне очевидно, что каждый метафорический контекст может основываться и часто основывается на более чем одном признаке).

1. ‘X — ребенок’ = ‘X наивный, простодушный’
2. ‘X — ребенок’ = ‘X доверчивый’
3. ‘X — ребенок’ = ‘X глупый’
4. ‘X — ребенок’ = ‘X искренний’
5. ‘X — ребенок’ = ‘X невинный, чистый’
6. ‘X — ребенок’ = ‘X беззаботный, безответственный, легкомысленный’
7. ‘X — ребенок’ = ‘X восторженный’
8. ‘X — ребенок’ = ‘X послушный’
9. ‘X — ребенок’ = ‘X робкий, застенчивый’
10. ‘X — ребенок’ = ‘X обидчивый, ранимый’
11. ‘X — ребенок’ = ‘X беспомощный, несамостоятельный’
12. ‘X — ребенок’ = ‘X упрямый’
13. ‘X — ребенок’ = ‘X любопытный’

14. 'X — ребенок' = 'X игривый, склонный к играм и шалостям'

15. 'X — ребенок' = 'X неопытный'

Исследование семантики метафоры детства также проводилось методом рецептивного эксперимента. Респонденты интерпретировали высказывание «Ты ребенок», обращенное к взрослому человеку. По результатам анкетирования (308 участников), носители русского языка вкладывают в это высказывание следующие смыслы: «наивный», «безответственный», «инфантильный», «беззаботный», «несамостоятельный», «умеешь радоваться жизни», «глупый/говоришь или делаешь глупости», «несерьезный», «веселый», «часто/легко обижаешься», «легкомысленный», «капризный», «непосредственный» (наиболее частотные ответы). Передки ответы, в рамках которых совмещается отрицательная и положительная оценка высказывания, что указывает на амбивалентность концепта «Детство».

II. Метафора детства в современном политическом дискурсе

Все выявленные признаки концепта «Детство», актуализированные в метафорических выражениях, имеют различную прагматику в разных типах дискурса. В данной статье мы рассматриваем употребление метафоры детства в современном политическом дискурсе.

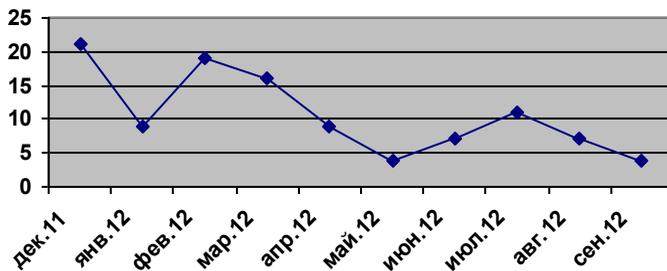
Материалом стали тексты политической тематики за период с декабря 2011 по настоящее время. В этот период отмечается усиление дискуссионного начала в политическом дискурсе, достаточно явное разграничение оппозиционного и провластного дискурса. Источники исследуемых текстов:

1) российские блоги (источник — сайт «Эхо Москвы», раздел «Блоги» — <http://echo.msk.ru/blog>);

2) ведущие российские СМИ («Российская газета», «Комсомольская правда», «Газета.РУ», «Известия», «Московский комсомолец», «Ведомости», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Новая газета», «The New Times» и др.).

В результате анализа были выявлены 92 текста из блогов; 15 текстов из СМИ, содержащих метафору детства. Этот результат является несколько неожиданным, поскольку детская метафора не

считается частотной политической метафорой (ее, например, не отмечает А.П. Чудинов в своем достаточно полном исследовании политических метафор [4]). Высокая частотность метафоры в политических текстах блогов объясняется их большей, по сравнению с текстами СМИ, эмоциональностью и оценочностью.

—◆— Количество полит. текстов, содержащих метафору детства

Повышение частотности метафоры детства, предположительно, связано с событиями политической жизни страны. Впрочем, интерпретировать эти события мы предоставим политологам и историкам.

Анализ отобранных текстов позволил выявить объекты метафоры детства. В современном российском политическом дискурсе она используется:

1. По отношению ко всему обществу:

(6) «*Народ-ребенок*» (С. Доренко, The New Times)

(7) *Общество сейчас в роли пятилетнего ребенка. Мороженого нельзя есть, пока мама не разрешит. Пора подрасти хотя бы до 15-летнего* (Новая газета).

2. По отношению к власти:

(8) *Власть вне государства, а государство — это такая игра. Иногда мы (здесь мы сродни «мы докторскому», Г. Павловский говорит мы о власти, не включая себя в нее. — прим. М.Л.) играем в государство. Потом мы перестаем играть в государство и начинаем играть как взрослые мальчики* (Г. Павловский, интервью «Эхо Москвы»).

3. По отношению к оппозиционно настроенным гражданам (9) и лидерам протестного движения (10):

(9) *«Россия без Путина» — это очередное **детское представление** о причинах случившихся проблем* (В. Якеменко, «Новая газета»).

(10) *О компромиссе и выработке баланса и в мыслях нет. **Детский сад**, да и только, хотя вроде бы половозрелые граждане* (Ю. Магаршак, блог).

4. По отношению к гражданам, остающимся безразличными к политике:

(11) *<...> управление инфантильной массой. Ее бóльшую часть составляют послушные **«великовозрастные дети»** <...> то бишь «послушные» избиратели, **ведущие себя по-детски*** (М.Е. Сандомирский, блог).

Метафора детства может иметь визуальную реализацию, особенно в оппозиционном дискурсе, изобилующем карикатурами и шаржами:

Автор Сергей Елкин (источник cartoonbank.ru)

Прагматические функции метафоры детства в политическом дискурсе амбивалентны. С одной стороны, она используется для стратегии осуждения, дискредитации (в провластном дискурсе — по отношению к оппозиции и наоборот). Так, оппозиционный дискурс в ироническом аспекте осмысляет традиционные метафоры «Власть — родитель» и «Народ — ребенок»:

(12) *Государство вновь объявляет себя заботливым родителем, а нас всех — **неразумными детьми**, не ведающими,*

что творят и которых необходимо призвать к порядку (Л. Борусяк, блог).

Актуализируются смыслы «наивность», «глупость», «инфантильность», «несерьезность», «несамостоятельность». Отметим, что подобные контексты преобладают. Это закономерно: стереотипное представление о политике препятствует одобрению политика (или политически активного гражданина) с качествами ребенка.

Во-вторых, метафора детства может использоваться для стратегии одобрения:

(13) *Сейчас российское гражданское общество как талантливый подросток. Все его волнует. Все ему интересно* (Московский Комсомолец).

(14) *Мы невероятно по-детски наивны в своей правде* (Н. Толоконникова, речь в суде. «Новая газета»).

Актуализируются смыслы «невинность», «искренность», «любопытность», «активность». Объектом одобрения в таком случае может становиться оппозиция, общество, но не власть, которая традиционно ассоциируется скорее с родителем, строгим отцом, но не ребенком.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том III: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М., 2003.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

А.Б. Летучий
НИУ ВШЭ, Москва

Вводят ли русские приставки прямое дополнение?¹

В статье анализируются свойства русских приставочных глаголов, в которых приставка вводит локативный или темпоральный объект, маркированный винительным падежом (*Я просидел там два часа, Старушка перешла дорогу*). Цель работы состоит в том, чтобы выяснить, проявляет ли зависимое в винительном падеже свойства прямого дополнения или скорее является обстоятельством.

Используются три теста: способность аккузативного зависимого сочетаться с возвратными глаголами; способность сочетаться с переходными глаголами, уже имеющими прямое дополнение; способность глагола к пассивизации.

Оказывается, что приставки *пере-*, *из-*, *о(бо)-* действительно вводят прямое дополнение – локативное или темпоральное. Напротив, зависимое при глаголах с приставкой *про-* не проявляет свойств прямого объекта, за исключением возможности пассивизации некоторых лексем. Однако мы считаем, что это не доказывает, что данные глаголы не имеют прямого объекта. Скорее особые свойства дериватов с *про-* связаны с тем, что приставка *про-* в данном значении является «внешней», а также с тем, что по семантической роли объект глаголов с приставкой *про-* в наибольшей мере похож на объекты без приставочных глаголов (ср. *Я прождал три часа – Я ждал три часа*).

Ключевые слова: русский язык, приставки, винительный падеж, переходность, пассивизация, возвратные глаголы, прямое дополнение, внешние префиксы, семантическая роль

This paper considers syntactic properties of Russian verbs in which prefixes such as *pro-*, *pere-* and the like introduce an accusative argument with temporal or locative semantics (e.g. *Ja probyl tam pjat' let* 'I have been there for five years'). In particular, the author seeks to

¹ Исследование проведено в рамках работ по гранту Национального исследовательского университета Высшей школы экономики 11-01-0247 «Двойное выражение грамматических значений: типология и представление в лингвистических корпусах».

find out whether the accusative NP really shows direct object properties.

For this, three aspects are tested, namely: (1) ability of the accusative NP of this type to combine with reflexive verbs which are usually intransitive; (2) ability to combine with base transitive verbs which already have a direct object; (3) ability to passivize. While the third test is highly determined by individual lexical properties of verbs, the other two do yield some interesting results.

More precisely, these tests indicate that accusative NPs do show properties of direct objects with verbs derived by *pere-*, *iz-* and *o(bo)-*. In contrast, accusative NPs with verbs containing *pro-* do not show these properties. However, I don't think that this proves the accusative NPs to be adjuncts rather than arguments. Properties of accusative NPs may result from the nature of *pro-* as an 'external' prefix (this morphological feature, thus, gets a syntactic correlate) and from the fact that semantically, objects of *pro-* verbs are very close to objects of non-prefixed verbs.

Keywords: *Russian, prefixes, transitivity, passivization, reflexive verbs, direct object, accusative case, external prefixes, semantic role*

Русские приставки имеют весьма разнообразные функции. Две главные из них – (1) обозначать локализацию ситуации в пространстве или ориентации движения и (2) выражать актуальные характеристики ситуации.

Однако наряду с этими двумя семантическими функциями есть и ещё одна семантико-синтаксическая. А именно, приставки зачастую меняют состав и маркирование актантов глагола. Например, у глагола *помнить* есть два семантических актанта: *Вася* (Экспериментер) *помнит школьных учителей* (Стимул). Его дериват *напомнить* – это семантически каузатив от *помнить* ('сделать так, чтобы X вспомнил Y'), и он имеет на один актант больше: *Мама* (Каузатор) *напомнила Васе* (Экспериментер) *о Дне рождения учительницы* (Стимул / Тема).

К сожалению, три указанные функции в разной мере охвачены современными исследованиями. Первая – локативная – функция рассматривается в очень многих специальных работах, например, [1; 2; 3] и др. Второй функции уделяется несколько меньше внимания, однако и она широко представлена в лингвистических исследованиях, например, [5; 6; 9] и многие-многие другие.

Исследования влияния приставок на аспектуальные свойства глагола давно вышли за рамки общего представления о том, что приставки меняют вид глагола с несовершенного на совершенный.

Однако третья функция приставок – изменение актантной структуры глаголов – обойдена вниманием лингвистов, несмотря на упоминание в учебнике [4] и книге [5], а также в работе [6] и др. Причина, возможно, заключается в том, что эта функция при большинстве глаголов не выступает отдельно, а тесно связана с первыми двумя.

Актантные преобразования, выражаемые приставками, очень разнообразны. Однако, помимо анализа конкретных валентностных операций, интересна эта функция приставок в целом. Напомним, что, в русском языке есть только один собственно грамматический механизм смены валентности – добавление суффикса (постфикса) *-ся*. Этот показатель, как правило, снижает переходность и / или количество валентностей глагола. Напротив, приставки, если они воздействует на актантную структуру глагола, обычно повышают переходность и / или количество валентностей. Следовательно, данная группа явлений нарушает общую направленность русского языка на понижение переходности и валентности (см., в частности, [8] о направлениях изменения валентности, грамматикализованных в разных языках).

В рамках одной статьи мы не можем полностью осветить всё многообразие актантных преобразований, кодируемых приставками. Мы только наметим их основные особенности и постараемся ответить на один вопрос. А именно, некоторые приставки добавляют к исходной конструкции именную группу, маркированную винительным падежом (или, если такая группа уже была, меняют её семантическую роль или делают её выражение обязательным). Например, глаголы *идти* и *ехать* способны присоединять обстоятельства в винительном падеже:

(1) *Мы шли по дороге два часа.*

(2) *Мы ехали пять километров, но никого не встретили.*

Однако конструкции без таких групп также грамматичны (ср. *Мы шли по дороге, Мимо нас ехали автобусы*). А вот если мы присоединяем к глаголу приставку *про-*, аккузативная группа становится обязательной:

(3) *Доыл прошел три квартала, повернул за угол, написал что-то на листке и по параллельной улице вернулся в особняк Гудини.*

[Ю. Фролов. Фокусник против Шерлока Холмса // «Наука и жизнь», 2007]

(4) *Люди и животные прошли 12 часов времени и 47 верст расстояния.* [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №5 (1926)]

Естественно, речь идёт об обязательности аккузативных именных групп при данном значении глаголов. Если опустить аккузативные ИГ, глагол будет иметь другое прочтение (*Он прошёл, Мы проехали*) – например, ‘проехать мимо’ именно, ‘пропустить нужную точку’.

Вопрос, который нас интересует, касается статуса таких аккузативных групп при приставочных глаголах. Нам хотелось бы знать, являются они в полном смысле слова прямыми объектами, обстоятельствами особого типа или же представляют из себя нечто третье, со свойствами, не сводимыми к объектным или обстоятельственным.

В статье мы будем использовать несколько тестов на объектный статус.

Сразу скажем, что мы не анализируем подробно такой распространённый критерий синтаксического статуса, как возможность опущения. Общепризнанным является, что актанты более обязательны, чем сирконстанты (например, предложение *Построил дом для мамы* допускает опущение предложной группы *для мамы*, и это свидетельствует о сирконстантном статусе данной группы). По этому критерию зависимые приставочных глаголов, несомненно, являются актантами. Ср. невозможность опущения дополнений / обстоятельств с сохранением значения глагола в предложениях типа *Он обошёл дом, Он пробежал три часа, Он исходил весь город*. Исключением являются дериваты с *пере-*: опущение в них возможно в большей мере (*Ты уже переходишь?*), однако только если участник ясен из контекста или речевой ситуации (например, один человек ждёт другого на другой стороне дороги).

Однако мы не считаем этот критерий основным потому, что способность зависимого опускаться крайне сильно варьирует от глагола к глаголу (даже если при них всех именная группа является актантом).

Рассмотрим кратко наши основные критерии:

1) Возможность пассивизации глагола с продвижением местного или временного участника в позицию подлежащего.

В русском языке пассив является продуктивным. Безусловно, существуют даже переходные глаголы, неспособные к образованию канонической пассивной конструкции: например, *держат* (*Фермер держит коров – *Коровы держатся (фермером)*), *иметь* (*Этот жанр имеет много особенностей – *Этим жанром имеется много особенностей*), *хотеть* (*Мальчик хочет грушу – *Груша хочется (мальчиком)*) и др. Глаголы *держат* и *хотеть* при добавлении возвратного постфикса не могут употребляться пассивно, а глагол *иметь* образует неканоническую пассивную конструкцию. Однако в подавляющем большинстве переходные глаголы образуют пассив, причём как пассивные причастия и аналитические формы с причастиями и глаголом *быть*, так и формы на *-ся* с пассивным прочтением. В этом смысле пассивизацию можно считать тестом на статус прямого объекта.

2) Возможность конструкции, содержащей, наряду с локативным «объектом» другую именную группу в винительном падеже, точно не являющуюся обстоятельством.

Конструкция с двумя прямыми объектами (или, во всяком случае, объектами, маркированными винительным падежом) встречается в языках мира, например, в арабском, в некоторых случаях – в болгарском, с морфологическим каузативом – в некоторых тюркских языках. Однако для русского такие конструкции нехарактерны и регулярно встречаются только с глаголами (*попросить* и *спросить* / *спрашивать*).

(5) *Оль / меня все очень просят фотки* / [Разговор при выходе из дома, Москва // практиканты, 2005]

Безусловно, есть и примеры аналогичного употребления других глаголов, например, *лишить*, однако они представляются явными ошибками – даже для разговорной речи такие модели не являются устоявшимися:

(6) *Наши бегают так исправно / стелются в подкатах / мешают / но лишить мяч бразильцев практически невозможно.* [Виктор Гусев. Спортивный репортаж: футбол. Россия – Бразилия. Товарищеский матч. 01.03.2006. // «Первый канал», прямой эфир, 2006]

Тем самым, если в конструкции имеется явный прямой объект и одновременно – другая аккузативная группа, эту последнюю группу предпочтительно считать обстоятельством.

3) Возможность употребления аккузативной группы при возвратных глаголах.

Ситуация с возвратными глаголами – примерно та же, что и с двумя прямыми объектами. Типологически очень широко засвидетельствован косвеннообъектный рефлексив, обозначающий кореферентность субъекта или прямого объекта с косвенным объектом. В этом случае возвратный глагол естественным образом может быть переходным:

Французский:

(7) *Jean s'est lavé le cou* 'Жан вымыл шею'.

Однако в русском языке, где косвеннообъектный рефлексив не маркируется регулярным образом, переходные возвратные глаголы относятся к разговорной речи и даже там крайне немногочисленны: это *бояться, пугаться, дожидаться, сторониться*, реже – *навидаться*:

(8) *Дождусь маму с хлебушком и буду дожидаться рассылной.* [Владимир Чивилихин. «Моя мечта – стать писателем», из дневников 1941-1974гг. (2002) // «Наш современник», 2002.06.15]

В то же время обстоятельства в винительном падеже сочетаются с возвратными глаголами не хуже, чем со всеми остальными:

(9) *Здание уже три года медленно разрушается.*

(10) *Уже пять тысячелетий в эту дырочку льётся вода.*

Тем самым, если локативная или темпоральная ИГ встречается при возвратном глаголе, это веский довод за её обстоятельствоный статус.

Мы анализируем глаголы с следующими приставками *пере-* (*перейти дорогу*, значение пересечения некоторого препятствия или выделенного промежутка), *про-* (*проплыть три километра, проплавать три часа* – значение полного покрытия ситуацией расстояния или временного интервала), *из-* (*исходить весь город* – значение полного покрытия места), *о-/об-/обо-* (*обдумать этот вопрос, обойти дом* – аппликативное значение, добавляются аргументы с различными семантическими ролями).

Нужно сказать, что вопрос о переходности приставочных глаголов и актантном статусе их зависимых, особенно с временным и локативным значением, поднимался в лингвистической литературе. Однако, как правило, утверждения о типе зависимости в промежуточных случаях (так же, как, например, отнесение в [11, 1980] случаев типа *стоит рубль* к примыканию) слабо связаны с какими-либо точными синтаксическими тестами. Кроме того, в ряде случаев (например, при анализе дериватов на *про-* в [12, 119, 589] и [13, 175]) говорится только об отдельных аспектах поведения объектов, но окончательное решение об их актантном статусе и переходности глагола не принимается, хотя другие работы (например, [14, 307]) говорят о транзитивации исходного глагола.

Важный этап к анализу рассматриваемых употреблений приставок составляет работа [15, 2012]. Автор анализирует различные тесты на переходность глагола и объектный статус зависимого: возможность построения вопроса к зависимому, пассивизации, опущения зависимого, перемещения объекта в начало предложения, замены на наречие типа *Книга стоит дорого*.

При всех достоинствах подхода эта работа, однако, в некоторых аспектах унифицирует факты, которые следует рассматривать отдельно и более подробно. Так, не указывается и не комментируется тот факт, что пассивизацию различные глаголы допускают в разной мере.

Кроме того, как указывается сам автор, приводимые тесты информативны в разной мере. Замена на наречия – не слишком надёжный тест, поскольку рассматриваемые в статье структуры типа *Книга стоит дорого* и *Мы пробежали далеко* имеют разный статус (первая модель крайне непродуктивна и встречается у одного или нескольких глаголов, вторая продуктивна). Порядок слов, по признанию автора, критерием скорее всего не является. Критерий построения вопроса, скорее всего, говорит в пользу трактовки зависимых как сирконстантов, а критерий опущения – как актантов.

Тест на опущение был упомянут выше, также мы используем тест на пассивизацию (однако даёт он совсем другие результаты). Другие два теста не совпадают с критериями Бракенье. Как мы покажем ниже, выбранные нами критерии важны тем, что способны показать различия в статусе объектов при разных

приставках (Бракенье скорее применяет единый подход к неканоническим объектам – его достоинство в возможности обобщений, но существенный недостаток – в том, что некоторые различия игнорируются).

Употребление с возвратными глаголами

Как оказалось, с возвратными глаголами прямой объект сочетается только при одном типе исследуемых глаголов – а именно, дериватах на *про-*. Как возвратные, так и невозвратные глаголы на *про-* могут присоединять группу в винительном падеже со значением покрытого ситуацией времени:

(11) *Он пробежал три часа, прежде чем устал.*

(12) *Андрей, который всю жизнь прокатался в танцах, необыкновенно органично выглядел в одиночном катании.* [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000-2001)]

(13) *Два месяца Витя прокрутился впустую, и Маша дала бы ему отставку <...>* [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)]

(14) *Потом день протрялся в вагоне Николаевской железной дороги, и поздним вечером – что называется, «с корабля на бал» – попал в Москве прямо на студенческую вечеринку.* [В. М. Чернов. Записки социалиста революционера (1922)]

Несколько хуже сочетаются возвратные глаголы с локативными группами (см. странное предложение (15)) – для невозвратных глаголов этого ограничения нет, так, в (16) представлено локативное зависимое:

(15) *Я три километра протрялся в поезде.*

(16) *Гонка не удалась: Хуан Мануэль завоевал первую позицию на старте и быстрее всех проехал один из кругов <...>* [Сергей Канунников. Пять корон Хуана Фанхио (2004) // «За рулем», 2004.04.15]

Все прочие приставки – *пере-*, *о-*, *из-* – с возвратными глаголами не сочетаются. При этом речь явно не идёт о семантическом ограничении: например, глагол *катиться* вполне мог бы по смыслу присоединять название препятствия в винительном падеже, но на деле сочетается только с предложными группами с *через*, как в примере (18):

пере-:

(17) *Он перекатился через край крыши, ступнями – в «стременах».* [Андрей Измайлов. Трюкач (2001)]

(18) *Он перекатился край крыши.

Интересны обе стороны дела – и способность сочетаться с возвратными глаголами объекта при дериватах на *про-*, и невозможность этого при *пере-* и других приставках. В частности, примеры типа (18) позволяют поставить следующий вопрос: на какие случаи распространяется ограничение на переходность возвратность глаголов?

Казалось бы, вполне могло бы быть, что при присоединении приставки *пере-* к возвратному глаголу допускается добавление прямого объекта. Это значило бы, что правило о переходности не распространяется на прямые дополнения, добавленные к глаголу **позже**, чем постфикс *-ся*:

1. переходный глагол *катить*
2. добавление *-ся*, возвратный глагол *катиться*
3. добавление приставки *пере-* и прямого объекта

В реальности, как выясняется, дело обстоит не так. При добавлении аппликативной приставки глагол, как оказывается, «помнит» правило о переходности и блокирует стандартную для дериватов на *пере-* переходную модель управления.

С приставкой *из-* встречается случай, когда она делает переходным возвратный глагол. Однако само *-ся* при этом отпадает. Действительно, глагол *искатать* в (20) наиболее естественно возводить к *кататься*. Однако в силу невозможности модели *пол-России искатался* автор вынужден образовать невозвратный глагол.

(19) *Избегал всю Москву; дворники гоняют его из края в край своими догадками.* [А. Ф. Вельтман. Не дом, а игрушечка (1850)]

(20) *Да я, когда беспризорничал, почитай пол-России этим манером искатал.* [Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953)]

Аналогичное явление наблюдается в глаголе *высмеять*. Приставка *вы-* (здесь она не рассматривается) транзитивизирует глагол (ср. *ходить за больным – выходить больного*). Однако это невозможно для возвратного глагола *смеяться* (**меня высмеялись*) – и образуется невозвратный приставочный глагол *высмеять*, при отсутствии исходного **смеять*.

Двойной прямой объект

Результаты теста на возможность двух «объектов» аналогичны предыдущим. Только приставка *про-* может применяться к

переходному глаголу и добавлять к нему ещё один (локативный или темпоральный) объект:

(21) *Спасая товарища, пронес его два километра.*
[ru.molbuk.ua/2006/09/.../]

Для *о-*, *пере-* это невозможно (выбираются другие модели управления производного глагола), а для *из-*, по-видимому нет переходных глаголов, к котором этот префикс присоединяется в локативном значении:

пере-:

(22) *Но ничего предпринять не успела, Сергей подхватил ее за талию и легко перенес через лужу.* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]

(23) **Он перенёс её лужу.*

о(бо)-:

(24) *Хозяин озера поднял на плечи шестидесятиаршинную пегую кобылу и обнес ее вокруг озера.* [А. П. Платонов. Башкирские народные сказки в пересказе Андрея Платонова (1942-1947)]

(25) **Он обнёс кобылу озеро.*

Пассивизация

Результаты теста на пассивизацию сильно отличаются от тех, которые дают два других теста. Можно сказать, что пассивизация выявляет индивидуальные свойства основ, чем свойства приставочных моделей.

Ещё до применения этого теста легко понять, что его результат сильно зависит от конкретной лексемы. Например, глаголы с приставкой *вы-* *вытерпеть* и *вынести* встречаются в Национальном корпусе с разницей примерно в 10 раз (*вынести* – 15581 вхождение, *вытерпеть* – 1457). Однако для пассивных причастий эта разница гораздо больше (2051 вхождение для *вынесенный*, 5 вхождений для *вытерпленный*)². Причина этого может быть как в семантике глагола, так и в формальных особенностях (например, в необходимости выбрать между формой

² Отметим, что форма *вытерпленный* с палатализацией *n-* в *пл-*, не встречается вообще. Между тем, именно такая ступень основы ожидалась бы в этой форме (ср. *оплатить* – *оплаченный*, *разбудить* – *разбуженный*).

основы без чередования – *вытерпennyй* – и с чередованием – *вытерпленnyй*).

То же самое можно наблюдать на примере наших глаголов с локативными дополнениями. Возьмём, например, два глагола – *пробежать (три километра)* и *проплыть (три километра)*. Первый гораздо более частотен (4209 вхождений против 975 у *проплыть*). Почти та же картина наблюдается для контекстов с аккузативной ИГ (1214 для *пробежать*, 223 для *проплыть*) – с тем уточнением, что разрыв между глаголами становится даже больше.

Рассмотрим пассивные причастия прошедшего времени – одна из форм, в которой выражается значение пассивного залога. Распределение пассивных причастий по частоте отличается от наблюдаемого для лексем в целом. В Корпусе примеров на причастие от *пробежать (пробежанный)* нет, а для *проплыть* имеется два контекста из одного произведения – приведём один из них:

(26) *Река эта на пропльтом пространстве имеет ширину от 10 до 12 сажен (18–22 м), берега её ровные, возвышенные и покрыты частью травом, а частью лесом из ели, кедра, берёзы и осины.* [Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России (1878)]

При всей скромности статистики она подтверждается данными системы Яндекс. Форма *пробежанный* встречается в ней 7 раз (всего глагол – 2 млн. раз), а *пропльтые* – 160 (всего глагол – 707000). Конечно, часть примеров совпадают между собой, однако различие очевидно. Тем самым, частотность пассивной формы не вытекает из частотности лексемы в целом: лексема *пробежать* (в переходном употреблении) превосходит *проплыть* более чем в 5 раз, а её пассивное причастие, напротив, встречается в 20 раз реже.

Тем не менее, различия между приставками тоже имеются. Например, дериваты с приставкой *пере-* в целом хуже образуют пассивные формы, чем дериваты с *про-*. Хотя глагол *перейти* встречается значительно реже, чем *пройти* (30 млн. против 90 млн., по данным Яндекса), ещё сильнее различие в частотности пассивных форм (*перейденные* встречается 329 раз, а *пройденные* – 781 тыс.).

Возможно, это различие связано с семантикой приставочных дериватов. Приставка *пере-* в данном употреблении добавляет к глаголу актанта с ролью Препятствия. После преодоления

препятствия оно не влияет на дальнейшие действия и свойства Агенса движения. Напротив, приставка *про-* присоединяет актант с ролью Путь. Пройденный Путь (или, во временном употреблении,

Ниже приводятся статистические данные по нескольким глаголам.

глагол	всего в корпусе	в корпусе с аккузативом	пассивных причастий (Yandex)
<i>пробежать</i>	4209	1214	5
<i>пролететь</i>	2770	594	10-20
<i>проплыть</i>	975	223	160
<i>пройти</i>	114374	31090	811000
<i>проехать</i>	6579	1348	2000
<i>пропрыгать</i>	14	1	1?
<i>проспать</i>	1478	458	658 – без учёта прочтения
<i>прожить</i>	12934	3502	762000
<i>просидеть</i>	3835	765	5000
<i>простоять</i>	12327	5461	1-2
<i>пробыть</i>	4307	752	158

Тем самым, частотность глагола и частотность пассивного причастия не коррелируют напрямую. При всей нестрогости нашего метода (сопоставления Корпуса и Яндекса) видно, что глаголы *пролететь* и *пробежать* гораздо чаще встречаются в корпусе (и в целом, и с аккузативным дополнением), чем *проплыть*. Однако пассивное причастие от *проплыть* встречается чаще. Аналогичным образом, причастие *пробытый* встречается гораздо чаще, чем *простоянный*, хотя глагол *простоять* в целом частотнее, нежели *пробыть*.

Возможно, отчасти встречаемость причастия действительно зависит от формального типа глагола. Например, глагол *бежать* является неправильным (форму третьего лица единственного числа *бежит* он образует по одному типу спряжения, а форму множественного числа *бегут* – по другому). Глагол *лететь* не

является неправильным, но в форме первого лица единственного числа происходит чередование (*лечу*; *летишь*). Возможно, от неправильных глаголов типа *бежать* и глаголов с чередованием носителям «труднее» образовать пассивные причастия).

В то же время форма *проспанный* в отношении к встречаемости глагола в корпусе образуется явно чаще, чем *пролетенный* / *пролеченный*, хотя [п] в корне глагола *спать* тоже палатализуется в первом лице единственного числа (*сплю*, *спишь*). Тем самым, даже формальное объяснение не является в полной мере строгим. В любом случае, очевидно, что результаты теста на пассивизацию слишком специфичны для отдельных лексем, чтобы судить по ним о статусе прямого объекта.

Анализ

Итак, мы проанализировали объектные свойства аккузативных групп при русских приставочных глаголах. Разумеется, наше исследование не покрывало все группы глаголов – мы ограничились лексемами, объектом при которых является временная или локативная именная группа. О статусе таких групп можно сделать некоторые выводы.

Наше исследование показало, что объект глаголов с приставкой *про-* резко отличается по свойствам от всех других. Он сочетается с возвратными глаголами и лексемами, уже имеющими другой прямой объект. При прочих приставках это невозможно.

Казалось бы, есть основания считать зависимое при глаголах с приставкой *про-* сирконстантом, а не прямым объектом. Однако недостаток этого решения в том, что при приставке *про-* (равно как и при других приставках) аккузативная ИГ пассивизируется.

Мы считаем, что возможен другой анализ. Приставка *про-*, как и прочие префиксы, присоединяет актанта. Однако он ведёт себя особым образом в силу своей семантической роли (Путь), которая в наибольшей мере характерна для сирконстантов. Возможно, особое поведение зависимого при *про-* вызвана изначально аналогией с бесприставочными глаголами (заметим, что *про-* – единственная приставка, которая не добавляет новый объект, а делает обязательным сирконстант исходного глагола, ср. *шёл два километра* – *прошёл два километра*).

Однако ещё один путь анализа заключается в том, чтобы сопоставить синтаксические свойства дериватов со свойствами

приставок. В работе [8], а также в «Русской грамматике» (1980) рассматриваются комбинации русских приставок (например, в таких лексемах, как *позаписывать*, *дообследовать* и др.). Отмечается, что не все приставки в равной мере могут играть роль «вторых» и «третьих», т.е. присоединяться к лексемам, уже содержащим префикс. Среди наиболее распространённых называются *по-* (*позаписывать*), *до-* (*договорить*), *пере-* (*переделать*), но, вероятно, префикс *про-* во временном значении тоже должен быть включён в их число.

О. Бабко-Малая [7] и П. Свенониус [10], вводя различие между внутренними и внешними (способными выступать в качестве «вторых» префиксами), дают им разную формальную трактовку. Так, у Бабко-Малой обе группы префиксов являются синтаксически адьюнктами, но к разным вершинам: внутренние – к лексической вершине глагола V, а внешние – к постулируемой аспектуальной вершине Asp.

С.Г. Татевосов [8] путём различных тестов на сочетаемость приставок между собой и с глагольными основами показывает, что существует не два, а четыре класса приставок (в один из них попадают внутренние приставки, в три – внешние).

В работе [8] не рассматривается приставка *про-* в её «внешнем» употреблении. Однако не подлежит сомнению, что такое употребление у неё есть. В примерах типа *пропереписывали контрольную весь день*, *продочитывал книгу до утра* префикс *про-* предшествует другому префиксу, причём этот второй может быть из класса внешних (как в примере *продочитывал книгу*) – это означает, что и *про-* в интересующем нас употреблении является внешней приставкой.

Возможно, указанные свойства *про-*, отличающие эту приставку от других анализируемых выше, являются дополнительным проявлением различия между внешними и внутренними префиксами. Правило о том, что внешние префиксы присоединяются «поверх» внутренних, следует дополнить другим, синтаксическим: актанты, вводимые внешними префиксами, вводятся «поверх» исходной актантной структуры. Неважно, к переходному, стандартному непереходному или возвратному глаголу присоединяется *про-* – для возможности добавить прямой объект несущественно наличие другого прямого объекта или постфикса *-ся* у исходного глагола.

Напротив, все остальные анализируемые здесь приставки принадлежат к классу внутренних (они, например, не могут добавляться к уже префигированным глаголам). При их добавлении к глаголу актант, добавляемый приставкой, не накладывается на исходную актантную структуру, а встраивается в неё. Неудивительно, что наличие другого прямого объекта или возвратного постфикса мешает этому встраиванию.

Как мы показали, в конструкции, где *про-* добавляет объект (точнее, переводит сирконстант в статус актанта) при переходных и при возвратных глаголах, этот объект не может становиться подлежащим при пассиве. При возвратных глаголах данное ограничение является чисто морфологическим (от глагола с *-ся* невозможно образовать аналитический пассив или присоединить второе *-ся* в пассивном употреблении). Напротив, при глаголах с двумя объектами (ср. *пронести, провести*) морфологического ограничения нет. Оно скорее носит синтаксический характер: ни один из аккумулятивных аргументов не может стать подлежащим при пассиве, поскольку русский пассив не способен иметь прямой объект.³

Литература

1. Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
2. Кронгауз М.А. (ред.). Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М., 2001 (Московский лингвистический журнал. 2001. Том 5, № 1).
3. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
4. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
5. Плунгян В.А. Общая морфология. М., 2000.

³ В то же время есть языки, для которых данное ограничение не действует. Например, в ряде тюркских языков (среди них хакасский) пассив от каузативного глагола может иметь прямой объект: ср. хакас. *xys suy iz-irt-l-çe* [девушка вода пить-CAUS-PASS-PRS] ‘Девушку поят водой’ (букв. ‘Девушка поится воду’).

6. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К.С., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Татевосов С.Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. 92-156.
7. Babko-Malaya, O. Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph.D. dissertation. Rutgers University. 1999.
8. Nichols J., Peterson D.A., Barnes J. Transitivity and detransitivizing languages. *Linguistic Typology*. 2004. №8. 149-211.
9. Romanova E. Constructing perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. University of Tromsø, 2006.
10. Svenonius, P. Slavic prefixes inside and outside VP // *Nordlyd*. 2004. №32–2. Special issue on Slavic prefixes. 2004. 323–361.
11. Шведова Н.Ю. (ред.). Русская грамматика. М., 1980.
12. Виноградов В.В. (ред.). Академическая грамматика русского языка в 2-х томах. М., 1960.
13. Муравьева Л.С. Глаголы движения в русском языке. М., 1975.
14. Comtet R. *Grammaire du russe contemporain*. Toulouse, 1987.
15. Bracquenier C. Transitivity vs intransitivity: semantics and syntax of the syntagme à l'accusatif. *Slavica Occitania*. 2012. №34. 133-156.

К.В. Литвинцева
ПСТГУ, Москва

Лексическая выразительность в текстах проповедей

В православной проповеди многие слова литературного языка приобретают особую выразительность. Зачастую это происходит за счёт выявления внутренней формы слова, перетолкования слов, игры значений (проявленной и скрытой, называемой семантическим синкретизмом).

Ключевые слова: *семантика, русский язык, лексика, внутренняя форма слова, религиозный дискурс, православная проповедь, семантический синкретизм*

In the Orthodox sermon, many words of common language acquire peculiar expressive power. This often happens due to the explication of an underlying metaphor, or an inner form of a word, reinterpretation of words, double entendre and paronomasia in semantics (both evident and hidden, the latter also known as semantic syncretism).

Keywords: *semantics, the Russian language, vocabulary, inner form of a word, religious discourse, Orthodox sermon, semantic syncretism*

Проблема синкретизма, то есть одновременно проявленных в слове значений без эффекта каламбура, бегло обсуждается в современном языкознании (работы Д. Н. Шмелёва [17:64–103], Ю. Д. Апресяна [1:180–181; 2:421–433], Анны А. Зализняк [7, 8:20–45], Н. В. Перцова [14:55–82]), но на русской языковой почве исследований для прозы не проводилось (ср. работу Н. В. Перцова о поэзии¹).

В то же время в отечественной лингвистике в постсоветский период наблюдается устойчивый интерес к религиозному дискурсу (И. В. Бугаёва [3], В. А. Бурцев [4], Р. И. Горюшина [5], Л. П. Крысин [10:135–138], Т. Ю. Мусорин [11], Г. Н. Скляревская [15]). Многими исследователями признаётся проходящий в языке процесс реанимирования религиозной лексики. Тем не менее, вопросы такого особого функционирования религиозных

¹ Для английской языка см., например, книгу Empson W. 1965 - Seven Types of Ambiguity. - Edinburgh: Penguin Books, 1965.

лексических единиц, как семантический синкретизм² и проявление внутренней формы, до сих пор практически не обсуждались.

Между тем, именно для религиозной лексики, из-за необходимости придать сакральное, восстановленное значение лексеме, ставшей за антирелигиозный период обыденной, характерна осознанная неоднозначность. Е.Р. Добрушина пишет об этом так:

«Смысл привычного слова, когда оно используется в религиозном контексте, часто заметно отличается от всех светских прочтений. В словарной статье богословское использование такого слова должно бы было описываться как отдельное значение. Но русская христианская лексика с позиций лексикологии и семантики практически не изучалась, и даже в самых точных словарях религиозные и богословские контексты не учитываются.

В случаях подобной многозначности нередко оказывается, что неискушенный слушатель воспринимает звучащее в проповеди слово в бытовом значении, не замечая, что в него вложен иной смысл. Так, глагол *оправдать* в нерелигиозном языке выступает в значениях, связанных с компонентом «доказать правоту», см., например, толкования шести его значений в МАСе. Между тем, в синодальном переводе Библии, как и в других христианских текстах, оправдать используется в неопisanном в словарях значении «сделать соответствующим правде (Божией)» [6:132]

По нашим наблюдениям, синкретизм в русских религиозных текстах появляется много чаще, чем в текстах иных типов. Покажем это на примере слова *церковь*, имеющего три основных значения, из которых в современных словарях, как правило, первое либо не рассматривается, либо смешивается со вторым: 'Богоустановленное вневременное единство Бога и объединенных христианской верой людей', 'Социальный религиозный институт', 'Здание храма'. Ср. пример, в котором митр. Антоний Сурожский (Блум) использует одновременно первое и третье значения:

² Подробнее об этом см. Колесов В. В. *Философия русского слова*. – СПб.: ЮНА, 2002.

(1) *Мне надо к ним пойти, потому что только там можно найти любовь, жизнь, радость, там каждый человек верит в каждого, верит в добро, верит в любовь, верит в будто невозможное в то чудо, которое делает грешника святым. **Церковь** единственное такое место. Неужели мы это место должны для других закрыть?* [митрополит Антоний (Блум). О страхе Божиим (1974), НКРЯ³]

Чтобы подтвердить необычность этого примера, покажем, что в большинстве случаев слово *церковь* используется лишь в одном из значений. Так, в примере (2) мы видим употребление в значении 'Вневременное единство', а в примере (3) в значении 'Здание храма'.

(2) *Православие — истинная вера, но это не значит, что я являюсь какой-то всеведущей машиной, которая автоматически вещает истины. ... **Церковь** — сама истина, но я-то могу ошибаться.* [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992), НКРЯ]

(3) *Есть во Владимирской области церковь Покрова на Нерли. Известнейшая **церковь**. Под охраной ЮНЕСКО находится.* [Круши, чтобы не думать (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.24, НКРЯ]

Итак, исследуя лексические особенности религиозных текстов, мы пришли к выводу, что в них чаще, чем в текстах иных типов, используются следующие приемы: оживление внутренней формы, авторское толкование или перетолкование слова, языковая игра с несколькими значениями (проявленная или скрытая) — синкретизм.

Пример (4) иллюстрирует обращение проповедника к мотивированности слов для того, чтобы сделать понимание их значений адресатами проповеди более глубоким. За счёт контекстуального взаимодействия слов с корнем *дух-* происходит оживление внутренней формы, проявление значения корня в привычном слове *духовник*, для многих потерявшем связь с понятием *Святой Дух*.

³ Примеры из Национального корпуса русского языка отмечены аббревиатурой НКРЯ.

(4) *И это сразу нас ставит по отношению к духовничеству в очень четкое положение, потому что тогда речь не о том, чтобы человека воспитывать по каким-то принципам и научить его развиваться в молитве или аскетически по каким-то трафаретам. Духовничество тогда будет состоять в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он сам ни находился, зорко следил за тем, что над человеком и в человеке совершает Святой Дух, возгревал бы Его действие, защищал против соблазнов или падений, против колебаний неверия; и в результате духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а с другой стороны – гораздо более значительной, чем мы часто думаем. [митрополит Антоний (Блум). Духовность и духовничество. <http://www.mitras.ru/izbran.htm>]*

В некоторых случаях слова переопределяются самим автором проповеди: с его точки зрения, люди, к которым он обращается, как бы не понимают их сути, их полного смысла. Такое переопределение, краткое или развернутое, вполне возможно трактовать как особый приём жанра проповеди, основанный на использовании лексических свойств слов (раскрытие значения). Так, в примере (5) слово *атеизм* сначала переопределяется через слово с более прозрачной мотивированностью (*безбожие*), а затем раскрывается в последующем высказывании. Проповеднику важно достичь того, чтобы слушатели восприняли слова *атеизм* и *безбожие* не в значении ‘отсутствие веры в Бога’, но в более глубоком – ‘жизнь вне Бога’.

(5) *И тогда мы можем понять, что означает эта солидарность: Он согласился принять на Себя, поднять, усвоить Себе не только физическую смерть, но глубинную причину этой смерти, а именно, потерю Бога; можно было бы сказать, употребляя слово в его этимологическом значении, – **атеизм, безбожие**⁴... Видите, как далеко идет эта солидарность: не только Бог соединяется с человеком, не только Он не делает различия между добрыми и злыми – теми, кого общество принимает и кого оно отбрасывает, – Он соглашается усвоить*

⁴ Приставки выделены графически редактором издания проповедей митр. Антония Сурожского.

Себе сердцеви́ну человеческого ужаса, отсутствие Бога, чтобы быть с нами в самой глубине этого отсутствия. Он не только в сердцевине Истории, Он в сердцевине клятвы... [митрополит Антоний (Блум). Может ли еще молиться современный человек. <http://www.mitras.ru/izbran.htm>]

В примере (6) (как и в примере (1)) представлен наиболее интересный с лингвистической точки зрения приём: осознанное совмещение проповедником двух или нескольких значений в одном слове.

(6) *Далее священник возглашает: “Благословен Бог наш...” Как не благословить Бога за то, что в мире, где все является рознью, напряжением, взаимным отрицанием, часто враждой, непониманием, два человека друг друга полюбили, друг во друге увидели взаимно вечную красоту и решили превзойти, превозмочь все, что может их разделять, решили стать едиными, одной личностью в двух лицах?! Как не благодарить Бога за то, что на земле совершается такое чудо, которое таинственно говорит нам о том, что рознь уже пришла к концу и единство осуществлено?!* [митрополит Антоний (Блум). Таинство любви. Беседа о христианском браке. <http://www.mitras.ru/lub.htm#5a>]

Здесь слово *таинственно* как бы одновременно является и привычным для литературного языка словом, дериватом от *тайна*, и в то же время отсылает к слову *таинство*, как бы образовано и от него тоже. (Ср. словарное толкование с указанием деривата: **ТА́ИНСТВО**, -а, ср. В христианстве: церковный обряд, предназначенный для приобщения верующего к божественной благодати. *Таинства православной и католической церкви* (крещение, бракосочетание, исповедь, соборование, причащение, миропомазание, священство). *Таинства лютеранской церкви* (крещение и причащение). *Таинства англиканской церкви* (крещение, причащение, церковный брак). | прил. **таинственный**, -ая, -ое. [16]). Анализируя этот пример, приходится задуматься над проблемой ударения⁵. Прилагательные, образованные от *тайна* и *таинство*, являются омографами: в устной речи они должны различаться ударением – на втором слоге от *тайна* и на первом от

⁵ Автор благодарит участников конференции за все их комментарии и замечания к докладу, положенному в основу этого текста, и в частности за то, что они отметили проблему ударения в этом слове.

таинство. Однако тексты проповедей нередко используются и в письменном варианте, кроме того, проповедники в своей речи часто используют церковнославянские слова (с целью отсылки слушателей к языку богослужения): в церковнославянском же языке это настоящие омонимы – оба слова должны употребляться с ударением на первом слоге⁶.

Итак, мы попытались показать, что в современном религиозном дискурсе при употреблении слов нейтрального и книжного стилей литературного языка наблюдается стремление к отходу от обыденности, стремление к сакрализации слов, для чего используются такие приемы, как восстановление этимологии слова, опора на внутреннюю форму, толкование и перетолкование, синкретическое использование многозначных слов. Поэтому специфические свойства лексической выразительности регулярно проявляются в жанре проповеди как базирующемся на сакральном языковом материале, совмещающем в себе разговорный, книжный и публицистический стили, поэтическую и фатическую функции.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995;
2. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009.
3. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития. автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. М., 2010 и др. работы.
4. Бурцев В. А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина. Елец, 2012.
5. Горюшина Р. И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и

⁶ На 139 употреблений леммы *таинственный* в церковнославянском корпусе НКРЯ (<http://www.ruscorgo.ru/search-orthlib.html>) находится только 4 случая постановки ударения на второй слог.

- производных светских значений слов). Диссертация ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2002.
6. Добрушина Е. Р. Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва. 20-23 марта 2010 года.
 7. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006.
 8. Зализняк Анна А.. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2.
 9. Колесов В. В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
 10. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
 11. Мусорин А. Ю. Теонимическая лексика русского языка // Родной язык, родное слово. Новосибирск, 2004. С. 121. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/musorin-04a.htm> (дата обращения 15. 02. 2010).
 12. "Митрополит Суражский Антоний" – библиотека. URL: <http://www.mitras.ru/izbran.htm>
 13. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
 14. Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 2000. – № 3.
 15. Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000.
 16. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992.
 17. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
 18. Empson W. 1965 - Seven Types of Ambiguity. - Edinburgh: Penguin Books, 1965.

Ю.В. Мазурова
ИЯз РАН, Москва

Иранские и кавказские черты в системе пространственных показателей осетинского языка¹

Осетинский язык — один из немногих индоевропейских языков, в течение почти двух тысячелетий развивавшийся в тесном контакте с кавказскими и тюркскими языками. В осетинском языке имеется несвойственная иранским языкам богатая система агглютинативного склонения, активно используются послелогои и очень ограничено употребление предлогов, развилась сложная система глагольных локативных превербов. В статье проводится анализ пространственной системы осетинского языка в сравнении с генетически родственными иранскими и ареально близкими кавказскими (картвельской, нахско-дагестанской и абхазо-адыгской групп). В статье делается вывод, что, несмотря на то, что падежная система осетинского языка имеет несомненное сходство с грузинской, она не является чем-то уникальным для восточноиранских языков: тенденция к использованию послелогов наблюдается в большинстве языков этой группы, а в осетинском языке она лишь представляет собой крайнюю степень грамматикализации: превращение послелогов в новые падежи с пространственным значением. Таким образом, наличие пространственных падежей и использование послелогов нельзя объяснять только влиянием извне, поскольку в самом осетинском языке уже имеется соответствующая тенденция. Что касается системы превербов, то она, вероятнее всего, является результатом влияния картвельских языков, так как никаких аналогов в сохранившихся восточноиранских языках мы не находим.

Ключевые слова: *осетинский язык, восточноиранские языки, кавказские языки, грузинский язык, ареальная лингвистика, пространственные падежи, послелогои, локативные превербы*

Ossetic is one of the few Indo-European languages that has been developing in close contact with the Caucasian and Turkic languages

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», проект «Устный корпус основных диалектов современного осетинского языка».

for nearly two thousand years. Ossetic has an elaborate agglutinative case system absent in other Iranian languages. It has a lot of postpositions, very few prepositions and a complex system of locative preverbs. In this paper, the spatial system of Ossetic is compared to those in Iranian and Caucasian languages. We claim that, although the case system is undoubtedly similar to the Georgian, it is not unparalleled in other Eastern Iranian languages: the tendency for the postpositional use of functional words is clear in the most of the languages of this group, and in Ossetic it presents the extreme point of grammaticalization, namely agglutinative cases developed from postpositions. So, the presence of locative cases and postpositions in Ossetic cannot be explained only by external influence, because the tendency is intrinsic to the language itself. As for the preverb system, which has no correspondence in other modern Eastern Iranian languages, it is likely to have evolved under the influence of the Kartvelian languages.

Keywords: *Ossetic, Eastern Iranian languages, Caucasian languages, Georgian, areal linguistics, spatial cases, postpositions, locative preverbs*

1. Предмет исследования

Осетинский язык — один из немногих индоевропейских языков, издавна бытующих на Кавказе. Испытав влияние кавказских и тюркских языков, он обогатился интересными явлениями, такими как несвойственная иранским языкам богатая система агглютинативного склонения, очень ограниченное использование предлогов при активном употреблении послелогов, сложная система глагольных локативных превербов, включающая действительский компонент. Всё это делает осетинский язык весьма интересным для ареальной типологии. В статье представлено описание пространственной системы иронского диалекта осетинского языка в сравнении с иранскими и кавказскими языками, включающее всю зону локативности: пространственные падежи, первичные послелоги, локативные служебные имена, система превербов, выражающая как направление, так и действительские значения.

2. Общие сведения об осетинском языке

Осетинский язык наряду с ягнобским является остатком северо-восточной, скифо-сарматской ветви иранских языков, на которых говорили многочисленные племена Средней Азии и южной России, известные в древних источниках под этнонимами скифов, сарматов, аланы и др. В начале нашей эры одно из скифо-сарматских племен, аланы, продвинулось на Северный Кавказ и смешалось с местными кавказскими племенами.

По официальным данным переписи 2002 г., численность осетин на территории Российской Федерации составляет 488 тысяч человек; всего в мире проживает около 700 тысяч осетин. По данным проекта “Ethnologue”, число носителей языка составляет 641 450 человек. Однако по последним данным, представленным в [12], а также по официальным данным ЮНЕСКО по угрожаемым языкам число носителей неуклонно снижается в связи с растущей урбанизацией и сильным влиянием русского языка. На осетинском языке говорят главным образом на территории Республики Северная Осетия – Алания и Республики Южная Осетия. Некоторая часть носителей языка проживает также в Турции, Грузии и других странах. Традиционно считается, что осетинский язык имеет два основных диалекта: иронский и дигорский. В последнее время некоторые исследователи стали также выделять третий, кударский диалект, традиционно считающийся говором иронского. В данной статье в основном будет использоваться материал иронского диалекта, который является основой литературного осетинского языка.

3. История осетинского языка

Проблема влияния кавказских языков на осетинский, затронутая ещё В.Ф.Миллером, была поддержана более поздними исследованиями и значительно развита самым выдающимся исследователем осетинского языка В.И.Абаевым. Согласно мнению В.И.Абаева, в качестве важного фактора, определяющего характер осетинского языка наряду с иранской основой, рассматривается кавказский субстрат [4, 75–80, 518–525]. Кроме того, В.И.Абаев в своем значительном труде «Скифо-европейские изоглоссы» сделал вывод об особой близости осетинского языка к языкам европейского ареала — славянским, балтийским, тохарскому, германским, кельтским. По ряду признаков

осетинский язык смыкается с этими языками, обнаруживая расхождения с другими иранскими [2].

Объяснение этому находится в своеобразной истории осетинского народа и его языка. В.И.Абаев выделяет три условных периода в зависимости от преобладающих контактов осетин с другими народами: 1) скифо-европейский (I тыс. до н.э.); 2) алано-кавказский (от первых веков нашей эры до монгольского нашествия); 3) новейший (от XV в. до наших дней). [1, 7–9]

Среди важнейших грамматических славяно-осетинских изоглосс скифо-европейского периода В.И.Абаев называет приобретение превербами перфективирующего значения, различение одушевленного и неодушевленного прямого объекта с помощью падежного оформления. [2, 53–68]

В алано-кавказский период определяющими для осетинского языка стали контакты с кавказскими (грузинский, сванский, абхазский, абазинский, адыгские и дагестанские) и в меньшей степени тюркскими языками. Контакты эти были как субстратные, так и ареальные. В морфологии влияние субстрата отразилось прежде всего на склонении: из флективного оно преобразовалось в агглютинативное и подверглось реорганизации за счет увеличения количества локативных падежей.

Новейший период истории осетинского языка характеризовался резким снижением «престижного потенциала языка», в котором катастрофическую роль сыграло нашествие монголов: резко сократилась численность алан и занимаемая ими территория, прекратились активные контакты с большинством языков (кроме грузинского, кабардинского и ингушского). В языковом обмене осетинский язык перестает играть активную роль, наоборот, в него проникает значительное количество заимствований из грузинского, кабардинского и русского. [1, 8]

4. Система склонения

Взамен флективной древнеиранской системы склонения в современном осетинском сложилась агглютинативная: к основным «синтаксическим» падежам добавляются локативные. На синхронном уровне эти падежи менее грамматикализованы, имеют определенную пространственную семантику и могут сохранять некоторые черты послеложных сочетаний. Помимо традиционного набора грамматических падежей (номинатив, генитив, датив), а

также экватива и комитатива, в осетинском выделяются пространственные: аллатив (направительный), аблатив (отложительный), инессив (местный внутренний) и суперэссив (местный внешний).

Таблица 1. Склонение существительного *šær* 'голова'

	Sg	Pl
Nom	<i>šær</i>	<i>šær-t-æ</i>
Gen	<i>šær-ə</i>	<i>šær-t-ə</i>
Dat	<i>šær-æn</i>	<i>šær-t-æn</i>
All	<i>šær-mæ</i>	<i>šær-t-æm</i>
Abl	<i>šær-æj</i>	<i>šær-t-æj</i>
Iness	<i>šær-ə</i>	<i>šær-t-ə</i>
Superess	<i>šær-əl</i>	<i>šær-t-əl</i>
Equ	<i>šær-aw</i>	<i>šær-t-aw</i>
Comit	<i>šær-imæ</i>	<i>šær-t-imæ</i>

Если обратиться к падежным системам других языков Кавказа, то можно сказать следующее. В абхазо-адыгских языках именная морфология развита слабо, локативных падежей нет, так что мы не будем рассматривать их в данном контексте.

В.И.Абаев пишет, что «наиболее близка система осетинского склонения к языкам вайнахской группы» [4, 112]. С этим утверждением можно поспорить. В нахско-дагестанских языках система склонения (там, где она не утрачена) устроена более сложным, чем в осетинском языке, образом: в падежную систему включаются пространственные падежи, состоящие из комбинации показателей локализации, или пространственной ориентации («серии»), и направления/местонахождения. Показатели локализации передают следующие значения: 'в, внутри' (нередко различая местонахождения внутри полого предмета и внутри сплошной массы), 'около' (в некоторых языках с более дробным противопоставлением значений 'за', 'перед', 'сбоку'), 'на, над', 'под'. Один из падежей при этом служит средством выражения типичного месторасположения относительно соответствующего предмета для большинства существительных. Показатели направления дифференцируют местонахождение, движение от предмета, движение к предмету (часто не обособляется от

локатива), реже движение через предмет (нередко передается аблативом). Подобные падежные формы могут осложняться направительными показателями со значением ‘по направлению к’.

Как отмечали многие исследователи, в частности М.И.Исаев, осетинская система падежей структурно ближе всего к картвельской [9]. В грузинских грамматиках нет единого мнения, какие форманты считать локативными падежами. Разные источники выделяют аблатив (отправительный) *(-i)dan* и адлатив (достигательный) *(-mde)*. Наиболее грамматикализованные локативные послелого, присоединяющиеся непосредственно к основе: инессив *(-ši)*, суперэссив *(-ze)*, адессив *(-tan)*: *kalak-ši* ‘в город, в городе’, *magida-ze* ‘на стол, на столе’, *panjara-tan* ‘у окна’.

[17]

Сравнение локативных падежей осетинского и грузинского языков дано в таблице 2. Похожая система наблюдается также в лазском языке.

Таблица 2. Сравнение локативных падежей осетинского и грузинского языков

Осетинский	Грузинский
Аллатив (направительный) <i>-mæ</i>	Адлатив (достигательный) <i>-mde</i>
Аблатив (отложительный) <i>-æj</i>	Аблатив (отправительный) <i>(-i)dan</i>
Инессив (внутренний местный) <i>-ə</i>	Инессив <i>-ši</i>
Суперэссив (внешний местный) <i>-əl</i>	Суперэссив <i>-ze</i>
	Адессив <i>-tan</i>

В работе О.И.Беляева [18], представляющей собой подробный анализ эволюции осетинской падежной системы, отмечается близость осетинского и грузинского склонения, а также высказывается обоснованное предположение о том, что в обоих языках агглютинативное склонение сложилось примерно в одно и то же время, и поэтому нельзя однозначно определить направление контактного влияния: совсем не обязательно осетинская система сложилась под влиянием грузинской — это могло быть взаимное влияние языков долгое время находящихся в тесном контакте. Косвенное подтверждение этого тезиса мы можем найти в других

восточноиранских языков, где обнаруживаются тенденции развития агглютинативного употребления послелогов.

Например, в близкородственных шугнанском и рушанском языках существуют так называемые первичные послелогии, отличающиеся от именных послелогов большей степенью грамматикализации, утерей лексического значения и тесной синтаксической связью с именем: шугн., руш. *-andi* 'направление или местонахождение (чаще внутри)', шугн. *-(a)rd*, руш. *-ri* 'приблизительное место и время', шугн. *-(y)ēc*, руш. *-ac* 'предел во времени и пространстве, инструментальность', шугн. *-āj*, руш. *-āji* 'направление в сторону чего-л.' и др.

В генетически самом близком осетинскому ягнобском языке также находим большое количество простых (первообразных) послелогов, в том числе и с пространственным значением: *-sa* 'направление движения', 'временной предел', адресат и др., *-vik* 'нахождение на поверхности или движение по поверхности чего-л.', *-pi* 'совместность, орудийность, способ действия' и др.

Таким образом, как в картвельских, так и в восточноиранских языках терминами «локативные падежи», «первообразные послелогии» или «собственно послелогии» описывается схожие по степени грамматикализации форманты. Хотя степень грамматикализации этих элементов по имеющимся описаниям трудно сравнивать, ясно, что это явления одного порядка.

Если кратко коснуться семантики, то можно отметить, что в системе локативных падежей осетинский язык не различает специфических «кавказских» локализаций, которые мы находим в дагестанских и абхазо-адыгских языках вроде 'локализация в аморфном веществе', 'локализация в плотном контакте с ориентиром' (хотя вопрос с аллативом требует дополнительного исследования), 'локализация на конце ориентира', 'локализация в помещении' и т.п. Семантика локативных падежей вполне укладывается в традиционное для иранских и других индоевропейских языков базовое различение поверхности и внутренней окрестности ориентира, а также приближения к ориентиру и удаления от ориентира. Некоторые примеры:

Локализация внутри ориентира

(1)	<i>kastrunkæ-yə</i>	<i>qærxwəpp</i>	<i>iš</i>
	кастрюля-INESS	суп	быть:PRES.3SG
	'В кастрюле суп есть'.		

Локализация в аморфном веществе

- (2) *žmiš-ə* *iš* *durtæ*
 песок-INESS быть:PRES.3SG камни
 ‘В песке есть камни’.

Прикрепление к ориентиру

- (3) *nəv* *awəvd* *u* *k’ul-əl*
 картина висящая есть стена-SUPERESS
 ‘Картина висит на стене’.

Плотный контакт с ориентиром

- (4) *nəv* *nəvgond* *u* *k’ul-əl*
 картина нарисованный есть стена-SUPERESS
 ‘Картина нарисована на стене’.

5. Послелogi и служебные локативные имена

В древнеиранских языках синтаксические отношения выражались предлогами, поэтому среди осетиноведов бытует мнение, что послелogi в осетинском языке являются результатом влияния кавказского субстрата ([4, 25], [15, 143] и др.). Действительно, практически все синтаксические отношения в осетинском выражаются с помощью послелогов. Немногие сохранившиеся предлоги тяготеют к лексикализации и по своим свойствам уже ближе к именным приставкам. В грамматиках даже нет единого мнения, какие предлоги выделять. Так, в [3] выделяется только два предлога *æd* ‘с’ и *ænæ* ‘без’, в [6] — три, а М.И.Исаев с некоторыми оговорками выделяет восемь [9, 663]. На более ранних ступенях развития в осетинском было больше предлогов — об этом свидетельствуют, в частности, данные более архаичного по сравнению с иронским дигорского диалекта осетинского языка, где предлоги играют более существенную роль.

Осетинские послелogi выражают различные отношения места, времени, причины, цели и др. С морфологической точки зрения послелogi не отделяются от класса имен. Большинство послелогов — это имена, получающие в определенных условиях функцию послелогов. При этом имя в функции послелoga либо не имеет никакого падежного оформления, либо может употребляться в форме косвенного падежа. Некоторые непространственные послелogi имеют глагольное происхождение. Собственно

послелогов, которые выступают только в этой синтаксической функции и не употребляются в качестве имени, немного.

Послелого чаще управляют родительным падежом, часть послелогов управляет также дательным, отложительным и направительным падежами. От чего зависит, каким падежом управляет послелог — эта тема требует отдельного исследования. Наиболее распространенным вариантом в осетинском языке (как и типологически) является генитивная конструкция, которая описывает локализацию объекта с помощью частей целого: *bælaš-ə bæn* дерево-GEN низ ‘под деревом’ или *xædzar-ə raž* дом-GEN перед ‘перед домом’. Послеложные конструкции по существу являются атрибутивными, где послелого выступают в качестве определяемого, а управляемое слово — в качестве определения.

В предложении послелого стоят обычно непосредственно после тех слов, к которым они относятся. Однако между послелогом и управляемым словом возможна постановка конкретизаторов значения *xædzar-ə tællæ šærtæ* ‘прямо над домом’, *хохə xæd bəntə* ‘под самой горой’. Основные послелого с пространственным значением приведены в табл. 3.

Таблица 3. Некоторые послелого осетинского языка

Послелог	Значение	Происхождение, внутренняя форма	Синтаксические функции	Каким падежом управляет
<i>æštæw</i>	между, среди	<i>æštæw</i> ‘середина, талия’	POST, NOUN	Gen
<i>æxšæn</i>	между, среди	<i>æxšæn</i> ‘середина, промежуток’	POST, NOUN	Gen
<i>æxšæneĵ</i>	из	Abl Sg от <i>æxšæn</i> ‘середина, промежуток’	POST	Gen
<i>æxšæntə</i>	через	InessPl от <i>æxšæn</i> ‘середина, промежуток’	POST	Gen
<i>aləvarš</i>	кругом, вокруг	<i>alə</i> ‘всякий’ + <i>farš</i> ‘бок, сторона’	POST	Gen
<i>aləvərštə</i>	кругом	InessPl от <i>aləvarš</i> ‘вокруг’	POST	Gen
<i>alfæmlaj</i>	кругом, вокруг	<i>alə</i> ‘всякий’ + * <i>falembulaj</i> ‘сторона’	POST	Gen
<i>bæn</i>	под	<i>bæn</i> ‘корень, основание, дно’	POST, NOUN	Gen

<i>bānmæ</i>	ниже, под	AllSg от <i>bān</i> 'корень, основание, дно'	POST, NOUN	Gen
<i>bānəj</i>	из-под	AbISg от <i>bān</i> 'корень, основание, дно'	POST, NOUN	Gen
<i>bāntə</i>	под (движение)	InessPl от <i>bān</i> 'корень, основание, дно'	POST, NOUN	Gen
<i>dælæ</i>	внизу	иран. * <i>adari</i> 'низ, под'	POST, ADV	Gen, Dat
<i>dælæmæ</i>	вниз	AllSg от <i>dælæ</i>	ADV	Abl
<i>fæštæ</i>	за, позади		POST	
<i>fæštæmæ</i>	назад, обратно		ADV	Abl
<i>faršmæ</i>	возле, около, рядом, у	AllSg <i>farš</i> 'бок, сторона'	POST, NOUN	Gen
<i>komkom mæ</i>	напротив	<i>kom</i> 'пот' + AllSg от <i>kom</i>	POST	Gen
<i>midæg</i>	в, внутрь, внутри		POST, ADV	Gen
<i>ong</i>	до		POST	Gen
<i>raž</i>	перед	<i>raž</i> 'перед, передняя сторона'	POST, NOUN	Gen
<i>ražə</i>	перед, впереди, рядом, около	InessSg от <i>raž</i> 'перед'	POST, NOUN	Gen
<i>ražmæ</i>	перед, до	AllSg от <i>raž</i> 'перед'	POST, ADV	Gen, Abl
<i>raštə</i>	мимо	InessPl от <i>raš</i> 'перед'	POST, NOUN	Gen
<i>šær</i>	на	от <i>šær</i> 'голова'	POST, NOUN	Gen
<i>šærəl</i>	наверху	SuperessSg от <i>šær</i> 'голова'	POST, NOUN	Gen
<i>šærmæ</i>	над	AllSg от <i>šær</i> 'голова'	POST, NOUN	Gen
<i>šærəj</i>	сверху	AbISg от <i>šær</i> 'голова'	POST, NOUN	Gen
<i>šærtə</i>	через	InessPl от <i>šær</i> 'голова'	POST, NOUN	Gen
<i>sur</i>	у, около		POST	Gen
<i>surmæ</i>	к, по направлен ию к	AllSg от <i>sur</i> 'около'	POST	Gen
<i>surəj</i>	от	AbISg от <i>sur</i> 'около'	POST	Gen
<i>surtə</i>	через	InessPl от <i>sur</i> 'около'	POST	Gen
<i>wælæ</i>	над, наверху, сверху, на		POST, ADV	Gen
<i>wælæmæ</i>	вверх		ADV	Abl
<i>wælquš</i>	у, около		POST	Gen

В картвельских, дагестанских и абхазо-адыгских языках для выражения конкретных пространственных значений действительно в основном используются послелого. Однако нельзя сказать, что для иранских языков наличие отыменных послелогов нехарактерно. Наряду с предлогами, они встречаются практически во всех восточноиранских языках (пушту, шугнанском, рушанском, язгулямском, ваханском, ишкашимском и ягнобском) и в некоторых западноиранских (татском, гилянском, мазендеранском) причем во многих случаях они играют значительную роль в выражении синтаксических и локативных отношений. Зачастую послелого, так же как в осетинском, представляют собой неполностью грамматикализованные имена с пространственным значением. Таким образом, эта сфера ФСП локативности осетинского языка вполне укладывается в тенденции развития других восточноиранских языков, отличаясь от них лишь в степени, но не по сути.

Таблица 4. Соотношение предлогов и послелогов в восточноиранских языках

Ягнобский	Количество предлогов невелико, в основном используются послелого, предлоги чаще всего сочетаются с послелогоми
Пушту, шугнанский, рушанский, язгулямский, ваханский, ишкашимский	Примерно равное количество предлогов и послелогов, которые могут сочетаться между собой
Мунджанский	Только предлоги

Интересной особенностью осетинского языка является использование в качестве послелогов грамматикализованных имен в разных падежах. Аналогичное явление наблюдается в нахских языках — чеченском и ингушском, где именные послелого также употребляются в форме местных падежей.

Семантика получившегося служебного слова не всегда композициональна. Например, *šær* (от существительного ‘голова’) обозначает локализацию ‘на’, в аллативе *šær-mæ* обозначает ‘над’, а в единственном числе суперэссива *šær-əl* ‘поверх’ употребляется

для обозначения послыойного расположения. Не все возможные сочетания грамматикализованных пространственных имен с падежами встречаются. То, что, например, в дагестанских языках выражается с помощью сочетаний показателей локализации и ориентации, в осетинском частично выражается сочетанием именного послелого и падежа. Но эта система в осетинском нерегулярна и употребляется не со всеми послелогоми и не во всех сочетаниях.

Интересной типологической особенностью осетинского языка является выражение пролативного значения (т.е. движения вдоль, через или сквозь ориентир) с помощью послелогов во множественном числе: *æxšæntə* ‘через, сквозь’, *bəntə* ‘понизу’, *aləvæərštə* ‘кругом’, *šærtə* ‘через, поверх’, *ræžtə* ‘мимо, перед’, *surtə* ‘мимо’. В грамматических описаниях (например, [3, 25], [15, 143]) эти формы описываются как застывшие формы генитива, однако, по нашему мнению, логичнее считать их формами инессива (генитив и инессив в осетинском языке различаются только в местоименном склонении, их показатели в именном склонении совпали). Это обосновано как с синтаксической — так как во всех прочих случаях послелогои употребляются только в форме пространственных падежей, ядерные падежи в этой функции не засвидетельствованы, так и с семантической точки зрения — пролативное движение рассматривается как локализация (инессив) множества точек (множественное число) на пути движения, а конкретная топологическая зона этого движения (вверху, внизу, внутри) выражается семантикой корня.

6. Превербы

Система превербов в осетинском языке устроена сложным образом, все превербы являются многозначными, выражают как пространственные, так и аспектуальные значения. Кроме того, в семантике некоторых превербов имеется указание на положение наблюдателя по отношению к движущемуся предмету или лицу, см. табл. 5 и 6., согласно [3], [9]. Превербы очень продуктивны, количество превербных глаголов исчисляется сотнями.

Таблица 5. Система превербов иронского диалекта (в сочетании с глаголом *sæwəp* 'идти')

Преверб	Значение	Положение наблюдателя
<i>a-səd</i>	вышел	Наблюдатель находится внутри
<i>ra-səd</i>		Наблюдатель находится снаружи
<i>ba-səd</i>	вошёл	Наблюдатель находится снаружи
<i>ærba-səd</i>		Наблюдатель находится внутри
<i>ær-səd</i>	сошёл, пришёл сверху	Наблюдатель находится внизу
<i>nə-ssəd</i>		Наблюдатель находится наверху
<i>sə- (редк.)</i>	'движение вниз'	Наблюдатель находится наверху
<i>fæ-</i>	'движение в любом направлении от говорящего'	
<i>ǰ-</i>	'движение вверх'	

Таблица 6. Система превербов дигорского диалекта

Преверб	Значение	Положение наблюдателя
<i>ba-cudæj</i>	вошел	Наблюдатель находится снаружи
<i>ærba-cudæj</i>		Наблюдатель находится внутри
<i>ær-cudæj</i>	пришёл (сверху)	Наблюдатель находится внизу
<i>ni-ccudæj</i>		Наблюдатель находится наверху
<i>ra-cudæj</i>	вышел, ушёл прочь	
<i>is-cudæj</i>	пришёл (снизу)	Нет указания на наблюдателя
<i>fæc-cudæj</i>	ушёл (прочь)	

В иронском диалекте восемь превербов, в дигорском только шесть (нет превербов *a-* и *ca-*). Не только по составу, но и по употреблению между иронскими и дигорскими превербами существуют различия. Так, в дигорском между глаголом и превербом могут вставляться в качестве дополнения энклитические местоимения, частицы и др., а в иронском диалекте это не допускается.

Поскольку в иранских языках практически нет продуктивных превербов, а те, что есть, представляют собой застывшие формы, унаследованные из древних и среднеиранских языков, приходится признать, что эта система возникла в результате внешнего влияния. Как показано в работе [19], осетинская система превербов, несомненно, испытала влияние грузинской. Действительно, определенные сходства бросаются в глаза, ср. табл. 7., по [8, 40].

Таблица 7. Система превербов грузинского языка

	Нейтр.	Снизу вверх	Сверху вниз	Изнутри наружу	Сна- ружи во- внутрь	Преодо- ление препят- ствия	Сна- ружи во- внутрь и сверху вниз
Отдале- ние от наблюда- теля	<i>mi-</i> , <i>ca-</i>	<i>a-</i>	<i>da-</i>	<i>ga-</i>	<i>še-</i>	<i>gada-</i>	<i>ča-</i>
Прибли- жение к наблюдате- лю	<i>to-</i> , <i>çato-</i> , <i>timo-</i>	<i>a-</i> <i>to-</i>	-	<i>ga-to-</i>	<i>še-to-</i>	<i>gad-</i> <i>to-</i>	<i>ča-to-</i>

Вопрос о конкретных этапах эволюции системы превербов в осетинском языке, однако, требует более глубокого исследования. Не исключено, что среди прочих факторов здесь сыграло свою роль переселение предков осетин в горную местность и связанная с этим необходимость выражать перемещение в пространстве не только по горизонтали, но и по вертикали.

7. Заключение

Несмотря на то, что падежная система осетинского языка имеет несомненное сходство с грузинской, она не является чем-то уникальным для восточноиранских языков: тенденция к

использованию послелогов наблюдается в большинстве языков этой группы, а в осетинском языке она лишь представляет собой крайнюю степень грамматикализации: превращение послелогов в новые падежи с пространственным значением. Таким образом, наличие пространственных падежей и использование послелогов нельзя объяснять только влиянием извне, поскольку в самом осетинском языке уже имелась соответствующая тенденция. Что касается системы превербов, то она, вероятнее всего, является результатом влияния картвельских языков, так как никаких аналогов в сохранившихся восточноиранских языках мы не находим.

Хотя структурно осетинский похож на кавказские языки, с точки зрения семантики он всё-таки ближе к иранским. Так, в нем не различаются ситуации нахождения на функциональной поверхности и удержания в равновесии благодаря контакту с ориентиром (*книга на столе vs. картина на стене*), нахождение в полом пространстве и в аморфном веществе (*яблоко в корзине vs. соль в супе*), что характерно для многих кавказских языков. Зато последовательно различаются ситуации нахождения на поверхности и над ориентиром (*книга на столе vs. лампа над столом*), характерное для некоторых индоевропейских языков, но практически отсутствующее в кавказских.

В целом, как считает В.И.Абаев, «индивидуальные особенности осетинского языка не могут быть объяснены как результат имманентного развития из древнеиранского состояния. Не могут они быть объяснены и как заимствование извне, поскольку они затрагивают существеннейшие, структурные формы языка. ... Вывод может быть только один: в осетинском слились, соединились две линии преемственности, одна — идущая из древнеиранского, и другая — идущая от субстратных, кавказских языков. Причудливое сочетание и переплетение этих двух языковых традиций и создало то своеобразное целое, которое мы зовем осетинским языком». [4, 115]

Литература

1. Абаев, В.И. Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

2. Абаев, В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
3. Абаев, В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
4. Абаев, В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва, 1949.
5. Ахвледиани, Г.С. (ред.) Грамматика осетинского языка, т. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963.
6. Гагкаев, К.Е. Очерки грамматики осетинского языка. Владикавказ, 1952.
7. Ганенков, Д.С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Дисс... канд. фил. наук. М., 2005.
8. Дзидзигури Ш., Чанишвили Н. Грузинский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., Academia, 2001.
9. Исаев, М.И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
10. Исаев, М.И. Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., Наука, 1987.
11. Камболов, Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
12. Камболов, Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ, 2007.
13. Кулаев, Н.Х. К вопросу о проблеме падежей в осетинском языке // Известия СОНИИ. Т.19. Орджоникидзе, 1957.
14. Миллер, В.с. Ф. Осетинские этюды. В 3-х тт. СПб., 1881-1887.
15. Цховребова, З.Д. О послелогох в осетинском языке // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института академии наук Грузинской ССР, выпуск XII, 1963.
16. Шёгрэн А. Грамматика осетинского языка. М., 1844.
17. Aronson, H.I. Georgian: A Reading Grammar. Slavica Publishers, 1990.
18. Belyaev, O. Evolution of Case in Ossetic // Iran and the Caucasus, 14 (2), 2010. pp. 287–322.
19. Tomelleri, V. The Category of Aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some Areal and Typological Observations // *Faits de langues*, 1, 2009.

Е.А. Медведева
ДВФУ, Владивосток

Использование концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга в первичном политическом дискурсе (на примере политического дискурса президента США Барака Обамы и кандидата в президенты США Альберта Гора)

В статье рассматривается проблема использования концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга. Материалом для исследования послужили речи президента США Барака Обамы и кандидата в президенты США Альберта Гора.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, спичрайтинг, технологии спичрайтинга, политический дискурс, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика*

The article comprises the issue of using the conceptual metaphor as a speechwriting technique. The data are obtained from speeches of US President Barack Obama and presidential candidate Albert Gore.

Keywords: *conceptual metaphor, speechwriting, speechwriting techniques, political discourse, cognitive linguistics, political linguistics*

Исследования концептуальной метафоры имеют довольно давнюю и богатую историю. Когнитивные структуры и механизмы оперирования ими оказались в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук более тридцати лет назад. В дальнейшем это явление было названо когнитивной революцией (*cognitive revolution*). Она привела к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследование как процессов восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, так и системы репрезентации и хранения знаний. Когнитивная лингвистика — направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» и когниция «в ее языковом отражении».

Проблема категоризации окружающей действительности занимает в когнитивной лингвистике центральное место. Также важная роль в ней отведена метафоре как проявлению аналоговых возможностей человеческого разума.

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном

характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикёр, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи.

Все эти исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Metaphors We Live by*” [4] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что процессы мышления человека в большой степени метафоричны. В более поздней работе “*The Contemporary Theory of Metaphor*” Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры в мысли, а не в языке» [5, 203].

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а, скорее, на собственные когнитивные репрезентации реальности приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько личной системой репрезентаций каждого индивидуума. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Концептуальная метафора представляет особый интерес для исследователей политического дискурса, т. к. она является мощным орудием создания новых смыслов, средством аргументации и эмоционального воздействия. В современном обществе метафоры служат для формирования и поддержания лежащих в его основе мифологем.

На современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры: классическая теория концептуальной метафоры (G. Lakoff, M. Johnson), теория концептуальной интеграции (M. Turner, G. Fauconnier), теория

первичных и сложных метафор (J. Grady et al.), когерентная модель метафоры (B. Spellman et al.), модель концептуальной проекции (K. Ahrens, Chung et al.), коннективная теория метафорической интерпретации (D. Ritchi), дескрипторная теория метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов), теория метафорического моделирования (А.П. Чудинов) и др. [2, 17].

Прагматика современного политического дискурса требует поиска все новых средств воздействия на аудиторию. Задача спичрайтера заключается в создании эффективных политических текстов, способствующих достижению целей, которые ставит перед собой политик. В современной риторической традиции все еще господствует мнение, что при написании текста речи для политика следует избегать использования различных средств «украшения» речи, к которым, помимо прочих, относят и метафоры. Нами были проанализированы работы следующих авторов, посвященные проблеме риторики и спичрайтинга: Т.В. Анисимовой, Л.А. Введенской, О.Я. Гойхман, Д. Игнатъева, И.Г. Проскуряковой, Л. Браун, Ж. Данкела, А.Д. Кривоносова, О.П. Кудинова, Г.Г. Почепцова, Ф. Сайтела, П. Сопера, И.А. Стернина, И.П. Яковлева, И.А. Чайки, П.А. Кузнецова, С.Ф. Антиповой-Светозаровой. Отношение к использованию метафоры в тексте речи неоднозначно. В качестве примера можно привести цитату из работы Т.В. Анисимовой и Е.Г. Гимпельсона «Современная деловая риторика»: «У современного человека украшения в ораторской речи не вызывают, как правило, ни умиления, ни восхищения. Гораздо больше ценится простота слога при глубине мысли. Поэтому оратор должен в основном заботиться о воздействующей силе доводов и правильности их расположения, а не о цветах красноречия» [1, 171]. Данное высказывание справедливо только в том случае, если метафора используется исключительно в эстетической функции. Однако ее потенциал намного больше, поэтому мы не согласны с рекомендацией авторов, которые фактически призывают отказаться от использования метафор. Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе “Metaphors we live by” доказали, что концептуальная метафора — это не «сокращенное сравнение», не один из способов украшения речи и даже не свойство слов и языка в целом. В представлении современной когнитологии, метафора — это одна из основных ментальных операций, это способ познания, структурирования и

объяснения окружающего нас мира. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие» [4, 126].

Опираясь на результаты исследований концептуальной метафоры, предпринятые американскими исследователями, мы предположили, что концептуальная метафора может быть использована в качестве самостоятельной технологии спичрайтинга, так как, во-первых, концептуальная метафора — это сильное средство убеждения и, во-вторых, факт ее использования с целью манипулирования или как средство побуждения принятия решений практически не осознается аудиторией, что подтверждается результатами исследований П. Тибоду и Л. Бородитски (2011).

Ученые изучали воздействие метафоры на принятие осознанных решений по такому социально значимому вопросу как преступность. В ходе эксперимента они предложили 1482 студентам прочитать один из двух отчетов об уровне преступности в несуществующем городе Эдисон. Затем студенты должны были дать свои варианты решения проблемы высокого уровня преступности.

В первом отчете для описания преступности был использован образ дикого зверя, который «терзает город» и «затаился в окрестностях». После прочтения этого отчета 75% студентов предложили увеличить штат полиции, ужесточить систему наказаний, привлечь национальную гвардию и построить больше тюрем. Только 25% опрошенных предложили провести социальные реформы, улучшить состояние экономики, системы образования и здравоохранения.

Второй отчет был абсолютно идентичен первому, за исключением того, что в нем преступность описывалась как вирус, который «инфицировал город» и «поразил его окрестности». После прочтения этой версии процент предложивших социальные реформы увеличился с 25 до 44, за ужесточение наказаний высказались 56% опрошенных. Данный эксперимент является наглядным подтверждением выводов, сделанных Дж. Лакоффом и М. Джонсоном о влиянии концептуальной метафоры на процесс принятия решений. Помимо прочего, студентов также попросили указать на то, что именно в отчете было определяющим при принятии решения. Абсолютное большинство указало на

статистику (которая в обоих отчетах была идентичной) как на определяющий фактор, и практически никто не упомянул метафору. На основании серии экспериментов с разными условиями исследователи делают вывод, что метафора оказывает значительное воздействие на процесс принятия решений и это воздействие не осознается его объектом [6].

Для доказательства нашего предположения об использовании концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга мы проанализировали 26 речей президента США Барака Обамы, произнесенные им с 2002 по 2010 год, и 14 речей кандидата в президенты от демократической партии Альберта Гора, произнесенные им с 1994 по 2000 год.

Результаты исследования показали, что метафоры широко представлены в политических дискурсах обоих политиков (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Репрезентативная частотность использования концептуальной метафоры в речах Барака Обамы и Альберта Гора

№	Вид метафоры	Б. Обама		А. Гор	
		Частотность		Частотность	
		кол-во	проц.	кол-во	проц.
1	Антропоморфная метафора	9	4,1	15	8
2	Физиологическая метафора	2	0,9	0	0
3	Морбиальная метафора	11	4,9	27	14,4
4	Метафора родства	1	0,5	3	1,6
5	Криминальная метафора	7	3,2	2	1
6	Милитарная метафора	64	29	67	35,8
7	Метафора сфер зрелищных искусств (театр, кино)	15	6,8	7	3,7
8	Спортивная и игровая метафоры	34	15,4	8	4,2
9	Метафора неживой	10	4,5	8	4,2

	природы				
10	Фитоморфная метафора	11	5	8	4,2
11	Метафора дома	34	15,3	21	11,2
12	Метафора механизма	23	10,4	8	4,2
13	Метафора финансовых инструментов	0	0	10	5,3
14	Текстильная метафора	0	0	3	1,6
15	Природоморфная метафора «Мир животных»	0	0	3	1,6
Всего		221	100	187	100
Общее количество слов в речах Б. Обамы		Итого:		61 731	
Общее количество слов в речах А. Гора		Итого:		30 985	

В качестве теоретической базы исследования мы использовали теорию метафорического моделирования, которая восходит к монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Развитие этой теории на материале политических текстов представлено в публикациях А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Т.Г. Скребцовой, Ю.Б. Феденовой, А.П. Чудинова и других исследователей. Согласно этой теории, метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y». Например, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ — это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ — это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие. При этом необходимо вычленить относящиеся к данной модели фреймы, которые изначально структурируют исходную концептуальную сферу. Под фреймом понимается единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Далее необходимо выделить составляющие фрейм типовые слоты, т. е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма,

какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное оружие», «холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы» и т. д. При характеристике составляющих слота, его частей употребляют термин «концепт». Концепты отражают представление о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания [3, 123–133].

В политических дискурсах обоих политиков лидирующее место занимает военная метафора, что само по себе не вызывает удивления, т. к. наличие большого количества военных метафор является одной из характеристик предвыборного дискурса. Но есть и определенные отличия. Так, в дискурсе А. Гора отсутствует физиологическая метафора, но зато присутствуют текстильная, метафора финансовых инструментов и природоморфная метафора, относящаяся к «Миру животных», которые отсутствуют в дискурсе Барака Обамы. Оба кандидата в президенты, представляющие демократическую партию, активно задействуют метафоры в своих речах, но их речи, с точки зрения использования концептуальных метафор, имеют существенные различия. Так, в речах Альберта Гора метафора используется в основном для того, чтобы придать речи экспрессивность и эмоциональность, т. е. в эстетической функции, при этом расположение метафор в тексте часто носит спорадический, «островной» характер. В речах Барака Обамы метафоры распределены более равномерно, имеют в своем большинстве стертый характер (немного ярких, авторских метафор) и используются в основном с целью убеждения и переконцептуализации сознания аудитории, при этом модели концептуальных метафор лучше структурированы и детализованы, а эффект эмоционального воздействия является сопутствующим и часто достигается не столько посредством использования метафор, сколько ярких примеров-историй из жизни простых американцев. В речах А. Гора использование метафор порой находится на грани художественного и политического текста. Например, при использовании текстильной метафоры наряду с удачными вариантами, такими как

(1) *This is a priority; that is why it receives such an enormous increase in a very tight budget* [24].

(2) *We all applaud the verdict of the court in Britain against a falsifier of history, who claimed that the gas chambers of Auschwitz were fakes built as a tourist attraction, and then tried to put history itself on trial and give comfort to those **who cloak themselves in hatred and denial*** [23],

мы видим и другой пример использования концептуальной метафоры. Несколько спорный в данной ситуации, этот вариант безусловно хорош для художественного текста, но уместен ли он в тексте политической речи?:

(3) *I didn't even know reached out to me and to my family to lift us up in their hearts and in their prayers with compassion of such intensity that I felt it as a palpable force, a healing reaching out of those multitudes of caring souls and falling on us like **a mantle of divine grace*** [25].

Другой пример — реализация метафорической модели АМЕРИКАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА. В речах Барака Обамы данная модель представлена широко и при этом хорошо структурирована. Так, можно выделить следующие фреймы и слоты:

1. Фрейм «Военные действия и вооружение» включает в себя три слота:

Слот 1.1. Военные действия

Метафоры этой группы способны обозначать едва ли не всякие политические действия, особенно производимые интенсивно, целеустремленно, решительно. В подобных случаях могут использоваться концепты сражение, бой, битва, баталия, борьба, массированный огонь, дислокация войск и др.

(4) *And yet, somehow, we're still hearing stories like the one I heard from a veteran named Bill Allen, who told me that on a trip to Chicago, he actually saw homeless veterans **fighting over** access to the dumpsters* [8].

(5) *I've thought about three mothers, sitting around a kitchen table, sharing the pain and the helplessness that go along with watching the child you love, the child whose happiness you live for, **struggle with** a disease that mom and dad can't fix* [9].

(6) *That kind of compassion is heroic, and it is the kind that will eventually **defeat** this disease* [9].

(7) *We have allies in government who know that we can **defeat** this disease if we work together* [9].

(8) *For the first time in six decades, **the Social Security battle** is one we can **win** - and in doing so, we can help transform the political and philosophical landscape of the country* [10].

(9) *Instead, what they've seen is inaction and tinkering around the edges of our education system — a paralysis that is fueled by **ideological battles** that are as outdated as they are predictable* [11].

Слот 1.2. Вооружение, его хранение и использование

(10) *That's what FDR did in confronting capitalism's gravest crisis, when he forged the social safety net, built the Hoover Dam, created the Tennessee Valley Authority, and invested in **an Arsenal of Democracy*** [12].

(11) *I don't oppose all wars. My grandfather signed up for a war the day after Pearl Harbor was bombed, fought in Patton's army. He fought in the name of a larger freedom, **part of that arsenal of democracy** that triumphed over evil* [13].

Слот 1.3. Фортификационные сооружения, их возведение и использование

(12) *There are some who believe that we must try to turn back the clock on this new world; that the only chance to maintain our living standards is **to build a fortress around America**; to stop trading with other countries, shut down immigration, and rely on old industries. I disagree. Not only is it impossible to turn back the tide of globalization, but efforts to do so can make us worse off* [12].

(13) *Some **have dug into unyielding ideological camps** that offer no hope of compromise* [14].

2. Фрейм «Способы ведения войны»

Слот 2.1. Планы, стратегия и тактика

(14) *Now we are debating who should be our next Commander in Chief. And I am running for President because it's time to turn the page on a failed ideology and **a fundamentally flawed political strategy**, so that we can make pragmatic judgments to keep our country safe* [15].

(15) *What I have talked about today **is a new strategy**, a new set of priorities for pursuing our interests in the 21st century* [15].

(16) *Now, we must upgrade our tools of power to fit **a new strategy*** [15].

(17) *Well it's painfully clear by now **how badly this strategy has failed**. And this is a fundamental issue in this campaign, because*

Senator McCain and I have very different views of where our economy is today, and where we need to go [16].

(18) *Tonight I'd like to lay out for you what our **battle plan** is going forward: what we're doing to clean up the oil, what we're doing to help our neighbors in the Gulf, and what we're doing to make sure that a catastrophe like this never happens again [17].*

(19) *Instead of honest debate, we have seen **scare tactics** [14].*

(20) *I will not stand by while the special interests use the same **old tactics** to keep things exactly the way they are [14].*

Слот 2.2. Дислокация войск

(21) *We'll recruit teachers in math and science, and **deploy** them to under-staffed school districts in our inner cities and rural America [12].*

3. Фрейм «Заключение союзов, создание альянсов»

Слот 3.1. Союзники и противники

(22) *We have **allies** in government who know that we can defeat this disease if we work together [9].*

(23) *We need to challenge the system on behalf of America's workers. And if we're not willing to take up that fight, then real change — change that will make a lasting difference in the lives of ordinary Americans — will keep getting blocked by **the defenders** of the status quo [18].*

(24) *Despite all this, the insurance companies and their **allies** don't like this idea [14].*

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

Слот 4.1. Мобилизация и демобилизация

(25) *And we need **to recruit an army** of new teachers [12].*

(26) *We'll **recruit** teachers in math and science, and deploy them to under-staffed school districts in our inner cities and rural America [12].*

Таким образом, милитарная метафора в политическом дискурсе Барака Обамы выражена четырьмя фреймами и семью слотами. Если мы обратимся к речам Альберта Гора, то мы увидим, что в них милитарная метафора выражена двумя фреймами и двумя слотами.

Первый фрейм «Военные действия и вооружения», слот «Военные действия»:

(27) *I didn't get the chance to stay and **fight for the American people** for the next four year [19].*

(28) *It's worth **fighting for**. And that's **a fight** I'll never stop [19].*

(29) *As for **the battle** that ends tonight... [19]*

(30) *Now **the political struggle** is over. And we turn again to **the unending struggle** for the common good of all Americans, and for those multitudes around the world who look to us for leadership in the cause of freedom* [19].

(31) *Let us **defeat** the forces of hate...* [21]

(32) *I hear some in America arguing that **our nation's historic struggle for justice** and equality is over — that we have already reached the promised land* [21].

Второй фрейм «Начало войны и ее итоги», слот «Результат военных действий»:

(33) *...no matter how hard **the loss, defeat** may serve as well as **victory*** [19].

(34) *When my mother enrolled at Union, it wasn't long after women **had won the right to vote** in this country* [20].

(35) ***After a long fight, we won** funding for the IMF, which is critical to shoring up the world economy* [22].

В речах Обамы концептуальные метафоры выполняют когнитивную, прагматическую, коммуникативную и эстетическую функции (изобразительная и экспрессивная), при этом основная роль отводится прагматической, когнитивной и коммуникативной функциям. В политическом дискурсе Барака Обамы концептуальные метафоры оказывают комплексное воздействие на аудиторию и в конечном итоге способствуют принятию решений в интересах политика, в то время как в речах Альберта Гора основная функция метафоры — эстетическая, поэтому большое количество метафор (а их в дискурсе Гора почти в два раза больше, чем в дискурсе Барака Обамы) не спасает положение и не увеличивает прагматический потенциал речей политика. Из этого можно сделать вывод, что главное — не количество использованных метафор, а то, каким образом они используются и какие функции они при этом выполняют.

Мы полагаем, что предварительные результаты нашего исследования дают основания говорить о том, что концептуальная метафора может быть использована в качестве технологии спичрайтинга. Косвенным подтверждением наших выводов может служить тот факт, что во время предвыборной кампании Барака Обамы представители руководства демократической партии США активно интересовались результатами исследований Дж. Лакоффа и М. Джонсона, планируя использовать их для победы в

предвыборных дебатах, посвященных ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны [7].

Литература

1. Анисимова Т.В. Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. Воронеж, 2002.
2. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып.1. Екатеринбург. 2007.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.
5. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought*. / ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
6. URL: <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0016782>
7. URL: <http://mindhacks.com/2011/02/26/a-victim-of-metaphor/>
8. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=American%20Legion%20Legislative%20Rally>
9. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=CURE%20Keynote%20Address>
10. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=A%20Hope%20To%20Fulfill>
11. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=Teaching%20Our%20Kids%20in%20a%2021st%20Century%20Economy>
12. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=Renewing%20American%20Competitiveness>
13. URL: <http://obamaspeeches.com/001-2002-Speech-Against-the-Iraq-War-Obama-Speech.htm>
14. URL: http://www.nytimes.com/2009/09/10/us/politics/10obama.text.html?_r=1&pagewanted=all
15. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=The%20World%20Beyond%20Iraq>
16. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=An%20Agenda%20for%20Middle-Class%20Success>
17. URL: http://www.huffingtonpost.com/2010/06/15/obamas-gulf-spill-speech_n_613554.html

18. URL: <http://www.asksam.com/ebooks/releases.asp?file=Obama-Speeches.ask&dn=AFL-CIO>
19. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/election.html>
20. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/paulineother.html>
21. URL: http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/mlk_other.html
22. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/farmj.html>
23. URL: http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speechesadl_remarks.html
24. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/mlktrans.html>
25. URL: <http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/OVP/speeches/harvard.html>

Д.Ф. Мищенко
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург / LLACAN CNRS, Paris

**Лабильность в языках манде
в контексте типологических и ареальных исследований**

В статье представлены результаты анализа сведений о лабильности в языках манде на фоне типологических и ареальных данных. В ней показывается, что лабильность типа А для манде нехарактерна, и перечисляются обнаруженные стратегии, позволяющие избежать опущения коммуникативного незначимого объекта в её отсутствие. Далее обосновывается синтаксическая, а не лексическая природа пассивной лабильности в языках манде. В заключение рассматриваются другие типы лабильности, зафиксированные в манде: рефлексивная, реципрокальная и конверсивная.

Ключевые слова: *манде, лабильность, типология, пассивная лабильность, А-лабильность.*

The article presents results of the analysis of the data on lability in Mandé languages in the typological and areal context. As will be demonstrated, A-lability is uncharacteristic of Mandé languages, but in its absence, the languages use other strategies equivalent to the omission of the direct object, which is insignificant for the informative structure. Then, the syntactic nature of the passive lability is demonstrated, as opposed to the lexical decausative lability. In conclusion, other types of lability are discussed: reflexive, reciprocal and converse lability.

Keywords: *Mandé languages, lability, typology, passive lability, A-lability.*

Распространённые в странах Западной Африки, от Нигерии до Сенегала и Либерии, языки манде до сих пор оставались на периферии внимания типологов. К типологическим исследованиям привлекались данные лишь таких крупных языков семьи, как бамана, манинка или менде. Большинство же южных и юго-западных манде вплоть до недавнего времени оставались малоописанными, а потому данные этих языков до сих пор почти не использовались в типологии. Однако в последние годы участниками российской лингвистической экспедиции в Западную

Африку были собраны материалы по многим языкам манде, распространенным на территории Гвинеи и Кот-д'Ивуара, в том числе по юго-западным (зиало, кпелле, лоома), южным (бен, гбан, гуру, дан-бло, дан-гуэта, кла-дан, ману, муан, тура, уан, яуре) и по языку какабе (группа моколе).

Анализ собранных данных показал, что языки манде обладают уникальными чертами, включение которых в научный оборот было бы очень ценно как для общей типологии, так и для ареальной лингвистики. Одной из наиболее ярких особенностей глагольных систем манде является лабильность – «способность глагола выступать и в переходной, и в непереходной конструкции без изменения внешней формы» [6, 5]. Она присуща глаголам в языках различных ареалов и семей, но развита в них в разной мере. Данная статья – первая попытка обобщения имеющихся сведений о лабильности в языках манде и её сопоставительного анализа на фоне типологических данных. Подобный анализ лабильности в рамках запланированного исследовательской группой проекта по унифицированному описанию глагольных систем языков манде, во-первых, позволит с максимальной полнотой охарактеризовать глагольные системы структурно сходных языков, во-вторых, сделает возможным ареальное сопоставление языков Западной Африки, и, в-третьих, позволит использовать данных языков манде в типологических исследованиях.

1. Соотношение А-лабильности и Р-лабильности

Согласно традиционной классификации [4; 12], лабильность подразделяется на два типа. А-лабильными являются такие глаголы, у которых при варьировании переходности сохраняется агентивный актанта, а Р-лабильными – глаголы, в обоих употреблении сохраняющие пациентивный актанта. Однако, как показал А. Б. Летучий в [6], различие между А-лабильностью и Р-лабильностью не сводится к тому, какой из актанта сохраняется в структуре предложения. По мнению автора, различна сама природа этих явлений, и А-лабильность не может быть признана лабильностью вовсе, а является скорее разновидностью коммуникативного опущения [6, 21-29]. Летучий обращает внимание на то, что семантика А-лабильного глагола не претерпевает изменений, объект остаётся в структуре ситуации, но говорящий по тем или иным причинам не считает нужным его

выражать. Из этого предположения вытекает два важных следствия. Во-первых, А-лабильность оказывается независимой от лексического значения глагола и потому допустима при большинстве глаголов. Во-вторых, в случае А-лабильности всегда можно определить, какое из употреблений, переходное или непереходное, является исходным. Основную массу А-лабильных глаголов составляют исходно переходные глаголы типа *есть*; к числу глаголов с исходным непереходным употреблением в основном относятся глаголы движения, способные помещать в позицию прямого дополнения группы с «обстоятельным» – местным или временным – значением. Как будет показано далее, эти два типа А-лабильных глаголов по-разному проявляют себя в системе языка.

Что же касается Р-лабильности, то именно она признаётся канонической лабильностью; этот тип подразумевает устранение агентивного участника на всех уровнях и, следовательно, изменение семантики самой ситуации, таким образом, допустимость Р-лабильности оказывается обусловлена семантикой глагола, а потому ожидается, что в языке она ограничивается небольшими группами глаголов.

Парадоксальным образом, в манде ситуация противоположна ожидаемой: здесь Р-лабильность распространена очень широко, тогда как А-лабильность для языков этой семьи нехарактерна. Степень распространённости А-лабильных глаголов может варьировать от языка к языку. Так, А-лабильность, по-видимому, полностью отсутствует в лоома (во всяком случае, до сих пор ни одного А-лабильного глагола здесь обнаружено не было); в некоторых языках она представлена единичными глаголами (например, в гуру зафиксирован один А-лабильный глагол *bōō* ‘испражняться’); наконец, в ряде языков, например, в какабе, она представлена глаголами только одного типа, а именно глаголами с исходным непереходным употреблением. Кроме того, А-лабильность может проявляться только в одном из значений лексемы – подобная ситуация наблюдается в бен, где все А-лабильные глаголы, за исключением одного заимствования, лабильны лишь в одном лексическом значении.

Отсутствие А-лабильности глаголов разных типов – с исходным переходным и с исходным непереходным

употреблением – объясняется двумя разными особенностями грамматического строя языков манде. А-лабильные глаголы с исходным непереходным употреблением отсутствуют в тех языках, которые не допускают помещения в позицию прямого дополнения актантов с ролью места, траектории и т.д., например, в гуру и лоома. А-лабильность глаголов с исходным переходным употреблением объясняется жёсткой структурой предложения, при которой оставить позицию незаполненной невозможно. Для языков манде в принципе нехарактерны коммуникативные опущения и синтаксический эллипсис. Для того, чтобы в отсутствие А-лабильности всё же оставить невыраженным коммуникативно незначимого пациентивного участника, языки манде используют следующие стратегии:

1. использование в позиции прямого дополнения местоимения 3 л. или семантически пустого существительного:

бен (южные манде)

- (1) *ŋ-ó pɔ̃ blē*
 1sg-St+ вещь есть
 ‘Я поем’ [9, 55].

2. замена глагола синонимичной конструкцией с отглагольным существительным и семантически опустошённым глаголом типа ‘делать’:

какабе (моколе)

- (2a) *N bati b̄antaràà d̄amu.*
 1b SG PRF маниока.ART есть
 ‘Я съел маниоку’.

- (2б) *N bati d̄amu-re k̄éé.*
 1SG PRF есть-NMLZ делать
 ‘Я поел’. [2, 34]

использование синонимичного непереходного глагола; в этом случае непереходный глагол часто этимологически является дериватом от соответствующего переходного, как в (3), где непереходный глагол *d̄amì* ‘есть’ образован при помощи ныне непродуктивного преверба *d̄a*:

лоома (юго-западные манде)

(3a) *Fòlòmò* Ø *súéy* *míínì*.
Fòlòmò Ø *(ń)-súó-y* *mì-ni*
 Фоломо 3SG.BASE REF-мясо-DEF есть-AOR
 ‘Фоломо съел мясо’.

(3b) *Fòlòmò* Ø *là̀m̀ìnì*.
Fòlòmò Ø *dà̀m̀ì-ni*
 Фоломо 3SG.BASE есть-AOR
 ‘Фоломо поел’.

3. использование рефлексивного глагола:

какабе

(4a) *n* *bi* *nónè* *mìn-na*
 1SG IPFV молоко.ART пить-IPFV
 ‘Я пью молоко’.

(4b) *n* *bi* *n* *mìn-na* *(nónè* *là̀)*
 1SG IPFV 1SG пить-IPFV молоко.ART в
 ‘Я пью (молоко)’ [2, 23-24].

2. Классификация лабильных глаголов по диатетическим типам

Поскольку, как показывает Летучий, деление лабильных глаголов на А-лабильные и Р-лабильные не может быть признано удовлетворительным – с одной стороны, оно вводит в круг лабильных явления иной природы, а с другой оставляет за её пределами случаи немаркированной мены диатезы, при которой в каждом из употреблений глагола сохраняются два или более актанта – автор предлагает свою классификацию лабильных глаголов, изоморфную классификации актантных дериваций [6, 68]:

- каузативная / декаузативная лабильность;
- рефлексивная лабильность;
- реципрокальная лабильность;
- пассивная лабильность;
- потенциально-пассивная лабильность;
- конверсивная лабильность.

В дальнейшем мы объединим пассивную и потенциально-пассивную лабильность и будем рассматривать последнюю как семантическую разновидность пассивной лабильности.

3. (Де)каузативная и пассивная лабильность

Наиболее распространённым типом лабильности в языках мира является (де)каузативная лабильность [6, 68], т.е. такая, при которой переходное употребление глагола с семантической точки зрения является каузативом от его непереходного употребления, ср. англ. *He broke the glass. – The glass broke*. При непереходном употреблении агентивный участник отодвигается на периферию ситуации, представляется как неагентивная причина, и ситуация концептуализована как происходящая сама по себе. Таким образом, (де)каузативно-лабильными признаются все глаголы, в непереходном употреблении которых агентивный участник утрачивает часть агентивных свойств.

При пассивной лабильности ситуация в переходном и в непереходном употреблении остаётся одной и той же: на семантическом уровне в обоих типах употребления глагола оба участника сохраняются, при том что формально в непереходном употреблении агентивный участник остаётся невыраженным, тогда как пациентивный участник занимает позицию подлежащего. Таким образом, внешне каузативная / декаузативная и пассивная лабильность совпадают, а различие является исключительно семантическим и заключается в том, остаётся ли агентивный участник в структуре ситуации.

В некоторых случаях язык предоставляет формальный способ определить степень агентивности причины и тем самым разграничить пассивную и декаузативную лабильность. Так, в лоома используются разные стратегии оформления факультативного участника-каузатора: неагентивная причина выражается предложной группой с предлогом *gá* (5), а агентивный каузатор вводится при помощи послелога *bè*, причём эта стратегия используется как с одушевлённым (6), так и с неодушевлённым участником (7):

лома

- (5) *Túfě-y* Ø *vónì* *gà fólóy.*
 (í)-*túfá-y* Ø *fɔ̃-ni* *gà (í)-fòlò-y*
 REF-травы- 3SG.BASE быть.сухим- с REF-солнце-
 DEF AOR DEF
 ‘Трава высохла от солнца’.
- (6) *Péléy ní lógé wùìgiti bè.*
 (í)-*pèlè-y ní tóg-ve wùìg-y-tìg bè*
 REF-дом- этот встать- белый.человек-DEF- к
 DEF RES PL
 ‘Этот дом построен европейцами’.
- (7) *Péléy láá lógé filéy ve.*
 (í)-*pèlè-y dáá tóg-ve (í)-filè-y bè*
 REF-дом-DEF край встать-RES REF-ветер-DEF к
 ‘Дверь открыта ветром’.

Таким образом, в лоома, в том случае, если в структуре предложения имеется агентивное дополнение, по способу его оформления всегда можно определить, является ли значение глагола в данном случае декаузативным или пассивным. Однако во многих языках, например, в кла-дан, дан-гуэта или сусу, агентивный каузатор и причина оформляются одинаково, и потому формальных способов отграничить декаузативную лабильность от пассивной нет:

кла-дан (южные манде)

- (8) *Blɔ̃ɔ̃lé bǎ yì ká yí*
 сухой.сезон POSS день с вода
lǔ wò bɔ̃ɔ̃ yéé gɔ̃
 PL 3PL.EXI высохнуть.NTR солнце у
 ‘Во время сухого сезона воды высушиваются солнцем’ vs.
 ‘Во время сухого сезона воды высыхают из-за солнца’ [8,
 263].

Проблема семантического разграничения пассивной и декаузативной лабильности и сама необходимость разделять их обсуждалась в [2; 9]. Однако гораздо важнее, что, по крайней мере, в языках манде, к семантическим различиям противопоставление

двух этих типов не сводится. В то время как декаузативная лабильность является по своей сути лексической характеристикой ряда глагольных лексем, пассивная лабильность – явление синтаксическое, характеризующее всю конструкцию в целом и не связанное с какими-либо лексическими свойствами глагола. Пассивную интерпретацию при непереходном употреблении приобретают любые глаголы, способные иметь при себе прямое дополнение¹. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, пассивная интерпретация при непереходном употреблении возможна у глаголов с низкой семантической переходностью:

какабе

(9a) *n bati sɔ́ŋkɛ` meń tárawɛ` là.*
 1SG PRF шум.ART слышать дорога.ART LOC
 ‘Я услышал шум на улице’.

(9b) *sɔ́ŋkɛ` bati meń tárawɛ` là.*
 шум.ART PRF слышать дорога.ART LOC
 ‘На улице услышали шум’ [3, 191].

Во-вторых, возможно вторичное непереходное употребление исходно непереходных глаголов, в позицию прямого дополнения при которых была помещена ИГ с обстоятельственной семантикой:

какабе

(10a) *Séeku bati léɾ kélen bòri.*
 Секу PRF час один бежать
 ‘Секу бежал час’.

(10б) *léɾ kélen bati bòri.*
 час один PRF бежать
 ‘Бежали в течение часа’ [3, 191-192].

¹ Стоит оговориться, что, по крайней мере, в некоторых языках манде, недопустимо преобразование в непереходную конструкцию переходной конструкции с рефлексивным глаголом. Таким образом, при сходстве формального поведения, рефлексивные глаголы отличаются от переходных и образуют особую группу.

Наконец, преобразованию в непереходную конструкцию с пассивным значением подвергаются также переходные предложения с прямым дополнением, выраженным семантически пустыми существительными *ání* ‘вещь’ и *nù* ‘человек’; субъект в этом случае оказывается слабо определённым:

лоома

- (11a) *Fòlòmò* Ø *núy* *yààni*.
Fòlòmò Ø *(ń)-nù-y* *kà-ni*
 Фоломо 3SG.BASE REF-человек-DEF видеть-АОР
 ‘Фоломо увидел (кого-то / одного человека)’.

- (11b) *Núy* Ø *yààni*.
(ń)-nù-y Ø *kà-ni*
 REF-человек-DEF 3SG.BASE видеть-АОР
 ‘Кое-кого увидели’.

С точки зрения семантики, пассивная лабильность в манде представляет редкий случай чисто пассивного значения, при котором разные типы употребления глаголов не осложнены дополнительными противопоставлениями. В языках мира более распространены случаи пассивно-стативной лабильности, при которой переходное и непереходное употребления противопоставлены по аспектуальным характеристикам (как, например, в кабийском или сонгаи, где глагол в непереходной конструкции получает стативную трактовку, а в переходной – динамическую [6, 112]), или потенциально-пассивной, как, например, в английском, где предложения типа (12) содержат дополнительный модальный компонент значения: английский

(12) *This wine drinks like water.*

‘Это вино пьётся, как вода’ [6, 112].

В манде же переходное и непереходное употребления соотносятся так же, как в других языках это происходит при пассивном залоговом преобразовании:

сусу (сусу-дьялонке)

- (13a) *gìné* *bàrà* *bàndé* *dìn*.
 женщина TRMN рис толочь
 ‘Женщина истолкла рис’.

- (13b) *bàndé bára òdìn.*
 рис TRMN толочь
 ‘Рис истолкли’ [11].

Важно отметить также соотношение между наличием в системе языка специального показателя пассива (а также степенью его грамматикализованности [7, 115]) и пассивной лабильностью, ведь, как замечает Летучий, «(е)стественно считать, что лабильность развита больше, если она не конкурирует при данной лексеме ни с одним средством выражения деривации: в этом случае она как бы занимает место грамматического показателя» [6, 79]. В самом деле, при развитой пассивной лабильности, маркированного пассива нет нигде, кроме северо-западных диалектов какабе – и именно эти диалекты являются, по-видимому, единственным ареалом манде, где отсутствует пассивная лабильность [3, 189].

Продуктивность пассивной лабильности в манде очень высока, однако некоторые лексические ограничения всё же обнаруживаются. Во-первых, в языке может быть несколько переходных глаголов, не допускающих преобразования в непереходную конструкцию с пассивной семантикой. Например, в кла-дан имеется 3 таких глагола: 3 *sè* 1 ‘не ладить, быть в ссоре/не подходить’, *lì* 3 ‘ладить, быть в согласии/подходить’, *bò* 12 ‘причинять боль’. Во-вторых, некоторые переходные глаголы допускают пассивное преобразование не во всех значениях и не во всех контекстах. Так, в дан-гуэта обладающий развитой полисемией глагол *dɔ̃* в значении ‘строить’ получает пассивную интерпретацию только в сочетании с обстоятельством, обозначающим материал:

- (14) *Kɔ̃ bā yɛ̃ dɔ̃ bliikū zɔ̃dɛ̃ ká.*
 дом ART 3SG.EXI строить\NTR кирпич красный с
 ‘Этот дом построен из красного кирпича’ [1].

Кратко рассмотрим также остальные типы лабильности.

4. Рефлексивная лабильность

При рефлексивной лабильности «одно из употреблений лабильного глагола переходно, а другое непереходно и

семантически является рефлексивом от первого: ср. англ. *wash* ‘мыть(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’» [6, 98]. В языках мира этот тип лабильности встречается редко, поскольку, во-первых, собственно рефлексивное значение может присутствовать только у небольшого класса глаголов (прототипически рефлексивными являются глаголы ухода за телом), а во-вторых, у рефлексивной лабильности всегда есть конкуренция либо со стороны опущения (оно возможно, поскольку субъект сохраняет свойство агентивности), либо со стороны рефлексивных показателей [6, 103-104].

В некоторых языках манде, например, в кабабе, рефлексивная лабильность отсутствует. Однако чаще всего она бывает представлена единичными глаголами (такая ситуация наблюдается, например, в бен, гуру или лоома):

бен

(15a) *ó léj̄ n̄ zró* ‘Он помыл ребёнка’;

(15b) *ó zró* ‘Он помылся’ [10, 58].

Конкуренцию рефлексивно-лабильным глаголам в манде составляют конструкции с рефлексивным местоимением. В этом случае семантические отличия могут либо вовсе отсутствовать, как в (16), либо при помощи маркированного рефлексива будет подчёркиваться намеренность совершения действия, как в (17):

лоома

(16a) *Nàà* *mǎǎ* *gbàzù*.
nàà *mǎǎ* *gbà-zu*
 1SG.NPST поверхность мыть-IPFV
 ‘Я моюсь’.

(16b) *Nàà* *b̀̀wó* *mǎǎ* *gbàzù*.
nàà *b̀̀wó* *mǎǎ* *gbà-zu*
 1SG.NPST REFL поверхность мыть-IPFV
 ‘Я моюсь’.

гуру

(17a) *È* *é* *b̀̀* *tūó*.
 3SG.SBJ 3SG.REFL сам ранишь.PFV
 ‘Он сам себя ранил (нарочно)’.

- (17b) \dot{E} $t\ddot{u}ó$.
 3SG.SBJ ранишь.PFV
 ‘Он поранился (нечаянно)’.

5. Реципрокальная лабильность

При реципрокальной лабильности в непереходном употреблении глагола имеется несколько актантов, действия которых симметрично направлены друг на друга. В языках мира этот тип лабильности встречается редко, исключение представляет только английский, где реципрокальная лабильность очень продуктивна (*kiss* ‘целоваться’, *meet* ‘встречаться’ и т.д.).

На данный момент реципрокальная лабильность обнаружена в двух языках манде, в кла-дан и какабе:

какабе

- (18a) *Séeku bi Fánta swéndi-la fén nà*.
 Секу IPFV Фанта шептать-IPFV вещь LOC
 ‘Секу что-то шепчет Фанте’.

- (18b) *Séeku nin Fánta bi swéndi-la*.
 Секу и Фанта IPFV шептать-IPFV
 ‘Секу с Фантой шепчутся’ [3, 187].

Как и в случае с рефлексивной лабильностью, конкуренцию реципрокальной лабильности составляют конструкции с местоимением:

какабе

- (19a) *Fánta nin Séeku bati súmbu*.
 Фанта и Секу PRF целовать
 ‘Фанта и Секу поцеловались’.
- (19b) *Fánta nin Séeku bati (anu) nǝgɔn súmbu*.
 Фанта и Секу PRF (3PL) друг.друга целовать
 ‘Фанта и Секу поцеловали друг друга’ [2, 24-25].

6. Конверсивная лабильность

Типологически наиболее редким типом лабильности является конверсивная лабильность; она представлена такими глаголами, у которых «и переходное, и непереходное употребления имеют по два актанта» [6, 104]. По данным Летучего, она встречается в аккумулятивных языках Европы

(немецкий, английский, испанский, итальянский, румынский, болгарский, древнегреческий), в хакасском и арабском [6, 110].

С точки зрения семантики, все обнаруженные в языках мира конверсивно-лабильные глаголы относятся к одному из следующих классов:

1. эмотивные глаголы (нем. *belieben* ‘соизволить; быть угодным’);
2. глаголы чувственного восприятия (англ. *smell* ‘нюхать, ощущать запах; пахнуть’);
3. глаголы суждения (древнегр. *dokeo* ‘считать; казаться’) [6, 109-110].

В манде конверсивная лабильность в настоящий момент зафиксирована только в гуру и представлена глаголом *ká* ‘наедаться; насыщать’:

гуру

(20a) *A ká f̄́ ȳ́.*
1.SG наедаться.PFV футу PP
‘Я наелся футу’.

(20b) *Fē lē ḡ bìlì bē*
вещь REL 1SG>3SG.NSBJ есть.PFV ART
è ḡ ká éziḡá.
3SG.SBJ 1SG наедаться хорошо
‘Я вполне насытился тем, что я съел’ (то, что я съел, меня насытило) [5, 268].

Таким образом, случай гуру показывает, что конверсивная лабильность в принципе не ограничивается перечисленными выше классами и вполне вероятно дальнейшее расширение этого списка.

Литература

1. Выдрин В. Ф. Язык дан-гуэта // Языки мира. В печати.
2. Выдрин А. В. Аргументная структура и актантные деривации в языке какабе. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики, СПб, 2009.
3. Выдрин А. В. Лабильность в языке какабе // *Mandëica Petropolitana II* / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. – 460 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2). С. 174-217.

4. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьёва И.А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.
5. Кузнецова О. В. Лабильность в языке гуро // *Mandeica Petropolitana II* / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. – 460 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2). С. 263-278.
6. Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. – М., 2006.
7. Летучий А. Б. Связь лабильности со свойствами грамматической системы // Третья Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы – СПб.: Нестор-История, 2006. С. 114-117.
8. Макеева 2011 – Макеева Н. В. Лабильность и актантная деривация в кла-дан // *Mandeica Petropolitana II* / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. – 460 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2). С. 218-262.
9. Паперно Д. А. Базовый синтаксис языка бен (южные манде). Дипломная работа студента V курса филол. ф-та МГУ. М., 2006.
http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/dipl_beng.pdf.
10. Паперно Д. А. Грамматический очерк языка бен // *Mandeica Petropolitana II* / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. – 460 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2). С. 14-117.
11. Шлуинский А. Б. Язык сусу // Языки мира. В печати.
12. Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Г. А. Мороз
РГГУ, Москва

Ударение в уляпском говоре кабардинского языка¹

Данная работа посвящена правилам постановки ударения в уляпском говоре бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка. В работе, основанной на материалах, собранных в ходе экспедиции в Адыгею, показано, что ударение зависит от структуры конечного слога основы. Кроме того выделяется класс слогов, которые являются морфонологически закрытыми, и обосновывается значимость этого понятия.

Ключевые слова: *адыгские языки, кабардино-черкесский язык, ударение, фонология*

This paper deals with stress placement in the Ulap variety of the Beslency dialect of the Kabardian language, whose data was collected by the author during RSUH field-trips. The author argues that the stress location is closely related to the type of the last syllable of the stem, and also distinguishes a peculiar class of syllables that are phonologically open but morphonologically close.

Keywords: *Circassian languages, Kabardian language, phonology, stress*

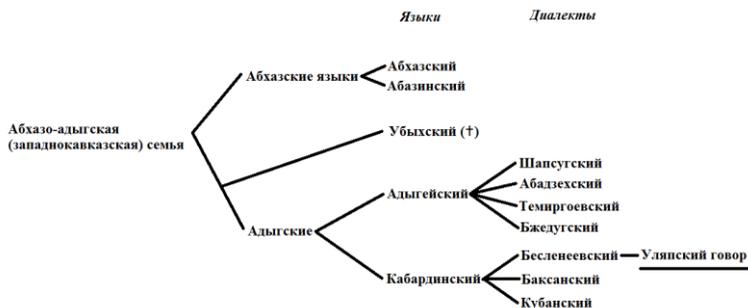
Кабардино-черкесский (кабардинский) язык вместе с близкородственным адыгейским языком составляет адыгскую (черкесскую) ветвь внутри абхазо-адыгской (западнокавказской) семьи (см. рис. 1). В абхазо-адыгскую семью также входят

¹ Автор выражает глубокую признательность всем уляпцам за их гостеприимство и помощь, а в частности информантам с которыми ему довелось работать: Н. А. Адзиновой, Р. И. Алибердову, Н. Х. Бжемуховой, Ф. А. Бжемуховой, О. А. Губжоковой, Ф. А. Губжоковой, М. А. Дауновой, К. Д. Кайтуковой, М. Ю. Куржевой, Л. А. Сафаровой, С. К. Хаджимовой, Ф. М. Хуажевой, Ф. Э.-г. Цишевой, К. Б. Шекультировой. Отдельную благодарность автор выражает П. М. Аркадьеву и Ю. А. Ландеру за помощь, замечания и критику. Никто из перечисленных людей не несет ответственность за возможные ошибки и неверные интерпретации. Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (проект № А-23).

абхазский и абазинский языки (они составляют отдельную абхазскую ветвь) и вымерший убыхский язык.

Говор аула Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея причисляют к бесленеевскому диалекту кабардино-черкесского языка [8, 96-99]. Однако расположение в Республике Адыгея, обязательное обучение литературному адыгейскому языку в школе, СМИ на адыгейском языке и целая череда других факторов накладывают на этот кабардинский говор некоторые адыгейские черты (см. [11]).

В данной работе представлены результаты исследования словесного ударения, полученные в ходе летних лингвистических экспедиций Института лингвистики РГГУ в аул Уляп в 2011 и 2012 гг. Полученные морфонологические правила локализации словесного ударения сравниваются с результатами полученными другими исследователями других кабардинских идиомов.

В результате нашего исследования было получено следующее **правило локализации лексического ударения**:

В фонетическом слове большем, чем один слог, ударение падает

- 1) на последний слог основы, если он закрытый, морфонологически закрытый или заканчивается морфонологически исконным гласным /a/, например, *mezž'éd* 'куропатка', *bžežjél* 'рыба', *bv^wetá* 'плесень', *zjeveħazár/qəm* 'не собирается', *zəveħazərán* 'собираться';
- 2) на предпоследний слог основы, если последний слог открытый,

например, *bž'enáč'e|* 'молодой козел', *jerěš'e|* 'пускай продает', *dáme|* 'крыло', *máže/xe* 'они бегут', *mežáxe|* 'уже бежит'.

Исключение 1.: форма юссива от неглагольных корней вида *Se*, например, *jeredé|* 'пусть это орех', *jerěš'é|* 'пускай 3 раза'.

Исключение 2.: заимствования из русского языка сохраняют ударение на том же слоге, на котором оно стоит в русском.

Поясним некоторые фрагменты правила. В морфологии адыгских языков достаточно важную роль играет граница основы и окончаний. Эту границу мы в нашей работе обозначаем знаком «|». В работах [3, 41-42] и [21, 251-287], посвященных адыгейскому языку, выделяется зона окончаний (часть словоформы до показателя множественного числа *-xe*) и отмечается, что это зона универсальна и для имен, и для глаголов, так как они противопоставлены слабо. В уляпском говоре дело обстоит так же, но морфонологическая значимость этой зоны выше из-за того, что кроме правил постановки ударения (окончания внеметрические) и правила чередования */CeCe|* ~ */CaCe|* (последовательность */CeCe|* переходит в */CaCe|* непосредственно на конце основы, в зоне окончаний оно не происходит, а окончания² его не блокируют, ср. (1a-c), правило приводится по [4, 122-131]), появляется еще одно морфонологическое правило: именно на этой границе происходит падение конечного */ə/* (ср. (2a-b), подробнее см. [2, 2-4]³).

(1a) *tábe|* (< *tebe*)
сковородка
'сковородка'

(1b) *tebá-ħe|* (< *tebe-ħe|*)
сковородка-FIN
'за сковородкой (идти)'

² К окончаниям относятся падежные аффиксы (*-r*, *-m*, *-mč'e*, *-w*), показатели множественного числа (*-xe*), координатива (*-re*, *-rjə*, *-jə*) и некоторые другие. Некоторые окончания вопреки правилу все же блокируют чередование, например, показатель будущего времени *-le* (см. пример (3b)).

³ Нами зафиксированы исключение из этого правила не учтенные в [2]: *tabě* какой.из-овл. Это слово ведет себя ономально относительно правила выпадения конечного */ə/* и относительно правила ударения.

- (1c) *tábe|-xe* (< *tebe|-xe*)
сковородка-PL
'сковородки'
- (2a) *š'ə-s/-xe* (2b) *š'ə-sə|-xe/*
LOC-сидеть-PL LOC-сидеть-INCH
'они сидят' 'он уже сидит'

Правило локализации ударения (кроме исключений) сформулировано фонологически, однако именно за счет того, что разные морфемы могут расширять основу (т. е. занимать позицию перед позицией показателя множественного числа), можно привести минимальные пары, которые различаются ударением:

- (3a) *máše|-x-wə* *fə-psewə-n/-ər*
медведь-PL-ADV 2PL.ABS-жить-MSD-ABS
f-wəž'ev^w-a/-qe
2PL.A-надоесть-PST-Q
'Не надоело жить как медведи?'
- (3b) *mə-šéx^w|-wə* *xebar-vešev^wen/*
NEG-секрет-ADV новость-интересный
qə-p-x^we-s-ŋ^wete/-ne
DIR-2SG.IO-BEN-1SG.A-рассказать-FUT
'Не по секрету расскажу тебе интересную новость'.
- (4a) *ž'edə/-r* *me-tk^wə|-xe/*
курица-ABS DYN-таять-INCH
'Курица уже размораживается' (букв. «тает»).
- (4b) *konfet|-xe-r* *dəve/-m* *xe-λ|-x-wə*
конфета-PL-ABS солнце-OBL LOC-лежать-PL-ADV
mé-tk^w|-əxe⁴
DYN-таять-PL
'Конфеты тают на солнце'.

⁴ Показатель множественного числа имеет вид *-xe*. Чтобы избежать стечения согласных перед окончаниями может возникать ə-эпентетикум, на которое ударение не падает.

Чтобы определить, какие слоги мы считаем закрытыми, стоит подробнее сформулировать правило выпадения конечного /ə/ (по [2, 2]): конечный гласный /ə/ усекается в конце основы, вне зависимости от наличия окончаний (5a-b), (6b), однако, если основа односложная (6a), или основа расширена какими-то суффиксами (6c), усеечение не происходит.

(5a)	<i>š'ə-t̪</i> (< <i>š'ə-tə</i>)	(5b)	<i>š'ə-t/-xe</i> (< <i>š'ə-tə/-xe</i>)
	ЛОС-стоять		ЛОС-стоять-PL
	‘(кто-то) стоит’		‘они стоят’
(6a)	<i>ʌə/-qəm</i>	(6b)	<i>sə-ʌ/-qəm</i> (< <i>sə-ʌə/-qəm</i>)
	плакать-NEG		1SG.ABS-плакать-NEG
	‘(кто-то) не плачет’		‘я не плачу’
(6c)	<i>š'ətə-xe</i>		
	стоять-INCH		
	‘(кто-то) уже стоит’		

Как мы видим, правило выпадения конечной /ə/ делает из двух слогов структуры CV единицу со структурой CVC. Мы будем называть получившуюся единицу структуры CVC **закрытым слогом**.

Особого внимания заслуживает обсуждение того, что мы называем морфонологически закрытыми слогами. В работе [9, 61-69] обсуждается метатеза конечных *-əj/-ej/-əw/-ew ~ -jə/-je/-wə/-we*, которая произошла в кабардинском языке (и, соответственно, в уляпском говоре):

(7a)	адыг. <i>š^wew/</i>	(7b)	каб. <i>fweʃ</i>	(7c)	уляп. <i>fwe/</i>
	‘мед’		‘мед’		‘мед’
(8a)	адыг. <i>č'etəw/</i>	(8b)	каб. <i>žedwə/</i>	(8c)	уляп. <i>ž'edwə/</i>
	‘кошка’		‘кошка’		‘кошка’
(9a)	адыг. <i>pcežəj/</i>	(9b)	каб. <i>bzežje/</i>	(9c)	уляп. <i>bžežjé/</i>
	‘рыба’		‘рыба’		‘рыба’

⁵ Адыгейское *š^w* регулярно соответствует кабардинскому *f*.

(10a) адыг. *qamzǝj/* (10b) каб. *qabzǝj/* (10c) уялп. *qamzǝj/*
 ‘перо’ ‘перо’ ‘перо’

(11a) адыг. *čǝje-n|* vs *sǝ-čǝje|*
 спать-MSD 1SG.ABS-спать
 ‘спать’ ‘я сплю’

(11b) каб. *žjeǝ-n|* vs *fǝ-žje|*
 спать-MSD 2PL.ABS-спать
 ‘спать’ ‘вы спите’

(11c) уялп. *žǝǝ-n|* vs *me-žǝ|*
 спать-MSD DYN-спать

В работе [9] с опорой на материалы ранних исследователей показано, что кабардинский язык здесь показывает инновационные черты, так как в многочисленных материалах начала XX века зафиксированы случаи свободного варьирования вариантов с метатезой и без таковой.

По нашим материалам получается следующее: в адыгейском языке все сочетания сохраняют старый вариант *-ǝj/-ej/-ǝw/-ew* (7-11a); в литературном кабардино-черкесском языке представлен вариант с метатезой, а в случаях с йотовой метатезой еще и происходит наращение слога⁶, *-jǝǝ/-jeǝ/-wǝ/-we*⁷ (7-11b). В то время как в литературных адыгейском и кабардинском языках получившиеся сочетания не изменяются в зависимости от позиции относительно границы основ и окончаний, то в уялпском говоре сложилась очень необычная ситуация. В глагольных корнях в зависимости от позиции относительно границы основы и окончаний чередуются варианты с метатезой и без нее (11c), а в именных корнях в зависимости от позиции относительно границы основы и окончаний чередуются варианты с наращением корня (причем не только при йотовой метатезе, как в литературном

⁶ В работах [13, 95, 160], [14, 100-101] и [6, 11] представлены кабардинские варианты *bzwǝw* ‘маленькая птица’, *žedwǝw* ‘кошка’ и *fwew* ‘мед’ с наращением слога и в случаях метатезы /w/, однако в современном кабардинском представлен только вариант без усечения.

⁷ По описанному выше правилу, конечный гласный /ǝ/ выпадает непосредственно перед границей основы и окончаний.

кабардинском, но и при метатезе *w*) и без (7-10с). Представим результаты в табл. 1:

Таблица 1

		#(...)__... (...)#				#(...)_ (...)#			
кабардинский язык		-jəjə	-jejə	-wə	-we	-jəj	-jej		
уляп-ский говор	имена			-wəwə	-wewə			-wə	-we
	глаголы					-jə	-je		
адыгейский язык		-əjə	-ejə	-əwə	-ewə	-əj	-ej	-əw	-ew

Объяснение получившегося распределения не входит в задачи нашего исследования⁸, однако для нас важно подчеркнуть некоторые следствия для правила локализации ударения: слоги *-jə/-je/-wə/-we* в уляпском говоре являются фонологически открытыми и **морфонологически закрытыми**. Эта особенность проявляется также и в том, что морфонологически закрытые слоги не чувствительны к правилу выпадения конечного /ə/ (мы это еще раз отметим ниже в примерах (18a) и (18c)). Кроме того морфонологически закрытые слоги не чувствительны к стандартному чередованию /CeCe/ ~ /CaCe/, ср. поведение корней с морфонологически закрытым слогом (13a-d) и аналогичные примеры обычных корней (12a-b):

(12a) *dáme|* (< *deme*)

крыло
'крыло'

(12b) *demá-ħe|* (< *deme-ħe*)

крыло-FIN
'за крылом (идти)'

(13a) *bžežjé|* (< *bžežjéjə*)

рыба
'рыба'

(13b) **bžažjé|*

рыба
'рыба'

(13c) **bžežjá-ħe|*

рыба-FIN
'за рыбой (идти)'

⁸ В скобках заметим, что мы придерживаемся точки зрения, что в адыгейских идиомах сохранились праадыгские сочетания *-əjə/-ejə/-əwə/-ewə*, с которыми произошло усечение конечного /ə/, а в уляпском говоре в именах произошло уподобление первого слога второму, а в глаголах – метатеза.

Иначе морфологически закрытые слоги ведут себя при присоединении посессивных показателей. При присоединении посессивных показателей к обычным корням, состоящих из одного слога типа *Se* или *Cə* (14a-с), по правилу локализации ударения ударение переходит на посессивный показатель, в других случаях этого переноса не происходит (15a-b):

(14a) <i>s-jə-ṣ̌ḥa </i> (< <i>s-jə-ṣ̌ḥe</i>)
1SG.PR-POSS-голова
'моя голова'	(14b) <i>f-jə-ne </i>
2PL.PR-POSS-глаз
'ваши глаза'
(14c) <i>d-jə-λ </i> (< <i>d-jə-λə </i>)
1PL.PR-POSS-кровь
'наша кровь'	
(15a) <i>s-jə-nápe </i>
1SG.PR-POSS-лицо
'мое лицо'	(15b) <i>f-jə-nég^m </i>
2PL.PR-POSS-щека
'ваша щека'

Аналогичное поведение проявляют и глагольные формы: если корень имеет вид CV (16a-с), то происходит перенос ударения на предыдущий слог, во всех других случаях (17a) переноса нет:

(16a) <i>w-jə-ʔa </i> (< <i>s-jə-ʔe </i>)
2SG.ABS-POSS-быть
'у тебя (есть что-то)'	(16b) <i>d-wé-ẓ̌e </i>
1PL.ABS-DYN-быть
'мы бежим'
(16c) <i>s-wé-β </i> (< <i>s-we-βə </i>)
1SG.ABS-DYN-плакать
'я плачу'	
(17a) <i>fə-ṣ̌'ət </i>
2PL.ABS-стоять
'вы стоите'	

Если не принимать в счет их особенности, корни с морфологически закрытым слогом проявляет себя аномально (18a-с), в то время как корень той же структуры, но без морфологически закрытого слога (ср. (19a) и (19b), где не

происходит наращение слога *-wə*), ведет себя по правилу локализации ударения:

(18a) *d-jə-bzwə́l* (18b) *d-jə-fwé́l*
 1PL.PR-POSS-птица 1PL.PR-POSS-мед
 ‘наша птица’ ‘наш мед’

(18c) *s-jə-kwə́l*
 1SG.PR-POSS-глубокий
 ‘мой глубокий’

(19a) *s-jə-x^we* (19b) *x^w-ǎ* (< *x^we-a*)
 1SG.PR-POSS-жила жила-PST
 ‘моя жила’ ‘то, что было жилой’

Отметим, что примеры (18a) и (18c) противоречат правилу о выпадении конечного *-ə* на границе основы и окончаний (ср. примеры аналогичных структур в (14c) и в (16c)), что также объясняется тем, что корни ‘птица’ и ‘глубокий’ являются морфонологически закрытыми.

В подтверждение обоснованности выделения морфонологически закрытых слогов перечислим выделенные нами особенности этих слогов:

- (i) нестандартное расширение перед суффиксами;
- (ii) нестандартное поведение относительно правила выпадения конечного */ə/*;
- (iii) нестандартное поведение относительно правила чередования */CeCe/ ~ /CaCe/*;
- (iv) нестандартное поведение относительно правила ударения в посессивных формах.

Теперь поясним фрагмент правила локализации лексического ударения относящийся к морфонологически исконным гласным */a/*. Гласный */e/* после ларингалов (*/ʔ/*, */h/*) иногда может фонетически реализовываться как *[a]* и тем самым создавать условия противоречащие сформулированным правилам, например, это происходит в корне *šhē* ‘голова’ или в некоторых формах глагола *jəʔen* ‘иметь’, ср. примеры (20a-b):

(20a) <i>s-jǎ-šhã</i> (< <i>s-jǎ-šhẽ</i>)
1SG.PR-POSS-голова
'моя голова' | (20b) <i>f-jǎ-ʔã</i> (< <i>f-jǎ-ʔẽ</i>)
2PL.PR-POSS-быть
'у вас есть (что-то)' |
|--|---|

Таким образом основа заканчивается **морфонологически исконным гласным /a/**, только если он является показателем прошедшего времени (см. (3a)) или этимологически к нему восходит, например, *bv^wetã* 'плесень' (от *bv^wetén* 'преть'), *vãtxã* 'плевок' (от *vãtxén* 'плевать').

Теперь, когда мы рассмотрели все элементы правила локализации ударения в уляпском говоре, рассмотрим исключение из этого правила, а именно формы юссива от корней типа *Se*:

(21a) <i>j-eré-žẽ</i>
3SG-JUSS-бежать
'пускай он бежит'	(21b) <i>j-eré-žẽ</i>
3SG-JUSS-ждать
'пускай он ждет'	(21c) <i>j-ere-žẽ</i>
3SG-JUSS-рот
'пускай это рот' ⁹
(22a) <i>j-eré-š'ẽ</i>
3SG-JUSS-продавать
'пускай он продает'	(22b) <i>j-ere-š'ẽ</i>
3SG-JUSS-молоко
'пускай это молоко'	(22c) <i>j-ere-š'-ẽ</i>
3SG-JUSS-три-ITN
'пускай 3 раза'
(23a) <i>j-eré-dẽ</i>
3SG-JUSS-шить
'пускай он шьет'	(23b) <i>j-ere-dẽ</i>
3SG-JUSS-орех
'пускай это орех'	

Как видим из примеров все формы юссива от глагольных корней ведут себя по правилу локализации ударения (см. (21a), (21b), (22a) и (22b)), в то время как все формы юссива от именных корней правилу противоречат (см. (21c), (22b), (22c), (22b)). Возможные предположения, что в именных корнях что-то невидимое «закрывает» слог, как это было с морфонологически закрытыми слогами, или что конечное *-e* в именных корнях не

⁹ Контекстом для этих предложений является история про маленького ребенка, который нарисовал картинку, а взрослый хоть и не верит, что это рот, орех или молоко, но все-таки соглашается, чтобы не расстраивать ребенка.

является морфонологическим /e/, противоречат тому, что эти корни участвуют в чередовании /CeCe/ ~ /CaCe/, например:

- (24) *š'a.te* (< *š'e* 'молоко')
'сметана, сливки'

Заметим, что сами формы юссива (и от глаголов, и от имен) не подвергаются чередованию /CeCe/ ~ /CaCe/ (см. также [10, 106-108]).

При освоении русские заимствования подвергаются изменению, которые позволяют им «встроиться» в уляпское правило постановки ударения с сохранением ударного слога в русском языке, например, *револю́цэ*¹⁰, *Маринэ*, *школ* и др. Однако в некоторых словах это «встраивание» затруднено, и ударение остается на том же месте, что и в русском языке, например, *классическэ*, *органическэ* и др.

Теперь рассмотрим результаты, полученные другими исследователями. В диссертации одного из основных исследователей бесленеевского диалекта, Б. Х. Балкарова, [8, 96-99], в его же работе [7, 86], в грамматиках кабардинского языка [1, 29-30] и [5, 29-30], а также в работах [19, 34-35], [18, 16-18] и [16, 4-5] приводятся данные и правила в целом совпадающие с нашими: отмечается, что ударение падает на последний или предпоследний слог основы в зависимости от того, тяжелый последний слог или легкий. Материалы адыгейского языка [15, 42-44] и [21, 128-129] в ряде случаев противоречат нашему правилу и материалам. В работе [21, 128-129] содержится замечание относительно того, что на локализацию ударения в адыгейском языке может влиять желание говорящего что-то в высказывании выделить, например:

(25a) <i>č'ǰle-čəḱ^we-r</i>
мальчик-маленький-ABS
'маленький МАЛЬЧИК' | (25b) <i>č'ele-čəḱ^we-r</i>
мальчик-маленький-ABS
'МАЛЕНЬКИЙ мальчик' |
|---|---|

¹⁰ Мы специально приводим примеры в кабардинской орфографии, чтобы не обсуждать фонологический статус звуков, которые присутствуют только в заимствованиях.

Однако на данную тему нельзя ничего найти в других работах, а наши полевые материалы этим фактам противоречат (см. также [10, 100] об адыгейском языке).

Более детального освещения заслуживает правило, приведенное в работе [16, 4-5], посвященной речи кабардинцев в Турции. Согласно этому правилу ударение падает на последний слог основы, если он тяжелый, т. е. если слог заканчивается на долгий гласный или является закрытым, и на предпоследний, если слог легкий. Принято считать, что из трех адыгских гласных, долгим является /a/. В турецком кабардинском, как пишут авторы статьи, «дифтонгические» образования, типа *jə*, *je*, *wə*, *we* реализуются как долгие гласные, что существенно расширяет список тяжелых слогов. Как легко заметить, это правило учитывает то, что мы называем морфонологически закрытыми слогами. То, что это единственная работа, где мы встречаем морфонологически закрытые слоги, связано с тем, что в литературном кабардинском, как мы отметили в табл. 1, эти слоги являются закрытыми в обычном смысле.

Итак, мы рассмотрели правило постановки ударения в уляпском говоре кабардино-черкесского языка, проиллюстрировали отдельные случаи и исключения, а также отметили отличия нашего правила от правил, сформулированных в предшествующих работах. Так в предыдущих работах нигде не содержится ссылки на различие морфонологического и не морфонологического /a/ и нигде не говорится об особом поведении юссивных форм. Несмотря на то, что в работе [16] приводятся данные и правила, учитывающие морфонологически закрытые слоги, там не содержится описания происхождения этих слогов и их функционирования в морфонологии кабардинского языка, что, мы надеемся, было сделано в данной работе.

Сокращения

A – агенс; ABS – абсолютив; ADV – адвербиалис; BEN – бенефактив; C – согласный или группа согласных; DIR – директив; DYN – динамичность; FIN – финалис; FUT – будущее время; IO – не прямой объект; INCH – инхоатив; ITN – показатель кратного числительного; JUSS – юссив; LOC – локатив; MSD – масдар; NEG – отрицание; OBL – косвенный падеж; PL – множественное число; PR – посессор; POSS –

поссесивность; PST – прошедшее время; Q – интеррогатив; SG – единственное число; V – гласный.

Литература

1. Абитов М. Л., Балкаров Б. Х., Дешериев Ю. Д., Рогава Г. В., Элюбердов Х. У., Карданов Б. М., Куашева Т. Х. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М., 1957.
2. Аркадьев П. М. Сюжеты из морфологии и морфонологии уляпского глагола. Хэндаут доклада на семинаре экспедиции РГГУ. а. Уляп 2012.
3. Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. Основные сведения об адыгейском языке // Аркадьев П. М., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.) Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.
4. Аркадьев П. М., Тестелец Я. Г. О трех чередованиях в адыгейском языке // Аркадьев П. М., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.) Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.
5. Багов П. М., Балкаров Б. Х., Куашева Т. Х., Кумахов М. А., Рогава Г. В. Грамматика Кабардино-черкесского литературного языка. М., 1970.
6. Барукаев Т. М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932.
7. Балкаров В. Х. Бесленевский диалект // Кумахов М. А. (ред.) Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.
8. Балкаров В. Х. Особенности бесленевского диалекта кабардинского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1952.
9. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1981.
10. Ландер Ю. А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. М., 2012
11. Мороз Г. А. Консонантная система уляпского говора в сопоставлении с аналогами других диалектов адыгских языков. В печати.
12. Турчанинов Г. Ф., Цагов М. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., Л., 1940.

13. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977.
14. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П-И. М., 1977.
15. Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика литературного адыгейского языка. М., Л., 1941.
16. Applebaum A., Gordon M. Acoustic correlates of stress in Turkish Kabardian // *Journal of the International Phonetic Association*, 2010 №40/1.
17. Chirikba V. A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its phonological system and parts of its lexicon and morphology. Leiden, 1996.
18. Colorusso J. A. Grammar of the Kabardian Language. Calgary, 1992.
19. Kuipers A. H. Phoneme and Morpheme in Kabardinian. Hague, 1960.
20. Matasović R. A Short Grammar of Kabardian. Zagreb, 2008.
21. Smeets H. J. Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden, 1984.

Ю.О. Нигматулина
СПбГУ, Санкт-Петербург

Стяжения звуков и сегментация звучащей речи

В статье рассматривается явление стяжений звуков, в первую очередь на стыках словоформ, и его место в процессах сегментации и восприятия звучащей речи. Приводятся количественные данные, описывающие стяжения звуков (как гласных, так и согласных) в русском языке, которые были получены в результате анализа трех записей спонтанной речи (93 минуты). В качестве потенциального полезного признака для последующей сегментации рассматривается длительность звука, возникающего на месте стяжения.

Ключевые слова: *сегментация речи, спонтанная речь, стяжение звуков*

The article considers sound contraction phenomenon, especially at word boundaries, and its rôle in spoken word recognition and segmentation. Quantitative data on the contraction of sounds (both vowels and consonants) in the Russian language, which were obtained from three analyzed recordings of spontaneous speech (93 minutes), are given. Duration of a contracted sound is considered as a potentially useful indicator for further segmentation.

Keywords: *speech segmentation, spontaneous speech, sound contraction*

Лингвисты часто задаются вопросом о том, что указывает слушающему на необходимость проведения границы между словоформами в нужном месте. В процессе определения границ, или опознания слов, могут использоваться различные свойства речевых сигналов — их фонетические характеристики, семантические и семантико-грамматические особенности [11; 12; 14]. При более же детальном рассмотрении видно, что большинство предполагаемых маркеров границ не позволяют с уверенностью производить членение текста на слова.

В то же время процедура членения непрерывного речевого потока на последовательность дискретных лексических единиц является неотъемлемой составляющей процесса восприятия человеком звучащей речи. Можно предположить, что успешная

сегментация речи является результатом идентификации слов, т. е. сличения входного акустического сигнала с единицами внутреннего словаря (ментального лексикона слушающего) и выбора единственного возможного варианта [13].

Процесс идентификации, однако, может быть осложнен. Например, в тех случаях, когда звуки, находящиеся на границе между словоформами, подвергаются стяжению, т.е. происходит слияние двух смежных звуков, приводящее к возникновению одного (*ему_уже* [nɪmu+ʒ]¹). Нередко, в результате стяжения контрастных гласных, появляется звук, отличный от двух исходных (*дети_оттуда* [d'e+t'ætuda]).

Принято считать, что русскому литературному языку явление стяжения не свойственно. В спонтанной же речи звуки могут подвергаться стяжению [3, 135], при этом не только внутри словоформ, но и на их стыке: *открыла_окно*, *своих_хватает*, *лещ_чей* и др. При сплошном прослушивании и транскрибировании записей спонтанных текстов на русском языке² было замечено, что стяжения гласных на стыках словоформ встречаются достаточно часто: при сочетании конечного гласного предыдущего слова и начального гласного последующего слова эксперты не слышат двух звуков, при этом анализ одного и того же материала часто сопровождается разбросом экспертных оценок.

Ранее было проведено исследование стяжений разных по качеству гласных на стыке словоформ, первый из которых — звук [i] [10; 2]. В качестве первого элемента всегда выбирался гласный [i], потому что в результате стяжения с этим гласным могут образовываться качественно новые гласные звуки:

[i] + [a] → [&] (т.е. гласный [a] между мягким и твердым согласными или между двумя мягкими; например: *дети_оттуда* [d'e+t'ætuda])

[i] + [o] → [@] (т.е. гласный [o] между мягким и твердым согласными или между двумя мягкими; например: *если_он* [je+sl'@n])

1 Символом «+» в транскрипции обозначается ударение.

2 Исследование осуществлялось при поддержке гранта РФФИ №09-06-00244-а.

[i] + [u] → [y] (т.е. гласный [u] между мягким и твердым согласными или между двумя мягкими; например: *при_услови* [pr'yslo+v'i:])

[i] + [e] → [E] (т.е. гласный [e] между мягким и твердым согласными или между двумя мягкими; например: *дети_это* [d'e+t'E+te]).

В четырех записях спонтанной речи (общей продолжительностью звучания 115 минут) таких пар оказалось 158. Из них были отобраны случаи, в которых между гласными происходит стяжение. На основе инструментального анализа в 49 из них (31%) можно предположить наличие границы внутри стяжения (рис. 1), а в 60 (38%) провести границу оказалось невозможно (рис. 2).

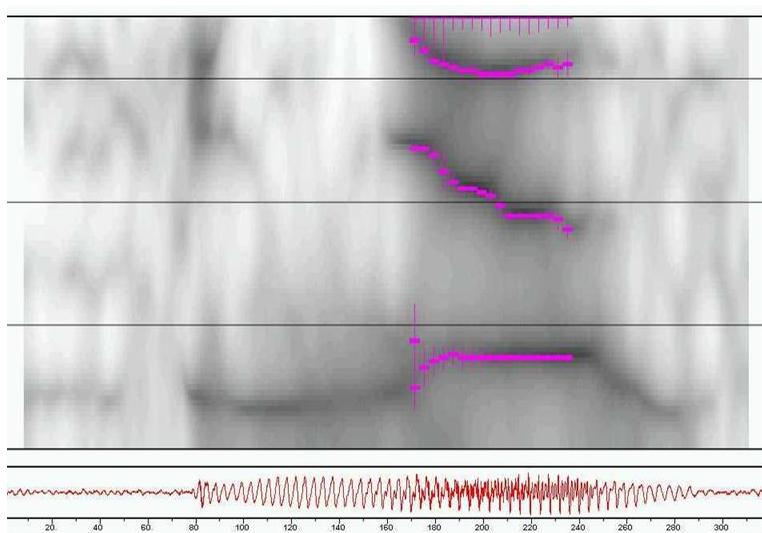

Рис. 1. Спектрограмма стяжения пени_оз [p'in'&z] (из степени_озабочена)

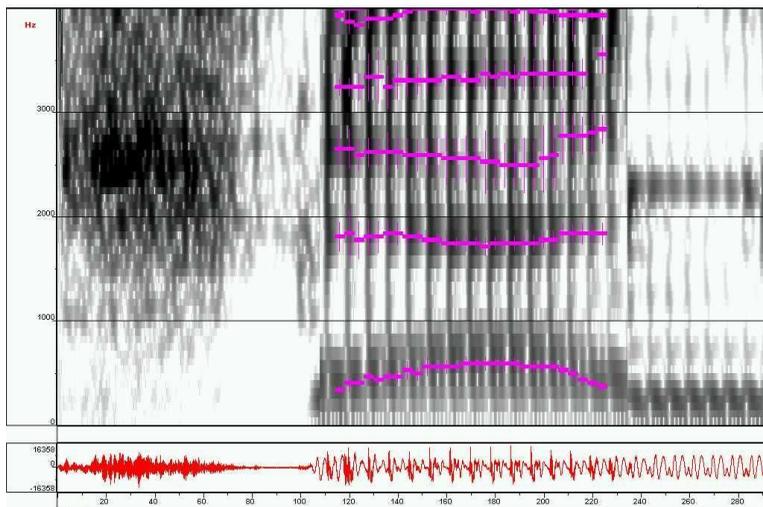

Рис. 2. Спектрограмма стяжения щи_ото [š'&ta] (из вещи_отождествлять), в котором не наблюдается формантный «перелом».

Результаты эксперимента на восприятие показали, что при предъявлении стяжений в контексте у слушающих не возникает трудностей при проведении границы между словоформами. При изолированном предъявлении, т. е. в асемантичных стимулах, испытуемые «слышат» на месте стяжения один звук.

Далее решено было посмотреть на явление стяжения звуков (в первую очередь на стыках словоформ) более широко. В качестве материала мы продолжаем использовать имеющиеся у нас записи русской спонтанной речи: две записи программы «Культурная революция» и запись программы «Утренний гость» на «Радио России». Для указанных аудиотекстов имеются фонетические транскрипции, выполненные экспертами-фонетистами на основе анализа динамических спектрограмм [4]. На данный момент проанализировано 93 минуты звучания. Прежде всего, из текстов были выбраны все примеры пар словоформ, на границах которых

встречается скопление гласных (кроме уже рассмотренных случаев сочетаний с [i]), и где, следовательно, возможно стяжение. Всего таких пар оказалось 284:

была Ольга [bɔla+ul'gɔ]

дайте Александру [d'ɛ+t'e al'iksandru]

В 172 (61%) из них, согласно данным фонетической транскрипции, на границе словоформ происходит стяжение гласных:

тогда это [tagdɛ+tɔ]

человека_общаться [čɔlɛ+kapš'a+cɔ]

В 51 случае (29,6%) результатом стяжения становится звук, отличный от двух исходных:

что_его [štQ+vu]

после_окончания [po+sl'&kænčɛ+n'ɔ]

Ниже представлены встретившиеся в нашем материале варианты стяжений, в результате которых появлялся звук, отличный от двух исходных:

[a] + [i] → [Q] [o] + [e] → [Q] [o] + [e] → [@]

[E] + [a] → [&] [&] + [i] → [Q] [a] + [e] → [Q]

[o] + [o] → [u] [o] + [o] → [@] [o] + [i] → [Q]

[u] + [o] → [@] [u] + [i] → [Y] [E] + [u] → [Y]

Кроме того, для сравнения были рассмотрены все случаи соседства гласных внутри словоформ. Стяжение звуков внутри словоформ — более изученный вопрос; к нему обращались Р. И. Аванесов [1], М. В. Панов [9], Л. Л. Касаткин [7, 8], М. Л. Каленчук [6] и др. На нашем материале было обнаружено 296 случаев соседства гласных внутри словоформ, из которых в 169 (57%) произошло слияние звуков в один. Таким образом, с точки зрения количественных показателей встречаемость соседствующих гласных в языке и стяжений в спонтанной речи практически не зависит от их положения: внутри или на стыке словоформ.

В спонтанной речи качество гласных часто подвергается значительным изменениям. Следовательно, можно предположить, что при восприятии русской речи слушающий в большей мере опирается на согласные (консонантный «скелет») [5]. Поэтому на следующем этапе исследования было решено обратиться к

согласным звукам и посмотреть, есть ли стяжения согласных на стыке словоформ и какова их частотность.

Из того же материала были выбраны все случаи соседства одинаковых согласных внутри, а затем на стыках словоформ. В первом случае было обнаружено 179 словоформ, где, согласно орфографии, могут встретиться сочетания одинаковых звуков:

отдельное [ad'E+l'ne]

порванных [po+rvanəx]

имманентное [iman'E+ntnə]

Из них для 175-и словоформ (98%) в транскрипции эксперты указали краткий звук на месте таких сочетаний. В большинстве случаев долгота/краткость в таких ситуациях не становится смысловозначительной, и, следовательно, не может мешать правильному восприятию. Однако есть и исключения, когда в речи встречаются омофоны, различающиеся своим написанием (*ввиду – веду; труппа – трупа; отдел – одел; подданный – поданный*). И здесь интересно было бы проверить: 1) насколько омонимичны они в действительности, 2) как часто встречаются такие пары в языке, 3) могут ли они встречаться в одном контексте, или контекст всегда позволяет их разводить.

В положении между словоформами стяжение одинаковых согласных происходило реже, чем внутри: в 42-х парах из 71-й (в 59%) два согласных на стыке слились в один.

В качестве одного из признаков, на которые может опираться слушающий при членении стяжений как гласных, так и согласных на стыке словоформ, была в первую очередь рассмотрена длительность звука, возникающего на месте стяжения. Измерение длительности был проведено для всех стяжений, встретившихся в одной из передач «Культурная революция». Длительность гласных измерялась для всех случаев, в которых произошло стяжение (т. е. в транскрипции был указан один звук).

Гласные

	Внутри словоформ	На стыках словоформ
Медиана	76.7 мс	81.4 мс

Длительность звука, соответствующего в орфографии двум рядом стоящим одинаковым согласным.

Согласные

	Внутри словоформ	На стыках словоформ
Медиана	79.1 мс	104.1 мс

Из таблиц видно, что в целом длительность стяжений на стыках словоформ несколько больше, чем внутри. Но эта разница не велика; например, для гласных эту разницу можно считать статистически незначимой. Таким образом, вряд ли можно полагать, что слушающий проводит границу между двумя словоформами, опираясь на длительность звука.

Из разных по качеству согласных звуков, стяжение которых на границе словоформ может привести к появлению звука, отличного от двух исходных, было решено взять [t] и [s] (а также мягкие [tʲ], [sʲ] и звонкие [d], [z]). Выбор обусловлен тем, что в русском языке практически стало нормой произнесение сочетания этих звуков как [c]. В нашем материале такое сочетание внутри словоформ было встречено 95 раз. В 100% оно было определено экспертами как один звук: в 83% — как звук [c]. На границах словоформ звуки (условно) [t] и [s] встретились 37 раз, из которых в 13-и случаях (35%) остался один звук.

вот_самая [vo+t sa+mə]

слышатъ слова [slɪ+ʂɪt' slava+]

будет_спорить [bu+d'ɛcpo+r'ɪt']

изменить_свои [izm'in'i+cvɪ+]

переводить_с английского [p'ir'ivad'i+c angl'i+skəvə]

Из полученных данных видно, что стяжение (условно) [t] и [s] на стыках словоформ происходит не всегда, что отличается от ситуации внутри словоформ. При этом чаще всего, когда на месте двух звуков на границе словоформ остается один, это происходит не в результате стяжения, а за счет выпадения первого звука, т. е. конечного согласного первой словоформы:

это изменит ситуацию [ɛ+tɪzm'e+n's'toc]

слышатъ слова [slɪ+ʂɪ slava+]

тут_сделано [də_z'd'e+lənə]

работать с детьми [rabo+tə z'd'it'm'i]

Итак, внутри словоформ стяжение происходит всегда (*отступитесь* [actup'i+t'is'], *советская* [sav'e+ckɨ], *кажется* [ka+žsə]); на стыках слов закономерности выявить не удалось (*подвергает сомнению* [podv'ɛrga+ɛt samn'e+n'ɛ], *спорить с вами* [spo+r'it' s va+m'i], *передать свои* [p'ir'ida+cvai]).

Данные о длительности звука, возникающего на месте сочетания [t] и [s], представлены ниже:

Сочетания [t] и [s]

	Внутри словоформ	На стыках словоформ
Медиана	100.6 мс	119.2 мс

Пока все представленные результаты базируются в основном на уже имеющейся фонетической транскрипции расшифрованных записей. Предполагается дополнительная проверка данных с обращением особого внимания на интересующий нас вопрос. Также планируется моделирование процесса распознавания сочетаний со стяжениями с применением сегментации через идентификацию, а именно: составление на основе базового словаря списков возможных словоформ, которые могли бы соответствовать первой словоформе словосочетаний, если звук стяжения полностью отнести ко второй.

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984.
2. Апушкина И.Е., Нигматулина Ю.О. Анализ стяжений звуков в русской спонтанной речи // X выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»: Материалы. Череповец: ГОУ ВПО "Череповецкий государственный университет", 2011. С. 179-185.
3. Бондарко Л.В. и др. Фонетика спонтанной речи Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 248 с.
4. Венцов А. В., Слепокурова Н. А., Апушкина И. Е., Корешкова Е. И., Риехакайнен Е. И. Из опыта работы с русской спонтанной речью: создание фонетически транскрибированных текстов // X выездная школа-семинар «Проблемы порождения и

- восприятия речи»: Материалы. Череповец: ГОУ ВПО "Череповецкий государственный университет", 2011. С. 169-179.
5. Венцов А. В. Качество гласных и словесное ударение: роль в модели восприятия речи // XLI Международная филологическая конференция. СПб, 2012.
 6. Каленчук М. Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
 7. Касаткин Л. Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 39-45.
 8. Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
 9. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
 10. Риехакайнен Е. И., Нигматулина Ю. О. Сегментация спонтанной речи: восприятие стяжений гласных на стыке словоформ // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15: Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трёх поколений: к 70-летию А. С. Штерн / Отв. Ред. Е. В. Ерофеева. – Пермь, 2011.
 11. Cairns P., Shillcock R., Chater N., Levy J. Modelling the acquisition of lexical segmentation // In *Proc. of the Child Lang. Res. Forum*, 1994; CSLI, Stanford, CA: U. of Chicago Press. 1994. P. 32–41.
 12. Harrington J., Watson G. & Cooper M. Word-boundary identification from phoneme sequence constraints in automatic speech recognition // *Proceedings of the 12th International Conference on Computational Linguistics (Coling, '88)* / ed. Vargha D. 1988. P. Vol. 1. 225–229.
 13. Kassevich V. B., Ventsov A. V., Yagounova E. V. The simulation of continuous text perceptual segmentation: A model for automatic segmentation of written text // *Language and Language Behavior*. 2000. Vol. 3. Pt. II. P. 48–59.
 14. Lehiste I. The timing of utterances and linguistic boundaries // *Journal of the Acoustical Society of America* 51. 1971. Vol. 6. №2. P. 2018–2024.

С.А. Оскольская,
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург;
Н.М. Стойнова,
ИРЯ РАН, Москва

Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке¹

В статье рассматриваются морфологические показатели инхоатива (начальной фазы действия) в нанайском языке (алтайская семья, тунгусо-маньчжурская группа). В нанайском языке представлено два конкурирующих инхоативных суффикса, и выбор между ними не всегда очевиден. Более того, условия употребления каждого из этих суффиксов сильно различаются по диалектам. В работе приводятся и сопоставляются собранные авторами полевые данные по двум диалектам – среднеамурскому (найхинский говор) и нижнеамурскому (горинский говор).

Ключевые слова: *нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки, инхоатив, фазовые показатели, вид, глагольная деривация.*

The paper deals with inchoative markers in Nanai (Altaic, Tungusic). There are two inchoative suffixes in Nanai and the rules of their distribution are quite complicated. Furthermore, these rules are not the same in different varieties of Nanai. The paper presents comparative field data on two of them – Middle-Amur Nanai (Naixin) and Low-Amur Nanai (Gorin).

Keywords: *Nanai, Tungusic, inchoative, inceptive, phasal aspect, verbal derivation.*

1. Введение

1.1. Средства выражения начинательности в нанайском языке: общие сведения

В нанайском языке представлено два специализированных морфологических показателя начальной фазы действия – суффикс *-lo/-lu* (1) и суффикс *-psen/-psin*² (2):

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12-34-01255.

² Выбор одного из фонетических вариантов суффикса определяется правилом гармонии гласных, действующем в нанайском языке, подробнее см. [1(1), 40–41].

терминология, принятая в единственной крупной русскоязычной типологической работе по инхоативу – статье В.П. Неद्याлкова [4]. Так, для обозначения перехода в состояние от глаголов состояния (*цвести – зацветать, сидеть – садиться*) используется термин инхоатив (инхоатив в узком смысле). При этом термин инхоатив в широком смысле в данной статье употребляется в основном применительно к показателям, а инхоатив в узком смысле – применительно к значениям.

Термин ингрессив используется применительно к значению начала процесса от глаголов со значением процесса (*бежать – побежать*). Термин инцептив используется для выражения значения инхоативного показателя при сочетании с глаголами свершения (accomplishments по классификации З. Вендлера [12]) – ‘первые признаки начала действия / особая начальная фаза действия (“начало начала”)’ (*заснуть – начать засыпать*). Для обозначения начальной фазы единичной ситуации / многократной ситуации влед за [4] используются термины фазовая / серийная начинательность.

1.3. Имеющиеся данные по нанайским инхоативным суффиксам: грамматика В.А. Аврорина и словарь С.Н. Оненко

Нанайские инхоативные суффиксы с достаточной степенью подробности описаны в грамматике В.А. Аврорина [1(2), 50–51], также некоторую информацию о них дает подробный словарь С.Н. Оненко [5]. Обе работы опираются на материал найхинского говора среднеамурского диалекта (взятого за основу литературного нанайского языка), собранный в основном в 1940-е гг. (и не позже 1960-х гг.).

В.А. Аврорин усматривает между суффиксом *-psen / -psin* («вид зачина действия») и суффиксом *-lo / -lu* («вид начала длительного действия») следующее семантическое различие. Суффикс *-psen / -psin* обозначает «действие в самом его начале, за чем естественно должно последовать продолжение начатого действия, но этому продолжению действия, будь оно кратким или длительным, значения не придается...» [50–51]. Суффикс *-lo / -lu* «...также обозначает начало действия, но, в отличие от предыдущего, не ограничивается фиксацией момента начала действия, а имеет в виду обязательное более или менее длительное или многократное его продолжение» [52].

С.Н. Оненко называет суффикс *-lo / -lu* «начинательным видом» и дает в словарных статьях толкования типа ‘начать делать, за-делать’. Суффикс же *-psen / -psin* он называет «начинательно-продолженным видом» и постулирует для некоторых глаголов с этим суффиксом значение длительного действия, которое рассматривается либо как продолжение начатого события (*ome-psen-* пить-INCH2 ‘начав пить (курить), долго или часто пить (курить)’), либо как отдельное событие (*žare-psen-* петь-INCH2 ‘начать петь / запеть / петь долго’).

Уже по одним названиям, используемым В.А. Аврориным и С.Н. Оненко, видно, что их обобщения сильно различаются, если не противоречат друг другу. При этом различия, обнаруженные между соответствующими суффиксами, в обеих работах описываются не очень подробно и не всегда понятно.

Таким образом, возникают следующие вопросы. 1) В каких конкретно условиях может быть употреблен каждый из показателей начинательности, какими факторами обусловлен выбор того или иного показателя? 2) Отличаются ли современные данные от более ранних данных, собранных В.А. Аврориным и С.Н. Оненко (1940-е гг.)? 3) Существуют ли междиалектные различия в употреблении инхоативных показателей (и В.А. Аврорин, и С.Н. Оненко опираются на материал единственного говора)?

1.4. Материал исследования

Исследование было проведено в основном на материале полевых записей 2007 – 2012 гг.³ по найхинскому говору среднеамурского диалекта (села Найхин, Даерга, Джари) и по горинскому говору нижнеамурского диалекта (село Кондон). В ходе опроса носителей обоих говоров (6 носителей найхинского говора, 3 носителя горинского говора) была проверена сочетаемость инхоативных показателей с 50 глаголами с различной семантикой и акциональными характеристиками. Также были проанализированы примеры на употребление инхоативов из

³ Экспедиции 2007, 2009, 2011 и 2012 гг. (участники С.А. Оскольская, К.А. Шагал, Н.М. Стойнова). Экспедиция в Хабаровский край в 2012 г. поддержана НОЦ «Языковые ареалы России» и Фондом фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>).

собранных нами текстов 2007 – 2012 гг. В качестве дополнительного материала привлекались примеры из текстов В.А. Аврорина [2] и словаря С.Н. Оненко [5].

За рамками настоящего исследования остается а) взаимодействие инхоативных показателей с формами настоящего времени (рассматриваются только формы прошедшего времени), б) взаимодействие с другими глагольными деривационными показателями (показателями каузатива, рефактива и др.), в) детальная акциональная классификация непроизводных глаголов, которая была бы в дальнейшем полезна при более глубоком исследовании инхоативов на большей выборке глаголов. Почти не рассматриваются также аналитические конструкции со значением начала действия, конкурирующие в нанайском языке с инхоативными суффиксами.

2. Показатели начинательности в найхинском говоре среднеамурского диалекта

2.1. Суффикс *-lo / -lu*

Суффикс *-lo / -lu* в найхинском говоре очень продуктивен. В нашей выборке из 50 глаголов с этим суффиксом не сочетается всего один глагол *эни* ‘уходить’ – **эни-лу* ‘начать уходить’. И это единичное исключение легко объяснимо: в нанайском языке есть омонимичный глагол *энилу* со значением ‘заболеть’.

Почти все глаголы с суффиксом *-lo / -lu* (независимо от акциональной характеристики основы) допускают серийную интерпретацию – ‘начал делать регулярно’, для глаголов со значением деятельности также ‘научился делать’.

- (3) *эгə* *ži-ži-xə-ni* *и*
 старшая.сестра приходит-REP-PST-P.3SG *и*
žobo-lo-xa-ni *xaj-du kolxoza ščetovoda-ži*
 работать-INCH1-PST-P.3SG что-DAT колхоз счетовод-INS
 ‘Сестра приехала и стала работать где-то... в колхозе счетоводом’. (тексты 2007–2012, Найхин)

- (4) *arčokan* *ulpi-lu-xə-ni*
 девочка шить-INCH1-PST-P.3SG
 ‘Девочка научилась шить’.

допускают и интерпретацию начальной фазы единичной ситуации (11):

(10)	<i>təkə-xə-ni</i>
лопнуть-PST-P.3SG
'лопнул'	<i>təkə-lu-xə-č'i</i>
лопнуть- INCH1 -PST-P.3PL
'(шарики) стали лопаться'
(11)	<i>təkə-xə-ni</i>
лопнуть-PST-P.3SG
'лопнул'	<i>təkə-lu-xə-ni</i>
лопнуть- INCH1 -PST-P.3SG
'начал лопаться, сдуваться'

К более сложным случаям относятся следующие группы глаголов. Во-первых, в нанайском языке выделяется отчетливый класс глаголов с двумя интерпретациями – состояния и перехода в состояние (инхоатив). Такие глаголы при присоединении суффикса *-lo / -lu* ведут себя неоднородно. Некоторые дают также две интерпретации – инхоативную (производную от исходного значения состояния) и инцептивную (производную от исходного инхоативного значения):

(12)	<i>balban-ke-ni</i>
замерзать-PST-P.3SG
'замерз'
'мерз' | <i>balba-lo-xa-ni</i>
замерзать- INCH1 -PST-P.3SG
'начал замерзать'
'замерз' |
|------|--|--|

В эту группу входят глаголы, обозначающие состояния, переход к которым может осмысляться как градуальный, постепенный, неодномоментный – 'цвести', 'болеть', 'мерзнуть' (можно *постепенно зацветать, зацвести неполностью*).

Другие, наоборот, не дают ни одной (единственная возможная интерпретация – серийная):

(13)	<i>ičə-xə-ni</i>
видеть-PST-P.3SG
'видел' или 'увидел' | <i>ičə-lu-xə-ni</i>
видеть- INCH1 -PST-P.3SG
'стал видеть, прозрел', *'увидел' |
|------|--|---|

Это глаголы, обозначающие состояния, переход к которым является резким, одномоментным, – 'видеть', 'бояться' (невозможно *постепенно начинать видеть*, либо *видит*, либо *не видит*).

Третьи (в нашей выборке единственный глагол *sa-* 'знать, узнавать') дают единственную инцептивную интерпретацию:

- (14) *saa-xa-ni* *saa-lo-xa-ni*
 знать-PST-P.3SG знать-**INCH1**-PST-P.3SG
 ‘знал’ или ‘узнал’ ‘начал припоминать, но не до конца
 узнал’, *‘узнал’

Еще один проблемный класс представляют собой глаголы перехода в состояние, которые уже в исходной форме содержат семантику начальной фазы. С суффиксом *-lo / -lu* такие глаголы дают либо инцептивную интерпретацию (начало перехода в состояние), либо две интерпретации – первую – инцептивную, вторую – тождественную интерпретации исходного глагола (инхоативную), ср. примеры (15) и (16):

- (15) *oŋasa-xa-ni* *oŋasa-lo-xa-ni*
 заснуть-PST-P.3SG заснуть-**INCH1**-PST-P.3SG
 ‘заснул’ ‘начал засыпать’, но *‘заснул’
- (16) *gučkuli ose-xa-ni* *gučkuli ose-lo-xa-ni*
 красивый стать-PST-P.3SG красивый стать-**INCH1**-PST-P.3SG
 ‘стал красивым’ ‘стал красивым’ или ‘начал
 хорошеть’

2.2. Суффикс *-psen / -psin*

Суффикс *-psen / -psin* в найхинском говоре отличается от суффикса *-lo / -lu* прежде всего степенью продуктивности. В нашей выборке из 50 глаголов он не употребляется с 20-ю (‘смеяться’, ‘шить’, ‘садиться’, ‘пить’, ‘работать’, ‘таять’, ‘становиться’, ‘жить’, ‘ломаться’, ‘терять’, ‘болеть’, ‘любить’, ‘расти’, ‘рассказывать’, ‘звать’, ‘знать’, ‘ходить’, ‘скрипеть’, ‘засыпать’, ‘находить’). Ограничения кажутся скорее идиосинкратичными – по крайней мере, для приведенной выше группы глаголов достаточно сложно выявить какие бы то ни было общие семантические или аспектуальные черты, которые бы отчетливо противопоставляли их прочим 30 глаголам выборки.

Те глаголы, которые способны употребляться с суффиксом *-psen / -psin*, получают с ним более-менее те же интерпретации, что и с суффиксом *-lo / -lu*:

- (17) *naoŋzokan tutu-lu-xə-ni* / *tutu-psij-ki-ni*
 мальчик бежать-**INCH1**-PST-P.3SG бежать-**INCH2**-PST-P.3SG
 ‘Мальчик побежал’.

В частности, для *-psen / -psin*, как и для *-lo / -lu*, наряду с фазовой, возможна и серийная интерпретация (начало повторяющейся ситуации), ср. с данными по горинскому говору ниже.

(18) <i>niči-kən</i>	<i>pulsi-psij-ki-ni /</i>
маленький-DIM	ходить-INCH2-PST-P.3SG
<i>pulsi-lu-xə-ni</i>	
ходить-INCH1-PST-P.3SG	
‘Ребенок начал ходить’.	

Примечательное исключение составляет глагол *mora-* ‘кричать’. С суффиксом *-psen / -psin* он дает не ожидаемую ингрессивную интерпретацию ‘закричал’ (как с суффиксом *-lo / -lu*), а нетривиальную интерпретацию ‘крикнул’, ср.:

(19) <i>mora-xa-ni</i>	<i>mora-lo-xa-ni</i>
кричать-PST-P.3SG	кричать-INCH1-PST-P.3SG
‘кричал’	‘закричал’
(20) <i>mora-pseŋ-ke-ni</i>	
кричать-INCH2-PST-P.3SG	
‘крикнул’, *‘закричал’	

Схожие употребления для гораздо более широкого круга глаголов отмечаются в горинском говоре, см. п.3.2.

Таким образом, собранные нами современные данные по найхинскому говору не подтверждают ни наблюдений Оненко, ни наблюдений Аврорина относительно семантических различий между суффиксами *-lo / -lu* и *-psen / -psin*. На нашем материале естественнее всего, как кажется, говорить о практически полной синонимии между двумя этими показателями и видеть единственное различие между ними в степени продуктивности.

3. Показатели начинательности в горинском говоре нижеамурского диалекта

Собранные нами данные по значительно менее описанному горинскому говору (особенно для суффикса *-psen / -psin*) достаточно сильно расходятся с данными найхинского говора (см. п.2). При этом они, как выясняется, гораздо лучше, чем

найхинские данные, вписываются в картину, представленную в других тунгусо-маньчжурских языках (см. п.6).

3.1. Суффикс *-lo / -lu*

Как и в найхинском говоре, суффикс *-lo / -lu* очень продуктивен.

Почти все глаголы с этим суффиксом, как и в найхинском говоре, допускают серийную интерпретацию (либо ‘начал делать X регулярно’, либо ‘научился делать X’):

(21) *xalaŋe-lo-xa-ni*

ждать-**INCH1**-PST-P.3SG

‘стал ждать (например, каждый вечер)’

Ограничения на фазовую интерпретацию *-lo / -lu* и ее типы в горинском говоре в общих чертах схожи с теми, что описаны выше для найхинского говора (см. п.2.1). Ниже мы кратко охарактеризуем употребление *-lo / -lu* с разными типами основ в горинском говоре, подробнее останавливаясь на тех его особенностях, которые найхинскому говору не свойственны.

Суффикс *-lo / -lu*, как и в найхинском говоре, дает регулярную ингрессивную интерпретацию от глаголов со значением процесса (в т.ч. мультипликативного) и инхоативную от стативов. Здесь любопытно обнаруженное нами частное междиалектное различие в поведении стативного глагола *ao-* ‘спать’. В горинском говоре он, как и другие глаголы состояния, присоединяя суффикс *-lo / -lu*, получает инхоативную интерпретацию ‘заснул’, в найхинском же для него возможна только серийная интерпретация:

(22) *ao-xa-ni*

спать-PST-P.3SG

‘спал’

ao-lo-xa-ni

спать-**INCH1**-PST-P.3SG

‘заснул’ (горинский говор)

(23) *ao-xa-ni*

спать-PST-P.3SG

‘спал’

ao-lo-xa-ni

спать-**INCH1**-PST-P.3SG

‘стал много спать’;

*‘заснул’ (найхинский говор)

Не совсем так, как в найхинском говоре (см. п. 2.1), ведет себя класс глаголов с двумя интерпретациями – 1) состояние, 2) переход в состояние. Те же глаголы, что и в найхинском (состояния с моментальным переходом), так же, как и там, получают с *-lo / -lu* только серийную интерпретацию:

(24)	<i>ičə-xə-ni</i>	<i>ičə-lu-xə-ni</i>
	видеть-PST-P.3SG	видеть- INCH1 -PST-P.3SG
	‘видел’ или ‘увидел’	‘стал видеть, прозрел’, * ‘увидел’

А та группа глаголов, которая в найхинском говоре дает с *-lo / -lu* две интерпретации – инхоативную (от исходного значения состояния) и инцептивную (от значения перехода в состояние), – в горинском дает только инхоативную интерпретацию:

(25)	<i>gəkči-xə-ni</i>	<i>gəkči-lu-xə-ni</i>
	замерзать-PST-P.3SG	замерзать- INCH1 -PST-P.3SG
	‘замерз’	‘замерз’, * ‘начал замерзать’
	‘мерз’	‘замерз’

Для моментальных глаголов, которые в найхинском говоре при присоединении *-lo / -lu* могут получать только серийную интерпретацию, в горинском в некоторых случаях, наряду с ней, доступно также значение подготовительной фазы:

(26)	<i>but-ki-ni</i>	<i>bu-lu-xə-ni</i>
	умереть-PST-P.3SG	умереть- INCH1 -PST-P.3PL
	‘умер’	‘начал умирать (плохо себя чувствует)’
(27)	<i>boja-xa-ni</i>	<i>boja-lo-xa-ni</i>
	ломаться-PST-P.3SG	ломаться- INCH1 -PST-P.3SG
	‘сломался’	‘начал ломаться (например, стул шатается)’

3.2. Суффикс *-psen / -psin*

Продуктивность суффикса *-psen / -psin* в горинском говоре, как и в найхинском, весьма ограничена. В нашей выборке деривата на *-psen / -psin* не образуют 15 из 50 глаголов. В частности, это глаголы с моментальной интерпретацией (*терять, находить, умирать*).

(28)	<i>*xuədə-psin-ki-ni</i>
	терять- INCH2 -PST-P.3SG

Для очень небольшого числа глаголов *-psen / -psin* выступает, как и в найхинском говоре (см. п.2.2), как показатель начинательности. В частности это компактная группа глаголов движения, от которой с помощью суффикса *-psen / -psin* регулярно образуются дериваты с ингрессивным значением:

- (29) *tutu-psij-ki-ni*
бежать-**INCH2**-PST-P.3SG
'побежал'

Менее регулярно разные типы начинательного значения отмечаются у дериватов на *-psen / -psin* от некоторых других глаголов (здесь также наблюдается значительное индивидуальное варьирование: разные информанты признают начинательную интерпретацию для разного – большего или меньшего – числа глаголов):

- (30) *ʔanulu-psij-ki-ni*
заболеть-**INCH2**-PST-P.3SG
'начал заболеть'

При этом у суффикса *-psen / -psin* в горинском говоре, в отличие от его аналога в найхинском, наблюдается целый ряд значений, выходящих за пределы фазовой зоны.

Так, при мультипликативных глаголах форма на *-psen / -psin* получает семельфактивную интерпретацию ('квант мультипликативного процесса'):

- (31) *ŋoaʃe-psej-ke-ni*
лять-**INCH2**-PST-P.3SG
'гавкнул'

С неопределёнными процессами суффикс *-psen / -psin* может давать значение делимитатива с дополнительным оттенком чрезмерной краткости ('поделать чуть-чуть'):

- (32) *ao-psej-ke-ni*
спать-**INCH2**-PST-P.3SG
'чуть-чуть поспал'

С некоторыми предельными процессами – значение инкомплетива ('начать, но не доделать до конца'):

- (33) *ʒare-psej-ke-ni*
петь-**INCH2**-PST-P.3SG
'спела часть песни'

С некоторыми процессами и состояниями – аттенуативное значение ('действие с пониженной интенсивностью'):

- (34) *ičə-psij-ki-ni*
 видеть-INCH2-PST-P.3SG
 ‘взглянул’ / ‘подсмотрел’

Таким образом, суффиксы *-lo / -lu* и *-psen / -psin* в горинском говоре различаются не только степенью продуктивности, как в найхинском (см. п.2), но и достаточно сильно расходятся по значению. Если *-lo / -lu* можно считать собственно инхоативным показателем, то для *-psen / -psin* значение начинательности оказывается достаточно периферийным, ядро же его употреблений скорее составляют значения, связанные с пониженной длительностью и / или интенсивностью ситуации.

4. Комбинации инхоативных показателей

Одним из интересных различий между найхинским говором и горинским оказывается также различие в комбинаторных возможностях инхоативных суффиксов.

В найхинском говоре возможно сочетание суффиксов *-lo / -lu* и *-psen / -psin* в одной словоформе⁴:

- (35) *Naonžokan mora-lo-psej-ke-ni.*
 мальчик кричать-INCH1-INCH2-PST-P.3SG
 ‘Мальчик закричал’.

Чаще всего подобные формы имеют начинательное значение, не отличающееся от значения соответствующих форм с единственным инхоативным суффиксом *-lo / -lu*.

Встречается также «избыточное» употребление суффикса *-lo / -lu* (но не *-psen / -psin*) в аналитической конструкции с глаголом ‘начинать’:

- (36) *Naonžokan tutu-(lu)-mi*
 мальчик бегать-(INCH1)-CVB.SIM.SG
*dəruu-xə-ni / *tutu-psi-mi*
 начинать-PST-P.3SG бегать-INCH2-CVB.SIM.SG
dəruu-xə-ni.
 начинать-PST-P.3SG
 ‘Мальчик стал бегать’.

⁴ Стандартный порядок суффиксов при этом *lo+psen*. Порядок *psen+lo* неоднозначно оценивается разными информантами. В текстах нам встретилось 1 употребление с таким порядком.

В горинском говоре сочетание двух инхоативных показателей (как двух суффиксов, так и в аналитической конструкции) невозможно (не встречается в текстах и запрещается большинством информантов).

Эту асимметрию, вероятнее всего, можно отчасти объяснить функциональным единством инхоативных показателей в найхинском говоре vs. существенной семантической разницей между ними в горинском⁵.

5. Нанайские инхоативные суффиксы в типологической перспективе

Поскольку область глагольной деривации вообще и фазовых показателей в частности остается для типологии достаточно мало исследованной, в заключение кажется важным хотя бы в самых грубых чертах встроить наши описательные данные по нанайским инхоативам в более общую типологическую картину.

Интересными с точки зрения возможных параметров типологического варьирования нам представляются следующие черты нанайских инхоативных аффиксов.

В нанайском языке мы сталкиваемся с морфологическим показателем инхоатива (*-lo /-lu*) с очень высокой (практически неограниченной?) степенью продуктивности. Это, как кажется, один из тех переходных случаев, когда не очень понятно, имеем ли мы дело с деривацией или словоизменением. Такой морфологический статус хорошо отражает пограничное положение инхоативного значения в универсальном грамматическом наборе – на периферии, между прототипическими грамматическими и прототипическими лексическими (словообразовательными) значениями.

Будучи очень продуктивным, нанайский инхоатив демонстрирует минимум типологически ожидаемых ограничений (см. [4]), в том числе:

⁵ Что касается аналитической конструкции, то, по нашим немногочисленным данным, в найхинском диалекте используется один глагол с общим значением 'начинать' и конструкция с ним практически всегда полностью синонимична аффиксальным формам, в горинском же используется несколько глаголов с более узким значением и существенными ограничениями на употребление.

- на серийную интерпретацию (см. выше),
 - на интерпретацию с адвербиалами в сфере действия инхоативного оператора,
- (37) *Gəkə boaca-sal-du balʒe-lo-xa-n'ì*
 совсем остров-PL-DAT жить-**INCH2**-PST-P.3SG
 ‘Поселитесь на этих островах’. (тексты 2007–2012, Найхин) – в сфере действия инхоатива [*жить на островах*]

- на контролируемость (ср., например, с русским за-: ^{OK}*компьютер заработал*, но ^{???}*заработал младшим научным сотрудником*): см. предыдущий пример с контролируемой ситуацией и агентивным участником.

Нанайские суффиксы (особенно *-psen / -psin* в горинском говоре) дают интересный материал для типологического исследования моделей полисемии инхоатива: они обнаруживают такие дополнительные значения на периферии инхоативной зоны и за ее пределами, как

- подготовительная фаза,
- значение ‘научиться делать’,
- квант мультипликативного процесса (семельфактив),
- краткая и / или незавершенная ситуация (инкомплетив),
- действие с пониженной интенсивностью (аттенуатив).

6. Данные горинского говора и инхоативы в родственных тунгусо-маньчжурских языках

Как мы показали выше, употребление инхоативных показателей в горинском говоре довольно сильно отличается от их употребления в найхинском говоре (литературном нанайском) – как от описанного нами, так и от описанного в работах [1], [5] для более ранней стадии.

При этом если сравнивать полученные данные с данными других тунгусо-маньчжурских языков, то оказывается, что как раз для горинского говора находятся параллели в других языках (причем за пределами южной группы тунгусо-маньчжурских), тогда как ситуация, представленная в найхинском говоре, гораздо хуже вписывается в общую картину.

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков есть показатель с начинательным значением, родственный нанайскому *-lo / -lu*.

Для суффикса *-psen / -psin* картина оказывается более сложной. Среди южных тунгусо-маньчжурских языков соответствующий показатель представлен только в рассмотренных нами диалектах нанайского. В других языках / диалектах (удэгейский [3, 92], [11], кур-урмийский диалект нанайского языка [7], бикинский диалект нанайского языка [6]) он отсутствует.

Зато показатель, родственный нанайскому *-psen / -psin*, обнаруживается в северных тунгусо-маньчжурских языках. Так, в негидальском есть суффикс *-sin*, описываемый в [8, 23] как “исходный и быстроты действия”. В эвенском есть показатель *-san / -sen ~ -sn ~ -s*, называемый в [10, 15] формой моментатива. Он обозначает ограниченную длительность действия (‘походить некоторое время’), а также может иметь начинательное значение с глаголами движения и состояния (‘пойти спать’). В эвенкийском [9, 31–32] есть «инцептив» *-sin* со значениями а) начала действия (‘стала лаять’), в т.ч. часто с глаголами движения (‘отправиться’); б) кванта мультипликативного процесса (‘крикнул’); в) неполноты действия (‘немного подкоптить шкуру’).

Как видно из приведенных примеров, круг значений, наблюдаемый у этих показателей, выходит за пределы фазовой семантической зоны и очень схож с тем кругом значений, который мы наблюдали для *-psen / -psin* в горинском (но не в найхинском!) говоре. Это не кажется странным, учитывая, что горинский говор, географически примыкая к языкам северной группы, на самых разных уровнях обнаруживает большую близость к ним, чем другие разновидности нанайского языка: так, например, литературной форме аблатива *-žiaži* в горинском соответствует форма *-doki*, аналогичная форме аблатива в эвенкийском.

Данные северных тунгусо-маньчжурских языков говорят о том, что нетривиальный набор значений, наблюдаемый у суффикса *-psen / -psin* в горинском говоре, не случаен и достаточно стабилен. В свете этих данных очень интересным кажется вопрос о том, каким именно образом происходило изменение значения показателя и как его синхронные – достаточно многочисленные и разнородные – значения семантически связаны друг с другом и со значением инхоатива.

Второй вопрос кажется более легким. Значения краткости (‘поделать чуть-чуть’) и незавершенности (‘не доделать’) практически эквивалентны с поправкой на акциональный класс

основы (непредельный / предельный процесс). Оба они очень близки к значению пониженной интенсивности, регулярно совмещаются (ср. хотя бы русское *под-* в *подустать* ‘слегка’ и *подлечить* ‘слегка, недолго’) и все вместе могут быть отнесены к общей аттенуативной семантической зоне. Не кажется неожиданным и совмещение с подобными значениями значения семельфактива, также указывающего на «сверхкраткость» (ср., например, схожую комбинацию у русского *-ну*: *кашлянуть*, *махнуть* ‘квант’, *пискнуть* ‘краткое действие / квант’, *гульнуть*, *кутнуть*, *спекульнуть* ‘краткость, пониженная интенсивность’).

Более интересна возможность совмещения всех этих «околоаттенуативных» значений с фазовой зоной: тождественная концептуализация выделенного фрагмента (начала) ситуации и «неполноценной», сверхкраткой целой ситуации не кажется антиинтуитивной, однако как именно на более детальном уровне устроена такая связь, какие из «околоаттенуативных» значений более тесно связаны с инхоативной зоной – а priori не очевидно.

Здесь очень полезны были бы конкретные факты о соответствующих диахронических сдвигах в тунгусо-маньчжурских языках, и их отчасти можно реконструировать по сопоставительным синхронным данным. Например, в найхинском говоре мы видим комбинацию начинательного значения с рудиментами семельфактива (‘крикнуть’), но не с аттенуативным и инкомплетивным значением, из чего можно было бы сделать вывод о том, что именно семельфактивное значение является промежуточным между аттенуативной зоной и инхоативной. Однако не вполне понятно, как правильно интерпретировать такого рода частные наблюдения с точки зрения направления семантических сдвигов. Является ли картина, наблюдаемая в найхинском, первым этапом развития полисемии (от инхоатива к аттенуативной зоне) или, наоборот, поздней стадией утраты аттенуативных показателей? Можно ли считать развитую полисемию, наблюдаемую в горинском, диахронически последовательной или она является результатом контактного влияния? Подобные вопросы требуют значительно более детального исследования и, прежде всего, сбора более полной информации по инхоативным суффиксам в северных тунгусо-маньчжурских языках и в не рассмотренных нами нанайских говорах.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; CVB.NSIM – деепричастие одновременности; CVB.SIM – деепричастие одновременности; DAT – датив; DIM – диминутив; INCH1 – инхоатив *-lo / -lu*; INCH2 – инхоатив *-psin / -psen*; INS – инструменталис. IPFV – имперфектив; OBL – косвенный падеж; P – притяжательность; PL – множественное число; PST – прошедшее время; REFL – возвратность; REP – рефактив; SG – единственное число.

Литература

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. В 2 т. М., Л., 1959, 1961.
2. Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л., 1986.
3. Кормушин И.В. Удыхейский язык. М., 1998.
4. Недялков В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов. В кн.: А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987, 180–195.
5. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
6. Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976.
7. Суник О.П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.
8. Цинциус В.И. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л., 1982.
9. Bualtova N., Grenoble L. Evenki. (Languages of the World / Materials, Vol. 141). München, 1999.
10. Malchukov A.L. Even. (Languages of the World / Materials, Vol. 12). München, 1995.
11. Nikolaeva I., Tolskaya M. A Grammar of Udihe. Berlin, 2001.
12. Vendler Z. Verbs and Times. The Philosophical Review. 1957, №66, 143–160.

И.Е. Пинхасик
БГУ, Минск

Глагольные альтернации и семантические классы в болгарском языке

В статье делается попытка проверить релевантность семантической глагольной классификации Б. Левин, созданной на материале английского языка, для болгарского глагола путем изучения реакции представителей вербальных семантических групп на отдельные альтернации. Исследуется наличие и особенности проявления в болгарской глагольной системе трех альтернаций аргументной структуры — медиальной, конативной и локативной, а также сравниваются полученные данные с теми, что представлены Б. Левин для английского языка.

Ключевые слова: *глагольная альтернация, семантический класс, аргументная структура, медиальная альтернация, конативная альтернация, локативная альтернация*

The paper makes an attempt at verifying the relevance of B. Levin's English-based semantic verb classification for the Bulgarian verb by means of the study of the semantic verb groups' reaction to separate alternations of a diathesis. The existence and the peculiarities of occurrence of three argument structure alternations (middle, conative and locative) in the Bulgarian verb system are investigated. The data obtained are then compared to those in B. Levin's monograph.

Keywords: *verb alternation, semantic class, argument structure, middle alternation, conative alternation, locative alternation*

Термин "альтернация", часто используемый в семантико-синтаксических исследованиях в духе рассматриваемой нами в данной статье Б. Левин, обычно определяется как последовательные изменения или чередования в аргументной структуре глагола, который имеет более чем одну валентность. Теория Б. Левин исходит из двух положений [5]:

- 1) лексическое значение глагола предопределяется некоторой лексической константой и детерминирует набор альтернаций, в которых потенциально способна участвовать данная лексема;
- 2) на основании подверженности тем или иным альтернациям весь фонд глагольной лексики некоторого языка

возможно разделить на семантические классы, представители которых сходным образом реагируют на одни и те же изменения в аргументной структуре и имеют одну и ту же событийную структуру.

Одним из главных условий вступления глагола в альтернацию является наличие у лексемы простого предикатного шаблона, возможность вступать в альтернацию рассматривается как свидетельство того, что лексическая информация о глаголе содержит некоторый компонент, варьирование которого влечет за собой определенные семантические и прагматические следствия, наблюдаемые в конкретных клаузах. Семантический класс глагола — одно из центральных понятий в типологии Б. Левин [1]: за реализацию аргументов лексем каждого такого класса ответственны некоторые компоненты лексического значения, общие для представителей данного класса, что и является основанием для типологической классификации. Подход Б. Левин к исследованию отношений между предикатом и аргументами базируется на представлении типовых событийных структур, характеризующих ситуации окружающей действительности, а семантическое содержание ролей определяется посредством метода лексической декомпозиции. При этом не отрицается важность видового компонента в представлении лексического значения глагола и аргументном выражении его актантов и его влияние на лексическую репрезентацию семантики глагола [2], однако он не считается определяющим.

Репрезентация лексического значения глагола в теории Б. Левин происходит с помощью элементарных событийных структур, предполагающих раздельное представление лексической и энциклопедической информации [3]: первая задается элементами фиксированного набора событийных структур, содержащих информацию о количестве и свойствах глагольных аргументов, дает структурную информацию о семантическом классе, к которому относится глагол, а также о взаимосвязи его аргументов и лексических констант; вторая заключена в лексической константе, являющейся по сути семантической переменной, число которых теоретически неограниченно, задает информацию о конкретном семантическом наполнении глагола, в результате чего позволяет отличить одну глагольную лексему от другой. Так, лексическая и энциклопедическая информация о глаголе *break*

'ломать' выглядит следующим образом [4]: [[x АСТ] CAUSE [BECOME [y <BROKEN>]]] — содержащиеся в шаблоне аргументные переменные x и y принимают конкретные значения уже в синтаксисе, когда появляются соответствующие им аргументы. Попытаемся описать особенности реализации на болгарском материале трех произвольного выбранных альтернатив аргументной структуры, выявленных Б. Левин для английского, чтобы подтвердить универсальный характер представленной теории.

Медиальная альтернатива [1, 25-27] в английском языке характеризуется тем, что при ее осуществлении в языковой конструкции трансформации в аргументной структуре влекут за собой изменения в описании глагола касательно свойства транзитивности: при данной альтернативе объект в предложении с переходным глаголом становится субъектом в предложении с непереходным глаголом, причем в таком качестве выступает одна и та же глагольная лексема. Медиальная альтернатива не детерминирует реализации идеи каузации действия и обычно представляет скорее некоторое качество или состояние субъекта, чем определенное действие, но в любом случае предполагает наличие указания на реального и выраженного лексически либо на подразумеваемого и не выраженного лексически агенса, а также отсутствие конкретной временной отнесенности, часто наблюдается употребление какого-либо адвербиального или модального элемента. Точные условия реализации медиальной альтернативы на сегодняшний день остаются до конца не определенными, однако при более детальном анализе языковых конструкций становится очевидным, что медиальная альтернатива возможна исключительно у тех глагольных лексем, которые, по классификации З. Вендлера [6], относятся к группам глаголов свершения и глаголов действия, к тому же зависимый объект при таких глаголах должен некоторым образом мотивировать деятельность агенса или побуждать его к выполнению определенного действия:

(1) *He acquires experience* → **Experience acquires easily*
(достижение)

'Он приобретает опыт' → 'Опыт легко приобретается'

(2) *She owns a house* → **A house owns easily* (состояние)

'Она владеет домом' → '*Дом легко владеется'

- (3) *Jack drives a car* → *The car drives easily* (деятельность)
'Джек водит машину' → 'Машина легко водится'
- (4) *Florence reads a book* → *This book reads easily* (свершение)
'Флоренс читает книгу' → 'Эта книга легко читается'

В болгарском языке склонность к медиальной альтернации проявляют многие глаголы с одной обязательной прямообъектной валентностью вне зависимости от количества и качества прочих возможных актантов, сама же альтернация будет осуществляться путем изменения в предложении активного залога на пассивный при трансформации аргументной структуры. Таким образом, сразу же определяются два синтаксических условия реализации данной альтернации: глагол должен допускать наличие зависимого прямого неодушевленного объекта и пассивную трансформацию одновременно:

- (5) *Селяните берат плодове* → *Плодовете се берат от градината*
'Крестьяне собирают фрукты' → 'Фрукты собираются в саду'
- (6) *Той получава заплата* → *Заплатата се получава всеки месец*
'Он получает зарплату' → 'Зарплата получается каждый месяц'
- (7) *Иван търси работа* → *Търси се добре платена работа*
'Иван ищет работу' → 'Ищется хорошо оплачиваемая работа'
- (8) *Работниците строиха къща* → *Къщата се строеше няколко години*
'Рабочие строили дом' → 'Дом строился несколько лет'

Сравнение семантических особенностей глаголов английского и болгарского языка, способных к альтернированию актантов, показывает, что если в английском к осуществлению медиальной альтернации склонны лишь глаголы вращения, сгибания, разрушения, изменения состояния, соединения, разделения, каузации движения, смешивания и некоторые представители прочих групп по классификации Б. Левин, которые принадлежат при этом к группам глаголам деятельности или свершения в понимании З. Вендлера [5], то в болгарском количество подобных семантических классов намного больше: помимо перечисленных, к

ним относятся, например, такие группы глаголов, как обширные классы глаголов помещения, движения, созидательной, интеллектуальной, социальной, физической и речевой деятельности, социальных и межличностных отношений, физического воздействия, владения и физиологических действий и другие, которые в английском языке ни в коем случае не позволяют медиальную альтернацию. Так, если в английском языке представители глагольных классов состояния и достижения не склонны к реализации медиальной альтернации, то в болгарском подобное условие не является ограничивающим для осуществления рассматриваемой трансформации. Как кажется, не в последнюю очередь это обстоятельство обусловлено широкими возможностями видовой системы болгарского языка и наличием различных вариантов активно функционирующей пассивной трансформации.

Таким образом, можно сделать вывод, что возможности осуществления медиальной альтернации в болгарском языке значительно шире, нежели обнаруженные Б. Левин в исследуемом ею английском. Если в английском можно с большей или меньшей степенью четкости обозначить семантические условия альтернирования, то в болгарском осуществимо лишь выделение определенных синтаксических ограничений на реализацию анализируемой альтернации, поскольку количество глагольных классов, соответствующих необходимым требованиям, довольно велико, а потому вероятно говорить об отдельных исключениях вроде глаголов *имам* 'иметь' или *нямам* 'не иметь', которые, являясь переходными, не склонны к образованию пассивной трансформации при сохранении личного характера предложения.

Конативная альтернация [1, 41-43] в английском языке характеризуется тем, что некоторый глагол при одном и том же объекте может выступать как в транзитивном варианте, так и в интранзитивном, причем включение в языковую конструкцию предлога не обязательно влечет за собой изменения в ее семантике. Впрочем, такие изменения могут иметь место: в этом случае альтернативный вариант не столько обозначает действие, сколько указывает на попытку его реализации без уточнения факта совершения данного действия. Обычно осуществление этой трансформации предполагает появление предлога *at* в конструкции с глаголом, имеющим значение осуществления движения или

контакта. Осуществление конативной альтернации в английском языке позволяют некоторые группы глаголов физиологического действия (глаголы поглощения пищи, насыщения, переработки пищи), физического воздействия (глаголы механического разделения, нанесения удара, прикосновения, давления), физической деятельности (глаголы покрытия, перемещения, движения). Следует также отметить, что, исходя из положений теории Б. Левин, отдельные глаголы движения и контакта данной альтернации не подвергаются:

(9) *Paula hit the fence* → *Paula hit at the fence*

'Паула ударила изгородь' → 'Паула ударила об изгородь'

(10) *Margaret cut the bread* → *Margaret cut at the bread*

'Маргарет режет хлеб' → 'Маргарет режет по хлебу'

(11) *Faustina sprayed the lillies* → *Faustina sprayed at the lillies*

'Фаустина опрыскивала цветы' → 'Фаустина прыскала на цветы'

(12) *Terry touched the cat* → **Terry touched at the cat*

'Терри тронул кота' → *'Терри дотронулся об кота'

В болгарском языке склонность к конативной альтернации проявляют глаголы с прямо- и косвеннообъектной несовместимыми валентностями и с прямообъектной и обстоятельственной несовместимыми валентностями при наличии либо отсутствии несовместимого с соответствующими двумя актантами фразового детерминанта (в этом случае общее значение трансформируемой конструкции не претерпевает изменений), а также некоторые глаголы с одной обязательной прямообъектной валентностью (при обозначении партитивности). Следствием реализации конативной альтернации является появление в языковой конструкции предлога, но, в отличие от английского языка, болгарский допускает употребление различных предлогов в зависимости от семантических особенностей глаголов:

(13) *Вчера изядох черешите* → *Вчера изядох от черешите*

'Вчера я съел черешню' → 'Вчера я съел черешни'

(14) *Получиха няколко книги* → *Получиха по няколко книги*

'Они получили несколько книг' → 'Они получили по несколько книг'

(15) *Днес плащам вечерята* → *Днес плащам за вечерята*

'Сегодня я оплачиваю ужин' → 'Сегодня я плачу за ужин'

(16) *Крадецът минава границата* → *Крадецът минава през границата*

'Вор переходит границу' → 'Вор переходит через границу'

Что касается семантических ограничений, накладываемых на реализацию конативной альтернации, то можно заключить, что в болгарском языке ей подвергаются аргументы глаголов интеллектуальной деятельности (глаголы восприятия, понимания, мышления, познания), физического воздействия (глаголы нанесения удара, прикосновения, давления), физиологического действия (глаголы поглощения пищи), владения (приобретения, передачи, утраты объекта), физической деятельности (глаголы движения, перемещения, завершения действия), речевой деятельности. Очевидно, что множества глаголов английского и болгарского языка, склонных к осуществлению рассматриваемой альтернации, частично пересекаются. Необходимо отметить и такое наблюдение: количество семантических классов глаголов в болгарском языке, для которых конативная альтернация актуальна, несколько превышает их количество в английском.

Локативная альтернация [1, 49-55] в английском языке характеризуется тем, что аргументы, обозначающие объект воздействия и средство действия, меняют занимаемые синтаксические позиции, причем данный процесс может сопровождаться незначительными изменениями в общей семантике языковой конструкции, связанными с приобретением ею значения партитивности действия или же распространения действия на ограниченную часть объекта, в результате чего у отдельных глаголов появляются некоторые ограничения на осуществление локативной альтернации с определенными предложениями. Типичные образцы реализации данной альтернации иллюстрируют следующие примеры:

(17) *Jack sprayed paint on the wall* → *Jack sprayed the wall with paint*

'Джек побрызгал краской на стену' → 'Джек побрызгал стену краской'

(18) *Tamara poured water into the bowl* → **Tamara poured the bowl with water*

'Тамара налила воды в миску' → *'Тамара налила миску водой'

(19) *Henry cleared dishes from the table* → *Henry cleared the table of dishes*

'Генри убрал посуду со стола' → *'Генри убрал стол от посуды'

(20) *The farmer loaded apples in the cart* → *The farmer loaded the cart with apples*

'Фермер загрузил яблоки в тележку' → 'Фермер загрузил тележку яблоками'

Общее значение глаголов, которые допускают осуществление подобной трансформации в актантной рамке, может быть охарактеризовано как помещение объекта в любого рода емкость или другой объект либо извлечение их оттуда, очищение объекта и удаление некоторой материи с его поверхности либо покрытие поверхности объекта некоторой материей. Лексическое выражение локативной альтернатики состоит в том, что аргумент, подвергающийся альтернированию, приобретает либо утрачивает предлог, посредством которого он связывается с глаголом, синтаксическое следствие локативной альтернатики заключается в изменении занимаемой аргументом синтаксической позиции и выполнении иной семантической роли. Глаголы, в аргументной структуре которых возможны описанные изменения, образуют несколько достаточно больших семантических классов: так, локативную альтернатику позволяют осуществить глаголы помещения, покрытия, распространения материи, испускания света, очищения или удаления объекта, речевой деятельности, звучания, интеллектуальной деятельности, беспорядочного или разнонаправленного движения объекта, некоторые глаголы существования.

В болгарском языке склонность к локативной альтернатики проявляют некоторые глаголы с прямо- и косвеннообъектной совместимыми валентностями вне зависимости от общего количества и качества прочих глагольных актантов. При реализации данной альтернатики происходят лексические, семантические и синтаксические изменения в аргументной структуре, аналогичные тем, что наблюдаются в английских конструкциях. Актуальным остается и обязательное семантическое условие возможности осуществления такого рода трансформации в актантной рамке: необходимой характеристикой прямого и косвенного объекта является свойство быть материей, иначе

говоря, выполнять семантическую роль средства, при этом объекты должны быть способны занимать синтаксические позиции дополнения и обстоятельства места:

(21) *Намазвам филия хляб с масло* → *Намазвам масло върху филия хляб*

'Я намазываю кусок хлеба маслом' → 'Я намазываю масло на кусок хлеба'

(22) *Йордан залива вода в шише* → *Йордан залива шише с вода*

'Йордан заливает воду в бутылку' → 'Йордан заливает бутылку водой'

(23) *Ива попръскаше тъкан с боя* → *Ива попръскаше боя върху тъкан*

'Ива побрызгала ткань краской' → 'Ива побрызгала краской на ткань'

(24) *Натовариха кораб със стоките* → *Натовариха стоките на кораб*

'Они загрузили корабль товарами' → 'Они загрузили товары на корабль'

Как видно, значение реализации действия на всей площади поверхности или полном объеме некоторого объекта в болгарском языке выражается довольно явно: в одном из примеров каждой пары действие полностью охватывает объект, в другом оно осуществляется лишь на некой неопределенной части объекта. Примечательно, что в случае такой альтернативы в болгарском языке возможности варьирования предлогов у глаголов оказываются значительно скромнее, нежели в английском, что обусловлено особенностями семантики переводных эквивалентов в каждом из упомянутых языков. Склонность к локативной альтернативы аргументов в болгарском языке проявляют лишь те глаголы, в семантике которых заложен компонент значения, предусматривающий, что некоторое действие полностью либо частично охватывает напрямую зависимый от него объект посредством другого объекта и вызывает некоторое его изменение, иными словами, глагол должен одновременно сочетаться с актантом, обладающим семантикой изменения положения, и актантом, обладающим семантикой изменения состояния. Данное ограничение выполняется на небольшом количестве глаголов помещения, покрытия, распространения материи.

Подводя итоги проведенного исследования, стоит отметить, что семантико-синтаксические классификации в духе Б. Левин, построенные на базе лексического фонда отдельных языков, вполне могут быть применимы к иным языкам и дают при этом интересные результаты. Так, было выяснено, что представленные в настоящей работе альтернации релевантны как для английского, так и для болгарского языка, однако особенности их реализации и семантические группы глаголов, которые их позволяют, несколько различаются: медиальная альтернация в болгарском языке гораздо более активна, чем в английском, локативная, напротив, намного продуктивнее в английском по сравнению с болгарским, что же касается конативной, то количество и качество классов глагольных лексем, склонных к ней, в обоих языках сходно. Учитывая, что рассматриваемые языки относятся к разным группам одной языковой семьи, можно сделать вывод, что степень различия в реализации тех или иных альтернаций детерминирована степенью межъязыковых различий.

Литература

1. Levin, B. *English Verb Classes and Alternations*. Chicago, 1993.
2. Levin, B. Aspect, Lexical Semantic Representation, and Argument Expression // *Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 2010.
3. Levin, B. & Rappaport Hovav, M. *Building Verb Meanings // The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford, 1998.
4. Levin, B. & Rappaport Hovav, M. *Lexical Representation // Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure*. Oxford, 2010.
5. Riemer, N. *Introducing Semantics*. Cambridge, 2010.
6. Vendler, Z. *Verbs and Times // The Language of Time*. Cambridge, 2005.

О.В. Раева
СПбГУ, Санкт-Петербург

Стратегия распознавания редуцированных вариантов высокочастотных единиц

В статье представлено исследование, посвященное восприятию редуцированных вариантов высокочастотных единиц русского языка. Подробно описан системный отбор часто встречающихся словоформ, анализ их фонетического облика, а также подготовка стимулов для эксперимента по восприятию слов на слух. Полученные результаты не подтвердили предположения о том, что все типичные редуцированные реализации хранятся в ментальном лексиконе наряду с полными.

Ключевые слова: *восприятие речи, спонтанная речь, ментальный лексикон, редуция, высокочастотные словоформы*

The article deals with the problem of how reduced variants of high-frequency forms are perceived by Russian speakers. The system selection of frequent forms, the analysis of their phonetic shape as well as the preparation of stimuli for the experiment (dictation task) are described in detail. The results do not confirm the hypothesis that all typical reduced realizations are stored in the mental lexicon along with canonical ones.

Keywords: *spoken word recognition, spontaneous speech, mental lexicon, reduction, high-frequency word forms*

В исследовании, проведенном на материале русского языка, рассмотрены особенности одного из аспектов восприятия звучащей речи, в процессе которого могут быть задействованы различные стратегии обработки акустического сигнала.

О том, что для неподготовленной речи, как правило, характерно неполное или отличное от канонического произнесение некоторых единиц неоднократно говорилось в [3; 6 и др.]. В фонетическом облике словоформ наблюдается выпадение или качественное изменение согласных и гласных, что приводит порой к невозможности распознать акустический сигнал, опираясь только на содержащуюся в нем информацию (например, [to+ka] для словоформы *только*). В таких случаях необходимо привлечение дополнительных средств для успешного

распознавания видоизмененных единиц (например, информации, содержащейся в контексте).

Однако в работе [1] говорится о том, что некоторые реализации, для которых характерно выпадение или качественное изменение элементов (например, [глазь]¹ от *главное*, [гър'ил] от *говорил* и т.д.), все же хорошо распознаются и вне контекста.

Появление различных реализаций (т.е. вариантов произнесения) словоформы — это в большинстве случаев результат редукции ее элементов. Под редуцированной словоформой, вслед за [9, 80], будут пониматься формы слов, «представленные на сегментном уровне меньшим количеством элементов, чем в полном варианте, предусматриваемом нормами кодифицированного литературного языка».

Существование различных взглядов на проблему распознавания редуцированных единиц в процессе восприятия спонтанной речи объясняет необходимость более детального исследования данного явления.

Один из основных подходов к описанию восприятия редуцированных реализаций допускает факт хранения в ментальном лексиконе² всех вариантов произнесения [12; 14 и др.].

Оппозиционная точка зрения на процесс восприятия редуцированных словоформ опирается на предположение о восстановлении редуцированного варианта до полного, который, в свою очередь, активизирует репрезентацию конкретного слова в ментальном лексиконе [11; 13 и др.].

Эта точка зрения подтверждается результатами исследования, представленного в работе [9], в которой говорится о том, что при восприятии редуцированных единиц в русской спонтанной речи слушающий восстанавливает их до соответствующих полных реализаций, опираясь прежде всего на ряд перцептивно значимых признаков, сохранившихся в акустическом сигнале (на элементы консонантного «скелета»: порядок следования согласных,

¹ Примеры, представленные в данном абзаце, приводятся в той же транскрипции, что и в источнике, по которому они цитируются.

² Ментальный лексикон человека — «лексический компонент речевой организации последнего, формирующийся в результате переработки многогранного, в том числе речевого, опыта и предназначенный для использования в речемыслительной деятельности» [4, 66].

начальный согласный и устойчивые для восприятия согласные: смычные шумные, щелевые /š/, /ʃʔ:/, аффриката /č/, сонант /n/ в качестве наречного суффикса [9, 129-132]), а также на контекст.

В русле компромиссного подхода³ в [9, 226] было выдвинуто предположение о том, «что **типичные** редуцированные реализации **частотных** (выделение мое. — *О.Р.*) словоформ могут храниться в перцептивном словаре в качестве самостоятельных вариантов и, следовательно, для их распознавания слушающему не нужно соотносить услышанное с полной реализацией с опорой на контекст».

В исследовании, которому посвящена данная статья, было решено осуществить последовательный отбор единиц, являющихся для русской естественной речи высокочастотными, проанализировать звуковой облик их реализаций, встретившихся в записях спонтанной речи, и проверить, насколько надежно распознаются типичные редуцированные варианты высокочастотных словоформ.

Для отбора кандидатов в высокочастотные словоформы⁴ был проанализирован ряд источников, а именно: фонетический словарь высокочастотных слов русской разговорной речи [3]; перечень реализаций высокочастотных слов [1; 5]; набор компрессивов (наиболее частотных слов, испытывающих в слабых фразовых позициях максимальную фонетическую деформацию) [6]; ряд аллегровых форм (т.е. усеченных форм сверхчастотных слов), описанных в работе [2]; Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ) [8]; а также частотный словарь, составленный Е.П. Комовкиной на основе аудиозаписи передачи «Большой Брат». По последним двум источникам проводилась проверка тех редуцированных реализаций, которые не представлены в

³ О возможном взаимодействии двух описанных подходов к хранению редуцированных вариантов в ментальном лексиконе также говорится в [11].

⁴ Словоформой в представленном исследовании, вслед за [10, 123], названо «одно из выявлений <...> слова», которое «вычленяется в потоке речи как значимый отрезок, характеризующийся двумя свойствами: 1) относительной свободой перемещения и 2) непроницаемостью, т.е. неспособностью включать внутрь себя какие-либо значимые отрезки речи, обладающие такой свободой перемещения».

вышеуказанных словарях и статьях, но, по нашему мнению, встречаются в русской спонтанной речи (например, *сегда* от *всегда* и т.д.).

Всего в составленном списке оказалось 146 словоформ; различных редуцированных реализаций этих словоформ — 173.

По данным Корпуса русского литературного языка (далее — КРЛЯ) [7] (по всему корпусу и по подкорпусу драмы, т.к. для данного жанра характерно использование речи, максимально приближенной к разговорной), НКРЯ (основной корпус, устный подкорпус и подкорпус со снятой омонимией), а также по частотному словарю, созданному на материале передачи «Большой Брат», определялась частотность отобранных на начальном этапе словоформ (именно словоформ, а не их реализаций).

Критериями отбора словоформ для итогового списка высокочастотных единиц стали:

1. Наличие данных словоформ в максимальном количестве проанализированных источников.

2. Структура из двух и более слогов, т.к. в таких словоформах больше элементов могут подвергнуться изменению или выпадению, и, следовательно, высока вероятность того, что редукция затронет консонантный «скелет», и восстановление полного варианта по составу и порядку следования согласных с опорой на контекст будет затруднено или невозможно.

3. Вхождение словоформы в ряд наиболее частотных словоформ по данным КРЛЯ и НКРЯ.

Таким образом, было выделено 18 словоформ.

Таблица 1. Список высокочастотных словоформ

меня	тебя	сегодня
если	только	говорю
сейчас	себя	всё-таки
вообще	конечно	совсем
когда	тогда	никогда
тебе	говорит	несколько

Различные варианты произнесения указанных единиц были выявлены с использованием материалов частотного словаря, созданного на основе передач «Утренний гость» и «Культурная

революция» (общей продолжительностью звучания около 50 минут),⁵ а также с помощью инструментального (осциллографического и спектрографического) анализа и составленной на его основе транскрипции всех реализаций отобранных словоформ, встретившихся в записях телевизионного реалити-шоу «Большой Брат» (продолжительностью звучания около 4 часов).

Анализ фонетического облика всех вариантов показал, что соотношение полных⁶ и редуцированных реализаций анализируемых словоформ не одинаково. В результате было выделено три группы.

I. Словоформы, полные реализации которых более частотны, чем редуцированные (*только, когда, тебе, себя, конечно, совсем, говорит, вообще*).

II. Словоформы, которые имеют одинаковое количество полных и редуцированных вариантов (*тогда и никогда*).

III. Словоформы, которые чаще встречаются в редуцированном виде (*меня, если, сейчас, тебя, сегодня, несколько, всё-таки, говорю*).

Следующим этапом исследования стало определение степени типичности проанализированных реализаций высокочастотных словоформ. Для выяснения того, могут ли наиболее частотные (по полученным данным) реализации претендовать на роль типичных, было проведено сравнение доверительных интервалов для процентов разных реализаций каждой словоформы. Сначала была выявлена самая частотная реализация, которая и признавалась типичной (достоверно или на уровне тенденции). Если этот

⁵ Данный частотный словарь был разработан в рамках проекта «Разработка принципов и методов описания акустических реализаций редуцированных словоформ при моделировании восприятия спонтанной речи» (грант РФФИ №09-06-00244а). Словарь является орфографически-транскрипционным, на момент обращения он содержал 910 различных словоформ и 1874 уникальные единицы (т.е. отдельные строки «орфография-транскрипция»).

⁶ Полной реализацией считался вариант произнесения, совпадающий с нормативным, характерным для русского литературного языка. В полном варианте возможна качественная редукция только безударных гласных.

вариант оказывался полным, проверялось, есть ли у этой словоформы типичная реализация среди редуцированных форм.

Проведенный статистический анализ позволил разделить реализации высокочастотных словоформ на несколько групп:

1) типичные реализации проанализированных словоформ:

а) достоверно:

- [k*gdɑ+]⁷ для *когда*;

- [t*gdɑ+], [t*da+]⁸ для *тогда*;

- [to+l'k*] для *только*;

- [t'ib'e+] для *тебе*;

- полная форма словоформы *себя*, включающая [s'ib'&+], [s'eb'&+] и [s'*b'a+];

- [g*v*r'i+t] для *говорит*;

- [v*pš':e+] для *вообще*;

- [š':as] (и позиционный вариант [š':az]) для *сейчас*.

б) на уровне тенденции:

- полный вариант словоформы *если*, включающий [je+sl'a], [je+sl'i], [je+sl'e] и [je+sl'*];

- полный вариант для словоформы *меня*, включающий [m'in'a+], [m'en'a+] и [m'*n'a+];

- [k*n'e+ šn*] для *конечно*;

- [s*fs'e+m] для *совсем*;

2) типичные редуцированные реализации:

а) достоверно:

- [š':as] (и позиционный вариант [š':az]) для *сейчас*;

- [k*da+] для *когда*;

- [t*da+] для *тогда*.

б) на уровне тенденции:

⁷ Знак «+» указывает на ударность предшествующего гласного; знаком «*» обозначаются безударные аллофоны неогубленных гласных, следующих за твердыми согласными, а также те гласные, качество которых не удалось однозначно определить в ходе инструментального анализа.

⁸ В качестве типичных для словоформы *тогда* были выбраны 2 реализации в связи с тем, что на основе проанализированного материала не удалось определить, какой из этих вариантов встречается достоверно чаще. Однако обе реализации встречаются достоверно чаще всех остальных.

- [to+k*] для *только*;
- [t'e] для *тебе*;
- [t'a] для *тебя*;
- [mɨ'a] для *меня*.

Из приведенного списка типичных редуцированных реализаций становится очевидным, что наиболее частотными для проанализированных словоформ являются полные варианты. Эти данные поставили под сомнение предположение о том, что редуцированные варианты высокочастотных словоформ хранятся в ментальном лексиконе. Однако была необходима дополнительная экспериментальная проверка этого предположения.

В качестве материала для проведения эксперимента были использованы не только данные, полученные в ходе анализа фонетического облика реализаций 18 отобранных высокочастотных словоформ, но и данные из словаря реализаций высокочастотных словоформ в спонтанной речи, представленного в [9] (для *понимаешь, столько, сколько*).

Стимулы были созданы на основе 9 высокочастотных словоформ, большинство из которых было представлено в эксперименте тремя реализациями: полной, типичной и нетипичной.

Таблица 2. Материал эксперимента

Слово-форма	Полная реализация	Типичная редуцированная реализация	Нетипичная редуцированная реализация
сейчас	s'iča+s	š':as ⁹	-
только	to+l'k*	to+k*	-
тебе	t'ib'e+	t'e	t'ie+
тебя	t'ib'a+	t'a	-
говорит	g*v*r'i+t	гыт	g*r'i+t
сегодня	s'ivo+d'n'a	s'o+dn'a	s'ivo+d'i
понимаешь	p*n'i'ma+iš	p*ma+š	pal'š

⁹ Реализация [š':as] была предъявлена в двух вариантах, извлеченных из разных записей, для оценки влияния качества записи на надежность распознавания. Для остальных стимулов создание нескольких вариантов не представлялось возможным.

сколькО	sko+l'k*	skok	so+k*
столькО	sto+l'k*	sto+k*	-

В качестве методики был использован эксперимент по восприятию слов на слух (dictation task). Данный эксперимент имеет устно-письменную форму и предполагает прослушивание испытуемыми ряда стимулов и их запись в бланках ответов.

Для выявления роли контекста в процессе распознавания редуцированных единиц был подготовлен еще один блок стимулов — типичные и нетипичные редуцированные реализации отобранных словоформ в минимальном контексте, представляющем собой 1-2 слова до и после целевого. Чтобы избежать влияния семантической и грамматической информации, содержащейся в контексте, на надежность распознавания, были составлены «перекрестные» контексты путем помещения типичной реализации в контекст для нетипичной (при отсутствии нетипичной — полной) и наоборот. В ряде случаев создание «перекрестных» контекстов оказалось невозможным из-за несовпадения интонационных контуров отобранных фраз. В эксперименте было использовано 16 подобных стимулов.

Таблица 3. Примеры стимулов для второй части эксперимента

Словоформа	«Исходные» контексты	«Перекрестные» контексты
сейчас	мы š':as производим мы s'iča+s несколько	мы s'iča+s производим мы š':as несколько
только	я вот to+k* вошла за него to+l'k* из тех	я вот to+l'k* вошла за него to+k* из тех

Тестовая последовательность состояла из двух частей: в первой части испытуемым предъявлялись для прослушивания изолированные словоформы, а во второй — словоформы в минимальном контексте.

В эксперименте приняли участие 60 человек.

Анализ экспериментальных данных подтвердил, что контекст значительно повышает надежность распознавания редуцированных единиц. Таким образом, результаты, демонстрирующие, что при изолированном предъявлении редуцированные реализации практически не распознаются, опровергают для большинства словоформ предположение о том, что неполные варианты хранятся в ментальном лексиконе. Редуцированные реализации только трех словоформ (*сейчас*, *столько* и *сколько*) надежно распознавались испытуемыми вне контекста.

Таблица 4. Результаты эксперимента

словоформа	реализация, % верных распознаваний		
	полная	тип.ред.	нетип.ред.
говорит	95¹⁰	0	15
понимаешь	30	30	0
сегодня	100	40	100
сейчас	100	95/65 ¹¹	-
сколько	95	65	20
столько	75	100	-
тебе	40	0	0
тебя	0	5	-
только	65	40	-

Необходимо отметить, что реализации *sto+k** и *skok* не могут считаться сильно редуцированными, и, следовательно, нельзя исключать, что для их распознавания стратегия восстановления до

¹⁰ Здесь и далее жирным курсивом выделены те пары значений в соседних ячейках, различия между которыми статистически значимы (доверительные интервалы для которых не пересекаются).

¹¹ Приведены данные для двух использованных в эксперименте реализаций словоформы *сейчас*.

полной формы является более экономной, чем хранение редуцированной единицы в готовом виде в словаре слушающего.

В целом полученные данные не подтверждают гипотезу о том, что типичные редуцированные реализации распознаются носителями русского языка лучше, чем нетипичные, при изолированном предъявлении. На уровне статистической тенденции прослеживается зависимость надежности распознавания редуцированных реализаций от степени их редукции.

При восприятии стимула в контексте зависимости эффективности распознавания от степени редукции не обнаружено.

Итоги исследования указывают на то, что слушающий в процессе восприятия редуцированных форм пользуется несколькими стратегиями. Прежде всего, это механизм реконструкции с опорой на полезную информацию, но в нескольких случаях (редуцированные варианты словоформ *сейчас*, *сколько* и *столько*) можно говорить и о том, что неполные реализации хранятся в ментальном лексиконе.

Таким образом, принципы, характеризующие механизм распознавания редуцированных реализаций высокочастотных словоформ, являются следующими:

1. При восприятии редуцированного варианта часто встречающейся словоформы слушатель может использовать различные стратегии.

2. Основным механизмом распознавания редуцированной реализации высокочастотной словоформы следует признать ее восстановление до полного варианта. Реконструкция осуществляется с помощью анализа акустического облика реализации, выявления ряда фонетически значимых признаков и последующего выбора одного из активированных в словаре слушающего кандидатов, соответствующего окружающему контексту.

3. При восприятии **типичных редуцированных реализаций, которые встречаются в речи чаще, чем полные реализации соответствующих словоформ**, слушатель сразу соотносит их с неполными вариантами, хранящимися в ментальном лексиконе.

4. Таким образом, в ментальном лексиконе, по-видимому, хранятся не только полные формы. Однако гипотеза о хранении всех вариантов произнесения на полученных данных также не подтверждается.

Подводя итоги, следует в очередной раз отметить незаменимую роль контекста, который способствует распознаванию неполного естественного речевого сигнала, характеризующегося беглостью, различными зашумлениями и другими факторами, препятствующими эффективному восприятию звучащих единиц.

Литература

1. Александров Л.Г., Гейльман Н.И. Нужно ли учить фонетике частых слов? // Слух и речь в норме и патологии. Л., 1986. Вып. 6.
2. Богданова Н.В. Аллегровые формы русской речи как источник пополнения современного лексикона // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции 8–9 октября 2007 года. М., 2007.
3. Бондарко Л.В. и др. Фонетика спонтанной речи / под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.
4. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
5. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2006 (1979).
6. Касаткина Р.Ф. Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции 8–9 октября 2007 года. М., 2007.
7. Корпус русского литературного языка. 2009. URL: <http://nagusco.ru/> (Дата обращения: февраль – апрель 2011 г.).
8. Национальный корпус русского языка. 2011-2012. URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: февраль – апрель 2011 г.).
9. Риехакайнен Е.И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
10. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

11. Brouwer S. Processing Strongly Reduced Forms in Casual Speech: Theses for the Degree of Ph.D. Nijmegen, 2010.
12. Bybee J. Phonology and Language Use. Cambridge, 2001.
13. Ernestus M., Baayen H., Schreuder R. The Recognition of Reduced Word Forms // Brain and Language. 2002. Vol. 81 (1–3).
14. Ranbom L.J., Connine C.M. Lexical Representation of Phonological Variation in Spoken Word Recognition // Journal of Memory and Language. 2007.

Е.А. Ренковская

ООО «Аби Инфопоиск», Москва

Дативные послелогои в диалектах языка кумаони

Работа посвящена дативным послелогоам в языке кумаони, а именно их функциям, структурным особенностям и диалектным вариантам. Исследуются различия между двумя группами дативных послелогов. Среди факторов, определяющих выбор послелога, помимо семантической роли именной группы указывается также степень ее акцентированности. Выдвигается гипотеза о контактном влиянии языка хинди на употребление послелогов в ряде диалектов.

Ключевые слова: *кумаони, хинди, послелогои, семантические роли, дативные послелогои*

The paper describes peculiarities of dative postpositions in the Kumaoni language including their functions, dialect variants, structural features, etc. I analyze the differences between two groups of dative postpositions. Among the factors determining the choice of a postposition the important one is the character of the accent on the noun group, as well as the semantic role of the group. I put forward a hypothesis that the contact with Hindi has influence on the usage of postpositions in some dialects.

Keywords: *Kumaoni, Hindi, postpositions, dative postpositions, semantic roles*

Язык кумаони относится к северной подгруппе индоарийских языков, к центральной группе пахари. В современной индологии выделяют от 12 до 16 крупных диалектов кумаони: западные и южные (кхаспарджия, пхальдакотия, паччхаи, рау-чхаубхайнси), северные и центральные (чаугаркхия, ганголи, данпурия и джохари), восточные (сорьяли, сирали, аскоти), юго-восточный (кумайя).

В работе ставится задача описать основные функции дативных¹ послелогов в кумаони, а также отразить диалектные особенности их употребления. Кроме того, предполагается выдвинуть

¹Под дативными послелогоами понимаются послелогои, выполняющие функцию соответствующего падежа.

несколько утверждений относительно структурных особенностей послелогов (без попыток проведения сравнительно-исторической этимологии).

Материалом послужили данные, собранные в трех поездках в восточный Кумаон (г. Питхорагарх, 2007, 2009 и 2011 гг.), контент интернет-сайтов, фильмы и другие видеозаписи на кумаони, фольклорные тексты, а также данные, приводимые в лингвистических работах.

Инвентарь дативных послелогов в кумаони характеризуется большим количеством диалектных вариантов как по внешней форме, так и по функциям (в наиболее полном виде инвентарь послелогов кумаони представлен в работах Д.Шармы [4; 5])². Между тем существующие на данный момент описания языка не предлагают детального анализа функций послелогов, больше концентрируясь на типологическом аспекте, попытках этимологии и географической локализации диалектных вариантов

Дативные послелогов подразделяются на:

а) **собственно дативные** (непосредственно присоединяются к имени или инфинитиву в косвенном падеже и иногда к притяжательным формам местоимений, участвуют в сильном управлении и обладают большим количеством семантико-синтаксических функций).

б) **бенефактивные** (присоединяются к имени или инфинитиву посредством генитивного послелога³, а также к притяжательным формам местоимений, не участвуют в сильном управлении и передают меньше значений, основным из которых является бенефактивное).

К собственно дативным послелогам относятся⁴:

- *huni* – *hũ* (западные и южные диалекты, чаугаркхия)
- *khin* / *khĩ* / *khinEki* (сорьяли, сирали)
- *khan* (кумайя)

² В настоящей работе приводится расширенный по сравнению с существующими описаниями инвентарь дативных послелогов, дополненный за счет данных полевых исследований и анализа современных текстов.

³ Генитивный послелог иногда может выпадать.

⁴ В скобках указаны диалекты. Варианты одного послелога приводятся через тире, различные по диалектам послелогов – через косую черту.

- *hin / hī* (ганголи)
- *suṇi – sū / su* (рау-чхаубхайнси, западные диалекты)
- *kithyā / ki taī / ki / kī / tē* (аскоти)
- *hani – han – hē / hī* (западные и центральные диалекты)
- *thyā – thē / dhē / chē* (центральные диалекты, иногда восточные и западные)
- *khilyā* (диалект Тхала);

Собственно дативные послелогои в кумаони маркируют:

- второй актант при непереходном глаголе

- (1) *bhin ris-e gai*
 муж_старшей_сестры рассердиться-PartPass идти-Past.M.3.Sg
dīdī hū
 старшая_сестра Dat
 ‘Муж старшей сестры рассердился на старшую сестру’
 (кхаспарджия)

- (2) *mē khin narāj jan ho-yā*
 я Dat обиженный не-Imp будь-Imp.PI
 ‘Не обижайся на меня’ (сорьяли)

- прямой адресат, не находящийся в фокусе (в случае фокуса на адресате употребляется аккузативно-дативный послелог)

- (3) *ke jarūrat ho-l-i lekh-iyē mē hin*
 что необходимость быть-Fut-F.3.Sg писать-Imp я Dat
 ‘Пиши мне, если что-то понадобится’ (один из западных диалектов)

- непрямой адресат

- (4) *Baibel mE twe khin ek barhiyā*
 Библия Loc ты Dat один хороший
khabar cha
 известие быть-Pres.3.Sg
 ‘В Библии для тебя есть хорошее известие’ (сорьяли)

- бенефактив

- (5) *mē kithyā pāni lyā*
 я Dat вода принести.Imp
 ‘Принеси мне воды’ (аскоти) [6]

- (6) *twE huṇi nathuli gaṛ-ai*
 ты.Obl Dat кольцо (для носа) изготовить-Past.F.3.Sg
 ‘Я сделал для тебя кольцо для носа’ (западный диалект, из фольклорного четверостишия)

- содержание сообщения побудительного характера при глаголе *kun* ‘сказать’

- (7) *wi-l mE-thĔ nachn-e-tĔ ko-ch*
 он.Obl-Erg я-Poss танцевать-Obl-Dat сказать-Past.3.Sg
 ‘Он велел мне танцевать’ (аскоти) [1]

- компонент отношения

- (8) *sab hī dayālu hu-ye*
 все Dat милосердный быть-ImpHabit
 ‘Будьте для всех милосердными’ (один из западных диалектов)

- целевые конструкции (обычно с инфинитивом, хотя иногда послелог может присоединяться к основе глагола; реже с существительным)

- (9) *ū āpan ghwāṛ-mE caṛ-bĔr sikārE-tE*
 он свой лошадь-Loc подниматься-PartAnt добыча-Dat
jaṛgal-me gī-ch
 лес-Loc идти-Past.3.Sg
 ‘Он сел на лошадь и поехал в лес за добычей’ (аскоти) [1]

- (3) *sasta-n huṇi baiṭh-i ga-yo*
 отдохнуть Dat сесть-PartPass идти-Past.M.3.Sg
 ‘(Он) сел отдохнуть’ (кхаспарджия) [2]

- (10) *wī-lē ū āpn-ā gaṛā mē sungr-a*
 он.Obl-Erg он свой-M.Obl поле Loc свинья-Pl.Obl
caraṭ-n khan lā -yō
 пасти-Inf Dat привести- Past.M.3.Sg
 ‘Он привел его, чтобы тот пас свиней на его поле’ (кумайя) [2]

- (11) *jānvar ti-kĔ khā-hū ā-l*
 зверь ты-Acc/Dat есть-Dat приходиться-Fut
 ‘Зверь придет тебя съесть’ (кхаспарджия)

- употребляются в составе направительных конструкций

- (12) *ek din rāj āpuṇ sarās hñ*
 один день раджа свой дом_тестя Dat
jāṇ r-ou
 идти-Inf оставаться-Past.M.3.Sg
 ‘Однажды раджа поехал в дом тестя’ (кхаспарджия)
- (13) *pardes hi nasi g-yo*
 чужая_страна Dat пойти.PartPast уйти-Past.M.3.Sg
 ‘Он уехал в чужую страну’ (ганголи)

- употребляются в составе временных конструкций, относящихся к будущему времени, обычно к контролируемым действиям

- (14) *mĒ chabbīs khin / somvār khin j-ũlo*
 я 26 Dat / понедельник Dat идти-Fut.1.Sg
 ‘Я уезжаю двадцать шестого / в понедельник’ (сорьяли)
- (15) *poru-hñ hamār-i ropāi cha*
 послезавтра-Dat наш-F.Sg посева быть.Pres.3.Sg
 ‘Послезавтра мы будем сеять’ (кхаспарджия)

Ср. *bhol rākhi cha* ‘завтра (праздник) Ракхи’ (сорьяли), здесь речь идет не о будущих активных действиях субъекта, а просто о некотором моменте в будущем.

Особенности собственно дативных послелогов.

Что касается структурных особенностей собственно дативных послелогов в кумаони, то о них можно сделать несколько утверждений:

- В послелогах возможны фонетические варианты, распределенные по диалектам. Так, можно выдвинуть предположение, что серии *suṇi – sũ / su* и *huṇi – hñ* – это фонетические варианты одной и той же серии послелогов. Фонетическая вариативность *s / h* повсеместно отмечается в диалектах данпурия и джохари (ср. *hāg – sāg* ‘овощи’), но может окказионально встречаться и в других диалектах, ср.: *nasi goyo* (сирали), *nasi guo* (ганголи) – *nhE guo* (сорьяли), *nhai goy* (кхаспарджия) ‘(он) ушел’; *duoro* (сорьяли) – *doharo* (кхаспарджия), *duhar* (ганголи, пачхай)⁵. Кроме того, был найден

⁵ Подробнее см. [3].

текст, в котором послелогои этих двух серий употребляются почти рядом в одинаковом значении:

-
- (16A) *ēk ban hāti lai pāni pi-ṅ sū*
 один лес слон тоже вода пить-Inf Dat
ui taḷau mē ā-yo
 тот-ObI пруд Лок прийти-Past.M.3.Sg
 ‘Один лесной слон тоже пришел к тому пруду попить воды’
- (16B) *dohar-i ṭhaur pāni dhuna-ṅ huṅi nasi*
 другой-F место вода искать-Inf Dat пойти.PartPast
gā-yā
 уйти-Past.3.Pl
 ‘(Они) пошли искать воду в другое место’ [8]

- Среди собственно дативных послелогов встречаются сложные по структуре. Например, послелог *kithyā* в аскоти приводится в описаниях как в слитном ([6]), так и в раздельном ([2]) вариантах. При этом оба компонента этого послелого (*ki /kī* и *tĒ*) могут употребляться самостоятельно и иметь те же функции. Послелог *khilyā* Шарма [4] относит к бенефактивным и этимологизирует его как метатезу от *lyākhā* (об этимологии послелого *lyākhā* см. далее). Однако по своим синтаксическим функциям *khilyā* относится к собственно дативным послелогам, и, возможно, он тоже является составным послелогом (Тхал находится в ареале распространения восточных диалектов, в которых чаще всего употребляется дативный послелог *khī/ khin*, кроме того в самом диалекте Тхала выделяется аккузативно-дативный послелог *la*).

- Послелогои серии *thyā – thĒ* повсеместно употребляются в функции посессивных послелогов. Однако в некоторых диалектах они начинают употребляться в функции дативных, при этом получается, что либо один и тот же послелог выполняет функции и дативного, и посессивного падежей, либо в роли посессивного употребляется другой послелог⁶ (такая функциональная мена могла стать одной из причин появления составного послелого *kithyā* в аскоти)

⁶ Чаще всего послелог *-(Gen) pās*

• Собственно дативные послелогои могут участвовать в опциональном словообразовании (для остальных послелогов, насколько можно судить, это нехарактерно). Например, встречающееся во многих диалектах существительное *khānkhin* (сорьяли), *khānkhān* (кумайя), *khāñhĩ* (ганголи) ‘еда’ по своей внутренней форме является сочетанием формы инфинитива *khān* ‘есть’ и дативного послелога. Ср. также *gharkhin* (сорьяли) ‘домой’ (*ghar* ‘дом’ + Dat).

Бенефактивные послелогои характеризуются меньшим разнообразием диалектных вариантов, кроме того в некоторых диалектах они могут быть не представлены вовсе. К бенефактивным послелогам относятся:

- *lijjū – lijiy – liji / lijī / lijik / lije / lhiji* (все западные диалекты и некоторые восточные)

- *lyākhā / lyākh / lēkhāl / lyāhali* (джохари)

Встречаются в большинстве диалектов:

- *nimtar / nintar*

- *wāste*

- *khātir*

Бенефактивные послелогои в кумаони маркируют:

- бенефактив

- (18) *rājjū* *lijjū* *bichā-ī* *bh-E*
 раджа Dat/Ben постелить-PartPass быть-Perf.F.3.Sg
ek darī

один коврик

‘Для раджи был постелен коврик’ (кхаспарджия)

- (19) *taī-l* *wī-kō* *lēkhā-l* *khawai-lhivai ka-yē*
 ты-Erg он-Gen.M.Sg Dat/Ben праздник делать-Past.F.3.Sg

‘Ты устроил для него праздник’ (джохари) [2]

- (20) *ham-u-l* *tumar* *lijī* *thaṇḍ hũ*
 мы-Obl-Erg твой Dat/Ben холод Dat
Esi-k *intazām* *IE* *kar-ō*
 кондиционер-Gen организация тоже делать- Past.3.Sg

‘Мы также организовали для тебя кондиционер для прохлады’ (кхаспарджия)

В случае маркирования бенефактива дативными послелогоми на объект, в интересах которого производится действие, приходится больший акцент. В таких предложениях часто бывает меньше зависимых у глагола-вершины, чем в предложениях с бенефактивом, оформленным бенефактивным послелогом

- экспериенцер как носитель мнения, мировосприятия

(21) *wi-kā lyākh śab bekūr chan*
он-Gen Dat/Ben все глупый быть-Pres.3.Pl
'Для него все глупые' [4]

(22) *tuār lijī dwī kinār ek jāś chin*
мой Dat/Ben два берег один как быть-Pres.F.3.Pl
'Для меня два берега как один' (один из западных диалектов)

- бенефактив и цель в текстах высокого стиля (чаще с послелогоми *wāste* и *khātir*, в значении, близком к русскому «ради»)

(23) *Parmeśwara-l hamar wāste ek muktidātā*
Бог-Erg наш Dat/Ben один спаситель
yo sansār mĕ bhej-cha
этот мир Loc послать-Past.3.Sg

'Бог ради нас послал в этот мир спасителя' (сорьяли)

(24) *pitar ki kamE nātar lijī*
предок Gen.F работа внук Dat/Ben

'Дело предков для потомков' ('Результат всего, что делали предки, достается их потомкам', пословица, кхаспарджия) [7]

- употребляются в составе союзов и дискурсивных конструкций, ср. *ek lijī, yē lēkhal, yek lhiji* 'поэтому', 'таким образом', *misālak lijye* 'например' и т.д.

(55) *e-k lijī kes seṭh jit-gyo*

это.Obl-Gen Dat/Ben дело богатч выиграть-идти-Past.M.3.Sg

'Вследствие этого дело выиграл богатч' (аскоти) [1]

Что касается структуры бенефактивных послелогов, то сразу можно отметить, что класс этих послелогов, в отличие от собственно дативных, подвержен заимствованиям. Послелог

nimtar / *nintar* заимствован из санскрита, *wāste* и *khātir* пришли из арабского языка.

Послелог *lyākhā* зафиксирован в основном только в диалекте джохари и образован от грамматикализованной косвенной формы существительного *lekh* / *lyakh* ‘причина, судьба’ У Гриссона [2] этот послелог встречается в форме *lēkhā-l* и очевидно представляет собой сочетание *lēkhā* с инструментальным послелогом *l(E)*. Скорее всего, именно от этого сочетания произошла и форма *lyāhali*.

Во многих восточных диалектах (сорьяли, сирали, аскоти, кумайя) бенефактивные послелого не распространены. В этих диалектах могут встречаться послелого *nimtar*, *wāste* и *khātir*, но преимущественно в стилистически маркированных контекстах, остальные их функции будут покрываться собственно дативными послелогом. Наоборот, в западных диалектах бенефактивные послелого очень частотны.

В современных западных диалектах идет тенденция к расширению сферы употребления бенефактивных послелогов серии *liji*, которые начинают перенимать на себя основные функции собственно дативных послелогов, ср.:

- (11) *galtī* *lijt* *māf* *kariyā*
 ошибка Dat/Ben прощение делать-Imp/Pl
 ‘Простите за ошибку’ (кхаспарджия)
- (28) *log* *myāl* *dekh-ŋ-ak* *lijt*
 люди ярмарка смотреть-Inf-Gen Dat/Ben
ū-nī
 приходиться-Pres.3.Pl
 ‘Люди приходят посмотреть на ярмарку’ (кхаспарджия)

При этом собственно дативные послелого сохраняют за собой только временную и направляющую функции, а также иногда употребляются в целевых инфинитивных конструкциях.

Интересно, что послелого ряда *liji* используются в роли собственно дативных послелогов по большей части в Интернет-публикациях и блогосфере, причем часто авторы таких текстов проживают не в Кумаоне, а в Дели и других крупных городах Индии. В качестве гипотезы можно предположить, что столь широкое распространение этих послелогов связано с их

фонетическим и функциональным сходством с послелогом *lie* в хинди. Помимо западных диалектов послелогои серии *liji* отмечены в текстах на сорьяли и джохари, хотя для этих диалектов они нехарактерны. В данном случае можно предположить влияние более популярных западных диалектов, в основном кхаспарджия, на другие диалекты.

Выводы

В работе представлены основные функции дативных послелогов двух типов в языке кумаони. Утверждается, что эти послелогои имеют сходные функции по всем диалектам. Относительно зоны конкуренции двух групп послелогов делается предположение, что выбор послелогоа может зависеть от степени акцентирования на объекте, в интересах которого производится действие. Выдвигается гипотеза, что на систему послелогов в диалектах кумаони оказывает влияние хинди, а также отмечается влияние западных диалектов на диалекты других ареалов.

Что касается структурных особенностей дативных послелогов в языке кумаони, то можно указать на наличие в их ряду составных послелогов и послелогов, образованных путем грамматикализации, а также отметить способность дативных послелогов участвовать в окказиональном словообразовании.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, Dat – собственно дативный послелог, Dat/Ben – бенефактивный послелог, Erg – эргативный послелог, F-женский род, Fut – будущее время, Gen – генитивный послелог, Imp – императив, ImpHabit – хабитуальный императив Inf – инфинитив, Loc – локативный послелог, Obl – косвенный падеж, PartAnt – причастие предшествования, PartPass – пассивное причастие, Past – простое прошедшее время, Pl – множественное число, Poss – посессивный послелог, Pres – настоящее время, Sg – единственное число, M – мужской род, не-Imp – частица “не”, употребляющая с формами императива.

Литература

1. Apte, Mahadeo L. & D.P. Pattanayak. An Outline of Kumauni Grammar. Durham, N.C. 1967.
2. Grierson, Sir George A. (ed.) 1906 (reprinted 1967). The Linguistic Survey of India. Vol.IV. Delhi-Varanasi-Patna.
3. Sharma, D.D. Formation of Kumauni language. Part 1 (Phonology and Morphonemics). New Delhi. 1985.
4. Sharma, D.D. Formation of Kumauni language. Part II (Morpology and syntax). New Delhi. 1987.
5. Sharma, D.D. Linguistic Geography of Kumauni Himalayan: A descriptive areal distribution of Kumauni language. New Delhi. 1994.
6. Upreti, Bhavan Datta. Kumāunī bhāṣā kā adhyayan. Allahabad. 1976.
7. Upreti, Ganga Datta. Proverbs and Folklore of Kumaun and Garhwal. New Delhi. 1894.
8. Upreti, Ganga Datta. Hill Dialects of the Kumaun Division. Almora. 1900.

Д.Н. Сатюкова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**Особенности употребления падежных форм имен
существительных в русской разговорной речи
(на материале корпусов текстов «Рассказы о сновидениях»
и «Русская разговорная речь»)¹**

Работа посвящена выявлению и описанию особенностей употребления падежных форм имен существительных в речи носителей русского языка. В качестве материала используются два опубликованных корпуса разговорной речи — «Русская разговорная речь» и «Рассказы о сновидениях». Оказалось, что два произвольно взятых корпуса демонстрируют в совокупности много общих черт. Одинаковыми оказывается и порядок следования в них падежных и падежно-числовых форм существительных по их частотности. Так, в тройку наиболее употребительных в речи форм входят (в порядке убывания) именительный, винительный и родительный падежи; четвертое место в материале занимает Предл. пад.; последнее место в списке падежных форм отводится в корпусах Дат. пад.

Сопоставление двух корпусов показало, что грамматическая система русского языка обладает стабильностью и за последние 50 лет не претерпела существенных изменений. Основные отличия в корпусах касаются в основном количественных показателей конкретных падежных форм.

Ключевые слова: *имя существительное, падежная система, русская разговорная речь, частотные характеристики форм, корпусная лингвистика*

The aim of this paper is to analyze and interpret the main characteristics of case forms of nouns in the Russian speech. The study is based on the data of two published corpora of spoken Russian. Our research shows that these corpora contain a lot of common features. For

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики», и гранта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2012» «Коммуникативные стратегии устной речи», № 2012-1.1-12-000-3004-008.

example, the order of case and number forms of nouns (according to their frequency) appears to be the same in the two groups of texts. Thus, in two corpora the hierarchy of case forms (in descending order) is as follows: nominative – accusative – genitive – prepositional – instrumental – dative.

A comparative analysis revealed that the grammar system of the Russian language is rather stable and did not change a lot during the last fifty years. The main differences of two corpora are connected generally with frequency characteristics of certain case forms.

Keywords: *noun, case system, spoken Russian, frequency characteristics of forms, corpus linguistics*

1. Общая характеристика используемых корпусов

1.1. «Рассказы о сновидениях» как первый корпус устного русского дискурса. Корпус устных текстов, позже получивший название «Рассказы о сновидениях», был создан в конце 1990-х гг. и первоначально предназначался исключительно для медицинских целей. Корпус включал рассказы здоровых детей и детей с невротическими заболеваниями о виденных ими сновидениях. Анализируя речь двух групп информантов, ученые должны были выявить отличия в ее языковой структуре, что могло помочь в ранней диагностике неврозов. Впоследствии материал корпуса привлек лингвистов, и на основе записей устных текстов было проведено исследование, посвященное устройству русского устного дискурса. Итоговый вариант корпуса, опубликованный в монографии, составили 129 рассказов детей и подростков от 7 до 17 лет (60 рассказов здоровых детей и 69 — детей с невротическими расстройствами²).

1.2. Корпус Г. Г. Инфантовой как отражение русской разговорной речи периода 60-70 гг. XX в. Корпус «Русская разговорная речь», составленный Г. Г. Инфантовой, содержит расшифрованные магнитофонные записи спонтанной речи, сделанные в 1960-70-е гг. в г. Таганроге Ростовской области. Этот корпус представляет собой одну из первых попыток собрания сравнительно большого объема звучащих текстов для их

² Речь детей с невротическими расстройствами внешне не имеет заметных отличий от речи здоровых детей, что обуславливает возможность сопоставления данных у этих групп информантов.

дальнейшего описания и изучения. В те же годы работы по записи непринужденной речи носителей литературного языка стали вестись в Москве и Ленинграде коллективом лингвистов под руководством Е. А. Земской. Результатом этой деятельности стала публикация в 1978-м г. в Москве первого печатного корпуса текстов русской разговорной речи [2].

Корпус «Русская разговорная речь» был впервые опубликован спустя почти полвека после его создания — в 2006-м гг. Материалы, собранные Г. Г. Инфантовой, были частично включены в состав Устного подкорпуса (тексты непубличной речи) Национального корпуса русского языка под общим названием «Из материалов Саратовского университета».

Корпус, собранный в Таганроге, содержит записи речи членов двух семей, которые, как отмечает Г. Г. Инфантова, были связаны многолетними дружескими отношениями, а также их родственников, друзей, коллег и знакомых, преимущественно преподавателей Таганрогского педагогического института.

Таким образом, спонтанность и непринужденность речи информантов, ее протекание в неофициальной обстановке позволяют рассматривать тексты двух корпусов как относящиеся к жанру устной разговорной (непубличной) речи.

Сопоставление описанных корпусов оказывается удобным в силу того, что по времени записи (ср.: 1960-70-е гг. и конец 1990-х гг.) они могут рассматриваться как в определенной степени отражающие старшую и младшую нормы в системе языка.

При оценке результатов, безусловно, следует помнить, что корпусы «Русская разговорная речь» и «Рассказы о сновидениях» по типу включенных в их число текстов и составу участников все-таки не являются тождественными. Так, корпус Г. Г. Инфантовой в основном содержит записи диалогической речи взрослых носителей языка, при этом число основных участников, которые задействованы почти во всех разговорах, оказывается не очень большим. «Рассказы о сновидениях» представляют собой маленькие по объему монологи 72 информантов в возрасте от 7 до 17 лет.

Цитаты текстов корпусов «Русская разговорная речь» и «Рассказы о сновидениях» приводятся в работе в соответствии с нормами орфографии и пунктуации русского литературного языка.

2. Объем исследуемых корпусов

Корпус «Рассказы о сновидениях» включает 718 лексем существительных, которые употребляются в нем 2 106 раз.

Объем корпуса Г. Г. Инфантовой в несколько раз превышает «Рассказы о сновидениях». Для того чтобы два корпуса были сопоставимы по объему, при анализе был использован не весь объем материалов Г. Г. Инфантовой, а только первые 7 текстов, которые содержали 719 лексем существительных.

Лексемы существительных из материалов Г. Г. Инфантовой в целом использовались в корпусе реже — 1846 раз (ср. 2 106 словоупотреблений в «Рассказах о сновидениях»). Однако в ряде случаев в силу омонимичности форм и ограниченности контекста не удалось определить падеж и/ или число у ряда существительных (ср. по 29 спорных примеров в двух корпусах). Общий объем словоупотреблений, на базе которых будет в дальнейшем проводиться анализ, сокращается, таким образом, в «Рассказах о сновидениях» до 2 077 форм, а в корпусе Г. Г. Инфантовой — до 1 817 форм.

3. Частотное распределение падежных форм существительных в корпусах. Опыт сопоставительного исследования

Корпус «Рассказы о сновидениях» характеризуется большим объемом словоупотреблений существительных в Им. пад. (почти 40% всех форм имени), что может объясняться жанровой особенностью корпуса, который, как было описано выше, представляет собой монологические рассказы детей об увиденном ими во сне. Таким образом, сама стратегия порождения текста (необходимость описать, что было во сне, что увидел во сне) обуславливает появление большого количества назывных и бытийных предложений с существительным в форме Им. пад. в роли субъекта существования. Ср., например, следующие отрывки из рассказов с преобладанием существительных в Им. пад.:³

³ Здесь и далее в главе при цитировании примеров из корпуса «Рассказы о сновидениях» в скобках приводится порядковый номер рассказа и страница издания (например, 004z, 564 или 087n, 658, где символы z и n обозначают соответственно речь здоровых детей и детей с невротическими расстройствами). При отсылке к корпусу «Русская

(1) *Я видела, что летают бабочки... Там был праздник. Там были мышки, бабочки, все мелкие зверюшки. Там был очень красивый аквариум. Там были всякие рыбки* (042z, 603);

(2) *Ну, такой был сон... Озеро какое-то... Или речка... Или озеро... Но, по-моему, озеро... И через него как-то бревно какое-то, типа моста. <...> Вокруг такой лес, какие-то деревья, голубое небо... <...> И два моих друга там были* (059z, 621–622);

(3) *Вот мне снится, что, значит, я на каком-то курорте... Там все мои друзья, все родственники... Все такое яркое, солнечное: море такое синее, песок все такое* (такой)⁴ желтый, солнце яркое и небо такое чисто-синее* (060z, 623–624).

Показательно, что в двух корпусах совпадает общий порядок расположения падежей по их частотности. Так, в тройку наиболее употребительных в речи форм входят (в порядке убывания) именительный, винительный и родительный падежи. На четвертом по частоте использования месте в двух корпусах располагается Предл. пад., на последнем (шестом) — Дат. пад.

Одинаковой для корпусов «Рассказы о сновидениях» и «Русская разговорная речь» оказывается и «количественная иерархия» всех 12-ти падежно-числовых форм. Единственное отличие представляют формы Дат. пад. и Предл. пад. мн. ч. В корпусе Г. Г. Инфантовой количество употреблений существительных в Предл. пад. мн. ч. незначительно превышает число форм Дат. пад. в этой числовой парадигме (ср. 19 и 11 примеров соответственно). Эти формы замыкают список падежно-числовых форм, занимая среди прочих показателей 11-ое и 12-ое места соответственно. В «Рассказах о сновидениях» число употреблений существительных в Дат. пад. и Предл. пад. мн. ч. совпадает (ср. 14 примеров), и поэтому эти формы разделяют здесь две последние строчки в общем списке.

Расположение для двух корпусов падежно-числовых форм в порядке убывания их частоты демонстрирует заметное противопоставление в разговорной речи парадигм ед. ч. и мн. ч.: наблюдается тенденция к преобладанию всех падежных форм (даже самых немногочисленных) ед. ч. над формами всех падежей

разговорная речь» в скобках приводится сокращенное название этого корпуса и страница издания (например, PPP, 37).

⁴ Здесь и далее астериск (*) обозначает детскую ошибку.

(даже самых распространенных) мн. ч. Исключение составляют формы Им. пад. мн. ч., опережающие по количеству словоупотреблений Дат. пад. ед. ч. Важно, что внутри парадигм ед. ч. и мн. ч. порядок следования падежей значительно разнится. Первые три места в иерархической цепочке сохраняются за Им. пад., Вин. пад. и Род. пад. соответственно, тогда как положение оставшихся трех падежей в парадигмах ед. ч. и мн. ч. может отличаться.

Интересные данные, отражающие то, как распределяют 12 падежно-числовых форм по частотности носители русского языка, приведены в работе М. В. Русаковой [1]. Оказалось, что информанты оценивают частоты падежно-числовых форм в русском языке «как более похожие друг на друга, чем они есть на самом деле» [1: 153–154]. При этом говорящие лучше представляют различия в употребительности падежных форм, чем числовых. Так, некоторые падежи располагаются в сознании носителей языка парами — в форме ед. ч. и мн. ч. (на первом месте в списке, составленном информантами, располагается Им. пад. ед. ч., на втором — Им. пад. мн. ч.; замыкают падежный ряд формы Твор. пад. ед. ч. и Твор. пад. мн. ч.).

Совпадение порядка следования падежных (и даже падежно-числовых) форм по их частотности в двух корпусах, записанных с разницей почти в 50 лет, служит интересным фактом, указывающим на определенную устойчивость во времени и стабильность грамматической системы русского языка. Таким образом, возможные отличия двух корпусов следует скорее искать не в общей иерархии падежей, которая, по всей видимости, не изменилась за последние десятилетия, а в конкретных падежных формах путем сопоставления их количественных показателей в материалах разных лет. Для этих целей немаловажным представляется привлечение данных о предложном использовании падежей, а также о доле употребления в каждом из них одушевленных и неодушевленных слов.

При дальнейшем сопоставлении двух корпусов внимание будет уделяться только тем падежным формам, численное различие которых в «Рассказах о сновидениях» и в «Русской разговорной

речи» является статистически значимым.⁵ Для определения статистической значимости применялся критерий χ^2 (хи-квадрат) и (в случае небольших числовых показателей) критерий Фишера.

Сравнение процентных долей падежей в ед. ч. и мн. ч. показывает, что существенно различаются по частотности в двух корпусах 4 падежно-числовые формы: Твор. пад. в ед. ч. и мн. ч., а также Им. пад. и Род. пад. во мн. ч.

Доля форм Твор. пад. оказывается значительно выше в «Рассказах о сновидениях», чем в корпусе Г. Г. Инфантовой (ср. 183 и 99 употреблений соответственно). При этом если в ед. ч. преобладание этой падежной формы является не очень значительным (ср. 8,1% в детской речи и 5,1% во взрослой), то во мн. ч. доля этого падежа в «Рассказах о сновидениях» почти в два раза превышает аналогичный показатель в корпусе «Русская разговорная речь» (ср.: 12,5% и 6,8% соответственно). На распространенность Твор. пад. в корпусе детских рассказов и на разнообразие выражаемых этой падежной формой оттенков значений отчасти указывает также его использование с большим числом предлогов, чем в материалах Г. Г. Инфантовой. Так, в корпусе «Русская разговорная речь» существительное в форме Твор. пад. используется в сочетании с предлогами *с / со, за* и *над* (ср.: *с людьми, за краской, над расписанием*). Из этой группы предлогов в «Рассказах о сновидениях» употребляется только два наиболее распространенных — *с* и *за*; к их числу добавляются также следующие три предлога: *под, между, перед*. Ср.:

(4) *А там была деревня, насыпь — внизу, **под** дорогой, по которой уезжал автобус с нами* (078п, 647);

(5) *И вдруг я услышал грохот **между** дверями* (069п, 634);

(6) *Ну я сначала чуть-чуть стояла-стояла на кухне, а потом тоже пошла в комнату, зашла и извинилась **перед** этой старушкой...* (114п, 703).

Представляется, однако, что большая доля формы Твор. пад. существительного в корпусе детских рассказов во многом объясняется ее частым использованием у одушевленных существительных (преимущественно в сочетании с предлогом *с* в значении совместности). Ср.:

⁵ Я хотела бы выразить глубокую признательность С. С. Саю за помощь в статистической обработке материала.

(7) *Я, значит, с братиком гуляла...* (083п, 654);

(8) *Один раз мне приснилось, что я мальчик, и я шла с-сс тремя богатырями по длинной-длинной дороге* (049з, 610).

Интересно, что в рассказах детей несколько слов используется в этом падеже в сочетании с предлогом с более трех раз (ср.: с мамой — 22 раза, с папой — 9 раз, с Димкой — 6 раз, с бабушкой — 4 раза). В этой связи характерен тот факт, что одушевленные существительные в форме Твор. пад. ед. ч. встречаются в «Рассказах о сновидениях» почти в три раза чаще, чем в корпусе Г. Г. Инфантовой (ср. 61% и 27,6% соответственно).

Представляется, что по этой же причине в «Рассказах о сновидениях» несколько чаще употребляются формы Им. пад. мн. ч. существительных (ср. долю этой падежно-числовой формы в детских рассказах и в корпусе Г. Г. Инфантовой соответственно: 41,5% и 30,6%). Показательно, что в Им. пад. мн. ч. одушевленные имена встречаются в «Рассказах о сновидениях» почти в два раза чаще, чем в «Русской разговорной речи» (ср.: 52,8% и 23,1% соответственно). В большинстве случаев одушевленные существительные в речи детей и подростков используются в субъектном значении. Ср.:

(9) *Там и дети плачут, и петухи кукарекают* (088п, 660);

(10) *...мне как бы дали отпуск, и я поехала с ними в какое-то ранчо, огромное ранчо, где лошади...* (119п, 715–716).

Из группы одушевленных имен в «Рассказах о сновидениях» 2 слова используются в форме Им. пад. мн. ч. более трех раз (ср.: люди — 4 раза, родители — 6 раз).

Еще одной падежно-числовой формой, процентные показатели которой существенно расходятся в двух корпусах, является форма Род. пад. мн. ч. В этом случае доля ее употреблений оказывается выше в корпусе Г. Г. Инфантовой (33,5%), в «Рассказах о сновидениях» эта форма существительных встречается более чем в два раза реже (ср. 15,1%). Одной из причин заметного преобладания в корпусе «Русская разговорная речь» существительных в Род. пад. мн. ч. является их частое использование в количественном значении этой падежной формы в сочетании с числительными или наречиями степени (*много, несколько, сколько, столько*). Ср.: *двадцать часиков, много лет, несколько месяцев, сколько раз, столько умов*. Существительные в форме мн. ч. в количественном значении Род. пад. используются в

корпусе Г. Г. Инфантовой 56 раз, тогда как в «Рассказах о сновидениях» — только 24 раза. Таким образом, количественное употребление форм Твор. пад. оказывается в корпусе детских рассказов менее распространено.

3.1. Распределение одушевленных имен по падежно-числовым формам в корпусах. Помимо уже отмеченных различий (преобладание одушевленных слов в Твор. пад. ед. ч. и в Им. пад. мн. ч. в «Рассказах о сновидениях»), следует также отметить более высокий показатель одушевленных существительных в этом корпусе в форме Вин. пад. мн. ч. (ср. 14,5% в «Рассказах о сновидениях» и 4,3% в «Русской разговорной речи»). В целом в русском языке в Вин. пад. гораздо чаще используются неодушевленные существительные, чем одушевленные. Все 11 одушевленных имен в Вин. пад. мн. ч. используются в детских рассказах в объектном значении этой падежной формы. Ср.:

(11) *Царь решил всех монахов перебить. Но монах чудом спасся* (070п, 636);

(12) *...там вызывали пожарников, они подъезжали и-и лестницу поставили, нас сняли* (085п, 656);

(13) *...потом директриса чего-то строит всех учителей в одну шеренгу...* (128п, 731).

Численное преобладание одушевленных существительных в детских монологах может объясняться жанровой спецификой этого корпуса. Рассказ об увиденном во сне чаще всего подразумевает описание историй, героями которых выступают лица или (реже) ожившие предметы.

Доля одушевленных существительных в форме Вин. пад. в «Рассказах о сновидениях» повышается также вследствие их частого использования с управляющим глаголом *видеть* при ответе на вопросы *Что увидел во сне? Что приснилось во сне?* Ср.:

(14) *...я вижу практически наяву одних и тех же уродов, потому что у нас они живут в нашем доме...* (074п, 642).

Материалы двух корпусов свидетельствуют о низкой доле одушевленных существительных в Предл. пад. Во мн. ч. в этой падежной форме одушевленные слова не встретились в рассматриваемых корпусах ни разу. В Предл. пад. ед. ч. в «Рассказах о сновидениях» существительные этого разряда используются в двух примерах (оба раза в этой форме

употребляется слово *лошадь* в сочетании с предлогом *на* — *на лошади*), в корпусе Г. Г. Инфантовой — в 4-х. Характерно, что в последнем случае все 4 одушевленных существительных используются в одном предложении. Ср.:

(15) — *Там приблизительно еще девять лекций. Там нужно прочитать еще о Белинском, о Герцене, Лермонтове... Гоголе...* (PPP, 31).

3.2. Предложные формы существительных в корпусах.⁶

Высокой долей предложных форм отмечены в рассматриваемом материале Дат. пад. ед. ч. (> 60%) и Твор. пад. в ед. ч. (> 70%) и мн. ч. (> 65%).

В «Рассказах о сновидениях» почти все падежные формы в ед. ч. (ср. Род. пад., Дат. пад. и Вин. пад.) и форма Дат. пад. во мн. ч. используются с предлогами значительно чаще, чем в корпусе Г. Г. Инфантовой.

Интерес представляет также набор предлогов, с которыми сочетаются существительные в Предл. пад. Отличительной чертой корпуса детских рассказов, касающейся использования этой падежной формы, служит низкая доля предлога *о* в сочетании с Предл. пад. Ср. всего один пример в корпусе:

(16) *Автобус «Икарус», зеленого цвета, с белой полосой наверху, едем, потом что-то записывают нам... о переселении* (079п, 649).

В материалах «Русской разговорной речи» предлог *о* встречается с существительным в Предл. пад. 7 раз. Ср.:

(17) — *Да тебе говорят о чем? О воде. Водяной вот этот бак белянский. Греть, греть воду* (PPP, 37).

Показательно, что в последнем примере предлог *о* используется для указания на предмет разговора и является синонимичным в этом контексте предлогу *про* (ср.: *говорить про воду*). Интерес представляет тот факт, что предлог *про* ни разу не употребляется в корпусе Г. Г. Инфантовой, тогда как в «Рассказах о сновидениях» он встречается 6 раз (4 раза с существительным в ед. ч. и 2 раза — во мн. ч.). Ср.:

(18) *Сон называется «Про собачку»* (002z, 562);

⁶ В данном случае речь идет о формах существительных в четырех падежах — родительном, дательном, винительном и творительном.

(19) *Вот чем отличался мой сон ото всех других про пожары* (077п, 647).

Можно было бы предположить, что употребление предлога *о* в сочетании с Предл. пад. существительного в корпусе Г. Г. Инфантовой и предлога *про* с Вин. пад. в «Рассказах о сновидениях» как раз и служит проявлением в двух корпусах старшей и младшей нормы русского языка. Однако это предположение основано пока на очень небольшом числе примеров и требует поэтому дополнительной проверки.⁷

4. Выводы

Сопоставление двух корпусов продемонстрировало, что произвольно взятые материалы разговорной речи разного периода записи внешне проявляют много общих черт.

В двух корпусах, собранных с разницей почти в 50 лет, одинаковым оказывается порядок следования падежных и падежно-числовых форм по их частотности. Так, в тройку наиболее употребительных в речи форм входят (в порядке убывания) именительный, винительный и родительный падежи; четвертое место в материале занимает Предл. пад.; последнее место в списке падежных форм отводится в корпусах Дат. пад.

Сопоставительный анализ корпусов «Русская разговорная речь» и «Рассказы о сновидениях» показал, что грамматическая система русского языка обладает стабильностью и за последние 50 лет не претерпела существенных изменений. Основные отличия касаются в основном количественных показателей конкретных падежных форм.

Представляется, что не все отмеченные в корпусах различия можно интерпретировать как отражение старшей и младшей языковой нормы. Некоторые из них могут объясняться жанровым своеобразием одного из используемых корпусов. Так, большую долю одушевленных существительных в ряде падежных форм в «Рассказах о сновидениях» (по сравнению с корпусом

⁷ Показательно, что в подкорпусе непубличной речи Национального корпуса русского языка сочетание предлога *о* с Предл. пад. также используется несколько реже, чем сочетание предлога *про* с Вин. пад. Ср.: 272 и 499 вхождений соответственно; команды поиска: *о на расстоянии I от S,loc,sg; про на расстоянии I от S,acc.*

Г. Г. Инфантовой) можно представить как результат того, что тематика рассказов была заранее задана для информантов — требовалось рассказать о том, что человек увидел во сне. Такой рассказ подразумевает описание историй, героями которых выступают чаще всего одушевленные существа (люди, звери, птицы). Жанровой спецификой корпуса «Рассказы о сновидениях» может также объясняться меньшая доля употреблений в нем Род. пад. мн. ч. существительных в количественном значении, поскольку выражение точного количества предметов не является в этих случаях приоритетной задачей для говорящего.

К изменениям, характеризующим старшую и младшую нормы в языке, следует, возможно, отнести большее число в корпусе конца XX в. предложных употреблений падежных форм. Обращает на себя внимание также меньшая распространенность в современной речи предлога *о* с существительными в Предл. пад; его место часто занимает предлог *про* в сочетании с Вин. пад.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что корпуса «Русская разговорная речь» и «Рассказы о сновидениях» являются достаточно разнородными по числу включенных в их состав текстов, их жанровой специфике и составу информантов. Таким образом, все полученные в ходе исследования выводы не носят характер правила и нуждаются в дополнительной проверке на более сбалансированном материале.

Литература

1. Русакова М. В. Об отражении в сознании носителя языка статистических характеристик грамматических единиц // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание» (Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г.). М., 1988.
2. Русская разговорная речь. Тексты / Авторы-составители: Г. А. Барина, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Е. Н. Ширяев. М., 1978.

Источники

1. Инфантова Г. Г. Русская разговорная речь: тексты. Таганрог, 2006.
2. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М., 2009.

Н.И. Семушина
ИЯз РАН, Москва

Бимодальный билингвизм: к постановке проблемы¹

В статье представлены современные взгляды на бимодальный билингвизм как психолингвистическую проблему. Приведены существующие взгляды на типологию бимодальных билингвов, механизм переключения кодов и их количество (1 (бимодальный), 2 (жестовый и устный), 3 (жестовый, устный и бимодальный, при котором различают параллельную и последовательную продукцию). Дано краткое описание социолингвистической ситуации для русского и российского жестового языка (РЖЯ), приведены результаты пилотного эксперимента со слышащими бимодальными билингвами, обнаружившего лексическую интерференцию из русского языка в РЖЯ, проявляющуюся в двойной артикуляции глаголов и информации, находящейся в фокусе.

Ключевые слова: *психолингвистика, жестовые языки, РЖЯ, билингвизм, бимодальный билингвизм, переключение кодов, диглоссия*

This article presents modern approaches to the bimodal bilingualism as a psycholinguistic problem. It presents the existing classifications of bimodal bilinguals and the code-switching and code-blending mechanism; according to different approaches, the number of codes observed varies from 1 to 3, i.e. codes may be (1) bimodal; (2) sign-language and oral; or (3) sign-language, oral, bimodal with parallel and successive production. The author presents the brief observation of the actual sociolinguistic situation of Russian Sign Language (RSL, РЖЯ) in Russia and reports the results of the pilot experiment with hearing bimodal bilinguals revealing the existence of lexical interference from sign to oral language where verbs and important information is pronounced with double articulation.

¹ Благодарим за помощь в исследовании информантов-билингвов и носителей РЖЯ, преподавателей Центра образования глухих и жестового языка, а также Марию Есипову (МГУ), Анастасию Журавлеву и Дениса Заварицкого за помощь в работе с информантами и Анну Ефимову (ПГУ) за ценные консультации.

Keywords: *psycholinguistics, sign languages, Russian Sign Language, bilingualism, bimodal bilingualism, code-switching, code-blending*

Под билингвизмом мы вслед за У. Вайнрайхом будем понимать владение двумя или несколькими языками и регулярное переключение с одного языка на другие в зависимости от условий и целей общения [1]. Люди, с детства овладевавшие двумя языками, называемые естественными билингвами, и люди, начавшие изучать второй язык позднее, называемые искусственными билингвами, развивают неодинаковое по качеству металингвистическое сознание.

Согласно нейropsихологическим исследованиям, мозг естественного билингва имеет особую организацию речевых центров. Искусственный билингвизм не приводит к таким последствиям, однако изучение любого иностранного языка, даже обрывочное, оказывает влияние на личность, облегчает обработку лингвистической информации.

В последнее время в мировой психолингвистике и нейролингвистике значительное внимание уделяется бимодальному билингвизму, который, по нашим данным, в России практически не изучался. Его особенностью является владение языками, имеющими разную модальность выражения, устную и жестовую.

Изучение бимодального билингвизма — относительно новая для лингвистики проблема. Оно началось вместе с признанием жестовых языков (в Америке это произошло в 1960-е годы XX века благодаря исследованиям У. Стоуки, в России же первые исследования появились значительно позже). Само понятие бимодального билингвизма построено на том, что жестовый язык — самостоятельная лингвистическая система, полноценный язык со своей грамматической и лексической структурой, не являющийся жестовым отображением системы устного языка соответствующего государства (т. е. калькирующей системой).

Существует два понимания бимодального билингвизма. Первое определяет бимодальных билингвов как слышащих людей, свободно владеющих жестовым и устным языком [21]. Как правило, это слышащие дети, выросшие в семьях, где есть глухие или слабослышащие (родители, старшие братья и сестры).

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, считают бимодальными билингвами глухих, которые, живя в социуме слышащих, в большинстве случаев являются билингвами и знают устный язык своей страны [27]. Когда говорят о билингвизме глухих и слабослышащих, особо выделяют жестово-письменный (sign-print) билингвизм, при котором на государственном языке осуществляется только письменная продукция и главным образом письменная рецепция (чтение текстов). Поскольку большинство жестовых языков не имеет общеупотребительной письменной формы, глухие обычно пользуются письменной формой устного языка, принятого в их государстве. Для словесно-жестового двуязычия глухих характерны распределение коммуникативных функций между языками, различный уровень владения каждым из них, взаимное влияние сосуществующих кодов [5].

Большинство исследований сходится на том, чтобы считать глухих и слабослышащих билингвами, отделяя их от множества слышащих бимодальных билингвов в силу специфики, которую обуславливает недостаток слуха. Поэтому исследователи такого билингвизма всегда подчеркивают, о слышащих или о глухих они говорят.

Томографические исследования носителей ЖЯ показывают, что в процессе производства и восприятия речи у говорящих на жестовых и устных языках активируются приблизительно одни и те же зоны мозга. Различия, по-видимому, обуславливают особенности канала восприятия: у носителей ЖЯ активируются, помимо ответственных за производство речи участков левого полушария, участки правого полушария, ответственные за пространственно-визуальные процессы.

Однако при поражении правого полушария у носителей ЖЯ нарушается пространственное восприятие (ориентирование в пространстве), но не нарушается чисто грамматическое употребление пространства, являющееся одной из особенностей ЖЯ (например, установление локусов для референции). Из этого ученые делают вывод о необходимости различения топографического и грамматического использования пространства в языках жестовой модальности [3, 10].

Исследования [21] показывают разницу в активности полушарий мозга при восприятии выражений лица у глухих,

слышащих бимодальных билингвов и слышащих, не знающих ЖЯ. У носителей ЖЯ при восприятии грамматически значимых выражений лица проявлялась ярко выраженная левополушарная асимметрия [20].

Исследования [21] показывают разницу в активности полушарий мозга при восприятии выражений лица у глухих, слышащих бимодальных билингвов и слышащих, билингвами не являющихся. В жестовых языках выражение лица может служить выражением как эмоций, так и грамматических категорий: например, поднятые брови в сочетании с кивком головой в ASL (американском жестовом языке) служат для обозначения условных придаточных предложений (Эммори отмечает, что собеседник в этом случае фиксирует взгляд не на руках, а на лице говорящего). Типы выражений лиц по-разному воспринимаются мозгом носителя жестового языка [5]: при восприятии грамматически значимых выражений лица у глухих проявлялась ярко выраженная левополушарная асимметрия.

Бимодальный билингвизм также имеет ряд особенностей. Во-первых, имея два канала передачи информации, бимодальный билингв может параллельно изъясняться на двух языках. Существует несколько точек зрения на количество кодов, используемых бимодальным билингвом.

Некоторые ученые (Poulisse, Bongaerts, La Heij) считают, что выбор языкового кода происходит на стадии планирования высказывания; некоторые полагают, что активация двойного кода заканчивается с выбором определенной леммы. Согласно этим двум подходам, отличия бимодального билингвизма от мономодального не очень существенны.

Другие (И. Эстев, К. Эммори и др.) считают бимодальность не просто особым свойством языкового сознания личности, обусловливающим своеобразие ее языковой практики, а отдельным языковым кодом. По Эстев, и слышащий, и глухой ребенок, владеющий французским жестовым языком (LSF), используют не два языковых кода, а три: жестовый, французский и бимодальный. Последний подлежит рассмотрению как комплекс, в котором параллельное использование двух систем имеет определенные функции [27]. Эстев различает параллельную (1) и совместную (2) бимодальную продукцию:

- (1) *Oui oui oui j'étais là* Да да да я был там
 [Oui][oui] [la] [Да][да][там]
- (2) *Mais euh ma famille un petit peu fait un petit peu c'est mieux*
 [FAMILLE] [UN-PEU][SIGNER
][UN-PEU]
 'Но э моя семья немного делает немного это лучше'
 '[СЕМЬЯ] [НЕМНОГО][ГОВОРИТЬ ЖЕСТАМИ]
 [НЕМНОГО]'

Текст в верхней строке является сообщением на устном языке, текст в квадратных скобках в нижней — на жестовом; закрытие скобки означает, что жест более не демонстрируется.

В первом примере сообщения на жестовом и устном языках дублируют друг друга, тогда как во втором случае они несут разную информацию и вместе формируют одно высказывание.

В случае с глухими Эстев также рассматривает случаи комбинаций жестов LSF с различными ономатопами французского языка и с экспрессивными жестами, не принадлежащими к системе LSF, а также экспрессивные функции, которые эти комбинации потенциально могут иметь. Исследования речи взрослых бимодальных билингвов, владеющих американским жестовым языком, английским языком и вспомогательной системой SimCom [22], и речи слышащих бимодальных билингвов, владеющих канадским французским жестовым языком (LSQ) (Pettito, 2001), показывают преобладание (95 % по Emmorey and all., 94 % по Pettito) смешанного, бимодального кода над механизмом переключения кода, когда участниками процесса коммуникации являются два билингва, будь то естественная коммуникация или пересказ одним участником другому сюжета мультфильма.

Однако есть и те, кто считает, что в случае бимодального билингвизма обе системы постоянно остаются активными [18], даже при монолингвальном общении, когда смешанный код, обычный при общении билингвов, не используется. Эта точка зрения подтверждается наблюдениями [7] за жестикуляцией бимодальных билингвов при общении с монолингвами: около 6 % слов, которые они произносили, сопровождалась синхронными жестами на ASL, хотя говорящие были предупреждены о том, что

собеседник не знает жестового языка. В пользу одновременной активации обеих языковых систем говорит также использование билингвами в общении между собой варианта английского языка, в котором порядок и форма слов соответствуют жестам (word-for-sign English) [22].

Тот факт, что при общении с монолингвами грамматический строй жестового языка не оказывает влияния на устную речь, позволяет исследователям сделать вывод, что word-for-sign English — не свидетельство недостаточно сформированной компетенции во владении английским языком, а специфическая форма общения бимодальных билингвов. В то же время это не «калькирующая жестовая речь² наоборот». В пользу механизма одновременной активации кодов свидетельствуют также исследования бимодальных билингвов на ай-трекере (есть большое количество исследований, показывающее, что билингвы реагируют на фонетическое сходство слов из разных языков, которыми владеют; например, если билингву с русским и английским языками при произнесении слова *marker* показать картинку, на которой помимо прочего будет изображена марка, ай-трекер зафиксирует его взгляд именно на ее изображении; с бимодальными билингвами наблюдается аналогичная картина).

Еще одной важной особенностью бимодального билингвизма у носителей английского языка и ASL является преобладание при смешении кодов употребления глаголов на двух языках, в то время

² Калькирующая жестовая речь (КЖР) — вторичная знаковая система, которая усваивается на базе и в процессе изучения глухим ребенком словесной речи, калькирующая лингвистическую структуру словесного языка. Жесты здесь являются эквивалентами слов, а порядок их следования такой же, как в предложении звукового языка (Зайцева, 2000). В западной литературе для обозначения подобной жестовой формы звучащего языка используется термин *signed* (*signed French* (*Français signé*) — жестовая форма французского языка) или *manually coded* (*manually coded English*). Е. В. Прозорова отмечает, что в случае калькирующей жестовой речи говорят не о единой системе перекодировки звучащего языка, а о различных вариантах передачи его письменной разновидности (Прозорова, 2007). Тонкость такой передачи определяется такими социолингвистическими факторами, как степень владения говорящих жестовым и звучащим языком, официальность обстановки, степень знакомства говорящих, тема разговора (Lucas, Valli, 1989).

как при билингвизме, сопровождающемся переключением кодов (с одного устного языка на другой), это переключение чаще всего происходит на существительных [22].

Неоднозначный статус жестовых языков часто приводит к тому, что бимодальные билингвы просто не считают себя таковыми. Это роднит их с некоторыми группами билингвов, владеющих официальным языком страны и языком какого-либо из малочисленных ее народов. При этом сообщество бимодальных билингвов имеет все признаки, присущие традиционным билингвальным сообществам [31]: они владеют двумя языками и относят себя к двум культурам. Некоторые ученые даже сравнивают сообщество бимодальных билингвов с сообществом англо-испаноговорящих билингвов в Нью-Йорке, так как их культурные ценности зачастую непонятны англоговорящему большинству населения страны. Культура глухих и слабослышащих действительно существует. В Российской Федерации в отношении русского языка и РЖЯ можно говорить о диглоссии.

Согласно всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 году, жестовым языком в России владеет 121 000 человек. К сожалению, РЖЯ не был выделен как отдельный язык; в перечне языков можно было поставить галочку в графе «жестовый»: возможно, составители опросника не знали, что жестовый язык не является универсальным для всех глухих. До сегодняшнего дня РЖЯ не имел в Российской Федерации официального статуса и являлся средством межличностного общения (9 августа 2012 г. был одобрен законопроект о придании РЖЯ официального статуса). Это один из факторов, обуславливающих низкий статус языка даже среди его носителей.

К другим таким факторам можно отнести преобладание в педагогической традиции обучения глухих оралистских методик (обучение в традиционных школах для глухих ведется на русском языке). Многие глухие не знают различий между естественным ЖЯ и калькирующим (в нашей практике был информант, отказавшийся с нами сотрудничать, мотивировав это тем, что «говорит неправильно, без грамматики»: он считал РЖЯ упрощенной формой КЖР), а также не знают, что такое билингвизм. В тематических дискуссиях в Интернете можно встретить высказывания, в которых понятие «билингвизм»

отождествляется с естественным ЖЯ и противопоставляется КЖР: «раньше тех, кто говорил на билингвизме, называли “малограмотными”», «...но какой язык будет официально признан? КЖР или билингвизм?»³

Начиная исследования бимодального билингвизма, мы планировали исследовать синтаксическую интерференцию из РЖЯ в русскоязычную речь слышащих билингвов, однако на этапе пилотного эксперимента нам не удалось ее зафиксировать (исключение составляет представленный ниже пример (5) и несколько подобных ему, в которых дублирующаяся жестами информация, находящаяся в фокусе, повторяется в конце предложения, как это происходит в РЖЯ). Эксперимент проводился следующим образом: информанты (3 человека; ж., возраст 26–35 лет, слышащие из семей глухих) должны были описать картинку и задать к ней вопросы на РЖЯ, а потом на русском языке, но все трое в первом случае продемонстрировали продукцию на КЖР.

Была обнаружена лексическая интерференция. В речи слышащих билингвов была зафиксирована последовательная и параллельная продукция. При этом двойной артикуляции подвергалась информация, находящаяся в фокусе:

(3) *Ребенок хочет очень голодный.*

[ЕСТЬ]

(4) *Он сидит и смотрит.*

[СИДЕТЬ] [СМОТРЕТЬ]

(5) *Он должен сам захотеть это сделать*

[САМ]

[САМ]

Полученные нами данные согласуются с описанными в [22] и могут быть объяснены как иконичностью глаголов в жестовых языках (например, жесты «сидеть» для обозначения сидящего ребенка и сидящей на ветке птицы будут разными), так и тем, что они способны более точно передать значение, поскольку могут включать в себя направление и характер движения.

³ Приведены цитаты из обсуждения статьи Г. Шаталова «Не могу молчать», опубликованной на сайте www.deafnet.ru, в которой автор высказывался в пользу КЖР и против естественного жестового языка (который называл билингвизмом), однако допустил значительную путаницу в терминах, которая, к сожалению, широко распространилась.

Пример (5) и подобные ему также могут быть рассмотрены как аргумент в пользу теории постоянной активации двух кодов: он был получен нами в условиях естественной коммуникации, при которой слышащий бимодальный билингв не знал, что его собеседник — исследователь, имеющий представление о жестовом языке.

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Языковые контакты. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 35–36.
2. Диллер Г. Двужычие у детей с нарушениями слуха.
3. Есипова М. В. Особенности референции в жестовых языках: дипломная работа. М.: МГУ, 2011.
4. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология. М., 2000.
5. Зайцева Г. Л., Фрумкина Р. М. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка // Дефектология. 1981. № 1.
6. Киммельман В. И. Базовый порядок слов в русском жестовом языке: дипломная работа. М.: РГГУ, 2010.
7. Комарова А. А. Особенности сообществ глухих // Современные аспекты жестового языка / сост. А. А. Комарова. М., 2007.
8. Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004.
9. Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание. М., 2009.
10. Прозорова Е. В. Референциальные характеристики именных групп в российском жестовом языке: дипломная работа. М.: МГУ, 2006.
11. Прозорова Е. В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования. Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 44–61.
12. Сивакова Ю. Н. Речевое развитие личности в условиях билингвизма Крайнего Севера. СПб, 1998.
13. Шамаро Е. Ю. Некоторые факты видо-временной системы в РЖЯ // Современные аспекты жестового языка / сост. А. А. Комарова. М., 2007.
14. Щепилова А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. Теоретические основы. М., 2003.
15. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. М., 2005.

16. Brentari D., Poizner H. and Kegl, J. Aphasic and parkinsonian signing: differences in phonological disruption //Brain Lang. 48, 1995.
17. Corina D. P. Studies of neural processing in deaf signers: toward a neurocognitive model of language processing in the deaf J. Deaf Studies Deaf Educ. 3, 1998.
18. Costa A., Caramazza A. & Sebastian-Galles N. The cognate facilitation effect: Implications for models of lexical access. //Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 26. 2000.
19. Emmorey K., Mehta S., and Grabowski T. The neural correlates of sign and word production. NeuroImage. 36: 2007.
20. Emmorey K., McCullough S., & Sereno M. I. Neural organization for recognition of grammatical and emotional facial expressions in deaf ASL signers and hearing nonsigners. Cognitive Brain Research, 22, 2005.
21. Emmorey K, McCullough S. The bimodal bilingual brain: Effects of sign language experience. San Diego State University, 2008.
22. Emmorey K., Borinstein H. & Thompson R. Bimodal bilingualism: Code-blending between spoken English and American Sign Language. // Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism, pp. 2005.
23. Fitch W. T. The evolution of language. Cambridge Univ. Press, 2010.
24. Hickok G., Bellugi U. and Klima E. S. The neural organization of language: evidence from sign language aphasia.
25. Kimura D. Left-hemisphere control of oral and brachial movements and their relation to communication Philos. Trans. R. Soc. London Ser. B 298, 1982.
26. Lillo-Martin, Diane (1999) Modality effects and modularity in language acquisition: The acquisition of American Sign Language. In T. Bhatia and W. Ritchie (eds.) Handbook of Language Acquisition, 531-567. San Diego: Academic Press.
27. Millet A., Estève L., Guidas L. , Pratiques communicatives d'un groupe de jeunes sourds adultes, Grenoble, 2008.
28. Peterson C. and Siegal M. Deafness, conversation and theory of mind // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1995. Vol. 36. P. 459-474.

30. Wilcox S. Academic acceptance of American Sign Language. Springfield, IL: Linstok Press. 1992.
31. Zentella A. C. Growing up bilingual. Malden, MA: Blackwell. 1997.

Е.А. Смердова
ПГГПУ, Пермь

**Автореференция как личностная рефлексия
(на материале рассказа Я. Ивашкевича «Opowiadanie z psem»)**

Данная статья посвящена проблемам определения понятия и механизма автореференции. До сих пор в научной литературе не было дано четкого определения функций автореференции в тексте и ее места в семиозисе. В данной статье автореференция приравняется к личностной рефлексии автора на примере рассказа Я. Ивашкевича «Opowiadanie z psem» («Рассказ с собакой»). В случае коммуникативной ситуации с использованием автореферентного знака происходит создание **многоуровневой** семиотической системы, где каждому уровню даются имена-омонимы. Автореференция понимается как стилистический прием, позволяющий автору строить гипертекст, включающий текст памяти автора и читателя и пространство текстов культуры.

Ключевые слова: *автореференция, знак, семиозис, текст, текст памяти, гипертекст, семантическая петля, интерпретация*

This article is devoted to the problems of defining autoreference and finding out its mechanics. So far, scholarly studies have not given a clear definition of the functions of autoreference in the text and its place in semiosis. In this article, autoreference is equated to personal reflections J. Iwaszkiewicz's short story «Opowiadanie z psem» ("The story of the dog"). The creation of multi-semiotic system occurs in the communicative situation with autoreferencing sign where each level has a homonymic name. Autoreference is understood as a stylistic device that allows an author to construct a hypertext, including the memory text of an author's and a reader's, and the space of the culture texts.

Keywords: *autoreference, sign, semiosis, text, text memory, hypertext, semantic loop, interpretation*

Система референций в репрезентации мира

«Референция – это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [1, 6]. Референцией обладает не имя, а высказывание и текст. Соответственно, объектом

референциального указания может быть только объект, включенный в ситуацию. Характер референции обеспечивает степень интерпретируемости текста. Так, У.О. Куайн выделяет два состояния высказывания/текста: чистой референциальности (или референциальной прозрачности) и референциальной непрозрачности [5, 108]. Успешная интерпретация текста (продиктованная его референциальной прозрачностью) предполагает использование преимущественно прямой референции. Степень референциальной непрозрачности возрастает с увеличением частотности использования таких видов референции, как непрямая, скрытая и автореференция. Эти виды референции создают особый возможный мир, его картину как вариант отображения реального мира [2, 90]. Репрезентация картины мира определяется системой референций, используемой автором при создании текста.

Функция **прямой** референции — локализовать высказывание в пространственно-временном измерении возможного текстового мира, создать границы коммуникативных актов, актуализировать свойства персонажей в дескриптивной форме.

Интерпретатор имеет дело **со скрытой** референцией в случаях, когда сталкивается со знаками, авторство которых принадлежит создателю текста. Если функционирование таких знаков не поддерживается системой дескрипций, актуализирующих наблюдаемые свойства референта, акт референции становится скрытым для читателя. Примером скрытой (и необъясненной) референции являются *sepulki* Ст. Лема.

Референциальное указание на класс объектов создает ситуацию **неопределенной** референции. В этом случае ни один конкретный референт не выделяется из экстенционального пространства знака. Причина вновь в отсутствии системы дескрипций. **Неясная** референция возникает в случае незнания говорящим значения употребляемого имени.

Референциальное указание может осуществляться не прямо — через пространство других знаков. **Непрямая**, или **опосредованная** референция — это механизм интертекстуальных отсылок. Интерпретатор в этом случае должен опираться на свою «энциклопедию» — текстовую память (У. Эко).

В случае **автореференции** создается видимость ситуации, когда имя указывает «само на себя». На этом виде референции основан рефлексивный механизм познания.

В рамках данной работы мы ставим следующие вопросы: что именно выступает объектом отображения в случаях автореференции, и каковы условия интерпретации автореферентного знака. Материалом анализа выбран польскоязычный текст Я. Ивашкевича «Opowiadanie z psem» («Рассказ с собакой»), написанный в 1964 г.

Автореференция и «семантические петли» интерпретации

Автореференция характерна для случаев, в которых создается парадоксальная ситуация: референтом знака становится сам знак (знаконоситель). Возникает видимость того, что знак указывает сам на себя. Таковы случаи употребления местоимения *я*, перформативы (*я обещаю, прошу*), синтагматические воспроизведения *роза есть роза есть роза* [3]. Автореферентность возникает и в тех случаях, когда референт знака — абстракция, которую невозможно актуализировать в сознании (*квадратный круг*), или когда значение знака не известно интерпретатору. Интерпретируя такой знак, мы действительно не можем покинуть его «пределы», возвращаясь каждый раз к исходной точке — знаконосителю. Автореферентность — это «странная семантическая петля», которая получается каждый раз, когда, двигаясь вверх или вниз по уровням иерархической системы, мы оказываемся в исходном пункте [8, 21].

В отечественной лингвистике автореференция рассматривается в контексте включенности знака в семиозис. Референция — это речевой механизм соотнесения высказывания и его частей с действительностью [6, 3]. Кроме субстантивного употребления, при котором объектом указания становятся отдельные объекты действительности, и предикативного, где имя указывает на свойство референта, выделяются **автонимные** употребления. Здесь имя указывает на себя — свой «врожденный референт» [6, 86]. Очевидно, что знак не может отсылать к самому себе, поскольку референт всегда лежит за его «пределами». Будучи включенным в семиозис, знак отсылает к другому знаку. Поэтому автонимное употребление, понимаемое как отсылка знака к самому себе, привело бы к разрыву семиозиса.

Об этом же пишет и М. Кронгауз, отмечая важное свойство автореферентных имен: их нельзя заменить на «тождественные» имена [4, 325]. По У. Куайну это «референциально непрозрачная» ситуация, в которой невозможно осуществить «подстановочность тождественного» [5, 109]. Таким образом, автореферентное имя не может определяться через ряд других имен — синонимов, антонимов и др.

Однако остается неясным вопрос о механизме автореференции. Нам действительно кажется, что референция в этом случае происходит как процесс, в котором выражение указывает само на себя, одновременно выполняя функции и законодателя, и референта, то есть создавая «петлю», в которую попадает наш разум. На наш взгляд, наиболее четко этот феномен объясняет Д. Хофштадтер. Он полагает, что в случае коммуникативной ситуации с использованием автореферентного знака происходит создание **многоуровневой** семиотической системы, где каждому уровню даются имена-омонимы. Когда субъект говорит о себе *я* (вступает с ситуацией автокоммуникации), то он совершает «прыжок из системы»: внутренняя речь и рефлексия есть выход за пределы собственного «я», когда одно «я» видит другое «я» в качестве своего собеседника. На первом уровне мы воспринимаем законодателя — высказывание *я*. Он отсылает нас к референту. Несмотря на то, что они обладают **одинаковой** формой выражения, это **разные** сущности, принадлежащие разным измерениям. В знаменитой книге Д. Хофштадтера обнаружение референта в ситуациях кажущейся самореферентности приравнено к прыжку из системы, за пределы системы [8, 447–448].

Автореферентность — это механизм, обеспечивающий рефлексивность, анализ отношений между объектом и его «зеркальным отражением». Личностная рефлексия — это активный, субъективный процесс порождения смыслов, приводящий к качественным изменениям ценностно-смысловых образований, формированию новых стратегий и способов внутреннего диалога, интеграции личности в новое, более целостное состояние [7, 24]. В контексте этих положений любой текст включает авторефлексивную составляющую, поскольку автор создает его, опираясь на собственный текст памяти, то есть осуществляя референцию к «самому себе».

Автореференция как инструмент создания текстовой картины мира

«В концепции странных петель скрыта идея бесконечности, ибо что такое Петля, как не способ представить бесконечный процесс в конечной форме?» [8, 22]. Однако эта замкнутость может быть разорвана с помощью текста памяти читателя, который становится пресуппозицией интерпретации.

Действие рассказа Ярослава Ивашкевича «*Opowiadanie z psem*» («Рассказ с собакой») происходит в неопределенном месте в Польше в XX веке. Главный герой в диалоге с воображаемым собеседником входит в мир воспоминаний, встречая давно ушедших людей, вспоминая, казалось, забытые события. В языковой «технологии» создания текста отмечено ограниченное число коммуникативных актов, построенных по модели *прямой* референции. Так, славянские по происхождению имена собственные *Medorek*, *Janek*, *Dudek* указывают на примерное место действия (местность со славяноязычным населением); топонимом *Dobieszków* отмечен населенный пункт в северо-восточной части Польши. Однако эта система **пространственных** локализаторов не позволяет создать отчетливое представление о месте действия. Столь же неопределенную информацию мы извлекаем из анализа **локализаторов точки времени**. В тексте Ивашкевича упоминаются:

— железнодорожный транспорт («*Wysiadłem do kolejki*». ‘Я дошел до электрички’¹) и автомобили («... *samochody*. *I to muszą być koniecznie czarne wołgi*». ‘... автомобили. И это обязательно должны быть черные «Волги»’) [10, 358–361];

— стихотворение М. Павликовской-Ясножевской «Фотография»²: «...*a została tylko fotografia — to to jest bardzo malo...*» [10, 358–361]. ‘...а осталась только фотография — и этого так мало...’.

Но эти локализаторы позволяют очертить временные границы повествования крайне неопределенно. Так, текст Павликовской датирован 1926 годом, а следовательно, говорить можно только о событиях после этого года.

¹ Здесь и далее перевод наш. — Е. С.

² Входит в сборник стихов «*Pocałunki*» («Поцелуи»), 1926 г.

Столь же семантически неопределенными остаются субъекты действия (персонажи). Представить портрет персонажей сложно, например, в тексте говорится, что один из них похож на Т. Манна: «*Podobny był trochę do Tomasza Manna, tylko wydawał się wyższy, tak jak siedział, nawet z tymi opuszczonymi ramionami*» [10; 360]. 'Он был похож на Томаса Манна, только казался выше, так как сидел с опущенными плечами'. Поскольку это сказано о двойнике, то сразу же включается автореференция. Мы считаем, что портретные описания на самом деле психологические. Для интерпретации непрямая референция (интертекстовые отсылки) требует подключения автореференции читателя (корпус текстов памяти как пресуппозиция прочтения). Собственно автореференцией создается ситуация *я* и *мой двойник*, *я* как говорящий с *я*. Таким образом достигается автокоммуникация. Ивашкевич актуализировал эту ситуацию. Вместо «*я, говорящего с собой*» в тексте Ивашкевича появляется *я*, говорящий с двойником. Это тоже *я*, но на другой ступени, формально представленное в ином обличье. В финале автор «собирает» эти *я* вместе: главный герой оказывается в «исходной точке» своего путешествия и понимает, что всё происшедшее, скорее всего, было им вымышлено, происходило лишь в его сознании. Автореференция в рассказе Ивашкевича «*Opowiadanie z psem*» становится инструментом самопознания. При помощи автореференции автор создает «двоящийся» персонаж: повествователя без имени и внешности и его альтер-эго, двойника, пожилого человека с сильными большими руками, владельца загадочного, фаустовского пуделя. Тожественность этих персонажей подчеркивается наличием одних воспоминаний на двоих, оба героя продолжают друг за другом линию воспоминаний так, как если бы это было прошлое одного человека. Например: «— *Właśnie. A nie słyszałem teraz o żadnej żonie oficera. Żeby była przystojna, żeby się szastała po ulicach. Sankami dawniej takiej jeździły. — Sankami. I dzwonki takie dzwoniły. Jak to się one nazywały. Janyczary czy tak? — Janyczary. Mój przyjaciel...*» [10, 361]. '— Именно. Сейчас не слышно ни о какой жене офицера. Чтобы была такая красивая, чтобы прогуливалась по улицам. А мимо проезжали санки. — Санки. И колокольчики звонили. Как же они назывались. Янычары? — Янычары. Мой друг...'

Очевидно, что диалог между героями перерастает в монолог одного человека, погрузившегося в свое прошлое. Такой (моно-)диалог можно назвать внутренней речью. Как утверждает Р.О. Якобсон, внутренняя речь объединяет адресанта и адресата в одном лице [9, 324], речевой акт получается замкнутым: намерение говорящего донести информацию совмещается с его же намерением в качестве слушающего усвоить эту информацию. Кроме Ивашкевича этот прием использовали в разное время Ф.М. Достоевский («Братья Карамазовы»: черт, двойник Ивана Карамазова; «Двойник»: Яков Петрович Голядкин со своим альтер-эго), В. Сорокин («Месяц в Дахау»: Маргарита-Гретхен, двухголовая нацистка), Х.Л. Борхес («Тема предателя и героя»: Фергюс Килпатрик как лидер повстанцев и как предатель; «Борхес и я»: повествователь Борхес и объект повествования, «другой» Борхес) и т. д. Следовательно, автореференцию как рефлексию можно назвать стилистическим приемом, который позволяет создать пространство воспоминаний в пространстве возможного текстового мира.

Система референций рассказа Я. Ивашкевича «Opowiadanie z rsem» (прямая, опосредованная автореференция) позволяет сформировать гипертекстовое пространство, состоящее из нескольких текстовых пространств (текста памяти автора и других текстов культуры), соединенных между собой интертекстуальными связями. Получившаяся картина мира накладывается на картину мира читателя, и в результате мы получаем новую картину мира, насыщенную образами не только из текста памяти автора, но и из текста памяти читателя, который становится со-автором, собеседником повествователя. Как стилистический прием автореференция способствует ментальному приближению, захвату сознания интерпретатора; в качестве психосемиотического процесса личностной рефлексии на уровне текста автореференция создает особый возможный мир, включающий вариант видения реального мира интерпретатором.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XIII.
2. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста): монография / Е.Е. Бразговская. Пермь, 2006.
3. Бразговская Е.Е. Семиотика за пределами аудитории: Цикл заметок о том, как всё то, что «и так ясно», теряет свою очевидность. Статья вторая: Существуют ли знаки без референтов и референты, не актуализированные в знаках? // Интернет-журнал «Филолог». 2012. Вып. 19. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_19_401
4. Кронгауз М.А. Семантика / М. А. Кронгауз. М., 2001.
5. Куайн У.О. Слово и объект / У. Куайн. М., 2000.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М., 1985.
7. Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. М., 2010.
8. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара, 2001.
9. Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
10. Iwaszkiewicz J. Opowiadanie z psem // Opowiadania. Kraków, 2008.

А.А. Степанова
ИЯз РАН, Москва

Речевые ошибки в фокусе исследования¹

В статье дается освещение проблемы речевых ошибок в современной лингвистике и в частности психолингвистике, подчеркивается важность изучения данной проблемы в теоретическом плане — в особенности для описания механизмов речепорождения и в практическом плане — для работы по экспертизе текстов и обучению иностранным языкам.

Ключевые слова: *речевые ошибки, оговорки, ортология, речепроизводство*

The article deals with the problem of speech errors in modern linguistics and especially psycholinguistics, underlines the importance of the problem for the theory – particularly for the description of speech production mechanisms and for the practice – text expert examinations and foreign language learning.

Keywords: *speech errors, orthology, speech production*

Речевая ошибка как сбой в процессе речепроизводства представляет собой ценный материал как для лингвистических, так и для психолингвистических исследований.

Ошибки изучались и изучаются в различных аспектах. Во-первых, следует различать ошибки в речи на родном языке или при изучении иностранного. Кроме того, ошибка может быть намеренной, то есть используемой автором для достижения определенного стилистического эффекта, а также случайной. Последняя может произойти вследствие неграмотности говорящего или оговорки. Особую область исследования составляют ошибки в онтогенезе. Ошибки в письменной речи, описки и опечатки имеют особую природу и требуют отдельного исследования.

Еще в 20-е годы прошлого века З. Фрейд высказал предположение, что механизм речевых нарушений может пролить свет на законы формирования речи [5]. Но в грамматиках

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ – 3661.2012.6 и гранта РГНФ № 12-04-12059В.

привычного типа, господствовавших до второй половины XX века, совсем не рассматривались так называемые ненормативные примеры. Только немногие лингвисты выступали за изучение примеров неправильного употребления, в том числе Л.В. Щерба, утверждавший важность анализа отрицательного языкового материала (термин Л.В. Щербы).

Однако к началу прошлого века можно отнести весьма интересную и очень основательную работу А. Фрея [4], которые проводил исследование речевых ошибок на материале в основном французского разговорного языка. Работа интересна прежде всего необычным подходом. Автор рассматривает примеры ошибок не как случаи нарушения тех или иных правил, а как случаи исправления недостатков правильной речи и отражения тех или иных потребностей. Выделяется ряд таких потребностей: потребности в ассимиляции, дифференциации, краткости, неизменности, экспрессивности. Потребность в ассимиляции объясняется тем, что всякий языковой факт стремится к созданию других фактов, которые могут войти с ним в одну систему, и к объединению с ними. Потребность в дифференциации (ясности) предполагает стремление к различению лингвистических элементов во имя избегания скрытого или явного смешения, возможного при функционировании речи. Потребность в краткости стремится к возможному сокращению длины и числа элементов, взаимодействие которых составляет речевой поток. Потребность в неизменяемости стремится к возможному облегчению работы памяти при сохранении формы данного языкового элемента, несмотря на разнообразие комбинаций, частью которого он может быть. Как мы видим, две последние потребности представляют собой два противоположных аспекта лингвистической экономии. И, наконец, заключительная потребность — это потребность в экспрессивности. Она объясняется тем, что чем больше знак находится в употреблении, тем более потребность его обновить [4].

Г.В. Ейгер [2] в 90-е годы XX века подчеркивал важность изучения отрицательного материала при изучении нормализации. Он утверждал, что отклонения от нормы целесообразно изучать в рамках ортологии. Поскольку ортология изучает не только норму и кодификацию, но и отношения человека к ним, то в ней может быть выделен психолингвистический аспект. Одной из основных

задач психолингвистической ортологии является изучение психолингвистических факторов, обеспечивающих правильность высказывания. Целью исследования Г.В. Ейгера было описание механизма контроля языковой правильности высказывания на основных этапах речепроизводства как в процессе саморегуляции, так и в процессе становления этого механизма при овладении иностранным языком. Ученый прослеживает особенности работы названного механизма на основных этапах процесса речепроизводства и предлагает соответствующую трактовку речевых ошибок. Работа Г.В. Ейгера выполнена на материале разнообразных типов ошибок [2].

С.И. Горохова [1] на основе анализа речевых ошибок спонтанной устной речи носителей русского языка исследовала психолингвистические особенности механизма речепроизводства. Исследователь выявляет зависимость между возникновением ошибок в речи и информационной структурой высказывания и разграничивает ошибочные речевые операции, ошибки в звене моторного программирования речи и его реализации, давая им объяснение с позиций функционирования механизма речепроизводства, актуализации лексико-семантических и грамматических полей, интонационных моделей и т. д. Автор предприняла попытку использования фрейм-подхода для объяснения принципов действия различных механизмов речепроизводства. Фрейм трактуется как минимально необходимая структурная информация, однозначно определяющая некоторый класс объектов. Исследователь описывает производство речи как процесс актуализации и заполнения сложной системы фреймов, строящихся на эвристической основе при оптимальном сочетании вероятностного и алгоритмического принципов [1].

Было проведено множество попыток сбора и систематизации речевых ошибок. Рассмотрим наиболее значимые из них.

С.Н. Цейтлин проводила исследование речи в онтогенезе и выделила три больших класса ошибок речи школьников:

1) ошибки, свойственные только письменной речи: орфографические, пунктуационные;

2) ошибки, свойственные только устной речи: фонетические, акцентологические;

3) ошибки, не зависящие от формы речи: словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, стилистические [6].

Классификация ошибок наборщика проведена Ю.В. Красиковым на обширном материале, но это тоже формальная классификация. Автор выделяет два больших класса ошибок наборщика: 1) орфографические и пунктуационные, 2) семантические [3].

Исследования и работы по систематизации ошибок имеют ценность больше в методическом, чем теоретическом плане. Таким образом, классификация ошибок упирается в их теоретическое осмысление, которое только ждет своих исследователей. Показательный факт: в лингвистических словарях нет терминов «ошибка», «речевая ошибка», ибо это не термины.

Таким образом, с момента обращения к отрицательному материалу как материалу для исследования было сделано и написано достаточно много, но тем не менее проблема речевых ошибок не получила полного теоретического осмысления. Можно предположить, что дальнейшая работа с отрицательным материалом даст возможность расширить наше понимание процессов производства речи и механизмов контроля ее правильности, что имеет практическую ценность в области изучения иностранных языков. Кроме того, необходима теоретизация проблемы речевых ошибок, что имеет значение в области лингвистической экспертизы текста.

Литература

1. Горохова С.И. Психолингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
2. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.
3. Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М., 1980.
4. Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006.
5. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
6. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

Н.М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

Перекуем мечи на орала:
**Вариативность в синтаксическом оформлении аргументов
трансформативных глаголов на *пере*¹**

В работе рассматриваются употребления приставки *пере-* типа *перековали мечи на орала, переименовали из Сталинграда в Волгоград, перешитый из старых брюк* и т.п. На материале Национального корпуса выявляется набор глаголов, допускающих такие употребления. Для этих глаголов определяется и анализируется набор возможных моделей управления (*пальто, перешитое из шинели*, но ?*мука, перемолотая из костей*). Для глаголов, допускающих несколько моделей управления (*церковь, перестроенная в ангар* vs. *ангар, перестроенный из церкви*), обсуждаются факторы, влияющие на выбор той или иной из них.

Ключевые слова: *глагольная деривация, префиксация, приставка пере-, аргументная структура, диатезы, альтернации*

The paper deals with the uses of the Russian prefix *pere-* that has a meaning of transformation and adds an elative prepositional phrase (from the initial state) and / or a lative prepositional phrase (to the final state) to the argument structure of the verb, e.g. *pere-stroitj iz bašni v dvorec* (to convert the tower into a palace, lit. “re-build from tower to palace”). The inventory of such verbs is revealed, along with the explanation of differences in their argument structure. Alternations such as *re-build the palace from a tower / re-build the tower to a palace* are also analyzed.

Keywords: *verbal derivation, prefixation, prefix pere-, argument structure, alternations*

0. «Трансформативные» глаголы на *пере*

В работе рассматриваются употребления русской приставки *пере-* (далее трансформативные) типа *перековать мечи на орала, перемолоть кости в муку, перестроить из конструктивистской башни в сталинский дворец* и под.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12-34-01255.

Такие употребления, с одной стороны, примыкают к продуктивному классу репетитивных (или «реконструктивно-повторных») употреблений *пере-* (типа *перечитать книгу, переписать диктант, переслушать диск*), с другой стороны – к классу пространственных употреблений (типа *перейти с одной стороны улицы на другую, переложить из банки в кастрюлю*). С первым классом трансформативные употребления *пере-* обнаруживают отчетливую семантическую общность – значение преобразования, изменения результата. Со вторым их сближает синтаксическое оформление. Как и пространственные употребления и в отличие от ядерных репетитивных (*перечитать*), трансформативные употребления предполагают модель управления «элативной» предложной группой *с / из* + род.п. (ср. *перестроенный из конструктивистской башни и перевезенный из тюрьмы*) и / или «лативной» предложной группой *на / в* + вин.п. (ср. *перестроенный в сталинский дворец и перевезенный в земскую больницу*).

Для одного и того же трансформативного глагола часто наблюдается варьирование в оформлении аргументов, ср.:

(1) ...*парчовые и церковные облачения* были перешиты в *женские боярские костюмы*. [«Русское слово» (1910)]²

(2) Дверь снова распахнулась, и в комнату вошел хилый молодой человек в *пальто*, перешитом из *солдатской шинели*, и в *линялой студенческой фуражке*. [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)]

Подобное варьирование можно рассматривать в ряду т.н. «диатетических преобразований», или «альтернатив» (см. [Levin 1993], [Падучева 2004] и др.) – т.е. таких преобразований в аргументной структуре, которые при этом (в отличие от залога и актантажной деривации) не сопровождаются формальным изменением в глаголе. В русском языке наиболее известными и хорошо исследованными являются т.н. локативные альтернативы типа *грузить баржу кирпичом / грузить кирпич на баржу*, ср. также неоднократно обсуждавшиеся примеры типа *мазать масло*

² Если специально не указано обратное, примеры взяты из Русского национального корпуса.

на хлеб / мазать хлеб маслом, ветер шелестит листьями / листья шелестят на ветру [Падучева 1998] и т.п.

Преобразования типа *перестроить церковь в больницу / перестроить больницу из церкви*, насколько нам известно, в подобном ключе систематически не рассматривались. С несколькими теоретическими позициями вопрос о соотношении подобных употреблений (в основном на примере пары *перешить в / перешить из* в контексте общей организации префиксальной парадигмы глагола *шить*) затрагивается в [Добрушина, Пайар 2001].

Выбор того или иного из конкурирующих типов синтаксического оформления в каждом конкретном случае бывает обусловлен целым рядом частных факторов, часто достаточно сложно взаимодействующих друг с другом. Общее же представление о диатетических преобразованиях состоит в том, что обычно они тем или иным образом отражают разные способы «упаковки информации», коммуникативной организации высказывания – представление разных участников ситуации как более и менее центральных / периферийных, значимых / незначимых, актуальных / неактуальных и под. Как будет показано ниже, не является исключением и альтернатива при трансформативных глаголах на *пере-*, хотя она оперирует и не в точности с тем же типом коммуникативной организации, что, например, локативная альтернатива.

Настоящая работа преследует, таким образом, следующие цели. Первая – чисто техническая – определение границ класса трансформативных употреблений на основании формальных (синтаксических) критериев и его «инвентаризация» (см. п.1). Следующие две задачи – собственно содержательные. Это, во-первых, выявление синтаксических различий между глаголами внутри класса трансформативов (ср. ^{ок}*перешить в платье*, ^{ок}*перешить из старой шинели* vs. *переплавить в украшения*, [?]*переплавить из золота*) и попытка их семантической интерпретации (см. п.3). Во-вторых, это объяснение условий выбора той или иной из имеющихся у данного трансформативного глагола моделей управления в том или ином контексте (см. п.4), ср.:

(3) Отделение, в котором лежал Федор Леонидович, перестроено из барской конюшни. [В. Панюшкин. Безумие (1997)]

(4) ???Из барской конюшни перестроено новое отделение городской больницы.

В работе бы использован материал Русского национального корпуса (www.ruscorgo.ru). Для 25 глаголов на *пере-*, найденных по словнику Грамматического словаря Зализняка [Зализняк 1980], были просмотрены все их употребления в Корпусе, из них вручную отфильтрованы все трансформативные употребления. Включались в рассмотрение также отдельные примеры из Интернет-ресурсов.

1. Границы класса трансформативных глаголов

В класс трансформативов мы (условно) включали глаголы на *пере-* со следующими свойствами.

1) Глагол описывает ситуацию трансформации 'превратить TR (Изменяемый объект) из S (Источник изменения) в G (Результат изменения)³:

(5) Но когда Матрюк умер, сыновей живо окрестили и отдали в кадетский корпус, переименовав старшего (TR) из Амалата (S) в Георгия (G), а младшего (TR) — из Азамата (S) в Ивана (G). [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]

Поэтому не включались в рассмотрение, например, такие употребления, как *переклеить ценники с йогурта на сметану*.

2) Глагол может иметь модель управления с предложной группой *с/из*+род.п. (*переименовать из Амалата*) и / или *на/в*+вин.п. (*переименовать в Георгия*). Причем а) хотя бы одна из этих позиций должна отсутствовать у исходного глагола: **именовать в Георгия*, **именовать из Амалата* (таким образом, мы не включаем, например, глагол *переменить* (*с... на...*) < *менять* (*с... на...*)); б) глагол допускает хотя бы 1 из участников с

³ Поскольку аргументы трансформативного глагола оформляются по аналогии с аргументами глагола перемещения (предложными группами *в/на, из/с*), нам кажется удобным использовать ту же метафору в сокращениях для соответствующих ролей – TR (Trajector), S (Source), G (Goal).

ролями TR, S, G в позицию прямого дополнения: *переименовать сына, переименовать Аламата* (таким образом, не включаем случаи типа *переустроиться с прежней работы на новую*).

С учетом перечисленных ограничений, у нас получился следующий список трансформативных глаголов:

перевоспитать(ся), переделать, пережечь, переименовать, переквалифицировать(ся), перековать, перекодировать, переконструировать, перекрестить(ся), перекроить, переладить, перелицевать, перемалевать, перемолоть, переоборудовать, перепаять, переплавить, переработать, перерисовать, перестроить, перетереть, переучить(ся), переформировать, перечеканить, перешить

Список был составлен по словнику Грамматического словаря Зализняка и проверен по Корпусу (исключены глаголы, ни разу не встретившиеся в Корпусе в трансформативном употреблении).

2. Набор возможных моделей управления

У трансформативного глагола, как сказано выше, может быть более одной модели управления. Максимальное их число – три, по числу участников ситуации трансформации. Каждый из этих трех участников может занимать позицию прямого дополнения (остальные оформляются соответствующими предложными группами или остаются невыраженными):

■ **МОДЕЛЬ 1** (*trajector-oriented*): в позиции прямого дополнения – изменяемый объект (TR)

- пере-V TR_{ACC} из S в G: *«КамАЗ» 1990 года выпуска* (TR), переделанный *из бортового варианта* (S) *в самосвал* (G)

■ **МОДЕЛЬ 2** (*goal-oriented*): в позиции прямого дополнения – результат изменения (G)

- пере-V G_{ACC} из S: *дверь* (G), которую Ефим переделал *из окна* (S)

■ **МОДЕЛЬ 3** (*source-oriented*): в позиции прямого дополнения – источник изменения (S)

- пере-V S_{ACC} в G: нужно *невесту* (S) переделать *в мать* (G)

3. Наборы моделей управления для разных подклассов трансформативных глаголов

Не все трансформативные глаголы могут иметь максимальный набор, включающий все три модели управления. На основании выборки примеров из Корпуса, для каждого из глаголов был установлен набор реально зафиксированных моделей⁴:

Таблица 1. Подклассы трансформативных глаголов: набор моделей управления

набор моделей управления	глаголы
M1 (TR из S в G)	*
M2 (G из S)	*
M3 (S в G)	пережечь, переладить, перемолоть, перепаять, переплавить, перерисовать, перетереть
M1+M2	*
M1+M3	(переквалифицировать(ся)), перековать, перекодировать, переконструировать, перекрестить(ся), переучить(ся), перечеканить, ?перевоспитать
M2+M3	перекроить, перелицевать, перемалевать, переработать, переформировать, перешить
M1+M2+M3	переделать, переименовать, переоборудовать, перестроить

Полученные данные позволяют рассмотреть следующие вопросы. Почему не все из логически возможных наборов моделей управления зафиксированы в реальности (см. п. 3.1)? Коррелирует ли получившееся формальное разбиение трансформативов на синтаксические подклассы с их семантикой? Как объяснить

⁴ Отметим, что количество употреблений трансформативных глаголов в НКРЯ достаточно мало (100-200 для самых частотных): для некоторых глаголов модели, не зафиксированные в Корпусе, находятся, тем не менее, Интернет-поисковиками.

наличие / отсутствие той или иной модели управления у того или иного класса глаголов (см. п.3.2)?

3.1. Ограничения на возможный набор моделей управления

Как отмечалось выше, только половина из логически возможных наборов моделей управления встречается на самом деле:

Таблица 2. Ограничения на набор моделей управления

набор моделей управления	зафиксирован / не зафиксирован
M1 (TR из S в G)	*
M2 (G из S)	*
M1+M2	*
M3 (S в G)	ОК
M1+M3	ОК
M2+M3	ОК
M1+M2+M3	ОК

Данные, приведенные в Таблице 2, позволяют сформулировать следующие два обобщения:

1) Только модель управления M3 (S в G) может выступать в качестве единственной модели управления трансформативного глагола.

2) Модель M3 (S в G) всегда входит в набор возможных моделей управления.

Периферийный статус «избыточной» модели M1 (TR из S в G) не кажется неожиданным, более интересно, что неодинаково ведут себя симметричные на первый взгляд модели M3 и M2. Это проявляется и на других уровнях и подробнее обсуждается в п.5.

3.2. Синтаксические типы трансформативов и семантика глагольной основы

Таким образом, по набору моделей управления трансформативные глаголы разбиваются на четыре класса. Возникает вопрос, стоит ли за этим формальным разбиением какая-либо семантическая общность.

Как кажется, принадлежность глагола на *пере-* к одному из этих синтаксических классов достаточно хорошо коррелирует не столько с семантикой самого глагола, сколько с семантикой

основы. Беспредставочные глаголы, от которых могут быть образованы трансформативные дериваты на *пере-*, можно разделить на три больших семантических типа:

- глаголы создания (типа *шить*);
- глаголы уничтожения (типа *жечь*);
- глаголы изменения (типа *учить*).

Оказывается, что единственную модель управления МЗ имеют трансформативы, образованные от глаголов уничтожения, модели М1 и МЗ – трансформативы, образованные от глаголов изменения, М2 и МЗ – трансформативы, образованные от глаголов создания:

Таблица 3. Набор моделей управления и значение глагольной основы

набор моделей управления	значение основы
МЗ (S в G)	уничтожение
М1+МЗ	изменение
М2+МЗ	создание
М1+М2+МЗ	изменение, создание

Объяснить такое распределение можно следующим образом. В семантике трансформативного глагола присутствуют все три семантических компонента – три подситуации, соответствующие трем участникам ситуации трансформации:

- ‘превратить TR (Изменяемый объект) из S (Источник изменения) в G (Результат изменения)’=

- изменить TR (изменяемый объект);
- создать G (результат изменения);
- уничтожить S (источник изменения);

Какой из этих компонентов осмысливается как центральный, как раз и отражается в модели управления (то есть распределении «рангов» участников, соответствующим каждой из этих подситуаций):

- модель 1 (TR – прямое дополнение) ⇔ в центре изменение;
- модель 2 (G – прямое дополнение) ⇔ в центре создание;
- модель 3 (S – прямое дополнение) ⇔ в центре уничтожение.

Таким образом, естественно, что трансформативный глагол «выбирает» в первую очередь те модели управления, за которыми стоит значение, «унаследованное» от исходного глагола:

- изменение \Leftrightarrow набор, включающий M1 (TR из S в G);
- создание \Leftrightarrow набор, включающий M2 (G из S);
- уничтожение \Leftrightarrow набор, включающий M3 (S в G).

Следует также отметить другие факторы, которые могут влиять на набор моделей управления для конкретного глагола. Во-первых, это частотность: кажется вполне закономерным, что полный набор моделей управления M1+M2+M3 имеют самые частотные из трансформативов. Во-вторых, это модель управления исходного глагола: ситуация, когда соответствующая предложная группа вводится приставкой *пере-* (*переименовать из* – **именовать из*) не вполне аналогична ситуации, когда она присутствует в модели управления исходного глагола и «автоматически» наследуется дериватом на *пере-* (*перешить из* – *шить из*).

Отдельно стоит оговорить ограничения, накладываемые на модель управление M1 (TR из S в G), которая – являясь в определенном смысле семантическим прототипом – тем не менее, представлена у очень небольшого числа глаголов. Ограничения связаны, как кажется, прежде всего, с принципиальной невозможностью для многих глаголов выразить отдельную роль Объекта изменения. Это глаголы, которые можно назвать глаголами «кардинального изменения»: их Источник и Результат изменения, относясь к разным онтологическим классам, не могут быть осмыслены как единая сущность и, соответственно, «склеены», «обобщены» в роль Объект изменения. В частности, это те глаголы, для которых в роли источника изменения выступает материал, который никогда не аналогичен создаваемому из него объекту:

(6) И из стали мы можем выковать, что захотим, *чугун* переплавить в *памятник* и т. д. [Л. И. Шестов. На весах Иова (1929)] *чугун* ≠ *памятник*

С другой стороны, такого запрета не может быть для глаголов с участником-лицом (который «всегда остается самим собой»):

(7) В это же время *Рональд Рейган* переквалифицировался из *голосовавшего за демократов*

либерала в крайне правые... [«Известия» (2001)] – Рейган-либерал=Рейган-крайне правый

4. Выбор модели управления

Выше обсуждается набор моделей управления, потенциально возможных для каждого из трансформативных глаголов. В этом разделе речь пойдет о том, какая конкретно модель управления выбирается из этого набора в том или ином контексте.

4.1. Выбор модели управления и синтаксическая структура предложения

Выбор модели управления коррелирует с синтаксической позицией глагола. Модель M2 (G из S) очень редко употребляется при финитном глаголе и достаточно часто – при пассивном причастии в составе причастного оборота:

(8) *Перестроенное из бывшего Житного двора здание Дворцовой канцелярии*, которое Фомин в конце 1920-х годов изменил до неузнаваемости... [«Неприкосновенный запас» (2010)]

Ср. данные Корпуса по глаголу *переделать*: процент употреблений M3 в причастном обороте резко выделяется на фоне данных по M2 и M1.

Таблица 4. Модель управления и синтаксическая позиция глагола: *переделать*

<i>переделать</i>	M1	M3	M2
% пасс. прич. (в прич. обороте)	18%(3)	14%(14)	77%(30)

Можно предположить, что на самом деле выбор модели M2 связан не непосредственно с формой глагола, а с синтаксической позицией участника Результат изменения (G). Употребления M2 в пассивном причастном обороте – это как раз те употребления, где Результат изменения занимает синтаксическую позицию более высокую, чем его обычная позиция прямого дополнения в финитной клаузе. То есть на более глубоком уровне общая тенденция состоит, видимо, в том, чтобы «вынужденно» допускать маргинальную модель M2 только в тех случаях, когда участника Источник изменения необходимо повысить еще больше, чем до статуса прямого дополнения. Если это так, то, помимо тенденции к

выбору M2 при пассивном причастии, в причастном обороте следует ожидать, что эта модель управления будет легче допускаться и в других конструкциях с синтаксическим повышением участника Результат изменения – в относительных придаточных (*который переделали из*), финитной пассивной конструкции (причастной или на *-ся*: *был переделан из, переделывается из*) и, возможно, в имперсональных конструкциях типа *переделали из*. Для того же глагола *переделать* из 9 оставшихся финитных употреблений 2 приходится на пассивную конструкцию и 4 на относительные придаточные.

4.2. Выбор модели управления и коммуникативная структура предложения

Для финитных форм глагола (о причастиях см. выше, п.4.1) выбор модели управления можно связать также с коммуникативной структурой высказывания, а именно с его актуальным членением. Общее правило состоит в том, что участник, оформляемый прямым дополнением, должен являться темой (или входить в тему), а участник, оформляемый предложной группой, – являться ремой (или входить в рему), ср. примеры на разное оформление аргументов глагола *перестроить* при разном актуальном членении:

(9) ...говорил в конце 93-го года Робеспьер, желавший гильотиной переделать *французов_T в общество, полное добродетели_R* / *???из французов_T переделать общество, полное добродетели_R* [Р. Б. Гуль. Дзержинский (Начало террора) (1974)] – тема-объект изменения => M1

(10) ...надо было взять топор, снести перегородку, забить дверь, *которую_T* Ефим переделал *из окна_R... / ???из которой_T* Ефим переделал *окно_R* [А. Львов. Двор (1981)] – тема-результат изменения => M2

(11) Так, в день моего рождения приснился сон, будто *камеру_T* переделали в *баню_R...* / *???из камеры_T* переделали *баню_R* [Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)] – тема-источник изменения => M3

Аналогичной жесткой связи на первый взгляд нет для глаголов создания и изменения без префикса *пере-*: *эту коробочку_T* мы сделали *из золотой бумаги_{R}}* / *из этой золотой бумаги_T* мы сделаем *коробочку_R*.

К сформулированному выше правилу следует сделать следующие оговорки. Во-первых, достаточно сложным оказывается вопрос о коммуникативном статусе двух разных предложных групп для модели 1 (TR из S в G). Ср.:

(12) Составленный по этому случаю *разбор*_T П. И. Мельников *из официального* переделал в *литературную статью* и напечатал в «Отечественных записках» 1842 г. [П. И. Мельников-Печерский. Автобиография (1859)]

Однако, каковы бы они ни были, достаточным для использования этой модели является тематический статус Объекта изменения.

Во-вторых, для прямого дополнения кажется вполне допустимой позиция контрастной ремы (фокуса контраста), которая и в целом сильно отличается по своим свойствам от прототипической ремы:

(13) В 1924 г. в Ленинград_T переименовали не Санкт-Петербург, а Петроград_{R_CONTR} [пример из Интернета]

В остальном сформулированное выше правило применяется последовательно⁵. Так, например, для глагола *переделать* в Корпусе всего 2 очевидных исключения на 96 финитных употребления, и оба они кажутся стилистически небрежными:

(14) Возвратившись к круглому столу, я изобразил синего зайца, потом нашел нужным переделать *из синего зайца*_T *куст*_R / ^{ок}синего зайца в куст. [Л. Н. Толстой. Детство (1852)]

(15) А *из этого*_T переделаем *летнее пальтишко*_R для Тони / ^{ок}а это переделаем в летнее пальтишко [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут (1975-1977)]

Для глагола *перестроить* в Корпусе 1 исключение:

(16) Бонапарте перестроил *из одной церкви*_(T) *театр*_R, и они ему обязаны, что имеют теперь сие удовольствие, ибо до него не было театра в Порто-Феррайо. [А. Д. Чертков. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. (1823-1825)]

⁵ Следует, правда, оговорить, что «конкуренция» для финитных форм не столь велика: как сказано выше, модели G из S (M2) характерна в основном для причастий и лишь в редких случаях встречаются при финитных формах. Однако, по крайней мере, тенденция к тому, чтобы при модели S в G (M3) темой был Источник изменения, очень жесткая.

В этом предложении прямое дополнение *театр*, вопреки сформулированному выше правилу, бесспорная рема, однако предложная группа *из одной церкви* не является прототипической темой, ср. нехарактерный для темы статус нового, а не данного.

Для глагола *перешить* исключений больше – 4 на 19 финитных употреблений, и они кажутся несколько более естественными, чем примеры на *переделать*. При этом, если приемлемость (20) и (21) можно объяснить тем же эффектом, что и в (19), то примеры (22) и (23) демонстрируют канонические тему и рему.

(17) И жена его сильно занята: она часа три толкует с Аверкой, портным, как *из мужниной фуфайки*_(Т) перешить Илюше *курточку*_Р. [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

(18) Она сама себе перешила *из материнной*_(Т) *черную юбку с разрезом и пуговицами*_Р... [Ю. Дружников. Виза в позавчера (1968-1997)]

(19) И вот артист взял у матери это одно пальто и перешил *из него*_Т девице *юбку*_Р. [Д. И. Хармс. Произведения разных лет (1929-1940)]

(20) Постоянная бедность подавляющего большинства моих соотечественников из века в век заставляла их рядиться во что-то «немаркое», «неброское», «теплое» и «практичное», *из чего*_Т потом можно перешить *одежку*_Р, скажем, младшему брату. [Б. Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)]

В связи с этими примерами следует упомянуть работу [Добрушина, Пайар 2001]. В ней в контексте словообразовательных моделей глагола *шить* обсуждается, в частности, разница между употреблениями типа *перешить из* и *перешить в*. Между этими употреблениями авторы видят не только чисто прагматическое, но и семантическое различие и рассматривают их в своей классификации как отдельные подзначения *перешить*. Употребление *перешить в* (М3), по мнению авторов, описывает преобразование одного объекта в другой, тогда как в употреблении *перешить из* (М2) один из участников выступает не как Объект изменения, сходный по своим свойствам с Результатом изменения, а как Материал. Этим, по мнению авторов, объясняется меньшая лексическая избирательность конструкции *перешить из* (*перешить юбку из пальто*, но не [?]*пальто в юбку*). Для приведенных выше примеров на *перешить* (как и для исключений с *перестроить* и *переделать*)

действительно хочется предположить, что в них соответствующий глагол на *пере-* скорее похож на дублет исходного бесприставочного глагола (*шить из, сторить из, делать из*), чем на трансформатив. На это указывает и дативное дополнение со значением бенефицианта (*перешить кому*) в (16)–(18), которое характерно для исходного глагола *шить* (*шить кому*), но ни разу не встречается при глаголе *перешить* с моделью управления *перешить в*.

Корреляция между темо-рема-тической и синтаксической структурой в конструкциях с трансформативными глаголами вполне объяснима. Известна общая тенденция более центральных синтаксических позиций к большей «топикальности». При наличии единственной модели управления – это тенденция, а не жесткое правило: необходима возможность отразить разную коммуникативную организацию в рамках этой единственной модели: *этот замок_T мы построим из песка_R / из этого песка_T мы построим замок_R*. При наличии дополнительных средств отражения различий в коммуникативной организации (в данном случае – выбор модели управления из нескольких возможных) – тематическая позиция, что вполне естественно, более жестко «закрепляется» за более центральной синтаксической позицией прямого дополнения.

Интересно, что для других диатетических преобразований, также отражающих в широком смысле различия в информационной организации высказывания, тем не менее, жесткой связи именно с темо-рема-тической структурой не наблюдается: *на этот кусок_T намажьте шоколадное масло_R / шоколадное масло_T намажьте на кусок белого хлеба_R; этот кусок_T намажьте шоколадным маслом_R / этим шоколадным маслом_T намажьте небольшой кусок белого хлеба_R*.

5. Трансформативные глаголы и асимметрия между источником и целью

Выше показано, что на самых разных уровнях логически симметричные участник Результат изменения («цель») и участник Источник изменения («источник») ведут себя не аналогично:

Таблица 5. Асимметрия между участниками Источник изменения и Результат изменения

	M2 (из/с+S)	M3 (в/на+G)
в наборе моделей упр-я	-не может быть единственной в наборе м.у.	- может быть единственной - встречается во всех засвидетельствованных наборах м.у.
связь с ком. структурой (пр.доп.=тема)	может нарушаться	не нарушается
синтаксические ограничения	причастный оборот с пасс. причастием	--

По всем параметрам Модель 3 (предложная группа – Цель) «побеждает» модель 2 (предложная группа – Источник).

Хорошо известна асимметрия между близкими к рассматриваемым ролями Источника движения (*идти из*) и Цели движения (*идти в*), наблюдаемая в разных языках и на разных уровнях, – т.н. “goal bias” (ср., например, для русского *идти: Трамвай идет!* = ‘подходит / *уходит’ [Rakhilina 2005]). Для трансформативов картина формально аналогична: модель управления с целевой валентностью оказывается более выделенной, чем модель управления с валентностью источника. Это логично и предсказуемо еще и потому, что предложное оформление участников ситуации трансформации аналогично оформлению пространственных ролей.

Однако на более глубоком уровне ситуация кажется скорее обратной (anti-“goal bias”). Для глаголов движения за формальной выделенностью целевой валентности стоит выделенность соответствующей роли. Для трансформативных глаголов, наоборот, выделенность целевой валентности указывает на выделенность роли Источника (занимающего позицию темы и прямого дополнения).

6. Выводы

Таким образом, трансформативы представляют собой особый класс дериватов на *пере-* с а) отчетливым общим значением (ситуация трансформации), б) единством синтаксического оформления (добавление предложной группы *на/в* и/или *с/из*). Трансформативные глаголы могут иметь (максимум) три модели управления по числу участников ситуации трансформации, каждый из которых может занимать «высокую» позицию прямого дополнения. У разных глаголов представлен разный набор моделей управления (от 1 до 3). Он коррелирует с семантическим классом исходного глагола (создание / изменение / уничтожение), который «навязывает» трансформативному деривату выделенность того или иного участника (и, соответственно, наличие соответствующей модели управления) трансформативному деривату. Для глаголов с несколькими моделями управления выбор модели коррелирует а) с коммуникативной структурой предложения (прямое дополнение - тема), б) а также с синтаксической организацией предложения (модель М2 – в причастных оборотах, т.е. конструкциях с повышением прямого дополнения). Для трансформативных глаголов на *пере-* на разных уровнях наблюдается асимметрия между участниками Источник изменения и Результат изменения (“anti(?)–goal bias”).

За всеми описанными формальными особенностями трансформативных глаголов на семантическом уровне стоит, как кажется, следующее. Дело в том, что ситуация трансформации на самом деле не является цельной и единой, а объединяет в себе три подситуации с тремя разными участниками (уничтожение источника изменения, преобразование объекта изменения, создание результата изменения). Лексически и контекстно заданное «ранжирование» этих подситуаций внутри ситуации трансформации и находит отражение в синтаксическом оформлении участников, его взаимодействии с коммуникативной структурой высказывания и семантикой глагольной основы.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М. 1995(1974).
2. Добрушина Е.Р., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Добрушина Е.Р., Меллина

- Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. С. 11-254.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. М.: Русский язык. 1980(1977).
 4. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М. 1998.
 5. Падучева Е.В. 1998. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания, 5. 1998.
 6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. 2004.
 7. Levin B. English verb classes and alternations. Chicago & London. 1993.
 8. Rakhilina E.V. There and back: the case of Russian 'go'. GLOSSOS, 5, P. 1–33. 2005.

М.Л. Федотов

ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург

**Конструкция имедиатного предшествования в языке гбан:
к типологии имедиатности¹**

В работе рассматриваются конструкции с семантикой имедиатного предшествования ('только что') — и в целом показатели субъективной временной близости предшествующей ситуации в языках мира. В первой части работы рассматриваются свойства конструкции «*wà (=le)* 'приходить из' + локативная номинализация» в языке гбан (< южные манде). Во второй части обсуждается материал других языков и предлагается предварительная типология грамматических средств выражения временной близости предшествующей ситуации. Производится разделение таких средств на обязательные и факультативные, что коррелирует с абсолютно-временной и относительно-временной семантикой. В отношении показателей второго типа делается ряд дополнительных наблюдений, в том числе о предполагаемой перфективной составляющей их семантики (на материале гбан, испанского, французского) и о случаях независимой грамматикализации таких показателей из семантически сходных источников ('приходить из', 'заканчивать').

Ключевые слова: *гбан, испанский, французский, типология, аспектуальность, таксис, имедиатное предшествование, временная близость, временная дистанция, субъективность, обязательность*

¹ Исследование поддержано грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-575.2012.6.

Автор хотел бы поблагодарить за сотрудничество в качестве информантов Такй Ойю Робера (гбан), участников форума forums.about.com, aneth.estragon и midoan (французский), а также участников форумов lingforum.com и tomismo.org Guijarro и JPablo (испанский).

Автор признателен Н. М. Заике, Е. Л. Кушнир и В. В. Байде за предоставление и обсуждение материала баскского языка, языка яуре и ирландского языка.

This paper considers the issue of constructions with immediate precedence ('just now') semantics – and of subjective recency markers in general – in the languages of the world. The first part examines the features of the “*wà* (= *le*) ‘come from’ + locative nominalization” construction in Gban (< South Mande). The second part discusses data from some other languages and outlines a preliminary typology of grammatical devices which express recency of a precedent situation. Such devices can be separated into obligatory and non-obligatory, which correlates with their having absolute-tense or relative-tense semantics. Some additional observations are made concerning markers of the second type – among them a hypothesis of a perfective component in their semantics (data from Gban, Spanish, and French) and an observation of facts of independent grammaticalization of such markers from semantically similar sources ('come from', 'finish').

Keywords: *Gban, Spanish, French, typology, aspect, relative tense, immediate precedence, recency, temporal distance, remoteness, subjectivity, obligatoriness*

0. Вступление

В настоящей работе рассматриваются конструкции с семантикой «**иммедиатного предшествования**» ('только что') в языках мира.

В первой части работы рассматриваются свойства конструкции «*wà* (= *le*) 'приходить из' + локативная номинализация» в языке **гбан** (раздел 1).

Во второй части проводятся параллели с показателями, засвидетельствованными в других языках, и предпринимается попытка наметить предварительную **типологию** грамматических средств выражения «иммедиатности» и — шире — субъективной «временной близости» предшествующей ситуации (раздел 2).

1. Конструкция **иммедиатного предшествования** в языке **гбан**

В языке **гбан**² засвидетельствовано несколько грамматализованных средств выражения семантики **временной дистанции** (временной удалённости).

² **Гбан** (*gbá*) — один из языков группы южных манде (< манде < нигер-конго); имеет ок. 37 000 носителей, проживающих в центральной

гораздо **бóльшей** физической удалённостью — ср. примеры (5)–(6):

(5) ^{OK} gwè ʷ wà vò = dià
 война он IPFV\уходить заканчивать=место
 ‘Война только что кончилась’. (~ май 2011 г.
 → сентябрь 2011 г.) (Высказывание реферирует, как было
 специально оговорено, к моменту окончания вооружённых
 столкновений в Кот д’Ивуаре 2010–2011 годов, которые
 завершились примерно в апреле–мае 2011 г. — **за четыре месяца**
 до момента речи)

(6) ^{OK} j̣ wà [sá dòà kè kwè né
 я IPFV\уходить дом новый строить год этот
 yé] = dià
 с=место

‘Я только что построил новый дом, в этом году’. (^{OK}«событие
 могло произойти **в любое время** на протяжении этого года,
 главное — что оно имеет важность»)

Вместе с тем возможность использования конструкции при
 референции к ситуациям, имеющим значительную физическую
 удалённость, по-видимому, ограничивается определёнными
 свойствами этих ситуаций: (высокой) стандартной
 продолжительностью и/или (не)ординарностью и/или
 (достаточной) серьёзностью последствий (эти свойства можно
 объединить под понятием «**масштабности**» ситуации).

Так, возможность референции к менее масштабной ситуации —
 покупке предмета одежды — при помощи предложения с
 конструкцией имediataного предшествования была оценена
 информантом как сомнительная при физической временной
 удалённости уже в несколько часов — ср. пример (7):

(7) j̣ wà ṭò gò = dià
 я IPFV\уходить одежда покупать=место
 ‘Я только что купил пань’. (^{OK}‘несколько минут назад’; ??‘**пять
 часов назад**’)

См. также обсуждение этих эффектов на материале других языков
 в разделе 2.3, пункт 3.

1.2 Семантика: аспектуальная составляющая

1.2.1. Перфектность?

Как видно из уже приводившихся примеров (ср. также пример (8) ниже), ситуации, к которым реферируют высказывания с исследуемой конструкцией, очень часто обладают свойством «**текущей релевантности**»⁷. Исходя из этого, можно было бы предположить, что в значение конструкции входит самостоятельный компонент **перфектности**.

- (8) *gwɫɛ* " *wə̃ = lə̃* *ká = díâ*
 дождь он IPFV\уходить=L падать=место
 {Говорящий смотрит в окно и видит, что земля мокрая:}
 '[Видимо,] только что (про)шёл дождь'.

Тем не менее, есть основания считать в данном случае часто возникающую перфектную интерпретацию **имплицатурой**, выводимой из иммедиатности⁸, а не частью семантики самой конструкции. Так, употребление конструкции, как кажется, возможно для референции к иммедиатной ситуации даже в случае **отмены её результата** — ср. пример (9):

- (9) *lɛ̃, èè bé li* *yèkè?* *ì*
 итак ты что FOC_NSBJ IPFV\делать я
wə̃ = lə̃ *à* *lɛ̃lɛ̃ = díâ!*
 IPFV\уходить=L его стирать=место
 '[Говорящий видит, что ребёнок снова пачкает одежду, которая ещё секунду назад была чистой]: — Ты что делаешь?! Я же её только что (по)стирала!'

⁷ В понимании Э. Даля и Э. Хедин [14]. По-видимому, к проявлениям текущей релевантности можно отнести сохранение прямого результата ситуации, наличие причинно-следственной или логической связи, а также «актуальность», важность ситуации для участников коммуникативного акта.

⁸ Отметим, что компонент иммедиатности является постоянным. Употребление конструкции невозможно в случае ситуаций, не являющихся иммедиатными — независимо от наличия у них текущей релевантности.

1.2.2. Перфективность

С другой стороны, есть основания для выделения в семантике исследуемой конструкции компонента («широкой») **перфективности**⁹.

Так, все имеющиеся примеры демонстрируют аспектуальные интерпретации, соответствующие значениям из перфективной зоны. В большей части имеющихся примеров ситуация, к которой реферирует смысловой глагол, является точечной (**пунктив**), начинается (**инцептив**) или достигает естественного предела (**комплетив**) — ср. примеры (1)–(7), (9)–(10) выше. В остальных случаях (с неопредельными ситуациями) она оказывается «ограниченной во времени» и «свёрнутой в точку», что соответствует значению **лимитатива** — ср. пример (8): ‘дождь [некоторое время] шёл’, а также пример (10) ниже ‘я [некоторое время] смотрел’¹⁰.

При этом в контекстах с одновременностью заданному времени отсчёта в прошлом, которые предполагают явно **дуративную** (прогрессивную) аспектуальную интерпретацию, использование конструкции оказывается аномальным — вместо неё должна быть использована конструкция имперфектива. Ср. относительные придаточные в примерах (10)–(10’):

(10)	<i>ɨ wə</i>	<i>sǎ = nú</i>	[<i>nɛ̀ɛ ɔ</i>	<i>wǎ</i>
	я IPFV\уходить	птица=PL	что они\PST	IPFV.HOD
	<i>tlɔ</i>	<i>nì = dià</i>	<i>nòdò</i>	
	летать	смотреть=место	небо	

‘Я только что (по)смотрел, как птицы **летают** в небе’. (досл. «Птицы, которые летали[PST.IPFV] в небе, я на них только что (по)смотрел»)

⁹ В понимании В. А. Плуменя: «широкий» перфектив как кластер, объединяющий значения пунктива / инцептива / комплетива, а также значение лимитатива. Противопоставлен имперфективу, объединяющему значения дуратива и хабитуалиса [4, 396–397, 402–403].

¹⁰ Этих примеры могли бы быть проанализированы и как имеющие дуративную интерпретацию — однако проверка на стимулах с более сильным контекстом, как представляется, позволяет исключить такую возможность — см. обсуждение примеров (10) и (10’) ниже.

- (10) #j wâ sǎ = ní [nèè ð wǎ
 я IPFV\уходить птица=PL что они IPFV\уходить
 tló = díâ] ní = dià nòdò
 летать=место смотреть=место небо

(с дуративной интерпретацией; при этом допустимо с инцептивной интерпретацией: ‘Я только что (по)смотрел на птиц, которые только что **взлетели** в небо’)

Примечание. Отметим здесь также сочетаемость конструкции с временными обстоятельствами типа wà né yé ‘этим утром’ и bóbó né yé ‘только что’, локализирующими в плане прошедшего саму ситуацию-референт (что противоречит возможной трактовке значения конструкции как результативного) — ср. пример (11):

- (11) ^{OK}j wâ = lè à lèlè = díâ wà né yé!
 я IPFV\уходить=L его стирать=место свет этот с
 / ^{OK}wà né yé, j wâ = lè à lèlè = díâ
 ‘Я только что её (по)стирал, этим утром!’

1.3. Семантика: таксис, а не (абсолютное) время

В отличие от конструкций, выражающих значения Временной дистанции (в прошедшем), исследуемая конструкция имеет, судя по всему, не дейктическую, абсолютно-временную (‘прошедшее’), а **таксисную** (‘предшествование’) семантику. Она указывает на предшествование времени ситуации не моменту речи, а заданному **времени отсчёта**.

Это видно из **сочетаемости** конструкции с конструкциями имперфектива прошедшего времени (время отсчёта при этом переносится в прошедшее и мы получаем предшествование в прошедшем — «иммедиатный плюсквамперфект»). Ср. пример (12) с «сегодняшним прошедшим»:

- (12) ^{OK}tèní é wǎ wǎ (= lè) tð dò
 мальчик он\PST IPFV.HOD уходить=L одежда один
 gò = díâ
 покупать=место

‘Мальчик [тогда, к тому моменту сегодня] только-только купил пань’.

1.4. Необязательность и несистематичность использования

По-видимому, исследуемую конструкцию можно считать **необязательной** и «**несистематически** используемой»¹¹ (а её значение, следовательно, — **квазиграммемой**). В пользу такой трактовки свидетельствуют:

а) скорее низкая, согласно предварительным наблюдениям, частотность конструкции;

б) отсутствие у конструкции морфосинтаксической противопоставленности другим грамматическим единицам гбан — сочетаемость с другими видовременными конструкциями, ср. раздел 1.3);

в) отсутствие у конструкции функциональной противопоставленности другим грамматическим единицам гбан — отсутствие семантического контраста (по крайней мере временного) между конструкцией имедиатного предшествования и показателями граммем категории Временной дистанции (так, интерпретация по умолчанию для граммемы «сегодняшнего прошедшего» — это ‘ранее в течение сегодняшнего дня’, а не ‘ранее в течение сегодняшнего дня, но не только что’ — ср. пример (13) ниже; см. также примечание в конце раздела 2.1);

г) возможность использования других средств в контекстах имедиатности — конструкций перфектива прошедшего времени (ср. пример (13)) — в том числе в сочетании с лексическими средствами (наречия *zígó* ‘сейчас’, *bóbó nɛ yɛ* ‘только что’) (ср. пример (14)).

(13) ^{OK} *ĩ* *tò* *gò*
я\PST одежда покупать[PFV.HOD]
‘Я купил пань’. (‘этим утром’; ^{OK} **только что**)

(14) *ĩ* *zì* *à* *yɛ bóbó nɛ yɛ*
я\PST видеть[PFV.HOD] его с сейчас этот с
{А: Вы знаете моего брата? Б:} ‘Я его **только что** встретил’
{несколько минут назад}.

¹¹ В понимании Э. Даля [13, 14]. «Систематичность» предполагает, что (для определённых семантических контекстов) использование некоторого показателя является если не обязательным, то по крайней мере «обычным» — частотным и стилистически нейтральным.

2. Грамматикализация временной близости предшествующей ситуации в других языках: заметки к типологии

На основании сведений, имеющихся в типологической литературе по временной дистанции и в описаниях конкретных идиомов, в языках мира можно выделить, по-видимому, два типа грамматических показателей, выражающих субъективную **временную близость** предшествующей ситуации (семантику 'недавно' ~ 'только что').

Речь идёт о противопоставлении **обязательных** («внутрисистемных») и **факультативных** («внесистемных») показателей с такой семантикой. При этом с (не)обязательностью коррелирует, как представляется, распределение показателей ещё по двум признакам: а) функционированию их как абсолютно-временных или же относительно-временных и б) семантической специфике ('недавно' или 'только что').

Во-первых, все упоминаемые в литературе обязательные показатели, как кажется, функционируют как **абсолютно-временные** (имеют дейктическую семантику), тогда как все обнаруженные факультативные показатели функционируют как **относительно-временные** (имеют таксисную семантику).

При этом подобные относительно-временные **факультативные** показатели (как это уже было продемонстрировано в разделе 1.3 на примере гбан) всегда «погружены» в другую видовременную конструкцию, семантика которой дополнительно локализует время отсчёта. Речь идёт в первую очередь о конструкциях абсолютного времени, локализирующих время отсчёта в плане настоящего, в плане прошедшего или в плане будущего. Таким образом, подобные комбинации функционируют соответственно как претерит, плюсквамперфект и «предбудущее» («второе будущее») — ср. «комбинированная» модель выражения таксиса по В. А. Плуянгу [4, 367–369]¹².

¹² Необходимо оговориться, что вне рассмотрения были оставлены случаи «нефинитной» модели таксиса, относящиеся к т.н. «контактному предшествованию» [6, 30] — ср. *Как только Петя вышел из комнаты, Машиа (тут же) включила телевизор*, ср. также фр. *Il s'était à peine caché qu'une ombre se découpait à l'entrée* [20, 101] и его русский эквивалент:

Во-вторых, как можно судить по имеющимся в литературе упоминаниям, среди обязательных показателей встречаются как показатели с семантикой ‘**только что**’ (ср. англ. “immediate past”), так и показатели с более общей семантикой ‘**недавно, в обозримом прошлом**’¹³ (ср. англ. “recent past”) — тогда как среди факультативных показателей зафиксирована исключительно семантика ‘**только что**’.

Ниже будут рассмотрены конкретные зафиксированные примеры показателей временной близости предшествующей ситуации.

2.1. Языки с обязательными («внутрисистемными») показателями

Согласно типологическим работам, в некоторых языках на субъективной оценке удалённости ситуации основаны противопоставления **граммем** в соответствующих грамматических категориях (ср. [12, 87]; [10, 98–99]; [24, 90]). Соответственно, одна из граммем в таких системах выражает семантику меньшей субъективной временной удалённости и контрастирует с другими граммемами, указывающими на большую удалённость. Ср. примеры (15а)–(15б) и (16а)–(16б) из языков **тулу** и **ленгола**:

ТУЛУ (< дравидийские) — ‘только что’ vs. ‘раньше’ [8, 34–35]:

(15а) *ra:me bat-t-e*

Р. приходить-PST₁-3М:SG
 ‘Рам пришёл [только что]’.

(15б) *ra:me bat-tid-e*

Р. приходить-PST₂-3М:SG
 ‘Рам пришёл [раньше]’.

Едва он спрятался, как в дверном проёме показалась тень. Содержательно такие структуры весьма близки к рассматриваемым в настоящей работе конструкциям имediataного предшествования.

¹³ Значение ‘только что’ указывает, как представляется, на (более) «непосредственную» субъективную близость ситуации, (более) «незначительную» её удалённость, чем в случае ‘недавно, в обозримом прошлом’. Возможно, значение ‘только что’ также связано с большей когнитивной выделенностью (cognitive salience) ситуации.

- ЛЕНГОЛА (< банту, D12) — ‘недавно’ vs. ‘давно’ [1, 134, 139]:
- (16a) *á-túm-ĩ*
он-посылать-PST₁
‘Он послал [недавно]’.
- (16б) *ó-túm-a* (тóно)
он-посылать-PST₂ давно
‘Он послал [давно]’.

Помимо тулу и ленгола, к данному типу можно отнести также показатели ещё в по крайней мере пяти языках:

зулу (< банту, S42) — ‘недавно’ vs. ‘давно’ [1, 134, 140];

ши (< банту, D53) (в формах Перфекта/Перфектива) — ‘только что’ vs. ‘недавно’ vs. ‘давно’ [1, 135, 136, 143–144];

лингала (< банту, C36d) — (?) ‘недавно’ vs. ‘давно’ (vs. «историческое прошедшее») [1, 142]; ср. также [5, 172, 177, 178];

дигару (= дигаро(-мишми); < тибето-бирманские) — (?) ‘недавно’ vs. ‘давно’ [8, 32–34];

гуайми (< чибчанские) — (?) ‘недавно’ vs. ‘давно’ [10, 98–100].

Примечание. Здесь намеренно не учитываются случаи, когда предполагаемое «близкое прошедшее» противопоставлено в системе какой-либо **объективной** градации — например, «сегодняшнему» или «сегодняшне-вчерашнему» прошедшему. Такое «близкое прошедшее» указывает обычно на локализацию ситуации именно в **последние несколько часов** (или минут / секунд) того же дня (но не раньше), а сегодняшнее прошедшее — на её локализацию раньше в тот же день (/ раньше в тот же и предыдущий дни). Таким образом, подобны граммемы «близкого прошедшего» должны считаться скорее случаями **объективной** оценки удалённости ситуации и выходят за область нашего интереса. В литературе подобным образом описываются следующие языки: номаанде (= леманде = манди < мбам < бантоидные, A46), а также другие неназванные бантоидные в [24, 91], бамилеке-дшанг (< грассфилдские < бантоидные) в [12, 97], бемба (< банту, M42) в [1, 144]. Допускающие такую трактовку описания приводятся также в [1, 139, 144, 145, 146–147] для бантуских языков ганда (E15), рими (F32), ньянга (D43) и болиа (C35).

2.2. Языки с факультативными («внесистемными») показателями

В некоторых языках для выражения временной близости предшествующей ситуации используются менее грамматикализованные средства — **факультативные** синтаксические конструкции. Как уже отмечалось выше, такие показатели являются (комбинируемыми) относительно-временными и имеют семантику имедиатности — ‘только что’. Обнаруженные случаи, которые можно отнести к этому типу, представлены ниже.

1) Гбан и некоторые другие южные манде (гуро, муан, яуре).

Во всех четырёх родственных языках обнаруживаются конструкции вида «глагол со значением ‘покидать, **приходить из**’ в конструкции имперфектива (в некоторых случаях — перфектива) + отглагольное имя» [Е. Л. Кушнир, л. с.]; [2, 596–600]; [О. В. Кузнецова, л. с.]; [27]; [2, 600–603]. Ср. в яуре:

- ЯУРЕ
- (17) *á* *tí* *síá* / *sí* *yìbá*
 я_NSBJ отец покидать:IPFV покидать:PFV дерево
cé-ná *nàágú*
 рубить-NMLZ только_что
 ‘Мой отец только что срубил дерево’. [Е. Л. Кушнир, л. с.]

Данные относительно сочетаемости конструкций с другими видовременными показателями, сдвигающими время отсчёта, на данный момент есть только для гбан (см. раздел 1.3).

2) Романские языки. В иберо- и галло-романских языках также обнаруживаются факультативные глагольные конструкции со значением имедиатного предшествования:

а) **французский** (конструкция «*venir* ‘приходить’ + *de* ‘от’ + инфинитив»), **португальский** / **галисийский** («*vir* ‘приходить’ + *de* ‘от’ + инфинитив»);

б) **испанский** / **каталанский**¹⁴ / **португальский** («*acabar* ‘заканчивать’ + *de* ‘от’ + инфинитив») [13, 127]; [12, 94–95]; [3, 102].

¹⁴ Следует отметить, что в испанском и каталанском указанные конструкции являются, по-видимому, довольно частотными [13, 127].

Ср. в испанском:

ИСПАНСКИЙ

(18) *Mi hermano acaba[PRS] de terminar ahora el (...) sexto de básica.*

‘Мой брат только что закончил шестой класс начальной школы’. [26, 241]

(19) *Cuando yo empecé Medicina él se acababa[IPERF] de jubilar.*

‘Когда я начал изучать медицину, он только что [перед этим] ушёл на пенсию’. [26, 358]

Примечание. Можно отметить также фиксацию в более старых — начиная с 16 в. — (региональных) **вариантах французского** языка других глагольных конструкций с имедиатным значением (помимо «venir de + инфинитив», во все периоды имевшей наибольшее распространение) ([21, 1–2]; [20, 100–102]; [31, 293]):

а) «ne ‘не’ + faire ‘делать’ + que ‘что’ (+ de) + инфинитив» [21, 2]; [20, 100]; [31, 293];

б) «sortir ‘выходить’ + de ‘от’ + инфинитив» [21, 2]; [20, 100]; [31, 293];

в) «partir ‘уходить’ + de + инфинитив» [31, 293]; [20, 100];

г) «achever ‘заканчивать’ + de + инфинитив» [21, 2]; [20, 101];

д) «devenir ‘становиться’ + de + инфинитив» [31, 293].

3) Гаитянский креольский язык. Зафиксировано две конструкции с имедиатной семантикой — по-видимому, обе они восходят к конструкциям (ново)французского языка ~18 в. (см. примечание выше), выступавшего в случае гаитянского креольского основным языком-лексификатором [29]; [18, 4–5]:

а) «*fèk* + смысловый глагол» (< новофр. *ne faire que...*)¹⁵ — ср. пример (20):

(20) *Li fèk fin manje.*

он только_сделать заканчивать есть

‘Он только что закончил есть’. [18, 4]

¹⁵ Северно-гаитянские варианты: *fèrèk, fèank* < новофр. *ne faire rien que (de)...* [18, 5].

б) «*sòt(i)* + смысловой глагол» (< новофр. *sortir de...*; лексема *sòt(i)* сохраняет также и полнозначные употребления в значении ‘выходить’) — ср. пример (21):

- (21) *Ou sòti sove 'm.*
ты выходить спасать я
‘Ты только что меня спас’. [29, 182]

Обе конструкции допускают присоединение показателя ретроспективного сдвига *te*, перемещающего время отсчёта в прошлое. Ср. для показателя *fèk*:

- (22) *Li te fèk fèt.*
он RETR только_сделать родиться
‘Он [тогда; к тому моменту в прошлом] только что родился’.
[29, 65]

Примечание. Отметим также, что показатели *fèk* и *sòt(i)* в гаитянском креольском могут сочетаться друг с другом, образуя последовательность *fèk sòt(i)* (ср. [17, 64]). Конструкция с *fèk sòt(i)* выражает, как кажется, ту же семантику имедиатности и точно так же способна присоединять показатель ретроспективного сдвига:

- (23) *Li fèk sòt vini.*
он только_сделать выходить приходить
‘Он только что пришёл’. [18, 5]

- (24) (...) *Li te fèk sòt desann kanntè.*
он RETR только_сделать выходить спускаться лодка
‘[Тогда, перед тем, как всё случилось] он только что высадился с лодки’.

[<http://www.haitixchange.com/index.php/forums/viewthread/671/>]

4) Баскский — конструкция с прилагательным *berri(a)* ‘новый, свежий, недавний’, модифицирующим перфективное причастие от смыслового глагола¹⁶ (и занимающим привилегированную позицию между смысловым и вспомогательным глаголом) [Н. М. Заика, л. с.]; [16, 681–682]. Ср. пример (25):

¹⁶ В качестве некоторой параллели для данной структуры можно привести русские прилагательные типа *новорожденный*, *новообращённый*.

- (25) *Inazio ikusi berri dut.*
 И.:ABS видеть:PFV только_что его:PRS:я
 ‘Я только что видел Игнасио’. [16, 682]

При этом конструкция может погружаться, помимо конструкции настоящего времени, также в другие видовременные конструкции — ср. пример (26) (прошедшее) и пример (27) (будущее):

- (26) *Goenatxok nahikoa egin zuen,*
 Г.:ERG достаточно:ABS:DEF делать:PFV он:PST:ego
gripea osatu berria
 грипп:ABS:DEF выздоравливать:PFV только_что:DEF
bait-zuen.
 поскольку-он:PST:ego

‘Гоеночо сделал достаточно, потому что он [тогда] только что выздоровел от гриппа’. (пример из корпуса EPG: <http://www.ehu.es/euskara-orria/euskara/ereduzkoa/>)

- (27) *Galiziako metal jaialdi batetik etorri*
 Г.:GENL металл фестиваль один:ABL приходиться:PFV
berri izango ditugu Aste Nagusian.
 только_что быть:FUT их:PRS:мы А. Н.:LOC
 ‘К [празднику] Асте Нагусиа они только-только приедут [ради нас] с «металлического» фестиваля в Галисии’.
 [<http://astenagusiaeus.bilbaofestak.com/?p=211>]

5) Ирландский. В некоторых вариантах ирландского существует периферийная конструкция «*bí* ‘быть’ + *tar éis* ‘после’ (или *i ndiaidh* ‘после’) + отглагольное имя», выражающая значение имediataльного предшествования¹⁷ [В. В. Байда, л. с.]; [7]; [25, 229–231, 235–238]. Ср. примеры (28) и (29), демонстрирующие сочетаемость конструкции с показателями соответственно

¹⁷ В других диалектах ирландского и некоторых других островных кельтских языках аналогичные конструкции имеют семантику перфекта / предшествования без семантики имediataльности (при этом они обычно обладают большей частотностью) [7]; [25]. При этом можно предположить, что значение имediataльности было присуще и этим конструкциям на более ранних этапах развития [7].

настоящего и прошедшего времени (со сдвигом времени отсчёта в прошлое):

(28) *Tá Liam tar éis teacht.*

быть:PRS Л. после приходить:NMLZ

‘Лиам только что пришел’. (досл. «Лиам (есть) после прихода»)

[В. В. Байда, л. с.]

(29) *Uair a bhíodar thar éis an dinnéar a*

когда который быть:PST:они после DEF обед NMLZ

chaitheamh.

проводить:NMLZ

‘Когда они только-только [тогда, перед этим] пообедали’ (досл.

«Когда они были после проведения обеда»). [25, 230]

6) Южный цото (< банту, S33) — конструкция «*tsoa* ‘выходить, приходить из’ + немаркированная форма смыслового глагола»¹⁸ [23]; [22]; [11]; упоминается в [13, 121]; [12, 86]. Ср. пример (30):

(30) *Ke tsoa ja metsotso-ng e mehlano e*

я приходить_из[PRS] есть минута:PL-в он пять:PL он

fetile-ng.

прошедший-в

‘Я только что (по)ел, пять минут назад’. [23, 40]

Конструкция сочетается с показателем имперфекта¹⁹, при этом

время отсчёта сдвигается в прошлое:

(31) *Ha letsatsi le likela re ne re tsoa*

когда солнце он заходить мы IPERF мы приходить_из

tiloha Maseru.

покидать М.

‘Когда солнце зашло, мы только-только [незадолго до того] покинули Масеру’. [23, 77]

¹⁸ Как можно судить по данным, приводимым в [23], данная конструкция не противопоставлена синтетическим видовременным показателям южного цото (ни морфосинтаксически, ни семантически) — хотя автор грамматики и рассматривает её в ряду основных временных форм.

¹⁹ Возможно, эту единицу следует трактовать как показатель ретроспективного сдвига.

Интересно, что одновременно в южном сото обнаруживается ещё одна конструкция, также обладающая имediataльной семантикой — это конструкция «*qeta* ‘завершать, заканчивать’ + инфинитив смыслового глагола». Как можно видеть из примеров (32)–(33), эта конструкция также может использоваться не только в сочетании с показателем настоящего времени (время отсчёта — момент речи), но и с показателем имперфекта (время отсчёта в прошлом):

(32) *Ke qeta ho fihla.*
я заканчивать[PRS] INF прибывать
‘Я только что приехал’. [22, 134]

(33) *Ba ne ba qeta ho beha balebeli.*
они IPERF они заканчивать INF ставить стражник:PL
{Затем Гедеон и сто человек, которые были с ним, подошли к краю лагеря в начале средней ночной стражи}. ‘Часовых только что [перед этим] выставили’. (Книга судей 7:19) [28, 380]

Примечание. В литературе также упоминаются сходные явления в языках **букусу** (< банту, E31c) ([3, 102] со ссылкой на [1, 32]) и **йомбе-конго** (< банту, H16c) [24, 100–101]. В bukuсу структура вида «-*am-a* ‘приходить из’ + инфинитив смыслового глагола» (статус которой пока не определён) передаёт значение ‘только что’ — ср. *bà:má xùbòná* ‘Они увидели (только что)’. В йомбе-конго выделяется «имediataльное прошедшее», которое, возможно, является сочетанием глагола *fuma* ‘приходить’ с инфинитивом смыслового глагола.

2.3. Дополнительные наблюдения, касающиеся факультативных конструкций имediataльного предшествования

Относительно свойств показателей второго типа — факультативных конструкций имediataльного предшествования можно сделать ещё ряд обобщений.

1) Имеются данные, свидетельствующие в пользу **невыведения** компонента (по крайней мере результивной) **перфектности** в семантике ещё двух конструкций этого типа (ср. обсуждение конструкции гбан в разделе 1.2.1). В **испанском** и **французском**, также как и в гбан, оказывается возможным употребление конструкций (соответственно «*acabar de*

+ инфинитив» и «venir de + инфинитив») для референции к иммедиадной ситуации с **отменённым результатом**²⁰ — ср. примеры (34)–(37) ниже.

ИСПАНСКИЙ

(34) ^{OK} ¿Por qué está abierta la ventana de nuevo? ¡(Si) **acabo de cerrarla!**

‘Почему окно опять открыто? Я же его только что **закрывал!**’

(35) ^{OK} ¿Dejó Juan algo? ¡**Acaba de salir**, pero ahí vuelve de nuevo!

‘Хуан что-то оставил? Он только что **уходил**, но вот он идёт снова!’

ФРАНЦУЗСКИЙ

(36) ^{OK} Pourquoi la fenêtre est-elle ouverte de nouveau? Je **viens de la fermer!**

‘Почему окно опять открыто? Я [же] его только что **закрывал!**’

(37) Pierre, il **vient de sortir**, mais le voilà de nouveau de retour. (<...>)

‘Пьер только что **уходил**, но вот он снова возвращается!’.

{Наверное, что-то забыл}. [21, 8]

2) Для конструкций **испанского** и **французского** языков имеются данные, свидетельствующие, напротив, в пользу выделения в их семантике («широкого») **перфективного** компонента (ср. обсуждение конструкции гбан в разделе 1.2.2).

²⁰ Ср. при этом неполную приемлемость использования формы Перфекта в британском варианте английского языка применительно к ситуации с отменённым результатом (автор благодарен за этот материал **Францису Тайерзу**):

(i) ^{OK} Did John forget something? He just **left** [NPERF], but now he's back again.

‘Джон забыл что-то? Он только что ушел, но сейчас снова возвращается’.

(ii) [?] Did John forget something? He's just **left** [PERF], but now he's back again.

(Все три опрошенных носителя указали на предпочтительность варианта с (неперфектной) формой «Простого прошедшего» — то есть примера (i)).

Так, они, как и конструкция гбан, не могут употребляться в контекстах, предполагающих явно **дуративную** интерпретацию — ср. в частности примеры (38)–(39):

ИСПАНСКИЙ

(38) *— *Juan, ¿duerme ahora? — No sé, pero acaba de dormir.*

ФРАНЦУЗСКИЙ

(39) *— *Jean, dort-il maintenant? — Je ne sais pas, mais il vient de dormir.*

(предполагаемый смысл: ‘— Жан сейчас спит? — Я не знаю, но только что он **спал** [когда я заходил к нему]’) (в обоих случаях могут быть использованы только формы **имперфекта**)

Ср. также несочетаемость во французском конструкции немедленного предшествования с конструкцией **прогрессива** «*être en train de* + инфинитив»²¹, отмеченную в [21, 12] (со ссылкой на [32, 326–327]). Наши данные также подтверждают это наблюдение — ср. пример (40):

(40) **Jean vient d’être en train de dormir.*

(предполагаемый смысл: ‘— Жан только что спал’)

Вместе с тем конструкции обоих языков могут иметь различные перфективные интерпретации, включая **лимитативную** — ср. в частности примеры (41)–(42):

ИСПАНСКИЙ

(41) ^{OK} *Pedro acaba de estar enfermo una semana.*

‘Педро только что **проболел** неделю’.

ФРАНЦУЗСКИЙ

(42) ^{OK} *Pierre vient d’être malade pendant une semaine.*

‘Пьер только что **проболел** неделю’.

Примечание. Можно отметить также сочетаемость²² обеих конструкций с временными **обстоятельствами**, локализирующими ситуацию-референт в плане прошедшего [20, 99]; [19, 289–290];

²¹ Которая допускает только дуративную интерпретацию и не может иметь лимитативную (в отличие от испанского прогрессива «*estar* + герундий»).

²² Впрочем, несколько ограниченную — согласно [21, 16] и [9, 270].

[26, 362–263]. Ср. французские примеры (43)–(46) ниже, а также испанские примеры (50), (52), (53) далее по тексту.

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (43) *Je viens tout juste de commencer ce nouveau job...*
 ‘Я только что взялся за эту новую халтуру...’ [19, 289]
- (44) *Un violent incendie vient de détruire, ce matin, la grande ferme Couture...*
 ‘Сильный пожар только что — этим утром — уничтожил крупную ферму Кутюр...’ [15, 79]
- (45) *Bonjour, aujourd’hui je viens de recevoir une plainte (...)*
 ‘Здравствуйте, сегодня я [только что] получил жалобу (...)
 [http://groups.skyrock.com]
- (46) *Ce matin je viens de commander cette veste.*
 ‘Сегодня утром я [только что] заказала эту куртку’.
 [http://twitter.com]

3) Может быть показано, что **субъективность** оценки временной удалённости, продемонстрированная для конструкции гбан в разделе 1.1, характерна и для других конструкций имедиатного предшествования — по крайней мере для конструкций языка **яуре**, **испанского** и **французского** языков. Ср. примеры (47)–(50), в которых масштабность ситуаций (окончание войны, публикация книги) позволяет реферировать к ним при помощи исследуемых конструкций даже при **значительной физической** временной удалённости²³:

ЯУРЕ

- (47) ^{OK} *kùlì sŕá* *yǎ-nà*
 война покидать:IPFV заканчиваться-NMLZ
 ‘Война только что закончилась’. (^{OK} год назад)
 [Е. Л. Кушнир, л. с.]

²³ Применительно к французскому языку на эти факты обсуждаются также в [21, 5, 7] и [15, 78]; применительно к испанскому — в [26, 362–363].

ФРАНЦУЗСКИЙ:

(48) *On est en 1947, la guerre vient de finir et les Américains peuvent enfin profiter de la vie (...)*

‘На дворе 1947, война только что закончилась и американцы могут наконец насладиться жизнью (...)’ (пересказ сюжета книги; ситуация-референт, судя по всему, локализована **более чем год назад**)

[<https://sites.google.com/site/lauteursamericains/home/auteurs/judy-blundell>]

ИСПАНСКИЙ:

(49) *Como estamos en el año 47, y la guerra acaba de terminar, (...)*

‘Поскольку на дворе 47-й год, и война только что закончилась,’ {то никого, похоже, нисколько не удивляет его поведение, ведь травмы в порядке вещей}. (пересказ сюжета фильма; ситуация-референт, судя по всему, локализована **более чем год назад**)

[<http://cinexilio.yuku.com/topic/1172>]

(50) *Es el libro que acaba de publicarse el año pasado.*

‘Это книга, которая только что вышла, в прошлом году’.
[26, 363]

Ср. также демонстрацию дифференциации ситуаций по **масштабности** (аналогичной рассмотренной на материале гбан в разделе 1.1) для **французской** конструкции «venir de + инфинитив» в [15, 78] (со ссылкой на [30, 381]) — ср. взятые из этой работы примеры (51)–(53):

(51) **Je viens de manger il y a une semaine.*

*Я только что ел, неделю назад.

(52) *Je viens de manger avec le premier ministre il y a une semaine.*

‘Я только что обедал с премьер-министром, неделю назад’.

(53) *Non, il ne faut pas le donner à manger, celui-là, il vient de manger il y a deux semaines.*

[Из разговора двух служителей зоопарка, кормящих змей, которые едят не более двух раз в год:] ‘Нет, эту кормить не нужно, она только что ела, две недели назад’.

Примечание. Эти наблюдения, по-видимому, можно распространить и на лексические (/ менее грамматикализованные) единицы с семантикой имедиатности — ср. рус. *только что*:

(54) ^{OK}*Война только что закончилась — это произошло неделю назад.*

(55) *#Петя только что купил рубашку — это произошло неделю назад.*

Можно предположить, что подобные эффекты характерны не только для единиц конкретных языков, но и для самой семантики ‘только что’, и что эти эффекты имеют когнитивную природу.

4) Ещё одно наблюдение, которое можно сделать, заключается в возможности **существования** факультативных конструкций имедиатного предшествования с грамматическими категориями временной дистанции. Подобное сосуществование отмечено в гбан. Также о нём можно говорить в случае некоторых диалектов испанского, где формы Перфекта имеют значение «сегодняшнего прошедшего» и противопоставлены формам Аориста как «предсегодняшнего прошедшего» (ср. [12, 85]) и при этом имеется конструкция имедиатного предшествования с глаголом *acabar*.

5) Наконец, интересно также отметить **независимую** грамматикализацию подобных конструкций в генетически и ареально не связанных языках из **семантически сходных источников**:

а) глаголы с семантикой **движения** (обычно приближения) **из** некоторого места²⁴ (гбан / гуро / муан / яуре; (ново)французский / португальский / галисийский / гаитянский креольский; южный сото, (?) букусу, (?) йомбе-конго);

б) глаголы с **терминативной** семантикой (испанский / каталанский / португальский / новофранцузский; южный сото).

Остальные источники пока засвидетельствованы единично: ‘становиться’ (новофранцузский), ‘делать только (исключительно)

²⁴ Возможно, переход к значению имедиатности происходит в этом случае через стадию ‘приходить, сделав Р’, как это было, по-видимому, во французском, ср. [15, 65–66]; [19, 283]. Ср. средн.-фр. *De tournoier vieng pour conquierre* ‘Сразившись, иду / прихожу завоёвывать’.

P' (новофранцузский / гаитянский креольский)²⁵, 'новый' (баскский), 'после' (ирландский).

3. Выводы

В разделе 1 были рассмотрены некоторые свойства конструкции «*wà (=le)* + локативная номинализация» с иммедиатным значением в языке гбан. Был сделан вывод о субъективности её семантики, а также о вероятном наличии в составе её значения компонента перфективности (но, по-видимому, не перфектности). Конструкция имеет таксисную семантику предшествования и синтаксически функционирует как комбинируемый относительно-временной показатель, сочетаясь с показателем прошедшего времени, который сдвигает время отсчёта в прошлое. Конструкцию можно считать необязательной (факультативной) и, как кажется, «несистематически используемой».

В разделе 2 на основании имеющихся сведений о показателях субъективной временной близости предшествующей ситуации, засвидетельствованных в языках мира, были сделаны некоторые предварительные наблюдения по их типологии.

Было проведено разграничение таких показателей по признаку грамматической обязательности — на «внутрисистемные» и «внесистемные». С обязательностью показателя, как представляется, коррелирует его функционирование как абсолютно-временного или (комбинируемого) относительно-временного. Также можно отметить выражение зафиксированными факультативными показателями исключительно семантики 'только что' (иммедиатность), тогда как обязательные показатели могут выражать и семантику 'только что', и более общую семантику 'недавно, в обозримом прошлом'.

В отношении факультативных конструкций иммедиатного предшествования сделаны также некоторые дополнительные наблюдения. По крайней мере для конструкций испанского и французского, как и в случае гбан, на основании ряда фактов можно постулировать наличие в их семантике компонента

²⁵ Ср., впрочем, аналогичные семантические переходы, которые можно предположить в случае рус. *только что*, *только-только* и англ. *just* / фр. *juste* 'только; только что'.

(«широкой») перфективности — и отсутствие компонента (результативной) перфектности. По крайней мере для языков яуре, испанского и французского (а также для неграмматикализованных единиц типа рус. *только что*) оказываются справедливыми сделанные на материале гбан наблюдения о субъективности оценки временной удалённости. Отмечена возможность сосуществования в одном языке факультативных конструкций имедиатного предшествования и грамматических категорий временной дистанции. Засвидетельствована независимая грамматикализация показателей имедиатного предшествования из семантически сходных источников.

Сокращения

ABL — аблатив; ABS — абсолютив; DEF — определённый артикль; ERG — эргатив; FOC — фокализатор; FUT — будущее; GEN — генитив; GENL — генитив места; HEST — вчерашнее прошедшее; HOD — сегодняшнее прошедшее; INF — инфинитив; IPERF — имперфект; IPFV — имперфектив; L — энклитический показатель с пространственной семантикой; LOC — локатив; M — мужской род; NMLZ — номинализация; NPERF — неперфект; NPST — непрошедшее; NSBJ — несубъектный; PERF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее; PST_(n) — прошедшее (n — порядковый номер в системе); REM — отдалённое прошедшее; RETR — показатель ретроспективного сдвига; SG — единственное число.

Литература

1. Аксёнова И. С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М., 1997.
2. Выдрин В. Ф. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // Казанский Н. Н., Плунгян В. А. (отв. ред.). Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8. Ч. 2. (Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий). СПб., 2012.
3. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2002.

4. Плулгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебное пособие. М., 2011.
5. Топорова И. Н. Грамматика языка лингала. М., 1994.
6. Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
7. Bayda V. On the development of the 'after' perfect in Irish and Scottish Gaelic // *Celto-Slavica – 2. Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica (Moscow, 14–17 September 2006). Abstracts / Кельто-Славика – 2. Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 14–17 сентября 2006 г.).* М., 2006.
8. Bhat D. N. S. *The Prominence of Tense, Aspect, and Mood.* Amsterdam, 1999.
9. Bourdin P. *Venir en français contemporain : de deux fonctionnements périphrastiques* // Shyldkrot H. B.-Z., Le Querler N. (eds.). *Les Périphrases Verbales.* Amsterdam; Philadelphia, 2005.
10. Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World.* Chicago; London, 1994.
11. Chitja M. *Patlamantsoe ya Sesotho ya Machaba / Sesotho International Dictionary.* Alberton, South Africa, 2010.
12. Comrie B. *Tense.* Cambridge, 1985.
13. Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems.* Oxford, 1985.
14. Dahl Ö., Hedin E. *Current relevance and event reference* // Dahl Ö. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology, 20: EUROTYPE, Vol. 6).* Berlin; New York, 2000.
15. De Mulder W. *La métaphore espace / temps à l'épreuve : l'évolution de venir de* // Moline E., Veters C. (eds.) *Temps, aspect et modalité en français.* Amsterdam; New York, 2010.
16. de Rijk R. P. G. *Standard Basque: A Progressive Grammar.* Cambridge, MA; London, 2008.
17. Fattier D. *Contribution à l'étude de la genèse d'un créole : L'Atlas Linguistique d'Haïti, cartes et commentaires / Thèse de doctorat. Vol. 1.* Université de Provence. 1998.

18. Fattier D. Grammaticalisations en créole haïtien : morceaux choisis // *Creolica* (revue électronique). 2003.
URL: <http://creolica.net/fattier04.pdf> (Date d'accès : 20.10.2012).
19. Havu J. L'expression du passé récent en français. Observations sur l'emploi de la périphrase venir de + infinitif // Shyldkrot H. B.-Z., Le Querler N. (eds.). *Les Périphrases Verbales*. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
20. Havu J., Havu E. Quelques observations sur l'évolution des périphrases temporelles en français : variation et changement // Guillot C., Heiden S., Prévost S. (éds.) *Études littéraires, historiques et linguistiques en hommage à Christiane Marchello-Nizia*. Paris, 2006.
21. Havu J. L'expression du passé récent en français (document électronique). Ms.
URL : www.uta.fi/ltl/ranska/ohjeet/sivupalkki/exemple.doc (Date d'accès : 13.10.2012).
22. Hoag C. *Puo Ea Sechaba: A Beginner's Tutorial in Sesotho for Peace Corps Volunteers*. 2005.
URL: http://www.friendsoflesotho.org/files/puo_ea_sechaba.pdf (Date of access: 19.10.2012).
23. Morolong M. *Tense and aspect in Sesotho* / Unpublished dissertation. Simon Fraser University. Burnaby, British Columbia: 1978.
24. Nurse D. *Tense and Aspect in Bantu*. Oxford, 2008.
25. Ó Sé D. The 'After' Perfect and Related Constructions in Gaelic Dialects // *ÉRIU*. 2004. Vol. 54.
26. Olbertz H. *Verbal Periphrases in a Functional Grammar of Spanish*. Berlin; New York, 1998.
27. Perekhval'skaya E., Yegbé M. *Dictionnaire Mwan-Français*. Ms.
28. Phetolelo ea Lefatše le Lecha ea Mangolo a Halalelang / *New World Translation of the Holy Scriptures (in Sesotho)*. 2000.
URL: http://download.jw.org/files/media_bible/bi12_SU.pdf (Date of access: 19.10.2012).
29. Targète J., Urciolo R. G. *Haitian Creole – English Dictionary*. Kensington, 1993.
30. Vettters C. Grammaticalité au passé récent // *Linguisticae Investigationes*. 1989. Vol. 13. Iss. 2.
31. Vettters C. Développement et évolution des temps du passé en français : passé simple, passé composé et venir de + infinitif

// Moline E., Veters C. (eds.) Temps, aspect et modalité en français. Amsterdam; New York, 2010.

32. Wilmet M. Grammaire critique du Français. Bruxelles; Paris, 1997.

Д.А. Чернова, Е.В. Михайловская
СПбГУ, Санкт-Петербург

Экспериментальное изучение восприятия идиоматических единиц (на материале русского языка)¹

Статья посвящена вопросу обработки идиоматических единиц разных типов при чтении. Исследование, проведенное при помощи метода регистрации движений глаз, показало, что идиоматические единицы обрабатываются быстрее, чем аналогичные им по структуре аддитивные словосочетания. Различие в скорости обработки двух типов словосочетаний проявляется на этапе контекстуальной интеграции их компонентов. При этом в восприятии идиоматических единиц разных типов имеются некоторые отличия.

Ключевые слова: *идиомы, конструкции, метод регистрации движений глаз, лексический доступ, контекстуальная интеграция, ранние и поздние эффекты обработки при чтении*

The article deals with the issue of how idiomatic expressions of various types are processed in reading. The eye-tracking study has revealed that idiomatic units are processed faster than literal control expressions with the same grammatical structure. The difference in the processing speed of the two kinds of expressions occurs on the stage of contextual integration of their components. However, comprehension of idiomatic expressions of various types reveals some dissimilarity.

Keywords: *idioms, constructions, eye-tracking method, lexical access, contextual integration, early and late effects of processing in reading*

Традиционно идиома определяется как «сочетание языковых единиц, значение которого не совпадает со значением составляющих его элементов» [2]. Данное определение дает

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 100400056а «Исследование лексического компонента языка с помощью методики регистрации движения глаз» и гранта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» № 16.740.11.0113 «Структура ментального лексикона: экспериментальное исследование на материале русского языка».

возможность применять этот термин к довольно большому кругу единиц, которые различаются по степени свободы варьирования их компонентов. Так, Ч. Филлмор выделяет лексически наполненные идиомы (например, *kick the bucket*) и формальные идиомы — устойчивые выражения со свободными для заполнения слотами типа *let alone X* [4]. М. Томаселло разделяет все единицы языка на три группы: «свободные сочетания» (*highly abstract constructions*), «застывшие» (*fixed item-based constructions*) и «смешанные» (*mixed constructions*). Под «застывшими» единицами понимаются лексические идиомы (фразеологизмы), а под смешанными — грамматические шаблоны, или «формальные» идиомы, или конструкции [8]. Как и во фразеологизмах, значение целого в них не складывается из суммы частей: *what's X doing in Y?* предполагает не вопрос о том, что X делает в Y-е, а утверждение о том, что X-а в Y-е быть не должно (*what's the fly doing in my soup?*). При этом возможно и неидиоматическое прочтение данной конструкции с другой интерпретацией (*what's Mary doing in the kitchen?*); такая возможность существует и для многих лексических идиом (*let the cat out of the bag*). Определение конструкции, предложенное Е.В. Рахилиной, также позволяет считать конструкцию идиоматической единицей: это «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [1].

Важно, что идиоматические сочетания в языке могут не подчиняться обычным грамматическим правилам и правилам лексической сочетаемости, по которым строятся свободные сочетания: «some idiom strings are not syntactically-well formed, often violating both selectional and subcategorizational restrictions» [7]. Вопрос об особенностях порождения и восприятия таких единиц — конструируются ли они из отдельных частей или хранятся в ментальном лексиконе как единое целое — остается в современной психолингвистике открытым: «Questions concerning storage and computation remain under active investigation» [5].

Статус идиоматических единиц в ментальном лексиконе может быть установлен при помощи экспериментальных методов, путем сравнения скорости — а значит, и степени сложности — обработки единиц разных типов. Метод регистрации движения глаз позволяет провести подобный эксперимент с высокой внутренней и

экологической валидностью — с одной стороны, максимально контролируя факторы, влияющие на скорость обработки тех или иных единиц; с другой стороны, давая испытуемым естественное задание — читать предъявляемые на экране предложения и отвечать на вопросы по их содержанию. Эксперименты проводились на базе Лаборатории когнитивных исследований СПбГУ с использованием айтрекера Eyegaze Analyses System и программного обеспечения NYAN 1.3.

В данном исследовании анализировалось восприятие как лексически наполненных идиом (фразеологизмов), так и формальных идиом (конструкций).

В эксперименте 1 проводилось сравнение восприятия русских фразеологизмов и аналогичных им аддитивных сочетаний, в которых первый компонент совпадал с первым компонентом идиомы, а второй компонент обладал теми же характеристиками, что и второй компонент идиомы — частотностью (как леммы, так и словоформы) и длиной с точностью до 1 символа (*тянуть резину* vs. *тянуть шланг*). С сочетаниями обоих типов были составлены предложения, при этом левый и частично правый контекст для обоих сочетаний совпадали.

(1) *Хозяйке не хотелось тянуть резину, и она попросила меня срочно освободить квартиру.*

(2) *Хозяйке не хотелось тянуть шланг, и она попросила меня полить весь огород из лейки.*

При этом важно пояснить, что в данном эксперименте были использованы только такие идиомы, возможность буквальной интерпретации которых была минимальна.

В ходе дополнительного эксперимента, проводившегося методом анкетирования, все идиомы были оценены испытуемыми как знакомые. В ходе основного эксперимента, проводившегося при помощи метода регистрации движения глаз, были обнаружены следующие эффекты: статистически значимое увеличение количества регрессий ($p = 0,034$) и времени повторного прочтения второго компонента ($p = 0,042$) аддитивных сочетаний по сравнению со вторым компонентом идиомы. Таким образом, результаты эксперимента показали, что лексические идиомы проще для обработки, чем аддитивные сочетания: они реже

перечитываются, а если перечитываются, то на это уходит меньше времени.

В эксперименте 2 проводилось сравнение восприятия конструкции и аналогичного аддитивного сочетания. По итогам предварительного эксперимента по оценке знакомости в качестве материала была выбрана конструкция со значением двух противопоставленных действий, происходящих с коротким интервалом времени между ними: *сегодня X — завтра Y*, где второй слот заполняется глаголом в прошедшем времени:

(3) *Сегодня купил по дешевке — завтра продал втридорога.*

Таким образом, лексическая семантика наречия *завтра* и грамматическая семантика глагольной формы находятся в противоречии друг с другом (в контексте это противоречие снято, поскольку глагольная форма полностью утрачивает семантику прошедшего времени в составе конструкции). В ходе эксперимента было выявлено, что когда такое «противоречивое» сочетание находится вне конструкции, в тех нарративных контекстах, где не вполне нормативно употреблено наречие *завтра* в значении ‘на следующий день’ с совмещением двух временных планов (пример 4), обработка значимо затрудняется по сравнению с контрольным условием, где такого противоречия нет (пример 5):

(4) *Завтра они уезжали из Тегерана.*

(5) *Завтра они уезжают из Тегерана*

Затруднение при обработке примера (4) проявляется в увеличении количества регрессий ($p = 0,021$) и времени повторного прочтения наречия ($p = 0,011$). Это связано с нарушением семантического ожидания, формируемого предшествующим словом на уровне локального контекстуального прайминга (word-to-word integration [3]): наречие с семантикой будущего времени формирует ожидание глагольной формы будущего времени, и форма прошедшего времени вызывает затруднение обработки. Это затруднение проявляется в необходимости перечитывания фрагмента, что вызывает возвраты как к наречию, так и к глагольной форме, и длительные повторные фиксации взгляда на этих словах (длительное перечитывание). Тем не менее, в контексте идиоматической единицы — конструкции (пример 6) — то же самое сочетание воспринимается по всем показателям так же, как и в контрольном условии (пример 7) — ни увеличения

количества регрессий, ни увеличения времени повторного прочтения не происходит:

(6) *Сегодня он здесь, а завтра уехал.*

(7) *Сегодня он здесь, а завтра уедет.*

Это подтверждает гипотезу о том, что конструкция может рассматриваться как целостная единица, опознание которой начинается еще по первому компоненту (*сегодня X*). При «целостном» восприятии не происходит разложения на отдельные составляющие, а значит, и нарушения семантического ожидания.

По итогам двух экспериментов можно сделать следующие выводы.

Восприятие идиоматических единиц отличается от восприятия аналогичных им аддитивных сочетаний: оно происходит быстрее, без необходимости повторного прочтения компонентов.

Нарушение лексико-грамматической сочетаемости внутри идиоматической единицы не вызывает затруднений в ее обработке, в отличие от окказионального нарушения в аддитивном сочетании, что подтверждает идею о хранении идиоматических единиц в словаре в виде готовых блоков — при восприятии некоторых типов идиоматических единиц поэлементный анализ этих блоков не производится.

Процессы контекстуальной интеграции, идущие в идиоматических единицах быстрее, чем в аддитивных, отражаются в так называемых поздних эффектах движения глаз при чтении (регрессии и время повторного прочтения) и не отражаются в ранних эффектах (время первой фиксации, длительность взгляда). Это обусловлено тем, что процессы контекстуальной интеграции относятся к поздним процессам обработки при чтении (по сравнению с более ранними процессами распознавания слова), поэтому связанные с ними эффекты проявляются не при первых фиксациях, а позже, при переходе к следующему фрагменту фразы [6].

Существует отличие между восприятием фразеологических единиц и грамматических конструкций. Разница в обработке лексической идиомы и аддитивного сочетания проявляется лишь на этапе восприятия определенного (ключевого) компонента идиом, обнаруживающего нетипичную лексико-семантическую сочетаемость ее компонентов и тем самым «запускающего» процесс распознавания идиомы и определяющего ее

метафорическую интерпретацию (*строить глазки* vs. *строить лачуги*). При обработке конструкции же, по всей видимости, первая ее часть создает локальный контекстуальный прайминг для второй (т. е. подготавливает ее восприятие, которое протекает значимо быстрее, чем в аддитивном сочетании, именно за счет отличий в левом контексте).

Таким образом, восприятие идиоматических единиц отличается от восприятия аддитивных словосочетаний большей скоростью процесса контекстуальной интеграции компонентов, при этом в восприятии идиоматических единиц разных типов имеются некоторые отличия.

Литература

1. Рахилина Е.В. (отв. ред.) Лингвистика конструкций. М., 2010.
2. Телия В.Н. Идиома // Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978.
3. Calvo M. G., Meseguer E. Eye movements and processing stages in reading: Relative contribution of visual, lexical and contextual factors // The Spanish Journal of Psychology. 2002. № 5.
4. Fillmore C.J., Kay P, O'Connor M.C. Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of *let alone* // Language. 1988. № 64 (3).
5. Libben M., Titone D. Multideterminal nature of idiom processing // Memory and Cognition. 2008. № 36 (6).
6. Pickering M.J., Frisson S., McElree B., Traxler, M. Eye movements and semantic composition // The on-line study of sentence comprehension: Eyetracking, ERPs, and beyond. Hove, 2004.
7. Swinney D., Cutler A. The Access and Processing of Idiomatic Expressions // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1979. № 18 (5).
8. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage Based Theory of Language Acquisition. London, 2003.

М.В. Шкапа
ИЯз РАН, Москва

**Клефт в ирландском языке:
Взаимодействие синтаксиса и коммуникативной структуры¹**

Анализ клефтов в корпусе устной речи на ирландском языке и проверка полученных выводов в ходе работы с информантами показывает, что значения синтаксических параметров, ранее описывавшиеся как свободно варьирующие, — такие как наличие vs. отсутствие копулы в матричной клаузе клефта, согласование копулы с аргументом — полной ИГ или возможность выражения в копуле категорий времени и наклонения, — тесно связаны с семантикой и коммуникативной структурой клефтовой конструкции. Согласование копулы с аргументом отличает высказывания с узким фокусом от тетических, а при выносе в клефт рематического наречия невыражение в копуле времени и наклонения является признаком контрастного фокуса на наречии.

Ключевые слова: *ирландский язык, клефт, коммуникативная структура, тетическое высказывание, фокус на полярности высказывания*

The analysis of clefts in an Irish language corpus supported by fieldwork data has shown that the syntactic features of clefts that had been previously described as freely varying—such as presence vs. absence of a copula in a matrix clause and the possibility of tense and mode expression in copula—are strongly connected with the semantics and information structure of the sentence. The agreement of copula with its argument sets utterances with a narrow focus apart fromthetic utterances. When a non-topical adverb is clefted, the absence of tense and mood marking on copula is an indicator of a contrastive focus on the adverb.

Keywords: *Irish, cleft, information structure, thetic utterance, verum focus*

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А 42.

1. Введение

Клефт(овая конструкция) — это «сложное предложение, состоящее из матричной клаузы, в вершине которой находится копула, и релятивной или похожей на релятивную клаузы, релятивизованный аргумент которой коиндексирован с предикативным аргументом копулы; вместе матричная и релятивная клаузы выражают простую логическую пропозицию, которая также может быть выражена простым предложением с сохранением условий истинности» [Lambrecht 2001: 467]. Для ирландского языка нужно сделать два уточнения к определению Ламбрехта: 1) копула, по крайней мере фонологически выраженная, не обязательна; 2) в ирландском языке клефт, кроме коммуникативных, выполняет некоторые грамматические функции (например, вид клефта имеет *wh*-вопрос), то есть смысл, передаваемый клефтовой конструкцией, не всегда может быть выражен в простом предложении². Далее речь будет идти только о неграмматикализованном клефте, имеющим семантический коррелят в виде простого предложения.

Распространённая коммуникативная функция клефта, которую часто даже включают в его определение, — обозначение контрастного фокуса на вынесенной составляющей, ср. (1a) и (1b):

- (1a) *Mhol Pól dom an teach seo a cheann-ach.*
 PST/советовать П. для.1SG DEF дом этот TR купить-NMLZ
 ‘Пол посоветовал мне купить этот дом’.
- (1b) (*'S-é Póla mhol dom*
 (COP.PRS-3SG.M) P. DREL PST/советовать для.1SG
an teach seo a cheann-ach.
 DEF дом этот TR купить-NMLZ
 ‘Этот дом мне посоветовал купить Пол’\).

Среди особенностей синтаксиса клефта в ирландском языке можно назвать следующие:

² Другая ожидаемая проблема — сохранение условий истинности в корреляте – простом предложении в связи с «полнотой» (exhaustiveness), которая часто характеризует контрастный фокус, выраженный клефтовой конструкцией. Однако относительно ирландского клефта у нас пока нет достаточно ясных данных о наличии или отсутствии у него данного свойства.

— вместо «тяжёлой» ИГ в матричной клаузе находится, как правило, её часть, а «остаток» помещается на правой периферии, т. е. после безударной темы:

- (2) *Agus league final a bhí ann idir*
и DRELбыть.PST в.3SG.M между
Gaillimh is Ciarraí.
Голуэй и Керри
'Это был финальный матч лиги между Голуэем и Керри'. (RM 5-05-03)

- (3) *Feic-thear dhom gob é Pádraig Pheaits Mhaol*
видеть-PASS.PRS для.1SG что.COP.PST 3SG.M П. Ф. М.
a bhí inti agus Seáinín Caoín.
DREL быть.PST в.3SG.F и Щ. К.
'Мне кажется, что в ней были Патрик Фятс Выл и Щонинь Кынъ'. (RM 2-12-09)

— возможен вынос из вложенной клаузы:

- (4) *Bhoil, 's-én chao ar chuala*
ну COP.SG-3SG.DEF способ DREL.PST слышать.PST
mise a thosaigh sé.
я.CONT DREL PST/начаться 3SG.M
'Ну, я слышал, что оно началось так'.

— в клефте может быть несколько вложенных одна в другую клауз с вершиной-копулой:

- (5) *... 's-í bean an tí is*
COP.PRS-3SG.F женщина DEF.GEN дом:GEN COP:PRS
minic a ghearr-adh na sciolláin.
частый DREL резать-IMF DEF.PL глазок.PL
'Часто вырезала глазки картошки [для посадки] хозяйка'. (RM 4-03-09)

2. Коммуникативные функции

О коммуникативной структуре клефтовой конструкции в английском см., в частности, [Prince 1978], [Lambrecht 1994, 2000], [Delin 1992], [Delin, Oberlander 1995], [Hedberg 1990, 2000].

В ирландском языке клефт может выполнять несколько коммуникативных функций³.

3 Клефтовые конструкции, выполняющие различные коммуникативные функции, противопоставлены интонационно (1-3 — резкое падение на

1) Маркирование контрастного фокуса на составляющей (примеры (1b)–(5)) или на клаузе:

- (6) *...ní codladh ná suan a bhí dá*
 COP:NEG сон или сон DREL быть:PST PROG.3SG.M.POSS
thaibhre-amh dom...
 сниться-NMLZ для.1SG
 ‘Меня не одолевал сон [но я думала о своей матери]’. (Peig)

2) Маркирование контрастного топика — см., напр., [Hedberg forthc.: 20] для англ., — в том числе вынос дискурсивного коннектора — наречия со значением последовательности изложения или действий, анафорического местоимения и др. (см. для англ., в частности, [Lambrecht 2001: 481–483]):

- (7) *Creid-eann go leor iontu, is cuid maith eile*
 верить-PRS достаточно в.3PL и часть добрый другой
nach creid-eann.
 REL:NEG верить-PRS
 ‘Достаточно много людей верят в них, а многие другие не верят’. (RM 6-19-01)

- (8) *Ansin a thosóidís ag caithe-amh*
 тогда DREL начать-3PL.COND PROG бросать-NMLZ
isteach na feamainn-e
 внутрь GEN:DEF водоросли-GEN
 ‘Тогда они начинали бросать внутрь водоросли’. (RM 4-03-05)

3) Эмфатическое именное отрицание со словами ‘дьявол’, ‘демон’ и т. п. (см. [Ó Siadhail 1989: 326–331]):

- (9) *Diabhal scéal a bhei-feá in ann*
 дьявол история DREL быть-2SG.COND способный
inse-acht inniu ar aon nós.
 рассказать-NMLZ сегодня в любом.случае
 ‘Ты бы сегодня все равно никакой истории не смог рассказать’. (RM 1-02-25)

акцентоносителя матричной клаузы, 4-5 — падение или отсутствие акцента, 6-7 — подъем или отсутствие акцента) и синтаксически (см., например, далее в п. 2).

4) Маркирование коммуникативной нерасчлененности высказывания (другая типологически распространенная коммуникативная функция клефта; см. [Mac Cana 1973, Sasse 1987, Lambrecht, Polinsky 1991]).

- (10) *Aighneas a tharla idir an file ó Éirinn*
 спор DREL случиться:PST между DEF поэт из Ирландия
agus an t-iascaire ón gCosaic...
 и DEF рыбак из.DEF Корсика
 ‘Поспорили как-то ирландский поэт и рыбак с Корсики...’
 (DF: 381; начало текста)

Интересно, что отдельные ИГ в предложении, в том числе ИГ-подлежащее, могут быть топикальными, — это не влияет на возможность «тетического» оформления предложения в соответствующем контексте (вопреки определению тетического предложения в [Lambrecht, Polinsky 1991] и [Sasse 1987]):

- (11) *“Toil a thug mé don Athair Aibhstín*
 обещание DREL дать:PST 1SG для.DEF отец А.
aréir” a-deir sé, “go
 вчера.вечером DREL-говорить.PRS 3SG.M что
ngabh-fainn ag abair-t faoistin tráthnóna aige”...
 дать-1SG.COND PROG говорить-NMLZ исповедь днем у.3SG.M
 [«У меня для тебя новость, Мойра», — говорит он. «Что такое?» — говорит Мойра.] «Я пообещал вчера вечером отцу Авиштину, — говорит он, — что приду к нему после обеда исповедаться...»’ (RM 2-04-04)

5) Рематические наречия в клефте

В матричную клаузу может выноситься наречие, которое занимает в других контекстах позицию ремы.

- (12a) *Is minic a chuaigh tú go Gaillimh...*
 COP частый DREL ездить:PST 2SG в Г.
 ‘Ты часто ездил в Голуэй’. (RM 3-03-01)
- (12b) *Chuaigh tú go Gaillimh... go minic.*
 идти:PST 2SG в Голуэй ADV частый
 ‘Ты часто ездил в Голуэй’. (RM)

Такое наречие невозможно топиализовать:

- (12c) **Minic, chuaigh tú go Gallimh.*
 частый ездить.PST 2SG в Г.
 (12d) *Lá amháin, rinne mé féin iascach...*
 однажды делать.PST 1SG REFL рыбалка
 ‘Однажды я рыбачил...’ (RM 5-09-01)

6) Фокус на истинностном значении высказывания (отмечен для шотландского в [Adger 2011]):

- (13) “*Nil tú breoite!*” “*Is me a-tá!*”
 NEG:быть 2SG больной COP:PRS 1SG DREL-быть.prs
 «Ты не болен!» — «Болен!»
 (14) *Mar sin a bhí.*
 как то DREL быть:PST
 [“Хозяин, разреши мне пару раз ударить по колеснице дубиной, и она будет гладкой,» - сказал он.] Так оно и было. (LLC 97)

7) Клефт с предикатами состояния

Часто в клефте оказывается ИГ — экспериенцер при предикатах состояния. Нам пока не удалось выяснить, в чём заключается коммуникативная или семантическая разница между (15a) и (15b) или (16a) и (16b); вероятнее всего, клефтовая конструкция здесь отвечает за «выдвижение на передний план» (foregrounding) информации.

- (15a) *Is agam a bhí an formad le Cáit Jim agus leis na gearrachail-i eile a bhí go gealgháiriteach ag súgradh dhóibh féin.*
 COP.PRS y.1SG DREL быть.PST DEF зависть с К. Дж. и с DEF.PL девочка-PL другой DREL быть ADV весёлый PROG веселиться для.3PL REFL
 ‘Я завидовала Кать Джим и другим девочкам, которые могли беззаботно веселиться в своё удовольствие’. (Peig 49)

- (15b) *Bhí an formad agam le Cáit Jim.*
 быть.PST DEF зависть y.1SG с К. Дж.
 ‘Я завидовала Кать Джим’.

- (16a) *Dar ndóigh, is me a bhí go sásta nuair*
 конечно COP:SG 1SG DREL быть.PST ADV довольный когда
a bhí mo bholg lán...
 DREL быть.PST 1SG.POSS живот полный
 ‘Конечно, я была довольна, когда мой живот был полон...’

(Peig 46)

- (16b) *Bhí mé go sásta.*
 быть.PST 1SG ADV довольный
 ‘Я была довольна’.

3. Примеры взаимодействия синтаксиса и коммуникативной структуры

У клефтовой конструкции в ирландском языке существует несколько параметров синтаксической вариативности: (1) наличие vs. отсутствие копулы в матричной клаузе, ср. (13) и (14), и согласование vs. отсутствие согласования копулы со своим аргументом, ср. (6) и (16); (2) выражение в копуле времени и наклонения (3) vs. использование «дефолтной» формы настоящего времени (16); 3) тип местоимения, разрешенный в матричной клаузе (клитическое vs. ударное); (4) возможность отрицания в релятивной клаузе. Далее мы рассмотрим, как два из этих параметров, – (1) и (2), – связаны с коммуникативной структурой клефта.

3.1. Наличие в матричной клаузе копулы и согласовательного показателя

В матричной клаузе клефта фонологически выраженная копула не обязательна, за исключением отрицания (6) и вложенного клефта (3), но не вопроса:

- (17) *(An) le ceann-acht a bhí sé?*
 COP.Q.PRS для покупать-NMLZ DREL быть.PST 3SG.M
 ‘Он был на продаже?’

Наличие или отсутствие копулы связано с коммуникативной функцией клефта.

При фокусе контраста копула возможна (18 = 1b), при контрастном топике, в тетическом высказывании (19a–c) и в отрицании со словами ‘дьявол’, ‘демон’ и т. п. – запрещена (для некоторых информантов — сомнительна). Для клефта с фокусом

на истинностном значении примеры из корпуса также демонстрируют отсутствие копулы.

- (18) (*'S-é*) *Pól a mhol dom*
 (COP.PRS-3SG.M) P. DREL PST/советовать для.1SG
an teach seo a cheann-ach.
 DEF дом этот TR купить-NMLZ
 ‘Этот дом мне посоветовал купить Пол’\.
- (19a) *An t-earrach a bhí ann.*
 DEF весна DREL быть.PST в.3SG.M
- (19b) **Is (é) an t-earrach a bhí ann.*
 COP.PRS 3SG.M DEF весна DREL быть.PST в.3SG.M
- (19c) **B' (é) an t-earrach a bhí ann.*
 COP.PST 3SG.M DEF весна DREL быть.PST в.3SG.M
 ‘Была весна’.

Копула необходима в клефтовой конструкции любой коммуникативной структуры, если аргумент копулы — безударное местоимение (или предлог с безударным местоимением):

- (20) *Is inti a chonaic mé an bheirt fhear.*
 COP:PRS в.3SG.F DRELвидеть.PST 1SG DEF пара человек
 ‘[Я увидел лодку. Это была самая прекрасная лодка на свете.] В ней я увидел двух людей’. (RM 2-03-04)

В клефте копула может согласоваться со своим аргументом по роду и числу, если этот аргумент - полная именная группа. (Ср. с аналогично устроенным согласованием, напр., в кпелле [Коношенко в печати].)

Согласовательный показатель совпадает по форме с личным местоимением, ср. (21a) и (21b = 3).

- (21a) *'S-é a rinne do bhád-sa.*
 COP.PRS-3SG.M DREL делать:PST 2SG.POSS лодка-CONTR
 ‘[Это] он сделал твою лодку’. (RM 3-14-03)
- (21b) *Feic-thear dhom gob é Pádraig Pheaits Mhaol*
 видеть-PASS.PRS для.1SG что.COP.PST 3SG.M П. Ф. М.
a bhí inti agus Seáinín Caoin.
 DREL быть.PST в.3SG.F и Щ. К.
 ‘Мне кажется, что в ней были Патрик Фятс Выл и Щонинь Кынь’. (RM 2-12-09)

При аргументе — сочинённой группе согласование может осуществляться как с первым конъюнктом, так и со всей группой:

- (22) *B'iad / B'é Peaid Thomáísín agus*
 COP.PST-3PL COP.PST-3SG.M П. Т. и
a bhean agus Micí a tháinig ar dtúis.
 3SG.M.POSS жена и М. DREL прийти:PST сначала
 'Сначала пришли Пядь Томашинь, его жена и Мики'. (Peig 69)

Согласование с первым конъюнктом наблюдается в ирландском и у финитного глагола (см. анализ в [McCloskey, Hale 1984, McCloskey 1986]):

- (23) *Chonac-sa agus Máire é.*
 видеть.PST.1SG-CONTR и М. 3SG.M
 'Я и Мойра видели его'.

Согласование возможно и необходимо при узком фокусе контраста, если в матричной клаузе есть копула:

- (24a) *Is *(é) Pól a mhol dom*
 COP 3SG.M P. DREL PST/советовать для.1SG
an teach seo a cheann-ach.
 DEF дом этот TR купить-NMLZ
 'Этот дом мне посоветовал купить **Пол**'. (I POF)

- (24b) *Pól a mhol dom an teach*
 P. DREL PST/советовать для.1SG DEF дом
seo a cheann-ach.
 этот TR купить-NMLZ
 'Этот дом мне посоветовал купить **Пол**'. (I POF)

Можно было бы предположить, что появление согласовательного показателя связано с референтностью или определённой ИГ в высказываниях с фокусом контраста, но это не так:

- (25) *Bhoil, b'fhéidir nach é 'chuile dhuine*
 ну наверное что.COP:NEG 3SG.M каждый человек
a bheadh in ann é sin
 DREL быть.COND способный 3SG.M тот
a fhíochán ceart.
 TR обработать:NMLZ правильный
 'Ну, наверное, не каждый человек смог бы его [дерево] правильно обработать'. (RM 6-05-24)

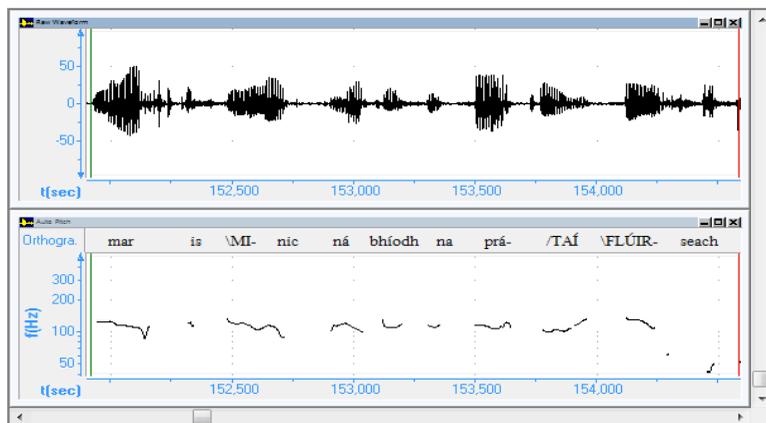
Информанты, которые оценивали копулу в клефте с тетической коммуникативной функцией как сомнительную, а не запрещали её полностью, тем не менее не разрешали согласования копулы с аргументом.

3.2. Выражение в копуле времени

В предложениях с вынесенным в клефт рематическим наречием невыражение в копуле времени и наклонения свидетельствует о фокусе контраста и сопровождается падением тона.

- (25) ...*mar is minic ná bhíodh*
 потому что COP:PRS частый NEG.DREL быть:IMF
na prátaí flúirseach...
 DEF картофель обильный
 ‘...потому что часто урожай картошки был невелик...’ (LLC 26)

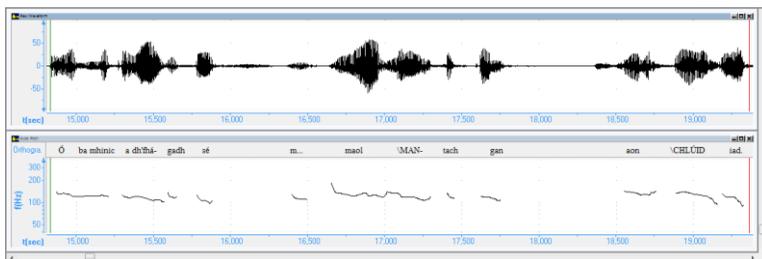
Рис. 1.

Ср. с нейтральным (26):

- (26) *Ó ba mhínic a dh'fág-adhsé maol mantach*
 INTJ COP:PST частый DREL оставить-IMF 3SG.M лысый
gan aon chluíd iad.
 рваный без один крыша 3PL
 ‘Часто он [ветер] оставлял их [дома] без крыш’. (LLC 27)

Рис. 2.

Информанты, которых просили оценить примеры (27a) и (27b), отметили, что последний возможен только при контрастном фокусе на вынесенной в клефт составляющей.

(27a) *[Mhól Pól dom an teach seo a cheannach.]*

(Ba) Sa bhliain 1993 a bhí sé.

COP.PST в.DEF год DREL быть.PST 3SG.M

‘[Пол посоветовал мне купить этот дом.] Это было в 1993 году’.

(27b) *Mhól Pól dom an teach seo a cheann-ach.*

Is sa bhliain 1993 a bhí sé.

COP.PRS в.DEF год DREL быть.PST 3SG.M

‘Пол посоветовал мне купить этот дом. Это было в 1993 году’\.

4. Выводы

Коммуникативная структура клефта в ирландском языке связана с синтаксисом. Так, если в матричную клаузу вынесена составляющая с коммуникативным значением контрастного фокуса, копула обязательно согласуется с аргументом — полной ИГ, тогда как, например, в тетическом высказывании согласование невозможно. При выносе в клефт рематического наречия отсутствие выражения в копуле времени и наклонения оценивается информантами как маркер контрастного фокуса на наречии.

Сокращения

ADV – наречие; COND – условное наклонение; CONTR – контрастная частица; COP – копула; DEF – определенный артикль; DREL – «прямая» релятивная клауза (при релятивизации)

подлежащего и прямого дополнения и в клевте); F – женский род; GEN – родительный падеж; IMPF – имперфект; INTJ – междометие; M – мужской род; NEG – отрицание; NMLZ – глагольное имя; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – посессивное местоимение; PROG – прогрессив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; Q – вопрос; REFL – рефлексивное местоимение; SG – единственное число; TR – показатель переходности.

Литература

1. Коношенко М. Б. Лично-числовое маркирование в языке кпелле: К типологии согласования по лицу и числу // Вопросы языкознания. (в печати).
2. Adger 2011 – Adger D. Pronouns and polarity focus. Handout. 2011.
3. Delin 1992 – Delin J. Properties of *it*-cleft presupposition // Journal of semantics. 1992. Vol. 9.
4. Delin, Oberlander 1995 – Delin J., Oberlander J. Syntactic constraints on discourse structure: the case of *it*-clefts // Linguistics. 1995. Vol. 33.
5. Hedberg 1990 – Hedberg N. Discourse pragmatics and cleft sentences in English. PhD diss. Minneapolis, 1990.
6. Hedberg 2000 – Hedberg N. The referential status of clefts // Language. 2000. Vol. 76.
7. Hedberg forthc. – Hedberg N. Multiple focus and cleft sentences // Haida A., Tonjes V., Hartmann K. (eds.) The structure of clefts. Forthc.
http://www.sfu.ca/~hedberg/Cleft_Hedberg_NH_single_spaced.pdf
8. Lambrecht 1994 – Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the
9. mental representations of discourse referents. Cambridge, 1994.
10. Lambrecht 2001 – Lambrecht K. A framework for the analysis of cleft constructions // Linguistics. 2001. Vol. 39. № 3.
11. Lambrecht, Polinsky 1998 – Lambrecht K., Polinsky M. Typological variation in sentence focus construction // Papers from the Thirty-third regional meeting of the Chicago linguistic society. 1998.
12. Mac Cana 1973 – Mac Cana P. On Celtic word order and the Welsh 'abnormal' sentence // Ériu. 1973. Vol. 24.

13. McCloskey 1986 - McCloskey J. Inflection and Conjunction in Modern Irish // *Natural language & linguistic theory*. 1986. V. 4. № 2.
14. McCloskey, Hale 1984 – McCloskey J., Hale K. On the syntax of person-number inflection in Modern Irish // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1984. V. 1. № 4.
15. Ó Siadhail 1989 – Ó Siadhail M. *Modern Irish: Grammatical structure and dialectal variation*. Cambridge, 1989.
16. Prince 1978 – Prince E. A comparison of wh-clefts and it-clefts in discourse // *Language*. 1978. Vol. 54.
17. Sasse 1987 – Sasse H. J. Thethetic/categorial distinction revisited // *Linguistics*. 1987. Vol. 25.

Источники

1. DF – Ó Góilidhe C. *Díolaim filíochta don Ardeistiméireacht*. BÁC, 1974.
2. LLC – Sayers P. *Labharfad le cách*. An Daingean, 2009.
3. Peig – Sayers P. *Peig. A scéal féin*. An Daingean, 1998.
4. RM – Wigger A. (ed.) *Caint Ros Muc*. BÁC, 2004.

А.Б. Шлуинский
ИЯз РАН, Москва

Сериальные конструкции в текстах логба¹

В статье представлены результаты исследования сериальных глагольных конструкций на материале естественных текстов на языке логба семьи ква. Показано, что в текстах логба представлены все типы сериальных конструкций, известные для языков ква. Наиболее частотны грамматикализованные сериальные конструкции, далее по частотности следуют сериальные конструкции, являющиеся функциональным аналогом конструкций с сентенциальным актантом, далее следуют неграмматикализованные неидиоматические сериальные конструкции, далее – идиоматические сериальные конструкции.

Ключевые слова: *сериальные глагольные конструкции, языки ква, логба*

The paper presents the results of a corpus-based investigation of serial verb constructions in Logba, a Kwa language. It is shown that in Logba texts all the types of the serial verb constructions formerly noticed in Kwa are present. Grammaticalized serial verb constructions are the most frequent, followed by serial verb constructions functionally equivalent to predicate valency constructions, then non-grammaticalized non-idiomatic serial verb constructions, and, at the bottom of the list, idiomatic serial verb constructions.

Keywords: *serial verb constructions, Kwa, Logba*

1. Языки ква и сериальные конструкции

В настоящей работе рассматривается материал одного из языков языковой семьи ква. Эта языковая семья, распространенная в Западной Африке (в основном в Кот-д'Ивуаре, Гане, Того и Бенине), насчитывает, согласно современной классификации [Williamson 1989; Lewis (ed.) 2009], около 80 языков и классифицируется как входящая в ветвь бенуэ-ква макросемьи нигер-конго.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-3991.2012.6 и проектов РГНФ № 10-04-00269а и № 12-34-01255.

Одной из ярких типологических черт языков ква являются так называемые сериальные конструкции. Хотя в настоящее время сериальные конструкции активно обсуждаются в лингвистике в типологическом плане на материале языков различных семей и ареалов (что ведет и к известному расширению содержания этого понятия) – назовем только крупную обобщающую работу [Aikhenvald & Dixon (eds.) 2006], – именно в связи с языками ква языковедение столкнулось с сериальными конструкциями впервые, вначале в классических описаниях языков акан и эве [Christaller 1875: 69-73] и [Westermann 1907: 94-101], затем – в работах на материале тех же языков [Stewart 1963; Ansre 1966], ставящих перед собой задачи его теоретического осмысления этого явления.

Общепринятого определения сериальной конструкции, даже если ограничиваться данными языков ква, не существует (притом что множество определений, когда-либо предлагавшихся, необозримо). Уверенно можно сказать лишь, что речь идет о конструкции из двух или более глаголов, имеющих некую особо тесную синтаксическую или/и семантическую связь; часто утверждается, что сериальная конструкция выражает единую ситуацию, а также образует единую клаузу, но первое утверждение, при всей его интуитивной привлекательности, не поддается формальной проверке, а второе не общепринято и не всегда подтверждается синтаксическими фактами. При этом в литературе называются самые разные формальные признаки, отличающие сериальные конструкции от каких-либо других; такие признаки часто релевантны для материала одного конкретного языка, но могут быть перенесены на другой язык, даже родственной, лишь с оговорками. В связи со сказанным мы откажемся здесь от попытки дать формальное определение сериальной конструкции в целом и даже сериальной конструкции в языках ква и только проиллюстрируем это понятие конкретноречевым примером, заимствованным из ранней работы по данной теме. В примере акан (1) представлена клауза, имеющая единственный субъект, но включающая две глагольные формы, которые связывает простое соположение, но не какие-либо показатели сочинения или подчинения; оба глагола имеют идентичное модально-видо-временное маркирование – употреблены в форме императива, – а императивная семантика едина для всей конструкции; вся конструкция описывает единое

событие – до такой степени, что при переводе (1) на русский, английский или другие европейские языки используется простое предложение с единственным предикатом; очевидно, что можно говорить о грамматикализации глагола *fa* ‘брать’, который употреблен в (1) не в собственном лексическом значении, а для маркирования инструментальной семантической роли одного из актантов другого глагола – глагола *twa* ‘резать’.

(1) *fa* *sekan twa* *nam no* АКАН
 брать.IMP нож резать.IMP мясо DEF
 ‘Порежь мясо ножом’. [Stewart 1963: 146]

Конструкции, подобные (1), в языках ква и ареально близких к ним составили предмет бурных дискуссий в общелингвистической и африканистической литературе – назовем только монографические [Sebba 1987; Lord 1993; Stewart O. 2001] и наиболее влиятельные публикации [Foley, Olson 1985; Baker 1989], имея в виду, что по этой теме уже невозможны полные библиографические списки. В литературе обсуждаются возможные интерпретации синтаксической структуры сериальных конструкций, а также представлено и описание их семантических типов.

Несмотря на то, что, как было сказано, интригующая синтаксическая структура сериальных конструкций обсуждается очень широко – и африканистами, и синтаксистами-теоретиками, находящийся в их распоряжении эмпирический материал парадоксальным образом крайне мал. Подавляющее большинство работ о сериальных конструкциях в языках ква основано на немногочисленных искусственных примерах, которые к тому же кочуют из работы в работу. В качестве едва ли не единственного исключения можно назвать исследование [Lambert-Brétière 2005], в котором на материале корпуса естественных текстов анализируются сериальные конструкции в языке фон группы гбе. В целом же мы почти ничего не знаем о реальном употреблении сериальных конструкций в языках ква. В настоящей работе мы предлагаем небольшое исследование употребления сериальных конструкций в текстах на языке логба.

2. Данные языка логба

Язык логба относится к группе поту-тано ветви нью языковой семьи ква. Логба распространен на юго-востоке Ганы и насчитывает около 7500 носителей. По меркам малого языка семьи ква логба неплохо описан: более столетия назад был опубликован грамматический очерк [Westermann 1903], а недавно стало доступным подробное грамматическое описание [Dorvlo 2008]. В качестве приложения к этой работе опубликован [Dorvlo 2008: 269-355] небольшой корпус естественных текстов на языке логба. Корпус включает полученные от разных носителей тексты разных жанров и в общей сложности насчитывает 659 предложений разной длины.

Прежде всего необходимо сказать, что данные логба действительно содержат сериальные конструкции: всего в корпусе текстов логба мы обнаружили 206 вхождений сериальных конструкций. Таким образом, сериальные конструкции в логба очень широко распространены и в среднем употребляются примерно в каждом третьем предложении.

3. Структура сериальных конструкций в логба

Формальная организация сериальных конструкций в логба (не самая типичная для языков ква) стала предметом специальной публикации [Dorvlo 2007]. Сериальная конструкция в логба имеет единственный субъект (единственной является как подлежащая именная группа в предложении, так и глагольный субъектный согласовательный показатель). Глагольные морфологические категории, выражающие модально-видо-временные значения, как и показатель отрицания, в сферу действия которых входит всё предложение в целом, присоединяются только к первому, с точки зрения линейного порядка слов, глаголу в сериальной конструкции; непервый глагол в сериальной конструкции логба выступает в виде чистой основы – морфологически немаркированной формы. Например, в представленной в (2) сериальной конструкции первый глагол *kle* ‘сиять’ имеет субъектный согласовательный показатель и показатель хабитуалиса, а второй глагол *fiε* ‘превосходить’ употреблен в виде чистой основы.

- (2) *a-bobi-e o-to-kle fiε a-tawalibi-wɔ*
 CL-луна-DEF CL-НАВ-сиять превосходить CL-звезда-PL
 ‘Луна сияет ярче, чем звезды’. [Dorvlo 2008: 196]

Большая часть представленных в логба сериальных конструкций включают только два глагола, но представлены и конструкции с 3-4 глаголами, как в случае (3). Подобных примеров 11 примеров из 206, то есть они составляют 5,3%. Это вполне соответствует ожиданиям: сериальные конструкции в ква из более чем двух глаголов упоминаются в литературе (ср., например, [Osam 1994]), но обычно воспринимаются как маргинальный случай.

- (3) *ebítsi-é ó-hu bi ve le*
 ребенок-DEFCL-бежать приходит проходить залезать
u-tu nango ɔ-kpié tsú
 CL-муравейник большой CL-INDF на
 ‘Ребенок взбежал на большой муравейник’. [Dorvlo 2008: 196]

4. Типы сериальных конструкций в текстах логба

С известной долей условности представленные в текстах логба сериальные конструкции можно разделить на следующие типы – вполне соответствующие типам, которые могут быть выделены на широко известном материале других языков ква (см. подробнее [Шлуинский 2010: 446-448]). При этом анализ текстового материала логба позволяет упорядочить представленные там типы сериальных конструкций не с точки зрения их (сугубо предполагаемого) диахронического развития, а с точки зрения их частотности.

1. Наиболее частый тип составляют грамматикализованные сериальные конструкции, составляющие 48,1% от общего числа.

2. На втором месте по частотности находятся сериальные конструкции, с функциональной точки зрения являющиеся аналогом конструкций с сентенциальным актантом, составляющие 27,7% от общего числа.

3. Далее следуют неграмматикализованные неидиоматические сериальные конструкции (которые в при рассмотрении сериальных

конструкций естественно считать отправной точкой и, предположительно, диахронически исходными), составляющие 20,4% от общего числа.

4. Наконец, наименее частотны идиоматические сериальные конструкции, составляющие 11,2% от общего числа.

Следует оговорить, что в тех случаях, когда сериальная конструкция включает 3-4 глагола, с точки зрения данной классификации мы рассматривали не сериальную конструкцию в целом, а функционально-семантические отношения внутри пары соседних глаголов². В частности, с этим связано то, что приводимые здесь количественные данные в сумме образуют более 100%: если в сериальной конструкции, включающей 3-4 глагола, представлены разные функционально-семантические связи, то она учитывается в статистике каждого из типов.

5. Неграмматикализованные неидиоматические сериальные конструкции

Неграмматикализованные неидиоматические сериальные конструкции характеризуются тем, что (все) входящие в них глаголы полностью сохраняют свое лексическое значение. Этот тип сериальных конструкций неоднороден, и внутри него могут быть выделены три группы.

1. Первую группу образуют сериальные конструкции, описывающие макрособытие, представляющее собой цепочку тесно связанных друг с другом, но занимающих разные периоды времени и в этом смысле автономных последовательных событий. Так, в (4) речь идет о последовательности действий, составляющих единый непрерывный сценарий, но при этом событие 'высыпать' имеет место только после события 'молоть', и каждое из них может быть идентифицировано. Эта группа составляет 13,6% от общего числа сериальных конструкций.

² В этой связи корректнее было бы здесь классифицировать не сами сериальные конструкции, а именно отношения между глаголами в них. Тем не менее, поскольку данное различие важно лишь для количественно незначительной группы конструкций, мы предпочитаем – что более удобно – говорить, например, об идиоматических сериальных конструкциях, а не об идиоматической связи глаголов в сериальной конструкции.

(4) *mε-é-gɔ* *m-mua* *dovu* *e-tsi*
 NEG-3PL-молоть CL-мука высыпать CL-земля
 ‘Муку не мелют и не высыпают ее на землю’. [Dorvlo 2008: 295]

2. Вторую группу образуют сериальные конструкции, описывающие денотативно единственное событие, характеризующее с разных сторон, за счет чего, несмотря на сохранение глаголами лексических значений, событие описываемое одним из них, не может быть отделено от события, описываемого другим. Так, в (5) описывается единое событие, которое можно условно обозначить как ‘течь вверх’, и события ‘течь’ и ‘подниматься’, выражаемые входящими в сериальную конструкцию глаголами, неотчленимы друг от друга. Эта группа составляет 4,4% от общего числа сериальных конструкций.

(5) *o-dzu* *mo-o-kpali* *le* *u-kpo*
 CL-река NEG-CL-течь подниматься CL-гора
 ‘Река не течет в гору’. [Dorvlo 2008: 295]

3. Третью группу образуют целевые сериальные конструкции, в которых событие, выражаемое линейно правым глаголом, является целью события, выражаемого линейно левым глаголом. Так, в (6) осуществление события ‘покупать’ не входит в ассерцию, это событие является целью события ‘идти’, о котором делается утверждение. Эта группа составляет 2,4% от общего числа сериальных конструкций.

(6) *ɔ-kpɔ* *le* *o-fonyi*
 3SG-идти покупать CL-тыква
 ‘Он пошел купить тыкву’. [Dorvlo 2008: 278]

6. Идиоматические сериальные конструкции

Идиоматические сериальные конструкции имеют идиосинкратическое значение, невыводимое из исходных лексических значений глаголов. Идиоматичность сериальной конструкции (как и всякая идиоматичность) является фактом о лексической сочетаемости двух конкретных глаголов. Так, в (7) общее значение описываемого события ‘обсудить’ никак не

соотносится (по крайней мере, синхронно) со значениями входящих в сериальную конструкцию глаголов со значениями ‘держать’ и ‘класть’.

- (7) *xé* *é-ri-é* *ka-a*
 COND 3PL-держать-3SG.O класть-CF
 ‘После того как они обсудили это...’ [Dorvlo 2008: 353]

7. Сериальные конструкции как аналог конструкции с сентенциальным актантом

Некоторые сериальные конструкции являются функциональным аналогом конструкций с сентенциальным актантом в других языках: один из глаголов имеет семантическую предикатную валентность, а другой выражает событие, которое на семантическом уровне ее заполняет. Примечательно, что данный тип сериальных конструкций ограничен модальными и фазовыми глаголами, которые в целом выражают слабо отделимые от своего сентенциального актанта события. В (8) представлен линейно левый модальный глагол ‘мочь’, а линейно правый глагол ‘готовить’, входящий с ним в сериальную конструкцию, заполняет его семантическую предикатную валентность. В (9) мы видим аналогично устроенную сериальную конструкцию с фазовым глаголом ‘начинать’.

- (8) *a-tanyi* *azayi zá*
 2SG-мочь боб готовить
 ‘Вы можете готовить бобы’. [Dorvlo 2008: 345]
- (9) *a-dze* *akpakpla-a* *yáyi*
 3PL-начинать лягушка-DEF искать
 ‘Они стали искать лягушку’. [Dorvlo 2008: 270]

8. Грамматикализованные сериальные конструкции

Грамматикализованными являются сериальные конструкции, в которых один из глаголов расширяет свое значение до грамматического и функционально используется как грамматический маркер определенного морфосинтаксического отношения второго, лексического, глагола. Набор глаголов, подвергающихся грамматикализации в сериальных конструкциях, в логба в целом сходен с тем, что известно о грамматикализованных сериальных конструкциях в других языках

ква (см. [Lord 1993], [Шлуинский 2010: 459-484]), однако количественные данные об их частотности в текстах логба, не кажутся тривиальными.

1. Первую, самую частотную, группу грамматикализованных сериальных конструкций образуют сериальные конструкции с выделением тематического (пациентивного) актанта. Грамматическим показателем в них является линейно располагающийся слева вспомогательный глагол с исходным лексическим значением ‘брат’ь’. Глагол ‘брат’ь’ вводит объектную именную группу, семантически заполняющую тематическую (пациентивную) валентность лексического глагола, линейно располагающегося справа. Так, в (10) глагол ‘брат’ь’ имеет синтаксический объект, выраженный местоимением 3 л. ед. ч., семантически являющийся Пациентом глагола ‘класть’ь’. Эта группа составляет 26,7% от общего числа сериальных конструкций.

(10) *ó-mi* *(l)é* *na* *a-mátsi*
 3SG-брат’ь 3SG.O класть CL-спина
 ‘Он кладет это на спину’. [Dorvlo 2008: 280]

2. Вторую группу составляют лативные сериальные конструкции, использующиеся для выражения направительной семантики. Грамматикализации в них подвергаются линейно располагающиеся справа глаголы направленного движения, вводящие именную группу, заполняющую локативную валентность располагающегося слева смыслового глагола. Так, в (11) глагол ‘подниматься’ вводит собственно описываемое предложением событие, а его направительный участник выражен именной группой ‘верх’, являющейся синтаксическим объектом вспомогательного глагола ‘приходить’ь’. Эта группа составляет 11,2% от общего числа сериальных конструкций.

(11) *nfu-é* *n-dzi* *ba* *a-gu*
 масло-DEF CL-подниматься приходит CL-верх
 ‘Масло поднимается наверх’. [Dorvlo 2008: 333]

3. Третья группа грамматикализованных сериальных конструкций – это адресатно-бенефактивные сериальные конструкции, использующиеся для маркирования именной группы с соответствующей семантической ролью. Грамматическим

показателем в них является линейно располагающийся справа вспомогательный глагол с исходным лексическим значением 'давать', от которого зависит синтаксически объектная именная группа, семантически заполняющая адресатную или бенефактивную валентность лексического глагола, линейно располагающегося слева. Так, в (12) глагол 'строить' получает бенефактивный актант, выраженный местоименной клитикой 1 л. ед. ч., синтаксически являющейся объектом вспомогательного глагола 'давать'. Эта группа составляет 8,7% от общего числа сериальных конструкций.

- (12) *a-do* *u-tsa* *ɔ-mɛ* *tá-m*
 3PL-строить CL-дом CL-этот давать-1SG.O
 'Они построили мне этот дом'. [Dorvlo 2008: 307]

4. Наконец, довольно редкой четвертой группой грамматикализованных сериальных конструкций являются компаративные, использующиеся для выражения значения сравнения. Грамматикализован в них подвергаются линейно правый глагол с исходным значением 'превосходить', вводящий именную группу, имеющую значение основания сравнения. Так, в (13) глагол 'знать' описывает соответствующее своему лексическому значению событию, а следующий за ним глагол 'превосходить' указывает на то, что это событие сравнивается с другими аналогичными, и основание для сравнения составляет именная группа, выраженная объектной местоименной клитикой при вспомогательном глаголе 'превосходить'. Эта группа составляет 1,5% от общего числа сериальных конструкций.

- (13) *ɔ-kpe* *iva* *fié-é*
 3SG-знать вещь превосходить-3PL.O
 'Он умнее всех'. [Dorvlo 2008: 283]

9. Заключение

В настоящей работе были представлены результаты мини-корпусного исследования сериальных конструкций в языке логба. Прежде всего, содержательным результатом является уже тот факт, что удалось установить, что сериальные конструкции не ограничены рядом широко представленных в литературе искусственных контекстов, но представлены и даже

высокочастотны в реальных естественных текстах. В текстах логба представлены все типы сериальных конструкций, обсуждавшиеся ранее в литературе по языкам ква: неграмматикализованные неидиоматические сериальные конструкции, идиоматические сериальные конструкции, сериальные конструкции, функционально аналогичные конструкциям с сентенциальным актантом, грамматикализованные сериальные конструкции. Статистически грамматикализованные сериальные конструкции много более частотны и составляют около половины всех сериальных конструкций в текстах логба, но и другие типы далеко не маргинальны. Частотность «больших» типов сериальных конструкций в целом соответствует общим априорным ожиданиям, но в то же время нетривиальны количественные данные о частных подтипах сериальных конструкций, в частности – о большей или меньшей частотности одного или другого грамматикализованного глагола в сериальных конструкциях.

В силу того, что выбор именно языка логба имеет во многом случайный характер (определяющим фактором был доступный аннотированный небольшой, но все же представительный массив текстов), эти результаты можно предварительно спроецировать и на языки ква в целом. Тем не менее, насущной задачей будущих исследований остается потребность в аналогичной блиц-обработке массивов текстов на других языках ква.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, CL – показатель согласовательного класса, COND – показатель условия, DEF – показатель определенности, HAB – хабитуалис, INDF – показатель неопределенности, IMP – императив, NEG – показатель мн. числа, O – объектный показатель, PL – мн. число, SG – ед. число

Литература

1. Шлуинский, А. Б. Синтаксис глагольной группы и сериальные конструкции в языках эве и акан // Виноградов В.А. (ред.). Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М., 2010.
2. Aikhenvald, A.Y., Dixon, R. M. W. (eds). Serial Verb Constructions: A Cross- Linguistic Typology. Oxford, 2006.

3. Ansre, G. The verbid – A caveat to ‘serial verbs’ // *Journal of the West African languages*, 1966, 3(1).
4. Baker, M. Object sharing and projection in serial verb constructions // *Linguistic Inquiry* 1989, 20(4).
5. Christaller, J. G. A grammar of Asante and Fante language. Basel, 1875.
6. Dorvlo, K. Serial Verb Constructions in Logba // Hendriks, P., et al. (eds.). *Leiden Papers in Linguistics* 2007, 4.2.
7. Dorvlo, K. A grammar of Logba (Ikpana). Utrecht, 2008.
8. Foley, W.A., Olson, M. Clausehood and verb serialization // Nichols, J., Woodbury, A. (eds.). *Grammar inside and outside the clause*. Cambridge, 1985.
9. Lambert-Brétière, R. Les constructions sérielles en Fon. Thèse... Docteur en Sciences de Language. Lyon, 2005.
10. Lewis, M. P. (ed.). *Ethnologue: Languages of the World*, Sixteenth edition. Dallas, 2009. Online version: <http://www.ethnologue.com/>
11. Lord, C. *Historical change in serial verb constructions*. Amsterdam – Philadelphia, 1993.
12. Osam, E. K. From serial verbs to prepositions and the road between // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 1994, 47(1).
13. Sebba, M. *The syntax of serial verbs*. Amsterdam – Philadelphia, 1987.
14. Stewart, J. Some restrictions on objects in Twi // *Journal of West African languages* 1963, 2(2).
15. Stewart, O.T. *The serial verb construction parameter*. New York, 2001.
16. Westermann, D. Die Logba-Sprache in Togo // *Zeitschrift für afrikanische, ozeanische und ostasiatische Sprachen* 1903, 7.
17. Westermann, D. *Grammatik der Ewe-Sprache*. Berlin, 1907.
18. Williamson, K. Niger-Congo overview // Bendor-Samuel, J. (ed.). *The Niger-Congo languages*. Lanham etc., 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Аристархова О.С. (Москва)</i>	
Философский дневник как особый тип текста. К проблеме назначения дневника.....	4
<i>Борзенко Е.О. (Москва)</i>	
Образование сравнительных форм от существительных в русском языке XXI века (центрее, жиннее и др.).....	11
<i>Вилинбахова Е.Л. (Санкт-Петербург)</i>	
Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования?.....	19
<i>Водяницкая А.А. (Москва)</i>	
Роль субъективного фактора при переводе оценочных значений с английского языка на русский.....	29
<i>Девяткина Е.М. (Москва)</i>	
Некоторые фонетические особенности шиланского говора эрзянского языка.....	40
<i>Димитриев Д.В. (Москва)</i>	
Некоторые аспекты финитной парадигмы и словообразования дезидеративов в ведийском и санскритском языках.....	52
<i>Есипова М.В. (Москва)</i>	
Вопросительные предложения в российском жестовом языке: в поисках синтаксической модели.....	60
<i>Зевахина Н.А. (Москва)</i>	
Экспериментальные исследования в области прагматических импликатур (как одно из направлений лингвистической прагматики).....	76
<i>Каменева О.В. (Санкт-Петербург)</i>	
Некоторые замечания о семантической структуре гот. афран для передачи др.-греч. коннектора δέ.....	92

<i>Князева Е.М. (Москва)</i>	
Динамизация глагольных форм в звучащем стихотворном тексте.....	99
<i>Лебедева М.Ю. (Москва)</i>	
Метафора детства и ее активизация в современном политическом дискурсе.....	116
<i>Летучий А.Б. (Москва)</i>	
Вводят ли русские приставки прямое дополнение?.....	124
<i>Литвинцева К.В. (Москва)</i>	
Лексическая выразительность в текстах проповедей.....	140
<i>Мазурова Ю.В. (Москва)</i>	
Иранские и кавказские черты в системе пространственных показателей осетинского языка.....	147
<i>Медведева Е.А. (Владивосток)</i>	
Использование концептуальной метафоры в качестве технологии спичрайтинга в первичном политическом дискурсе (на примере политического дискурса президента США Барака Обамы и кандидата в президенты США Альберта Гора).....	163
<i>Миценко Д.Ф. (Санкт-Петербург / Париж)</i>	
Лабильность в языках манде в контексте типологических и ареальных исследований.....	176
<i>Мороз Г. А. (Москва)</i>	
Ударение в уляпском говоре кабардинского языка.....	190
<i>Нигматулина Ю. О. (Санкт-Петербург)</i>	
Стяжения звуков и сегментация звучащей речи.....	204
<i>Оскольская С.А. (Санкт-Петербург), Стойнова Н.М. (Москва)</i>	
Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке.....	213
<i>Пинхасик И.Е. (Минск)</i>	
Глагольные альтернации и семантические классы в болгарском языке.....	231
<i>Раева О.В. (Санкт-Петербург)</i>	
Стратегия распознавания редуцированных вариантов высокочастотных единиц.....	241
<i>Ренковская Е.А. (Москва)</i>	
Дативные послелогои в диалектах языка кумаони.....	253

<i>Сатюкова Д.Н. (Санкт-Петербург)</i> Особенности употребления падежных форм имен существительных в русской разговорной речи (на материале корпусов текстов «Рассказы о сновидениях» и «Русская разговорная речь»)	264
<i>Семушина Н.И. (Москва)</i> Бимодальный билингвизм: к постановке проблемы	276
<i>Смердова Е.А. (Пермь)</i> Автореференция как личностная рефлексия (на материале рассказа Я. Ивашкевича «Opowiadanie z psem»)	287
<i>Степанова А.А. (Москва)</i> Речевые ошибки в фокусе исследования	295
<i>Стойнова Н.М. (Москва)</i> Перекуем мечи на орала: Вариативность в синтаксическом оформлении аргументов трансформативных глаголов на пере-	299
<i>Федотов М.Л. (Санкт-Петербург)</i> Конструкция имедиатного предшествования в языке гбан: к типологии имедиатности	316
<i>Чернова Д.А., Михайловская Е.В. (Санкт-Петербург)</i> Экспериментальное изучение восприятия идиоматических единиц (на материале русского языка)	344
<i>Шкана М.В. (Москва)</i> Клефт в ирландском языке: Взаимодействие синтаксиса и коммуникативной структуры	350
<i>Шлуинский А.Б. (Москва)</i> Сериальные конструкции в текстах логба	363

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

**Сборник научных статей по материалам
Первой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(20-22 сентября 2012 г.)**

Корректоры: Е.М. Девяткина, Д.В. Маховиков,
А.Б. Шлуинский

Компьютерная верстка: Е.М. Девяткина, Д.В. Маховиков

Дизайн обложки: И.А. Криж

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 16. Тираж 500. Заказ № 176.

Отпечатано в типографии ООО ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС»
150062, г.Ярославль, пр-т Доброхотова, 16-158
Тел. (4852) 58-76-39